

Итоги-2015: беды и победы

Ежегодник Кавказского
геополитического клуба

Пушкино

Центр стратегической конъюнктуры

2016

УДК327
ББК 66.4
И93

И93 Итоги-2015: беды и победы. Ежегодник Кавказского геополитического клуба / Под ред. Я.А. Амелиной / Кавказский геополитический клуб. — Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2016. — 404 с.

ISBN 978–5–9907792–4–2

Вниманию экспертного сообщества предлагается ежегодник Кавказского геополитического клуба «Итоги-2015: беды и победы». Подборка наиболее интересных материалов основных рубрик сайта Клуба (www.kavkazgeoclub.ru) — «Геополитика», «Аналитика», «Политика», «Национальный интерес» и «Общество» — рисует панорамную картину событий в регионе Ближнего Востока и Большого Кавказа.

В канун 2016 года Кавказский геополитический клуб провел ставший уже традиционным экспертный опрос по итогам уходящего года. На вопросы о тенденциях и перспективах развития ситуации в различных регионах мира ответили ведущие эксперты по соответствующим направлениям. Эти материалы также приведены в книге.

Кавказский геополитический клуб — многопрофильная площадка, объединяющая специалистов в сфере геополитики, а также общественно-политической и религиозно-идеологической проблематики. Деятельность Клуба не ограничивается исключительно «кавказскими» рамками. Среди важнейших направлений экспертно-аналитической работы КГК — Ближний Восток, Северный Кавказ и Закавказье, Крым, Поволжье, радикальный исламизм, прикладные вопросы глобализации и т.д.

Материалы ежегодника будут полезны политологам, востоковедам, исламоведом и преподавателям соответствующих дисциплин, журналистам, студентам, а также всем, кто интересуется общественно-политической ситуацией в стране и мире.

ISBN 978–5–9907792–4–2

© Кавказский геополитический клуб, 2016

© Центр стратегической конъюнктуры, 2016

От редактора

Кавказский геополитический клуб (КГК, www.kavkazgeoclub.ru) – многопрофильная площадка, объединяющая ведущих экспертов Северного Кавказа и Закавказья в сфере геополитики, а также общественно-политической и религиозно-идеологической проблематики.

Деятельность Клуба не ограничивается исключительно «кавказскими» рамками. Среди важнейших направлений экспертно-аналитической работы КГК – Ближний Восток, Северный Кавказ и Закавказье, Крым, Поволжье, радикальный исламизм, прикладные вопросы глобализации и т.д. Презентация Клуба прошла 20 ноября 2014 г. во Владикавказе в рамках научно-практической конференции «Геополитика Большого Кавказа в контексте ближневосточного и украинского кризисов».

Вниманию экспертного сообщества предлагается **ежегодник Кавказского геополитического клуба «Итоги-2015: беды и победы»**. Сборник лучших материалов сайта КГК за ушедший год открывается кратким отчетом о проделанной работе, а также перечнем лауреатов Премии Клуба.

Подборка наиболее интересных материалов основных рубрик сайта – «Геополитика», «Аналитика», «Политика», «Национальный интерес» и «Общество» – рисует панорамную картину событий в регионе Ближнего Востока и Большого Кавказа.

В канун 2016 года Кавказский геополитический клуб провел ставший уже традиционным экспертный опрос по итогам уходящего года. На вопросы о тенденциях и перспективах развития ситуации в различных регионах, прежде всего, на Ближнем Востоке и Кавказе, ответили ведущие эксперты по соответствующим направлениям, интервью которых представляют большой практический интерес.

Следует отметить, что точка зрения авторов и экспертов Клуба не является официальной позицией КГК, хотя обычно совпадает с ней.

Материалы ежегодника рекомендуются политологам, востоковедам, исламоведам и преподавателям соответствующих дисциплин, журналистам, студентам, а также всем, кто интересуется российской политикой и общественно-политической ситуацией в стране и мире.

Яна Амелина, секретарь-координатор КГК

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАВКАЗСКОГО

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА В 2015 г. 7

Вера и Традиция против «арсенала сатаны» 7

Осетия: от форпоста к авангарду? 11

«Кризис и маргинализация всего исламского мира»: презентация доклада по «Исламскому государству» 16

«Россия или смерть» – «горькая реальность» Южной Осетии..... 20

«Розовые мечты» и печальная реальность: очерки постсоветской истории Грузии 24

Лауреаты Премии КГК-2015 30

ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ САЙТА КАВКАЗСКОГО

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА 32

О причинах роста радикализма в исламском мире..... 33

Исламский мир переживает период реформации 33

Осетия: традиция и глобализация 38

Крым-Кавказ: не прямые параллели 50

Грузия: «растерянность и неопределенность»..... 53

«Жуткая человеческая драма...»..... 64

Южная Осетия сегодня: штрихи к социальному портрету 70

«Форпостное мышление» или историческая судьба? 75

«Единым с городом Льва – до полного ужаса...» 86

«Адыгский вопрос» сегодня 101

«Нам надо повернуться к Богу» 106

Ответ сектантам и террористам..... 115

«Исламское государство»: не так страшен черт..... 124

«Православие – фундамент русского национального самосознания» 136

Российский выбор ассирийского народа..... 153

Российско-турецкий «брак по расчёту» перед новыми испытаниями.....	159
Российско-азербайджанские отношения в зеркале бакинских СМИ.....	165
«Черкесский мир» – это реальность.....	170
РЮО: сформулировать «югоосетинский проект»	183
Распад Турции: желаемое за действительное?	189
Абхазские вызовы	194
Антироссийские «частные инициативы» Анкары.....	200
Медиастрашки и предпосылки.....	206
Крымские татары: двойная лояльность.....	214
«На смену надеждам пришло равнодушие»	226
«Украинский» и «новороссийский» векторы	234
Украина хочет заняться Кавказом	239
«Исповедь победителя и оптимиста».....	242
ЕС готовится к информационной войне на Кавказе	256
Россия в Сирии: альтернативы нет.....	259
Су-24 – «вершина айсберга»?	267
Турция – главная угроза миру в регионе	270
Азербайджанская диаспора предъявила ультиматум России?	275
Проект «Курдистан» и интересы России в регионе.....	280
Чеченское общество: на пороге многоженства и расслоения.....	288

2016: НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ

Материалы экспертного опроса по итогам 2015 г. 297

ГЕОПОЛИТИКА-2016 299

«Суть одна – война ради войны»

299

«Никакого импортозамещения без элитозамещения не произойдет»

308

«Геополитическая трансформация мира приобретает всё более явные формы»

311

«Проблема «ИГ» не будет решена»

315

БЛИЖНИЙ ВОСТОК-2016	318
«Окончательно сформированы два мировых лагеря» ...	318
«Триумфальное возвращение России на международную арену в качестве великой державы состоялось»	321
«Недальновидная политика Запада привела к расширению влияния России в мире»	330
«Понятие политической ответственности претерпело «клиническую смерть»	332
ЗАКАВКАЗЬЕ-2016.....	336
«Спокойной жизни на Кавказе в наступающем году ожидать не приходится»	336
«Вступаем в режимы с обострениями».....	348
«2015 год прошел под знаком России».....	351
«Мировая политика продолжит оставаться агрессивной»	358
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ, ПРИДНЕСТРОВЬЕ-2016	362
«Внешние угрозы произвели на нас оживляющее действие».....	362
«Общество ждет нового идейно-смыслового импульса»...368	
«Главное – не допустить глобальной войны»	373
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ-2016	376
«Сирия – это уже претензия на глобальный статус России».....	376
Молдавия как мост между ЕС и Россией	380
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ-2016	385
«Присутствие России в Центральной Азии постепенно усиливается»	385
Р.С. БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ-2016	389
«Предстоящий 2016 год будет одним из самых сложных»	389
«Роль религиозного фактора как политического инструмента будет все больше и больше возрастать»..	392

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАВКАЗСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА В 2015 г.

В 2015 г. Кавказский геополитический клуб **существенно увеличил объемы и повысил качество экспертно-аналитической и научно-прикладной деятельности**. Среди основных результатов работы КГК можно перечислить следующие.

11 февраля 2015 г. во Владикавказе состоялся **круглый стол «Осетия отвечает»** («Pussy Riot – Charlie Hebdo – далее везде?... Религия против «светского общества» или вера против бездуховности?»).

Вера и Традиция против «арсенала сатаны»

Россия в целом и Осетия как ее неотъемлемая часть стоят перед серьезнейшими вызовами как в геополитической и политической, так и в религиозно-идеологической сферах. Ответы на них можно найти лишь в сфере духовности и национальных традиций. К такому выводу пришли участники круглого стола «Осетия отвечает» («Pussy Riot – Charlie Hebdo – далее везде?... Религия против «светского общества» или вера против бездуховности?»).

Организаторами обсуждения выступили Кавказский геополитический клуб, Духовное управление мусульман РСО-А, Владикавказская и Аланская епархия РПЦ, комиссия Общественной палаты РСО-А по вопросам культурного и духовного наследия, а также Государственный горский аграрный университет, в конференц-зале которого прошло мероприятие. В дискуссии участвовали представители всех традиционных конфессий республики, общественных организаций, профильных министерств и ведомств (министр по вопросам национальных отношений Сослан Фраев и министр по делам молодежи, физической культуры и спорта Хасан Бароев), молодежи и студенчества различных вузов Владикавказа.

В чем истинный смысл недавней трагедии в Париже (напомним, 7 января радикальные исламисты расстреляли двенадцать сотрудников сатирического журнала Charlie Hebdo, публиковавшего отвратительные «карикатуры» на исламские и христианские темы, что поставило вопрос о пределах свободы слова и необходимости ограничения «свободы» глумления над религиозными чувствами)? Какие геополитические последствия будет иметь случившееся? Мир действительно вступает в открытую стадию «столкновения ци-

вильзаций», или мы наблюдаем чудовищную провокацию западных политтехнологов, призванную жестко противопоставить ислам «современному обществу»? Чему на самом деле противостоят мировые религии – друг другу, как это лукаво пытаются представить, или мировому безбожию, мировой бездуховности, сатанизму нашего времени? Как это может отразиться на этноконфессиональной ситуации в РСО-А? Защищены ли мы от воздействия антирелигиозных тенденций, присущих современному обществу? – вот проблемы, волнующие североосетинскую молодежь.

Открывая обсуждение, муфтий Северной Осетии Хаджимурат Гацалов рассказал, что при подготовке круглого стола организаторы неоднократно слышали, что тема его якобы неактуальна. «Но разве мораль и нравственность – неактуальны, то, что происходит на Украине – неактуально?...», – задался он риторическим вопросом.

По его словам, случившееся во Франции отражает ситуацию во всей Европе, объясняет хлещущие с Запада потоки лжи и инсинуаций в отношении России, ее президента и народа. Европейцы, вышедшие на марш протеста, де-факто подтвердили, что поддерживают карикатуристов, и легитимизировали разделение населения европейских государств по конфессиональному признаку, отметил муфтий Гацалов. «В сумеречном состоянии духовности Франция подходит к критической точке, – констатировал он. – Своей реакцией они продемонстрировали, что это богоборческая нация. Происходит сатанизация Франции и всей Европы, и единственным бастионом против этого является религия». Легализация однополых браков, введение ювенальной юстиции, «дисквалификация морали» также являются «долговременной акцией по реализации идеологии шайтана», подчеркнул Гацалов.

«Пороки общества – это арсенал сатаны», – напомнил муфтий Северной Осетии, приведя в пример фильм «50 оттенков серого», демонстрирующий «жестокость, агрессию и грязь». Он должен был выйти в прокат 12 февраля, однако в результате обращения инициативной группы молодежи к Гацалову, который, в свою очередь, поставил вопрос перед городским главой Махарбеком Хадарцевым, показ фильма в Осетии был отменен. Зал – около двухсот человек, подавляющее большинство которых составляла молодежь – встретил это известие бурными аплодисментами. «Мы еще имеем остатки духовности, – резюмировал Хаджимурат Гацалов. – Задумаемся, как бы отреагировали на все это наши предки, жившие по агдау (неписаный кодекс чести осетин – прим.)?...». «Остановить этот беспредел» можно только на основе обращения к вековым национальным традициям и «порицания порицаемого» каждым гражданином, а не только государственными структурами, считает муфтий.

Глава владикавказского еврейского культурно-просветительского общества «Шалом» Марк Петрушанский назвал деятельность убитых карикатуристов «оскорблением чувств верующих» и поддержал возмущение мусульман «и всех порядочных людей». Следующим этапом, указал он, стали продемонстрированные на днях в Эстонии карикатуры польских «художников» на тему холокоста. «Нам нужно ждать следующей провокации», – констатировал он, призвав молодежь, по словам Ленина, «учиться, учиться и учиться», чтобы не стать разменной монетой в аналогичных акциях.

По словам заместителя руководителя молодежного отдела Владикавказской и Аланской епархии иерея Игоря Кусова, волна разрушения основ цивилизации, немислимая еще пять лет назад, постепенно накатывается и на Россию. Главная задача, стоящая перед либеральными группировками – это подмена ценностей, легализация порока, превращение его в высшую цель, к которой надо стремиться, отметил он. И хотя в Осетии не забыли ценности предков, для некоторых представителей молодого поколения они уже теряют силу. Мнение православного священнослужителя поддержали настоятель католического прихода во Владикавказе Януш Блаут и настоятель армянской церкви Св. Григория Просветителя Тер-Геворк Тертерян, призвавшие различные конфессии к соработничеству, а общество – к умеренности.

По мнению заместителя председателя парламента РСО-А Станислава Кесаева, людей объединяет «понятие общечеловеческих ценностей», принадлежность к виду *homo sapiens*. «Богохульство всегда имеет один корень – неуважение к тому, что для кого-то свято», – считает он. Отвечая на вопросы студентов о грани между свободой слова и черным юмором, Кесаев сказал, что она – «в человеческих качествах».

Однако «общечеловеческий» подход, полагает секретарь-координатор Кавказского геополитического клуба Яна Амелина, не объясняет причину жесткого противостояния двух частей одного православного народа на Украине, отказ от пророссийской ориентации православной Болгарии, обязанной Российской империи самим своим существованием и т.д. Происходящее можно объяснить лишь отказом общества от религиозных основ, составляющих каркас европейской цивилизации. К сожалению, аналогичные процессы, хотя пока и не в таких крайних формах, заметны и в России, где растет – во всяком случае, в медиа-пространстве – число ярких противников религии как таковой, и главный удар здесь приходится на Русскую православную церковь. Что касается традиционных ценностей, то число молодых осетин, которым нравятся высмеивающие их народ выступления комика Тимура Каргинова, показывает, что эта проблема стоит достаточно остро, заключила Амелина.

«Выходки Pussy Riot и карикатуры Charlie Hebdo – последствия грандиозной атаки на цивилизацию», – констатировала начальник управления

Минюста РФ по РСО-А Медея Эльдарова, возложив надежды на гражданское общество.

«Я – не Шарли Эбдо», – начал свое выступление председатель молодежного парламента РСО-А Тимур Сагеев. По его словам, «всеобщая свобода» породили Содом и Гоморру, то же происходит на наших глазах и в современной Европе. Выходом из этого состояния станет жесткий тоталитарный контроль и ограничения, прогнозирует молодой политик. «Пора перестать жить в «реакционном» обществе, которое лишь реагирует на вызовы», – убежден Сагеев. Назвав «Шарли Эбдо» и «50 оттенков серого» звеньями одной цепи, он призвал основывать поведение на личной ответственности, а не на административных запретах. О необходимости «внутренней цензуры» говорил и федеральный инспектор по Северной Осетии Андрей Бессонов.

Своеобразный итог круглого стола подвел воевавший в составе осетинского ополчения на Украине активист общественного движения «Суть времени» Алан Мамиев. В Европе, провоцируя исламский мир на активное противодействие, ведут дело к столкновению цивилизаций, а украинская трагедия стала результатом поражения общества в духовном и цивилизационном противостоянии, считает он. Происходящее в этой стране – прямая агрессия Запада против России, и если россияне не сделают соответствующих выводов, украинский хаос придет к нам, резюмировал Мамиев.

По итогам заседания была принята резолюция, осуждающая любые действия, направленные на оскорбление религиозных чувств, а также террор и насилие в любой форме. «Мы еще раз заявляем, что не отступим от основополагающих жизненных принципов и правил поведения, завещанных нам нашими предками, и будем сохранять взаимоуважение и братские отношения среди народов, проживающих в Осетии», – говорится в документе. Дискуссия об активной жизненной позиции молодежи, как и разговор о перспективах сохранения и приумножения национальных традиций, будут продолжены в ближайшем будущем.

Сайт Кавказского геополитического клуба, 15 марта 2015 г.

В I квартале 2015 г. КГК выпустил **две брошюры**, отражающие деятельность Клуба в конце 2014 г.: материалы научно-практической конференции «**Геополитика Большого Кавказа в контексте ближневосточного и украинского кризисов**» (Владикавказ, 20 ноября 2014 г.) и **сборник «2015: угрозы и надежды»** (материалы экспертного опроса по итогам 2014 г.). Их электронные версии размещены на сайте Клуба в разделе «Издания».

15 марта 2015 г. начал работу сайт Кавказского геополитического клуба (www.kavkazgeoclub.ru). К настоящему времени на нем опубликованы десятки эксклюзивных аналитических материалов, включая анонсы и стенограммы текущих мероприятий Клуба, презентации, доклады, интервью и т.д., вызвавшие большой интерес читателей, а также массированную волну перепечаток.

29 мая 2015 г. во Владикавказе прошел круглый стол **«Осетия в системе региональных и международных отношений: новый взгляд»**. Обсуждение получилось весьма интересным.

Осетия: от форпоста к авангарду?

Понятие форпоста, с которым долгие десятилетия ассоциировалась Осетия, нуждается в переосмыслении и наполнении новым содержанием в соответствии с требованиями времени. Возможно, более подходящим термином, описывающим нынешнюю ситуацию, является слово «авангард», символизирующее движение вперед, тогда как концепция «опорного пункта» или «передового поста» относится, скорее, к стоянию на месте. К такому выводу пришли участники круглого стола «Осетия в системе региональных и международных отношений: новый взгляд».

Организаторами мероприятия выступили Кавказский геополитический клуб, Духовное управление мусульман РСО-А и комиссия Общественной палаты республики по вопросам культурного и духовного наследия. Эксперты и общественность обсудили печальную тенденцию, формирующуюся в республике последние несколько лет.

Многие годы Осетия по праву считалась административным, общественно-политическим и социально-экономическим центром региона, заслуженно гордясь званием форпоста России на Кавказе. Однако в последнее время некоторые представители осетинской молодежи, похоже, начали тяготиться этим статусом. В социальных сетях все громче звучат призывы отказаться от громкого титула, «налаживать повседневную жизнь», утонуть в рутинных, бытовых проблемах. Останется ли Осетия геополитическим центром Кавказа или уступит место кому-то из соседей, активно претендующих на роль первой скрипки в СКФО и на всем Большом Кавказе?

Пересмотр концепции форпоста, всегда имевшей идеологическое измерение, в обозримом будущем способен повлечь значительные негативные последствия для национальных интересов РФ, отметила модератор круглого стола, секретарь-координатор КГК Яна Амелина (с полным текстом ее доклада можно ознакомиться в разделе «Геополитика» данного сборника и на

сайте Клуба). То, что в свое время им стала именно Осетия, имеет, помимо чисто географических, глубинные историко-цивилизационные основания. Как сформулировал директор Института истории и археологии РСО-А, доктор исторических наук Руслан Бзаров, *«Россия – это национальное государство осетинского народа»*.

После развала СССР первенство Осетии, признававшееся всем Северным Кавказом, оказалось во многом утрачено. Роль российского форпоста еще не перешла к какому-либо другому региону или городу, но претендентов на это звание достаточно много. Среди основных можно назвать Грозный, Ставрополь, а в последнее время к этому списку присоединяется и Ингушетия.

Но, признавая значимую роль этих субъектов СКФО в обеспечении стабильности и государственных интересов РФ в регионе, следует отметить, что ни один из них пока не выдвинул конкретной «стратегии первенства». Отнести к таковым претензии Грозного на роль политического и духовного мусульманского центра Кавказа достаточно сложно, так как они не подтверждаются ежедневной политической практикой. Однако это в значительной степени можно отнести и к Осетии, особенно если речь идет о реальном влиянии на ситуацию в регионе и формирование федеральной политики в отношении Северного Кавказа.

Бесланская трагедия, оказавшая на Осетию огромное влияние, привела к «осетинской депрессии», симптомы которой проявились еще несколько лет назад. Постоянный отток молодого и креативного населения (как осетинской, так и русской и других нетитульных национальностей) также негативно сказывается на интеллектуальном состоянии общества. «Создается впечатление, что республика добровольно отказывается от претензий на первенство, которое ей больше «не потянуть», – полагает Яна Амелина. – Геополитическое или хотя бы просто политическое мышление отходит в Осетии на второй план, уступая место сиюминутным заботам потребительского характера».

Формируется и еще более настораживающая тенденция, отметила секретарь-координатор Кавказского геополитического клуба. Неопределенность содержания понятия форпоста и связанных с этим политических и социальных гарантий приводит к тому, что в Осетии, в первую очередь, в молодежной среде, проявляются первые признаки постепенного ментального «отхода» от России. «В общественное сознание вбрасывается вздорная мысль, что форпостный статус якобы «навязан» Осетии, в силу чего «разлагает и лишает идентичности» осетинскую нацию, – заметила Амелина, приведя множество примеров. – В качестве решения предлагается отказаться от сверхзадач, поставив перед собой банальную цель поступательного социально-экономического развития, не претендуя на что-то большее». При

этом идеи отказа от роли форпоста (как и ориентации на Россию в целом), во всяком случае, в начале их возникновения и «тестирования», возникали не в самой Осетии, а привносились извне разными либеральными публицистами и «правозащитниками».

«Правда заключается в том, что *форпост – это историческая судьба*, – заключила Яна Амелина. – Альтернативой исторически принятой на себя миссии может быть только прозябание на геополитических задворках Кавказа, да и то – недолгое». К сожалению, пока Осетия не предъявила ни себе, ни Кавказу, ни России креативных идей и проектов, прежде всего, в идеологической и общественно-политической сферах.

Муфтий Северной Осетии Хаджимурат Гацалов предложил задуматься, «почему сейчас мы теряем это ощущение форпоста». «Раньше осетины, уезжая из республики, например, учиться, не теряли связь с родиной, и тем более не считали ее провинцией, – напомнил он. – Теперь же мы как будто замкнулись в коммунальной квартире, не ставим перед собой больших задач, сузили кругозор до личных интересов». Этому способствует и отсутствие стратегии развития у российского государства в целом. «Крым вернулся в Россию, а дальше?... Новороссия это ясно показывает, – пояснил муфтий Гацалов. – А Осетия как будто наблюдает за всем этим из окна. Нет эмоционального, личного вклада в дела страны, которым всегда отличился наш народ». Поэтому можно понять молодежь, разочаровавшуюся в идее «форпоста». *Необходим национальный алгоритм движения вперед, которым должна стать идея объединения Осетии*, считает Гацалов. В противном случае говорить вскоре будет не о чем: по сравнению с размахом и уровнем мероприятий, проходящих в КБР, КЧР и других республиках, отставание РСО-А наглядно заметно уже сейчас.

«Наша проблема не в том, что мы не знаем ответы, а в том, что они не востребованы ни обществом, ни государством», – уточнил Руслан Бзаров. По его мнению, республика утратила реальное первенство на Кавказе отнюдь не сейчас, а еще во второй половине прошлого века. Осетин долго «опускали» на провинциальный уровень, последовательно уничтожая все национальное, от физического истребления интеллигенции до понижения роли и значимости осетинского языка. «Произошло общее снижение планки», – констатировал ученый, говоря в том числе об интеллектуальном уровне современной молодежи. Но, несмотря на объективные трудности, историк смотрит в будущее оптимистично. Быть форпостом – безальтернативная позиция, убежден он. Это судьба Осетии, но Осетии осетинской, а не денационализированной, подчеркнул Руслан Бзаров. В этой связи сохранение осетинского языка и культуры становится государственной задачей не толь-

ко республики, но и всей России. «Чтобы не быть провинцией, мы должны быть собой», – подчеркнул директор Института истории и археологии.

Депутат республиканского парламента Маргарита Кулова сконцентрировалась на более прагматичной стороне вопроса. «У людей должно быть ощущение развития, – отметила она, перечислив несколько простых и законных способов быстрого пополнения североосетинского бюджета. – **Для форпоста характерен масштаб. Осетия должна представить экономические проекты, значимые на общероссийском уровне**». Пока же этого не только не наблюдается, но Северная Осетия оказалась единственной северокавказской республикой, в которой вообще отсутствуют крупные промышленные предприятия.

«Борьба всегда ведется за смыслы, – вновь вернул беседу в духовную плоскость югоосетинский политолог и философ Коста Дзугаев. – Советский Союз закончился, когда вместо полетов в космос советскому человеку предложили выращивать кукурузу, то есть корыто. **Начинать надо с обращения к Всевышнему**». На сегодняшний день национальная идея Осетии – воссоединение, идеологом которого на Севере является муфтий Гацалов, а на Юге – председатель парламента РЮО Анатолий Бибилов, напомнил он. Комментируя критику Дзугаевым более пассивной позиции Русской православной церкви в этом вопросе, заместитель главы молодежного отдела Владикавказской и Аланской епархии иерей Игорь Кусов пояснил, что главной задачей североосетинских православных на сегодняшний день является укрепление взаимоотношений с югоосетинскими братьями, и для этого делаются все возможные шаги.

«Мы можем очень быстро потерять свое значение форпоста, а другие – его занять, – предостерег, возвращаясь к непосредственной теме круглого стола, глава Молодежного парламента РСО-А Тимур Сагеев. – Осетия может и обязана задавать повестку дня на общероссийском уровне».

Не споря со второй частью этого утверждения, администратор историко-культурного проекта «Магас Дедаков» Батраз Сидамон жестко раскритиковал идеологию «форпостизма». «Форпост» – это концепция, родившаяся в умах кремлевских идеологов и принятая правящими кругами Осетии в качестве идеологического обоснования своей политической власти, – убежден политолог. – Ключевой ее тезис состоит в том, что Осетия имеет важнейшее значение для геополитического противостояния России и Запада». А «форпостное мышление» – это «неспособность элит, в силу своей глубокой провинциальности, не просто решать хоть сколько-нибудь масштабные задачи общественного развития, но даже внятно их сформулировать».

Сегодня единственным и неоспоримым настоящим «форпостом России на Кавказе», причем как с военной, так и с идеологической точки зре-

ния, является Чечня, а вовсе не Осетия, которой нечего предложить Кремлю, считает Батраз Сидамон. «Осетия находится в невиданной доселе социальной депрессии, – констатировал молодой политолог. – Нет буквально ни одной области, которая не переживала бы острейший кризис: от экономики и политики до демографии и экологии. Деградировали даже такие традиционные сферы регионального лидерства, как культура и спорт. Осетинским политическим элитам пора ставить новые задачи, формулировать свои концепции в пику навязанным. Элитам двух Осетий жизненно необходимо уяснить, что судьба Осетии – быть не «форпостом», а «авангардом» в политике, экономике, спорте и культуре». Так считает не только он, но и довольно значительная группа национально мыслящей осетинской молодежи.

«Не важен термин, важно содержание», – добавил ученый секретарь Владикавказского духовного училища Борис Синанов. Он предложил подумать, почему пассионарный взрыв двадцатых годов прошлого века дал поколение осетинской творческой интеллигенции национального и мирового уровня, поколение героев Великой Отечественной, тогда как сейчас, несмотря на существенное повышение образовательного и в целом жизненного уровня, ничего подобного в республике не наблюдается. «С нынешним поколением не говорили в школе на осетинском языке, – ответил профессор Бзаров. – Что ж, придется заговорить».

«Мы все думаем о будущем Осетии, – подвел итог обсуждению муфтий Гацалов. – Надо заставить общество и власть менять ситуацию. *Если мы соглашаемся с термином «авангард», нужно определиться, авангардом чего мы являемся?».* Без обращения к Богу положительные изменения невозможны, заключил он, с чем согласились все присутствующие.

Портал EurAsia Daily, 1 июня 2015 г.

Практическая деятельность Клуба не ограничивается рамками Северного Кавказа. 30 июня 2015 г. в Ереване состоялся **круглый стол «Геополитика Большого Кавказа: армянское измерение»**, организованный КГК совместно с Ереванским геополитическим клубом. Работа в формате свободной экспертной дискуссии проходила в рамках двух сессий: **«Российско-армянские отношения на современном этапе»** и **«Внешиеполитическое положение Армении: угрозы и вызовы»**, на которой подробно обсуждалась проблема т.н. «Исламского государства» (запрещенная в РФ террористическая организация). Стенограммы обоих обсуждений опубликованы на сайте КГК в разделе «Мероприятия».

13 октября 2015 г. во Владикавказе прошел **круглый стол «Кавказ и внешние игроки: тенденции-2016»**, организованный Кавказским геополитическим клубом. Состоялись два тематических обсуждения: «Кавказ и т.н. «Исламское государство»: угрозы и вызовы» и «Ближний Восток и Иран: новая реальность». Главным событием стала **презентация** подготовленного КГК первого в России **обзорного аналитического доклада «Исламское государство»: сущность и противостояние**. Ознакомиться с полным текстом доклада можно на сайте КГК в разделе «Издания».

«Кризис и маргинализация всего исламского мира»: презентация доклада по «Исламскому государству»

Начав военную операцию в Сирии, Россия отстаивает свои национальные интересы, а не поддерживает суннитов, шиитов или алавитов. Прямое вмешательство РФ в сирийский конфликт продиктовано не тактическими соображениями сохранения правящего режима Асада, а стратегическим намерением не допустить глобального реформатирования всего ближневосточного региона, затеянного коллективным Западом. Угрозы, связанные с усилением влияния в РФ так называемого «Исламского государства», в целом преувеличены, однако потенциально представляют большую опасность, поскольку определяются отсутствием альтернативного идеологического проекта. Об этом говорили участники прошедшей во Владикавказе презентации первого в России обзорного аналитического доклада «Исламское государство»: сущность и противостояние», подготовленного Кавказским геополитическим клубом.

Работа (226 страниц, включая приложения и карты) написана авторским коллективом из девяти экспертов, специализирующихся в том числе на исследовании прикладных аспектов исламского радикализма по тем или иным регионам и странам. Доклад вышел под общей редакцией секретаря-координатора КГК Яны Амелиной и главного редактора сайта Научного общества кавказоведов Андрея Арешева. Он содержит три раздела, в которых подробно описана новейшая история «ИГ» в западном и ближневосточном контексте, угрозы, которая несет эта запрещенная в России террористическая организация нашей стране, государствам постсоветского пространства и Европе, а также перспективы дальнейшей экспансии «Исламского государства», методы и технологии вербовки, особенности мотивации боевиков.

Кроме того, эксперты предложили рекомендации по нейтрализации деструктивного идеологического влияния «ИГ» на российское исламское сообщество, одна из которых – запрет на поиск признаков экстремизма в священных текстах традиционных для России религий – де-факто уже реализована президентом РФ. Это, впрочем, лишь небольшой технический момент в формировании мощной системы идеологического противостояния радикальному исламу. Очевидно, что, как бы не складывалась обстановка на сирийских фронтах, место «ИГ» после его разгрома может занять очередная экстремистская группировка под исламистскими лозунгами.

Как отметил на презентации доклада Андрей Арешев, сохранение действующего сирийского руководства в качестве фактора стабилизации ситуации в Сирии является единственной гарантией от превращения страны в «несостоявшееся государство» и дальнейшего расползания террористической угрозы. Однако после 30 сентября Россию постоянно обвиняют в том, что она, мол, «ввязалась в чужие разборки», «выступила на стороне шиитов в шиитско-суннитском противостоянии», «поддержала кровавый режим Асада», что в краткосрочной перспективе якобы приведет к потере лояльности суннитского большинства российских мусульман и росту террористической активности на территории РФ.

Отметим, что с подобными «прогнозами» выступает крайне незначительная, но очень активная часть российского исламского сообщества (еще находящаяся в правовом поле, но все быстрее приближающаяся к выходу за его пределы), а также солидарная с ней группа московских либералов (мотивы этой солидарности не вполне понятны и могут быть объяснены разве что стокгольмским синдромом).

Все эти алармистские «прогнозы» и обвинения в адрес России представляют собой по большей части спекуляции с очевидной политической целью, чем реальный анализ ситуации. Арешев сделал особый акцент на пиар- и пропагандистскую составляющие деятельности «ИГ», ведущейся на высоком профессиональном уровне с применением всего спектра соответствующих западных технологий. Но положение дел существенно отличается от того, чем пугают недобросовестные пропагандисты. За последние годы, в особенности после массовой зачистки в преддверие казанской Универсиады-2013 (Поволжье) и сочинской зимней Олимпиады-2014 (Северный Кавказ), ситуация в этих регионах существенно улучшилась. Часть исламистских радикалов была ликвидирована, а другая покинула Россию, совершив хиджру (переселение) в Турцию, Египет и так далее, а то и в «ИГ». От угрозы терактов не застрахован ни один российский регион, однако связывать их с российской операцией в Сирии нет веских оснований.

«Эта война – не религиозная, она не против шиитов или суннитов, – подтвердил отсутствие в сирийских событиях религиозной подоплеки глава Духовного управления мусульман Северной Осетии муфтий Хаджимурат Гацалов. – Это – война интересов, война за пути доставки нефти и газа, война за глобальное переформатирование всего региона». По его мнению, «мусульмане никак не могут понять, что являются пушечным мясом в этой войне». Это говорит о кризисе и маргинализации всего исламского мира. Причина привлекательности экстремистских идей для части мусульманской молодежи объясняется в том числе и социальным фактором, считает муфтий РСО-А, но «основная масса мусульман живет не столько в нищете, сколько в невежестве». И хотя опасность, исходящая от «ИГ», несколько преувеличена («0,1-0,15% радикалов будоражат весь исламский мир»), эта идеологическая зараза способна разьесть «все арабские страны, Европу и Америку».

Радикализму в исламе необходима убедительная альтернатива в лице традиционного ислама. Еще два года назад, в мае 2013 года, ДУМ РСО-А первым в России приняло фетву (богословское заключение), запрещающее мусульманам участие в сирийских событиях. В августе текущего года на моздокской конференции «ИГИЛ на весах шариата» была принята новая фетва, уже применительно к «ИГ», расширяющая и дополняющая предыдущую с учетом новых обстоятельств. В первых рядах борьбы с идеологией «ИГ» с самого начала стояло и ДУМ Чеченской Республики, а также ее глава Рамзан Кадыров, жесткие высказывания которого на сей счет общеизвестны.

Другие российские Духовные управления, в том числе в регионах, давших значительное количество боевиков «ИГ» и прочих радикально-исламистских группировок, не спешили присоединяться к коллегам. Так, Центральное духовное управление мусульман под руководством муфтия Талгата Таджутдина осудило «ИГ» практически в день начала российских бомбардировок (ДУМ РФ – весной этого года), а Совет алимов Дагестана сделал это даже еще позже. Дело, конечно, не в борьбе за первенство, но эти факты вызывают вопросы. Например, о том, что же, помимо естественного опасения за свою жизнь, так долго сдерживало некоторых функционеров российского ислама от того, чтобы высказать позицию по отношению к «ИГ».

Вероятно, они следовали в русле большинства крупных духовных центров исламского мира, ни один из которых не вынес «ИГ» таифир (обвинение в неверии). По мнению преподавателя Высшей школы экономики Ирины Царегородцевой, это, по-видимому, объясняется как религиозно-догматическими (невозможностью вынесения таифира в отношении группы мусульман), так и внешнеполитическими («ИГ» не является основным противником этих центров и/или государств, с которыми они связаны) причи-

нами. Между тем «исключение» «ИГ» из мирового исламского сообщества создало бы принципиально новую ситуацию в отношении перспектив полного идеологического и организационного разгрома этой радикальной группировки.

«Мусульмане не понимают, что исланизм является инструментом западных структур, нацеленных на архаизацию мусульманского мира ради реализации собственных долгосрочных геополитических интересов», – полагает старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Фасих Бадерхан. При этом идея халифата – даже в нынешней версии «ИГ» – весьма привлекательна для значительной части исламского сообщества, поскольку восходит к идее абсолютной справедливости. Следовательно, альтернативой может стать лишь политико-экономический проект, основанный на том же принципе, но в реальном, а не искаженном воплощении, считает ученый.

«В сирийском конфликте Россия не поддерживает шиитов или суннитов – она стоит на правильной стороне истории, выступая в защиту национальных государств и собственных национальных интересов», – разъяснил Фасих Бадерхан. – Да, в этом шииты оказались для нее естественными союзниками. Российские мусульмане всегда были частью российского геополитического проекта и должны оставаться в его рамках». Однако и мусульманам, и немусульманам равно необходим общероссийский национальный мобилизационный проект, формирование которого пока далеко от завершения, заключил Бадерхан. «Сейчас Россия стоит во главе исламского мира против зла, – констатировал муфтий Гацалов. – Если Россия сможет разрушить планы Америки, ситуация решительно изменится. В противном случае следует ожидать взрыва в Каспийском бассейне, в Средней Азии, да и в других ключевых регионах».

Агентство политических новостей, 26 октября 2015 г.

Доклад, являющийся наиболее полным и всеобъемлющим изложением истории возникновения и нынешней ситуации вокруг «ИГ», вызвал большой интерес. В октябре-ноябре 2015 г. прошли его презентации в рамках расширенного заседания экспертного клуба «Грозный» (27 октября, Грозный), пресс-конференции в пресс-центре МИА «Россия сегодня» (6 ноября, Москва), международного круглого стола «Армения и сопредельные страны: внешние вызовы и внутренние трансформации» (9 ноября, Ереван), конференции «Информационно-психологическое противодействие терроризму на Северном Кавказе в условиях существования «Исламского государства» (12-13 ноября, Махачкала), меж-

дународного круглого стола «Осетия: общество и политика в контексте глобальных вызовов» (27 ноября, РЮО, Цхинвал). Помимо экспертного сообщества РФ и других государств постсоветского пространства, доклад привлек внимание ведущих западных экспертов по исламистской проблематике.

9 ноября 2015 г. в Ереване состоялся **международный круглый стол «Армения и сопредельные страны: внешние вызовы и внутренние трансформации»**, организованный Кавказским геополитическим клубом и Научным обществом кавказоведов. Целью мероприятия стало научно-прикладное осмысление угроз и вызовов, встающих перед Арменией и Россией в условиях военного и геополитического противостояния в регионе, в том числе в контексте борьбы с «ИГ». Особое внимание было уделено внутриполитической ситуации в Армении, в первую очередь, долгосрочным последствием конституционной реформы (в преддверие референдума по конституционным изменениям, состоявшегося 6 декабря 2015 г.). Стенограмма обсуждения опубликована на сайте КГК в разделе «Мероприятия».

27 ноября 2015 г. в Цхинвале (Республика Южная Осетия) прошел **международный круглый стол «Осетия: общество и политика в контексте глобальных вызовов»**. Его целью явилось научно-практическое осмысление места и роли республики в региональном и глобальном контексте с учетом военно-политических трансформаций последнего времени.

«Россия или смерть» – «горькая реальность» Южной Осетии

Значительная часть экспертного и политического сообщества Южной Осетии не вполне осознает стоящие перед республикой угрозы и вызовы, продиктованные меняющейся на глазах военно-политической ситуацией на Ближнем Востоке и, соответственно, в Закавказье. Между тем, успехи российской операции в Сирии неизбежно ведут к переформатированию всего макрорегиона, что ставит вопрос о дальнейшей судьбе многих входящих в него государств, включая, безусловно, и РЮО. Таков один из выводов прошедшего на днях в Цхинвале круглого стола «Осетия: общество и политика в контексте глобальных вызовов», проведенного Кавказским геополитическим клубом и медиа-центром «Ир».

«Южная Осетия – точка очень большой уязвимости и в социально-экономическом, и в общественно-политическом плане, – предупредил автор книги «Современная Южная Осетия: уроки и вызовы» Александр Сергеев. – Это – одна из ключевых точек общероссийской цивилизации, тем не менее, полностью не интегрированная в российский государственный организм. Именно здесь в 2008 году Россия бросила глобальный вызов коллективному Западу, а такое не забывается и не прощается. Наши враги будут бить по этой точке». При этом, поскольку РЮО не является частью России, защищать ее Москве будет сложнее, чем если бы удары наносились по российской территории. Часть югоосетинского политикума все еще не осознала этой опасности из-за недостаточно стратегического мышления, считает ученый.

Подобная оценка, несмотря на жесткость, в целом отражает состояние значительной части югоосетинских умов. «Мы двадцать пять лет выстояли, и сейчас выстоим», – оптимистично заверяли некоторые участники круглого стола, как будто не замечая, что геополитические реалии за это время коренным образом изменились. Давление на Россию (а значит, и на Южную Осетию как ее форпост в Закавказье) будет нарастать со стороны как Запада, так и радикально-исламистских движений – ситуативное союзничество двух этих, казалось бы, совершенно разнонаправленных сил уже ни для кого не секрет. Актуальность последней угрозы для РЮО, кстати, обусловила большой интерес к презентованному там же в Цхинвале аналитическому докладу ГГК «Исламское государство»: сущность и противостояние».

Не стоит списывать со счетов и грузинское лобби, после некоторого затишья поднимающее голову на федеральном уровне. Российские СМИ, в первую очередь, конечно, либеральные и глянцевого, то есть рассчитанные на массовую аудиторию, вновь пестрят исключительно позитивными материалами об отдыхе в Грузии, широте грузинской души, особом вкусе грузинских блюд и добром отношении рядовых грузин к простым россиянам. Но что говорить о России, когда статьи о необходимости прихода в Южную Осетию «грузинских бизнесов» (как, впрочем, и чеченских, ингушских, дагестанских) публикуются уже и в цхинвальском журнале Sxinval magazine (кстати, единственном на всю республику), что отражает глобальные сдвиги в местной политической ментальности.

«Это же частный журнал, не отражающий общего мнения», – возразили автору этих строк на круглом столе. Но достаточно того, что он спонсируется крупным российским бизнесменом югоосетинского происхождения, по всей видимости, не вполне представляющим, что публикуется на страницах поддерживаемого им издания. Объяснить появление в нем текстов с лозунгами «за свободную Аланию» иначе невозможно. А они логич-

но приводят и к таким суждениям: «Россия небескорыстна в нашем отношении, и все это прекрасно понимают. Мы нужны России не меньше, чем она нам, и мера нашей благодарности за 8.08.08 не должна быть самоуничтожающей», как пишут сторонники «независимости» в социальных сетях.

«Связка «Россия-Южная Осетия» – это навсегда, но на ее расширение активно работают, причем не в республике», – заметила директор медиа-центра «Ир» Ирина Гаглоева. По ее мнению, часть проблем, в том числе в российско-югоосетинских отношениях, которые могли бы быть безболезненно разрешены, усугубляются из-за того, что общество их не обсуждает. Что касается международной ситуации, то Кавказ потенциально находится в эпицентре событий, которые могут развиваться очень быстро и непредсказуемо.

Сознание этого факта заставило экспертов и политиков вновь обратиться к вопросу о дальнейших путях развития югоосетинской государственности, которое может происходить либо в форме независимого существования (на данный момент полностью финансируемого Россией), либо в формате воссоединения разделенного осетинского народа в составе российского государства. И то, что президент РЮО Леонид Тибилов недавно вновь заговорил о необходимости проведения референдума по вопросу о вхождении в РФ, свидетельствует, что официальный Цхинвал трезво оценивает стоящие перед республикой глобальные риски. Несколько настораживает, что пока не названы конкретные сроки его проведения.

Характерно, что сейчас, прогнозируя практически неизбежное обострение ситуации в зоне карабахского конфликта (Азербайджан и Турция вряд ли упустят такую возможность, понимая, что России будет сложно воевать сразу на несколько фронтов), ереванские и степанакертские эксперты прямо ставят вопрос не только о признании Нагорного Карабаха, но и о вхождении его в состав Армении уже не де-факто, а де-юре. Ситуация на Ближнем Востоке фактически не оставляет шанса даже столь крепким и состоявшимся государствам, как НКР – что говорить о РЮО, находящейся в гораздо более сложной ситуации.

«Главная проблема Южной Осетии – необходимость модернизации по всем направлениям, – указал эксперт медиа-центра Юрий Вазагов. – У нас нет времени на то, чтобы еле двигаться, мы должны совершить качественный скачок, чтобы стать примером опережающего развития, а не только упорного сопротивления». Пока, однако, в республике нет и намека на подобный перелом. Намерения «укрепить» РЮО и лишь потом думать о воссоединении представляются несостоятельными. Решать столь глобальные задачи логичнее все-таки в составе мощного государства с огромными финансовыми и организационными ресурсами.

«Разве Россия виновата в том, что мы не смогли создать свое государство? — описывает в соцсети нынешнее положение республики одна из ее жительниц. — Что мы за 25 лет сделали? Что построили на деньги, которые текли в страну от продажи и провоза спирта? Смогли ли мы обеспечить население сельхозпродуктами? Война унесла много жизней, но благодаря огромным суммам, которые выделялись на восстановление, у нас была возможность обеспечить хотя бы экономическую безопасность. Где она, почему я покупаю огурцы и помидоры у азербайджанцев, картофель и морковь из Израиля — у нас они не растут? Почему нет ни одного производства? Мы не смогли на российские даровые деньги ничего сделать — что мы сделаем без них? Пожалуйста, те, кто за независимость — верните российские деньги в Россию, там много своих бедных. Как сторонники независимого государства, вы должны брать деньги в кредит и предложить, как их потом возвращать. Есть у вас какая-либо программа? Причем надо действовать быстрее, пока нас не снесла лавина, которая все ближе».

Ответы на эти риторические вопросы не радуют: реальная программа стратегического развития независимой РЮО отсутствует, как, впрочем, и многое другое. По мнению экономиста и политолога Геннадия Кокоева, Южная Осетия не реализовала потенциал признания независимости даже на 20-30%. В республике до сих пор не приняты такие основополагающие документы, как доктрина внешней политики и военная доктрина, не проведен анализ сильных и слабых сторон югоосетинской экономики и т.п. Тем не менее, он снова предложил попробовать «реализовать все возможности, которые открываются в связи с признанием независимости — может быть, получится». «Войдем мы в Россию или нет, сейчас не самое главное, важно развитие», — считает и лидер «Народной партии» Александр Плиев, будто забывая, что разговоры о «развитии», когда яблоки на рынке стоят 80 рублей, попросту беспредметны.

«Мы не готовимся к тому, что нам предстоит, а предстоит не меньше, чем в девяностые годы, — констатировал политолог Коста Дзугаев, обратив внимание не только на международную ситуацию, но и на угрожающую РЮО демографическую катастрофу. — *Наш единственный выход — вскочить в проходящий мимо поезд, то есть войти в состав России. «Россия или смерть» — вот наша горькая реальность*». Ученый сравнил стоящие перед республикой угрозы и вызовы с падающим сверху камнем или катящейся лавиной, которые неизбежно будут двигаться вперед, и разговорами или игнорированием проблем остановить их не удастся. «Лавина уже двинулась, и нам надо спасаться, а вместо этого идет распил российских денег», — заключил он, отметив прямой саботаж местными чиновниками за-

явления президента РЮО о референдуме и отсутствие нормального общественного диалога по этому и другим ключевым вопросам.

Четче всего ответы на них прозвучали в воскресной проповеди в цхинвальском храме Рождества Пресвятой Богородицы благочинного церковью Южной Осетии иерея Иакова Хетагурова. «Осетины, опомнитесь, – призвал пастырь. – Война идет уже в каких-то трехстах километрах от нас. **Скорость, с которой разворачиваются события последних дней, показывает, что у нас осталось очень мало времени.** Мы все сейчас должны быть в храмах и молиться, а не сидеть перед телевизорами или в пьяных застольях».

К сожалению, духовная суть происходящего до сих пор не открылась даже многим прихожанам – что говорить о далеких от церкви людях, просто не успевающих за стремительными и принципиальными изменениями в масштабе государств и макрорегионов. Однако мобилизационные возможности, которые не раз демонстрировало югоосетинское общество, и исторически присущая ему широта политического кругозора не оставляют сомнений, что в конечном итоге Цхинвал сделает единственно верный выбор.

«Русская планета», 4 декабря 2015 г.

В конце декабря 2015 г. увидел свет **сборник информационно-аналитических материалов, разоблачающих внутри- и внешнеполитический курс Грузии в период с 2001 по 2015 гг. «Куда приводят «розовые мечты»** (350 страниц) секретаря-координатора КГК Яны Амелиной. В I квартале 2016 г. будет издан **второй том материалов, посвященный ситуации вокруг Республики Южная Осетия.**

«Розовые мечты» и печальная реальность: очерки постсоветской истории Грузии

Рецензия политолога, главного редактора сайта Научного общества кавказоведов Андрея Арешева

За годы, прошедшие после нападения грузинских формирований на Южную Осетию в августовские дни 2008 года, интерес российского общества к Грузии заметно упал, будучи в последние годы вытесненным трагическими событиями на Украине и в Новороссии, а также кровавым противостоянием в Сирии. Не сказать, впрочем, что этого интереса вовсе нет: так, в ходе недавней «Прямой линии с Владимиром Путиным» в очередной раз говорили о либерализации визового режима с Грузией. Время от времени дискутируются вопросы совместной борьбы с международным террориз-

мом (либо отсутствия таковой). Обсуждается вопрос снижения экспортных пошлин на некоторые товары традиционного грузинского экспорта. Несмотря на «европейский выбор», именно Россия остаётся основным рынком сбыта грузинского вина. Недавно вице-премьер Грузии, министр энергетики Каха Каладзе заявил о вероятности, при должной подготовке, встречи представителей двух стран на высоком уровне.

Известно, что двусторонние отношенияотягощены комплексом проблем и разногласий, причём разными взглядами на судьбу признанных Россией в качестве независимых государств Абхазии и Южной Осетии они вовсе не ограничиваются. Проблемы эти копились годами, они не сводятся к личностям отдельных экзальтированных политиков наподобие бывшего президента Грузии, ныне украинского гражданина Саакашвили, а имеют более глубокий характер, связанный, в том числе с отсутствием комплексной и продуманной политики России на постсоветском пространстве. *И сегодня, когда допущенные в отношении Грузии ошибки системно повторяются на Украине, об этом нелишне напомнить – разумеется, не для того, чтобы растревожить былые раны, а с целью сделать выводы на будущее.* При этом *любые недоработки и промахи российского руководства в 1990-е и в 2000-е годы не снимают ответственности не только с политических элит постсоветских стран, но и с местных обществ, поддавшихся в своё время националистическим эмоциям*, которые, в свою очередь, не могли не встретить ответной реакции – будь то в Абхазии или Южной Осетии, в Приднестровье или Нагорном Карабахе, в Крыму или в Новороссии...

Постсоветская история Грузии насыщена особым драматизмом. Государственные перевороты 1991-1992 и 2003 годов, несколько войн в Абхазии и Южной Осетии, завершившихся окончательным отделением этих бывших советских автономий, признанных Россией в качестве независимых государств. Многолетние надежды на помощь Запада и потворство силам международного терроризма, экономическая разруха и радикальные либеральные эксперименты, от некоторых из которых теперь стремятся «отползти»... Всё это и многое другое уже нашло отражение в современной политологической литературе, список которой пополнился ещё одной, чрезвычайно интересной и познавательной работой.

В декабре 2015 года вышел в свет в сборник статей российского журналиста, политолога и исследователя постсоветских этнополитических процессов, секретаря-координатора Кавказского геополитического клуба Яны Амелиной под общим заголовком «Куда приводят “розовые мечты”». В книгу вошли представленные в хронологическом порядке работы автора по постсоветской грузинской проблематике, подготовленные в период с 2003

по 2015 год и основанные на итогах неоднократных командировок в различные регионы страны, являющейся «ключом к Кавказу». Добавим к этому, что многие материалы, особенно написанные в начале и середине 2000-х годов, в сети Интернет отсутствуют или ищутся там с большим трудом, что придаёт книге дополнительную научную ценность.

Практически каждая статья представляет собой самостоятельный очерк, посвященный конкретному актуальному сюжету, будь то российско-грузинские отношения, перспективы местных политиков или безрадостные итоги «розовой революции», либо содержит обстоятельный анализ состояния дел в отдельно взятой сфере. Ретроспективно отмечены многие высказывания грузинских политиков по ключевым вопросам внутривнутриполитической жизни страны и её внешней политики, прозападный вектор которой стал очевиден задолго до «розовой революции». Не забыты также слова и дела и их российских коллег, от Сергея Приходько до Глеба Павловского, порой формировавших уверенность, по крайней мере, в сопричастности Москвы к деструктивным процессам на постсоветском пространстве. Стоит ли напоминать, что в той же Грузии и (теперь уже, пожалуй, даже в большей степени) на Украине болезнь, на которую долгое время не только взирали сквозь пальцы – это было бы ещё полбеды, – но и прямо потворствовали, дошла до стадии прямого внешнего управления.

Как известно, в 2003 году российская дипломатия сыграла определённую роль в относительно мирной передаче власти от Шеварднадзе к «революционной тройке» Саакашвили – Бурджанадзе – Жвания, очевидно, в надежде на конструктивный диалог с новыми лидерами. О легендарной теперь уже поездке в Тбилиси тогдашнего министра иностранных дел России Игоря Иванова автор пишет с нескрываемым пессимизмом, отмечая, что «российская власть в -цатый раз наступила на грабли, приобретающие уже очертания трактора». Последующая цепь событий, включая устранение от власти Аслана Абашидзе, «малую войну» в Южной Осетии и вытеснение российских баз из Батуми и Ахалкалаки, со всей очевидностью показали несбыточность надежд на установление нормальных отношений с лидерами, изначально заряженными на вражду с Россией. Заметим к слову, что точно таким же образом закончились попытки Москвы найти общий язык с Виктором Ющенко, а пример трагикомичного «партнёра» Порошенко у всех перед глазами.

Весьма подробно отражён в репортажах автора аджарский кризис 2004 года, завершившийся изгнанием из Батуми Аслана Абашидзе, означавший прямой удар по российским интересам в Грузии и предопределивший многие дальнейшие процессы. *Особенно интересно вспомнить о тех бурных событиях именно сейчас, когда эта приграничная с Турцией*

территория привлекает к себе повышенное внимание – в том числе и в связи с появлением видеороликов, на которых местные уроженцы призывают к «джихаду» в Грузии и на Кавказе в целом.

Другой знаковый сюжет – прибытие в страну одной из первых групп американских советников, сменщики которых сейчас уже в полной мере курируют военное строительство страны и сферу безопасности. Политико-дипломатическое, организационное и военно-техническое укоренение в стране сотрудников западных спецслужб, системная работа американских и европейских фондов – всё это чем дальше, тем больше означало скатывание политической элиты кавказской страны на позиции, откровенно враждебные по отношению к «северному соседу». ***Беседа с тогдашним (2003 год) главой Аджарской автономии Асланом Абашидзе озаглавлена симптоматично: «Я даже на минуту не могу представить, чтобы русские и грузины воевали друг с другом». Как известно, уже через несколько лет стараниями Саакашвили и его патронов подобное столкновение, причём в его открытой, военной форме, стало трагической реальностью.***

О том, как грузинское руководство, пользовавшееся (и это странно было бы отрицать) значительной поддержкой в обществе, последовательно и убеждённо шло к войне с Россией, повествуется на многих страницах книги, третья часть которой так и называется – «Дорога к войне». Равно как и о грузинско-украинском альянсе, который начал формироваться отнюдь не при Саакашвили и Ющенко, и о многом другом. В частности, официальный Киев выразил желание укрепить грузинскую систему ПВО (и не только её) ещё в 2002 году, однако в Москве на это предпочитали пока ещё благодушно взирать.

Подготовленные автором в разные годы интервью, представляющие самостоятельный интересный жанр, позволяют проявить забытые штрихи в биографиях ряда персон, многие из которых и сегодня пребывают на плаву и даже навещаются время от времени в Москву. В частности, речь идёт о Нино Бурджанадзе, партии которой прочат успех на парламентских выборах 2016 года. В работах Яны Амелиной былая «железная леди грузинской революции», а ныне (непонятно, с какого перепугу) едва ли не «агент Кремля», упоминается достаточно часто. Возможно, кому-то оценки автора (как и некоторые выводы) покажутся чрезмерно резкими, эмоционально окрашенными. Однако они имеют под собой реальные основания, и их, как минимум, следует принимать в расчёт – с тем, чтобы, ведя переговоры с тем или иным деятелем, не испытать в очередной раз чувства глубокого разочарования. В книге можно найти содержательные беседы не только с политиками, но также с общественными деятелями и исследователями, посвященные проблемам сохранения традиционных ценностей, национальной иден-

тичности в условиях агрессивной вестернизации, роли и месту религии в современном грузинском обществе.

Отражена в сборнике и неоднозначная роль грузинских властей, не в полной мере контролировавших территорию своей страны, в вопросе противодействия международному терроризму, что сегодня приобретает особую актуальность. «Складывается впечатление, что усилий одной Грузии по поддержанию порядка в Панкиси – явно недостаточно. А так как США в этом вопросе оказывают весьма специфическую помощь, имея в виду не столько интересы государств региона, сколько свои собственные геополитические планы на Кавказе, России следовало бы обратить на процессы в Панкисском ущелье более пристальное внимание». Написано в 2005 году, но более чем своевременно звучит и сегодня, по прошествии более чем десяти лет.

Экономические итоги «розовой революции», несмотря на мощный пиар, также оказались неутешительными, что находит отражение в социологических опросах, финансируемых американскими организациями. Как признают сами грузинские исследователи, по основным группам отраслей уровень самодостаточности экономики по сравнению с советскими временами является низким. В том же, что касается высокотехнологических отраслей – от автомобилестроения и станкостроения до информационных технологий и легкой промышленности – он и вовсе стремится к нулю. Импорт многократно превышает экспорт (большая часть которого приходится на соседей, а вовсе не на западных партнёров), чему способствует подписание соглашения о европейской ассоциации и надежды на безвизовый режим с Европой и интеграцию в НАТО. Отдельную проблему представляет экспансия тоталитарных сект, что встречает резкое неприятие традиционалистов (включая значительную часть Грузинской Православной церкви) и способствует дальнейшему общественному расколу. И всё это – тоже закономерные последствия «розового» выбора.

После прихода к власти в 2012 году коалиции «Грузинская мечта» это государство вновь на некоторое время попало в фокус внимания. *По мнению некоторых московских экспертов и чиновников, «смена декораций» в Тбилиси была способна привести к изменениям внешнеполитического курса Грузии в сторону налаживания отношений с Москвой и корректировке планов интеграции с НАТО и ЕС. Автор убедительно доказывает несбыточность подобного рода надежд, что полностью подтверждается динамикой 2015 года.* Периодические учения с участием США и Турции, открытие так называемого «тренировочного центра» НАТО, функционирование на грузинской территории объектов двойного назначения – всё это ярко характеризует политику нынешних властей, в целом (может быть, при более умеренной стилистике) продолжающих курс Михаила Саакашвили.

Мы видим, как отдельные попытки некоторых политиков или представителей бизнес-сообщества кавказской страны бросить хотя бы робкий взгляд на север мгновенно наталкивается на мгновенную реакцию последовательных адептов «евроатлантического выбора», опирающихся на внутреннюю и мощную внешнюю поддержку. В этой связи нелишним будет напомнить, что «на январском [2008 года] референдуме по вопросу о вступлении Грузии в НАТО «за» подобное развитие событий отдали свои голоса 72,5% избирателей».

Впрочем, в последние годы в общественных настроениях наметился всё же определённый разворот, пусть и обусловленный по преимуществу ображениями прагматического характера, усталостью от многолетних либеральных экспериментов. Представители ряда общественных организаций выдвигают тезис о необходимости военного нейтралитета страны. Признаки подобного переосмысления наметились уже после августовской войны 2008 года, о чём можно узнать из тбилисских корреспонденций Яны Амелиной.

Однако важно, чтобы позитивная смена общественных настроений приняла самодостаточный характер, не обусловленный сиюминутным стремлением в очередной раз сменить покровителя в обмен на экономические преференции и «восстановление территориальной целостности» в границах бывшей Грузинской ССР. Тем более, что пока *прозападный геополитический вектор поддерживается не только правящей элитой, но и большинством граждан.*

«Годы, прошедшие после позорного провала агрессии против Южной Осетии показали, что грузинское общество и государство не готовы критически оценить действительность, сделать выводы относительно реальных, а не надуманных национальных интересов и путей их достижения. Общество, недовольное экономическими трудностями, всё так же в целом поддерживает курс правящей группировки», – как видим, выводы автора достаточно пессимистичны. Однако время меняется быстро, события калейдоскопично сменяют друг друга, становятся актуальными новые угрозы (в частности, религиозно-политического характера), способные стать катализатором дальнейшей фрагментации страны. Хочется надеяться, что тезис, вынесенный в заголовок одного из вошедших в книгу интервью – «Без России Грузия – не государство» – будет должным образом оценен и осмыслен и в контексте внешней политики Москвы на постсоветском пространстве, принимающей (несмотря на объективные сложности и растущее внешнее противодействие) всё более внятные очертания.

Представляется, что выход сборника статей Яны Амелиной будет способствовать серьёзному обсуждению путей и перспектив хотя бы относительной нормализации российско-грузинских отношений. Подобного рода дискуссия изначально должна исходить из актуальных политических ре-

алий, быть свободной от излишних эмоций, несбыточных мечтаний и завышенных ожиданий. Мы же будем ждать от автора выхода в свет второй части очерков истории Кавказа, посвященной Южной и Северной Осетии.

Приобрети книгу «Розовые мечты и печальная реальность» можно в книжном магазине при Институте востоковедения РАН по адресу: Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Сайт Кавказского геополитического клуба, 24 декабря 2015 г.

На протяжении всего 2015 г. аналитики КГК активно участвовали в мероприятиях коллег и партнеров по экспертной деятельности, выступали с аналитическими статьями, интервью и комментариями по актуальным вопросам в СМИ. В 2016 г. Кавказский геополитический клуб планирует проведение ряда мероприятий, а также выпуск серии публикаций и книг по наиболее важным вопросам современной повестки дня.

Лауреаты Премии КГК-2015

Подводя краткие итоги деятельности КГК, объявляем победителей *неформального конкурса*, в котором по умолчанию участвовали все авторы сайта Клуба.

Абсолютным лидером по количеству публикаций, «лайков», поставленных на них в различных социальных сетях, и общему числу просмотров стал известный аналитик и общественный деятель **Фахрадин Абосзода**, победивший в номинации «Геополитика». Некоторые его материалы подготовлены в соавторстве с молодым, подающим большие надежды политологом Рустамом Искандари. Самой читаемой статьей Фахрадина муаллима стал материал «Азербайджанская диаспора предъявила ультиматум РФ?».

Наиболее интересными в номинации «Ближний Восток и Большой Кавказ» стали материалы главного редактора портала Научного общества кавказоведов (НОК) **Андрея Арешева**. Ряд мероприятий КГК, имевших значительный резонанс в экспертном сообществе, состоялся только благодаря неоценимой помощи Андрея, вложившего в их подготовку много времени и сил. Андрей Арешев также возложил на себя тяжкую ношу соредакторства

подготовленного КГК аналитического доклада «Исламское государство»: сущность и противостояние», одним из авторов которого стал и Фахраддин Абосзода.

Наиболее разнообразными по тематике – Южная Осетия, Абхазия, ПМР, Украина и Новороссия, актуальные проблемы российской государственности – являются материалы юриста и политолога **Александра Сергеева**. Не сомневаемся, что в новом году победитель в номинации «**Широта взгляда**» предложит Клубу новые аналитические работы по самому широкому кругу тем.

«**Эксклюзивом года**» – вне конкуренции! – стал труд армянского эксперта **Ара Марджаняна** о ядерных перспективах Турции. Всего через пару недель после презентации труда на ноябрьском круглом столе КГК и НОК в Ереване этот вопрос, ранее казавшийся сугубо академическим, к сожалению, органично вошел в злободневную повестку дня.

«**Открытием года**», безусловно, стали взвешенные и объективные работы молодого, но многообещающего тюрколога **Юрия Мавашева**, специализирующегося на российско-турецкой проблематике. В 2016 году он, несомненно, возьмет новые высоты.

С пользой отвлечься от текущей гео– и политической «головной боли» помогали глубокие и интересные интервью **Светланы Мамий** – лидера в номинации «**Общество**», осветившей множество разнообразных тем, от секретов крымской кухни и проблем развития туризма на Северном Кавказе до быта типичного дагестанского села и перспектив развития чеченского общества.

В наступившем 2016 году КГК также намерен продолжить серию интервью лидеров национальных движений и экспертов в этой области, объединенных рубрикой «**Национальный интерес**», главной темой которых является столкновение Традиции и глобализации.

От всей души поздравляем победителей и рассчитываем на дальнейшее плодотворное сотрудничество в новом году!.. Все материалы доступны на сайте Клуба и многие – в этом сборнике.

**ЛУЧШИЕ МАТЕРИАЛЫ САЙТА
КАВКАЗСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА**

О ПРИЧИНАХ РОСТА РАДИКАЛИЗМА В ИСЛАМСКОМ МИРЕ

Ислам Сайдаев

Исламский мир переживает период реформации

Сегодня во всем исламском мире и в России в частности сложилась очень сложная внутриконфессиональная обстановка. Противоречия внутри одной конфессии достигли уровня вооруженного противостояния, в котором государственный аппарат страны, особенно его силовая составляющая, становится на сторону одной из противоборствующих группировок. В чем же причина этого противостояния и подобного поведения государства?

Если говорить о причинах роста радикализма в исламском мире, то их не так много, как это может показаться на первый взгляд. Если быть более точным, то это, скорее, некий процесс, который порождает явления, вследствие которых и возникают причины, способствующие росту радикализма. Причины, благодаря которым молодежь попадает в среду экстремистов и вступает в ряды незаконных вооруженных формирований.

Обратившись к экспертам, занимающимся вопросами радикализма и экстремизма, мы услышим более десятка причин, по которым в молодежной среде растут радикальные настроения. Причинами, способствующими и вовлекающими молодежь в ряды экстремистов и террористов, называют суицидальные настроения, когда ребенок, не получивший в детстве должного внимания от родителей, остается с душевной травмой и пытается уйти из жизни путем вступления в ряды смертников. В эту группу, как правило, попадают дети из трудновоспитуемой категории (беспризорники, сироты, дети из малообеспеченных семей).

Есть и чисто религиозные причины, когда молодёжь, одержимая некоей идеей, пытается революционным путем установить «справедливое общество». Такие попытки, как правило, заканчиваются еще большей несправедливостью – резней и гражданской войной.

По мнению экспертов, одной из важных причин роста экстремизма в обществе, и особенно среди молодежи, является вопиющая социальная несправедливость, когда люди с обостренным чувством справедливости пытаются бороться с ней радикальным образом. Как правило, в эту категорию попадает как молодежь из малообеспеченных семей, так и вполне обеспеченных и богатых слоев общества.

Однако все эти ответы не до конца раскрывают суть вопроса. Тема религиозного экстремизма слишком многогранна, сложна и глубока, чтобы можно было объяснять ее простой борьбой с социальной несправедливостью.

Все названные и неназванные факторы вступления молодежи на радикальный путь – лишь следствие большого явления, которое можно объяснить лишь цивилизационными изменениями, происходящими в мире, в том числе исламском.

Небольшой экскурс в историю вопроса

Если мы окинем взглядом историю развития исламского мира, то обнаружим, что он прошел несколько этапов реформации. За годы своего существования исламский мир пережил периоды:

1. Период «Праведных халифов»;
2. Период «Правления королей»;
3. Период «Правления диктаторов».

Сегодня исламский мир возвращается в ту фазу, о которой предупреждал Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует). Это – фаза правления «Праведных халифов». Если переложить это явление на современный язык, можно сказать, что период праведных халифов был периодом «исламской демократии», периодом максимально упрощенного ислама с высокой степенью социальной справедливости, к которой сегодня стремятся, призывают и за которую борются исламисты-радикалы. *То есть процессы, происходящие сегодня в исламском мире в среде мусульманской уммы (без географической привязки), с точки зрения единого социума являются революцией, вызванной попыткой реформации ислама.*

Возникает вопрос – что привело исламскую умму к революционной ситуации, осознанию того, что ислам нуждается в реформах? Ведь революционная ситуация возникает не спонтанно, а является итогом общественно-политического кризиса, «когда низы не могут жить по-старому, а верхи не хотят управлять по-новому».

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться во всем многообразии исламских веяний, или хотя бы с теми сторонами, между которыми идет противоборство. На сегодняшний день мы имеем две стороны: так называемый «традиционный ислам» в виде суфизма и суннитских школ – «мазхабов» и «нетрадиционный ислам» в виде «салафизма» и «ваххабизма».

Если говорить о так называемом «традиционном исламе» на Ближнем Востоке (который серьезно отличается от так называемого «традиционного ислама» в России и бывших постсоветских государствах), то нужно отметить, что он был установлен исходя из реалий родоплеменного и отчасти рабовладельческого строя, в котором жили арабы на заре ислама. Ислам регламентировал тот образ жизни, ту общественно-политическую формацию того общественного строя, в котором тогда пребывали арабы.

Сегодня мир прошел многие фазы культурных и социальных перемен – от индустриальной революции к постиндустриальному обществу, от модернизма к постмодернизму, в котором сегодня живем все мы, в том числе народы и государства исламской культуры и вероисповедания. Совершенно естественно, что *молодежь, живущая в постмодернистском обществе, не может разделять точку зрения на ислам представителей старой формации, сформировавшейся в период родоплеменных или рабовладельческих отношений, называемой ныне «традиционным исламом»*. А значит, такая общественно-политическая формация, такие социально-культурные отношения, которые свойственны традиционному обществу, не могут удовлетворять постмодернистскую исламскую молодежь, подвергнутую интернационализации (космополитизации) современным миром и, в частности, западной индустриализацией.

Что касается непосредственно нашей страны, то так называемый «традиционный ислам» сложился у нас в период колониальных завоеваний сначала татаро-монгольского периода, потом времен Тамерлана. В нынешнем виде он сформировался в жесточайший период диктата коммунистической идеологии, а значит, следуя пророчеству по своей сути, является исламом, сформированным для служения интересам диктаторских режимов, и не может отвечать интересам и веяниям времени. А значит, опять же, следуя пророчеству, он должен уступить место «демократическому исламу» – прогрессивному, социально-ориентированному исламу, существовавшему в период «праведных халифов», к которому стремится прогрессивная исламская молодежь.

Это означает, что *сегодня исламский мир переживает период глубокой исламской реформации – переход из одного состояния исламской уммы, ее социально-политических и общественных отношений, в совершенно в другую форму*. Этот весьма болезненный процесс изменения, естественно, вызывает отторжение у старого, отжившего свой век представления об исламе и образе общественно-политического устройства исламского мира.

В этой связи нужно отметить, что поддержка силовой составляющей российского государства (или любого другого государства, где проходят эти процессы) так называемого «традиционного ислама» является совершенно естественной. Ибо силовая структура в любом государстве – это наименее поддающаяся реформам система, и в целях защиты себя и своего строя она будет защищать себе подобных. Но это никак не означает, что эта защита идет во благо государству как таковому.

Модернизация и урбанизация – причины конфликта на религиозной почве в России

Как мы уже отметили выше, исламская умма не может оставаться в стороне от процессов, происходящих во всем мире, когда человеческая цивилизация вступила в постмодернизм. Мы не можем оставаться и в старой общественно-политической и культурной формации. И не потому, что мы этого не желаем, а потому,

что западный мир, хотим мы того или нет, влияет на процессы, происходящие в исламском мире. На сегодняшний день Запад, в силу ускоренных темпов развития технологий, науки, искусства, строительства городов и т.д., является «законодателем моды» в смене общественно-политических формаций.

Именно развитие цивилизации – рост численности и уровня жизни населения, переезд сельского населения в города (урбанизация) мусульманского мира – является генератором реформации ислама. Сельское население, приезжающее в города в поисках работы и лучшей доли, не может отказаться от «традиционного воспитания». Однако, как бы мы того не хотели, с традиционным взглядом на мир, в частности на ислам, они не могут выжить и влиться в городскую – урбанизированную – среду. А значит, они входят с представителями городской культуры в противоречия и борьбу, в которой, в конечном итоге, обречены на поражение.

Уклад жизни традиционных обществ, сохраняющийся в сельской среде, нежизнеспособен в городских условиях. Попадая в городскую среду, сельский житель сталкивается с совершенно другим устройством «джамаатов», организованных не по признаку родоплеменных отношений, а на совершенно иных взглядах на жизнь. Что, естественно, вызывает у пришлых «традиционалистов» негативную реакцию и конфликт интересов.

Именно по этой причине в чеченском обществе, как и во всех других, центром протестных явлений в среде мусульман являются города. Образ жизни урбанизированного молодого человека сформировался, исходя из городских отношений, которые во многом космополитичны и резко отличаются от отношений в селе или глубинке. Старая общественная формация, свойственная сельской среде, и отношения внутри этой среды мусульман не могут отвечать потребностям вновь зародившейся и разрастающейся городской формы социальных и общественно-политических отношений.

Это приводит к конфликту между молодым поколением мусульман, живущих в новых общественно-политических формациях (в городской урбанизированной среде), со старыми консервативными взглядами на ислам и образом социальных отношений в

исламе, сформированными в консервативной сельской среде, не тронутой индустриализацией, урбанизацией и другими цивилизационными изменениями, то есть в отживших свой век общественно-политических формациях.

Неудивительно, что так называемый «традиционный ислам» и «традиционное общество» всячески сопротивляются такому положению дел, так как в своей основе они глубоко консервативны. Однако эти благородные потуги традиционалистов в конечном итоге обречены на провал. ***Традиционный ислам не может существовать и доминировать в урбанизированном обществе: городское население неминуемо будет принимать форму салафитского – реформированного – ислама.*** В случае же продолжения противостояния между так называемым традиционным и нетрадиционным исламом существует опасность, что молодежь вообще будет отказываться от религиозных взглядов, что вызовет волну нигилизма и повторения событий октября 1917 года, когда уставшая от противоречий молодежь совершит свою революцию и полностью отречется от Бога. К чему и стремится сатана!

Мусульмане должны понять, что нынешнее противостояние внутри ислама губительно для всего исламского мира, а значит, должны найти форму сосуществования друг с другом.

«Общество», 25 марта 2015 г.

Осетия: традиция и глобализация

Кавказский геополитический клуб начинает серию публикаций о роли и месте национальных культур в свете процессов глобализации. О ситуации с осетинским языком, культурой, традиционными ценностями рассказывает первый проректор по научной работе и развитию Северо-Осетинского государственного университета, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Северо-Осетинского государственного педагогического института, доктор филологических наук, профессор **Тамерлан Камболов**.

– Уважаемый Тамерлан Таймуразович, значительная часть осетинской молодежи не владеет родным языком. На улицах Владикавказа и других североосетинских городов звучит в основном русская речь. Ситуация на Юге пока еще значительно лучше, но в РЮО проживает лишь малая часть осетинского народа. Отрадно, что в последние годы финансирование программы развития осетинского языка существенно возросло, но это не снимает главной проблемы. Рассмотрим ее поэтапно. Во-первых (и это самое главное): зачем вообще нужно изучать (и, шире – знать) осетинский язык в современных условиях глобального мира? На наших глазах стираются национальные различия, весь мир – где быстрее, где медленнее, но тем не менее – превращается в аморфную массу «общечеловеков». Имеет ли смысл противостояние этому процессу? Реалистично ли оно? Эмоциональная аргументация – «я родился осетином и хочу, чтобы осетинами были мои дети и внуки» – понятна. Но достаточно ли ее?

– Глобальный вопрос требует глобального ответа. Действительно, культурная унификация является мощным трендом последних десятилетий, когда на фоне экономической глобализации, сопряженной с беспрецедентным развитием транспортных и информационно-коммуникационных систем, люди в разных концах света вдруг ощутили себя жителями одной «глобальной деревни». Мгновенное перемещение информационных потоков в любую точку планеты, с одной стороны, и массовая миграция населения, с другой, создали оптимальные условия для активного взаимовлияния различных культурных систем и постепенного выдвигания на доминирующую роль одной из них, а именно американской идеологии «потребительства» (в данном случае это не ругательство, а научный термин).

Дойдет ли этот процесс до конца, т.е. завершится ли он полным культурным нивелированием? Убежден, что нет. Более того, полагаю, что уже сегодня мы можем наблюдать, как начинает работать механизм самосохранения человеческой цивилизации, и *все явственнее набирает силу встречное движе-*

ние, направленное на усиление роли этничности в современном мире.

На мой взгляд, в настоящее время мы являемся свидетелями параллельных, но взаимосвязанных процессов, протекающих на трех глобальных уровнях. Лучше всего это можно проиллюстрировать на примере Европы. Первые подвижки здесь начали происходить на уровне национальных государств, роль которых за последние полвека стала постепенно размываться в силу формирования надгосударственных структур Европейского Сообщества, а затем Европейского Союза. При этом укрепление макрорегиональных, надгосударственных систем и ослабление национально-государственного уровня, в свою очередь, вызвали усиление центробежных этнорегиональных тенденций.

Именно об этом свидетельствует референдум о независимости от британской короны, который смогли провести в Шотландии (хотя пока (!) безуспешно), референдум, который пока (!) смогли запретить каталонцам в Испании и который, видимо, грядет в Бельгии, расшатываемой противостоянием фламандцев и валлонов. Думаю, что не ошибусь, если выскажу предположение о том, что **матрикс истории дошел до предела своего хода в сторону культурной унификации и двинулся в обратном направлении – в сторону восстановления рационального баланса между общецивилизационным единством и этнокультурным разнообразием.**

Дело в том, что сохранение и развитие человеческой цивилизации только и возможно при условии сохранения культурного разнообразия. Мы уже привыкли к мысли о том, что наличие биологического разнообразия является совершенно обязательным условием сохранения биологической экосистемы, и озабочены выживанием каких-то насекомых или былинки, поскольку отдаем себе отчет в их роли в общей системе. Но ведь аналогичная ситуация и в культурном пространстве. Наличие разнообразных культурных форм, более того – их конфликт, и есть источник культурного развития, движущая сила социального прогресса. Таким образом, **сохранение культурного разнообразия нужно не только отдельным народам, оно необходимо всему человечеству.**

При этом сохранение культурного разнообразия невозможно без сохранения языкового разнообразия. Язык является главной формой хранения и трансляции из поколения в поколение мировоззрения каждого народа, его духовных ценностей, социальных норм, стереотипов поведения, т.е., собственного говоря, его культуры. ***Утрата народом своего языка – не одновременно, но неизбежно – ведет к смерти его культуры.***

Таким образом, возвращаясь к Вашему вопросу, подытожу – сохранение осетинского языка, равно как и любого другого, необходимо не только осетинам, это нужно, как бы громко это ни звучало, всей человеческой цивилизации.

Однако у этой проблемы есть и другие аспекты. Дело в том, что ***языковая ассимиляция далеко не всегда влечет за собой адекватную культурную ассимиляцию.*** Этот процесс следует отличать от того, что происходит с отдельным индивидуумом, который, вырастая в культурно-языковой среде другого народа, полностью и системно усваивает и язык, и культуру этого народа и становится носителем его мировосприятия, фактически – его полноценным представителем, несмотря на свое иноэтническое происхождение. В случае же, когда речь идет о языковой ассимиляции в массовых масштабах и в местах компактного проживания этносов, как это происходит с миноритарными народами России, ***русская языковая ассимиляция приводит их не русской культурной ассимиляции, а к формированию на пространствах нашей страны неких культурно-аморфных зон, т.е. зон с отсутствием культурной доминанты.***

Связано это с тем, что этнические культуры народов России, ослабленные в силу известных причин еще во второй половине прошлого века, сейчас все больше и больше отчуждаются от подрастающих поколений, в значительной своей массе не владеющих родным языком и, соответственно, утрачивающих языковой доступ к ценностям своей культурной традиции. Русская же этническая культура не может здесь преобладать в силу того, что русское население только в редких случаях составляет большинство в национальных регионах России. Более того, ***в своем нынешнем***

состоянии русская этнокультура не в силах помочь даже самому русскому этносу адаптироваться к стремительно меняющемуся миру. Не может претендовать на роль культурной доминанты и какая-либо политико-идеологическая система, поскольку в современной России таковой в настоящее время не существует и ее появление пока не предвидится.

В итоге миллионы юных граждан России сейчас оказываются в ситуации «полукультуры», «зависая» между формами разных культурных систем, сосуществующих в их картине мира. Победительницей же оказывается массовая культура потребительского толка, превращающая многих юных россиян в бездуховных меркантильных субъектов, не способных воспринимать этические ценности ни собственной, ни чужой культуры. Очевидно, что перспектива полного доминирования этой эрзац-культуры влечет за собой опасность преобладания в обществе личностей потребительского типа, что представляет собой угрозу для интеллектуального и духовного прогресса народов России. Попытки сформировать из подобного культурно-маргинального населения единую и устойчивую гражданскую нацию малоперспективны.

Таким образом, как это ни парадоксально, *главной гарантией развития русской цивилизации и российского государства является не культурно-языковая унификация народов страны, а, напротив, сохранение языкового и культурного разнообразия России.*

В то же время, не вызывает сомнений и то, что десятки, если не сотни языков, действительно, исчезнут с языковой карты мира в течение ближайших десятилетий и, тем более, веков. Но фатально это только для огромного числа тех племенных языков Африки, Австралии, Азии и Америки, носители которых исчисляются несколькими десятками, сотнями или даже тысячами, но не имеющих письменности, государственности и т.д. *Судьба же таких языков как осетинский зависит, главным образом, от того, насколько у его носителей хватит мудрости и пассионарности, чтобы сохранить свой язык, культуру и, соответственно, самого себя.*

– Даже в Осетии сфера использования осетинского языка весьма узка. Помню, какой фурор произвело несколько лет назад выступление одного из депутатов североосетинского парламента. И дело было не в том, о чем он говорил, а в том, что он говорил... по-осетински! Представить бурную реакцию на выступление депутата или чиновника на родном языке, скажем, в Татарстане, невозможно, но и в этой республике вопрос изучения и развития татарского языка стоит весьма остро. Русская половина татарстанцев не желает учить его. Родители школьников приводят основательные аргументы. С одной стороны, татарский не нужен (хотя РТ реально двуязычна), в другой – выучить его практически невозможно (плохие учителя, учебники, методики, и это правда), из-за чего учебный процесс превращается в пустую трату времени. Татарская интеллигенция, обеспокоенная судьбой языка, настаивает на обязательности его изучения всеми школьниками РТ вне зависимости от национальности и желания, поскольку в случае добровольности от уроков татарского откажутся и многие татары. Митинги протеста русских родителей сотрясают Татарстан с 2011 года. Но если люди, причем вполне аргументировано, не хотят изучать неродной язык, зачем их заставлять? Стоит ли административным путем фактически загонять людей в языковое гетто? Сейчас, когда русский язык можно будет выбирать для изучения именно в качестве родного, эта проблема встанет во всех национальных республиках. Каким Вы видите ее решение в Северной Осетии? Есть ли иные пути повышения значимости языка, кроме директивных, которые – будем откровенны – являются не решением проблемы, а способом отложить его на некоторое время?

– Вы правы – *функции осетинского языка в Северной Осетии в настоящее время очень ограничены. Сохранение текущего положения не позволит решить проблему его развития.* При этом расширение функций осетинского языка должно быть рациональным и эффективным. Мировой опыт показывает, что двигаться нужно в трех главных направлениях. Во-первых, это *созда-*

ние полилингвальной образовательной системы, в которой был бы рационально выстроен алгоритм изучения русского и осетинского языков как учебных предметов и их использование в качестве языков обучения по общеобразовательным дисциплинам. Подобная образовательная модель уже разработана в Осетии, апробирована и будет постепенно внедряться.

Во-вторых, *необходимо создать осетиноязычное телерадиопространство*, которое бы позволяло при желании или необходимости полностью погружаться в контекст осетинской речи.

И, наконец, третье направление – это *реальное наполнение статуса осетинского как одного из государственных республик*: принятие соответствующего закона, языковых квалификационных требований к определенным категориям государственных и муниципальных служащих и т.д. Все это будет способствовать появлению социальной востребованности осетинского языка и, соответственно, росту мотивированности к его изучению. Активизация использования осетинского языка в этих «локомотивных» направлениях обязательно приведет в движение и многие сопутствующие социальные сферы и позволит решить проблему не административно-директивными, а социально-императивными средствами.

Должны ли неосетины, живущие в Осетии, изучать осетинский язык? Безусловно, должны. Во-первых, в соответствии с Конституцией Республики Северная Осетия-Алания осетинский, наряду с русским, является государственным языком республики, что предполагает обязательный характер его изучения. Во-вторых, *знание осетинского языка позволит неосетинскому населению республики помочь осетинам сохранить свой язык.* Дело в том, что сегодня ситуация такова, что разговор, в котором участвует несколько осетин, свободно говорящих на родном языке, никогда не будет идти на осетинском, если в беседе будет принимать участие хотя бы один, не владеющий осетинским.

В отношении намерений внести поправки в федеральное законодательство относительно возможности выбора русского языка в качестве родного. Надеюсь, что у людей, которые принимают столь ответственные решения, хватит ума и дальновидности, что-

бы эти планы не были реализованы. Уверен, что такой шаг привел бы родные языки и культуры нерусских народов страны к катастрофе. Это связано с тем, что в условиях Единого государственного экзамена по русскому языку многие родители нерусских национальностей предпочли бы заявить родным языком своих детей именно русский, поскольку это позволило бы увеличить временной объем на его изучение, который бы складывался из часов на русский язык как государственный и как родной. В результате мы бы получили миллионы детей, утративших родные языки и, как следствие, свои этнокультурные традиции, миллионы манкуртов, способных только на одно – разрушить свою страну.

– 21 февраля в России отмечался Всемирный день родного языка. В Осетии он прошел незаметно, что говорит либо о недостаточной подготовке, либо о маловажности этой даты для основной массы населения. Может быть, есть и иные объяснения?... Несмотря на многочисленные молодежные инициативы (языковых флешмобов, акций «Говори по-осетински» и т.д.), со стороны хорошо видно, что они по-прежнему охватывают незначительную часть молодежи и не ведут к кардинальному перелому в изучении осетинского языка. Как Вы оцениваете эту, безусловно, похвальную активность молодых людей? Есть ли у этих проектов будущее (в искренности их организаторов я не сомневаюсь)? Сумеют ли они переформатировать молодежное сознание (не секрет, что говорить по-осетински для многих, в первую очередь, «не круто»). Какова роль семьи в повышении статуса осетинского языка?

– Как известно, все познается в сравнении. Для того, чтобы правильно оценить тенденции общественного сознания в отношении осетинского языка, необходима определенная ретроспектива. Да, возможно, говорить по-осетински сегодня «не круто» (хотя я бы не стал это категорично утверждать), но это уже и не признак «сельпо», т.е. это уже совершенно не стыдно, как это было еще 20-30 лет назад. Число молодых осетин, желающих знать родной язык, стремящихся говорить на нем, растет, и я уверен, что после того, как в школы пришли новые учебники и современные мето-

дики обучения осетинскому языку, *количество «вернувшихся» к родному языку юных осетин будет только увеличиваться.*

К сожалению, *роль семьи в деле сохранения осетинского языка не может быть определяющей.* Связано это с тем, что многие осетины репродуктивного возраста сами плохо владеют родным языком, и в создаваемых ими семьях языком внутрисемейного общения становится русский. При этом ни государство, ни общество не имеют права оказывать никакого влияния на этот процесс и, соответственно, возлагать на семью какие-либо языковые обязательства. Так что, *вся надежда на детские сады и школы, осетинское ТВ и на внедрение осетинского языка в систему государственного и муниципального управления.*

– Проблема языка – лишь часть более общей проблемы национального возрождения. Осетия в депрессии, и это состояние длится уже много лет. Достаточно посмотреть на фотографии, например, столетней давности, чтобы в прямом смысле увидеть принципиальные различия между современниками и нашими дедами и прадедами, которые в большинстве своем выглядят по-другому. Взгляд? Осанка? Одежда?... Наверное, все это играет роль, но, переодев обычного осетинского парня в черкеску с папайхой, в большинстве случаев джигита, увы, не получим. В чем причина? Возможно ли вернуть утраченное? Недавние баталии вокруг возможности показа в Осетии, мягко говоря, сомнительного «эротического» фильма «50 оттенков серого» ясно показали, что с агъдау если и не окончательно покончено, то дела обстоят так же, как и у русских с традиционными рамками поведения. То есть – плохо. Уместно ли говорить об агъдау в каменных джунглях городов и неуютных маргинализированных поселков? Но зачем язык, если агъдау останется пустым звуком?... Возможно ли переломить ситуацию, если деурбанизация, что очевидно, невозможна, а резервуаром национальных традиций и жизненных сил нации всегда было село (горы)?

– Замечательная формулировка: «...зачем язык, если агъдау останется пустым звуком!» *Если под «агъдау» понимать осе-*

тинскую, в первую очередь, традиционную культуру, то без ее сохранения витальность осетинского языка, действительно, малоинтересна. Как я уже отмечал, сохранение осетинского языка – не самоцель, сохранение языка важно именно как сохранение инструментария, без которого погибнет культура.

Можно ли спасти агъдау в условиях современного урбанизированного общества? Во-первых, есть примеры, когда народы умело сочетают цивилизационное развитие с сохранением национально-культурного наследия: например, японцы, китайцы, южные корейцы и др. Во-вторых, будем надеяться на то, что когда-нибудь к рычагам власти в Осетии придут люди, которые будут понимать, что баланс культурного развития предполагает параллельное развитие зон инноваций, т.е. городов, и территорий традиции, а именно сел, и которые выстроят соответствующую стратегию социально-экономического и культурного развития республики.

– Наконец, еще одна важная тема, которую хотелось бы осветить в нашем разговоре: религия. За последние три-четыре года «традиционная осетинская вера» институционализировалась и начала открыто претендовать на политическое влияние. Я не случайно взяла термин в кавычки, поскольку то, что обычно подразумевают, говоря о ней, является неоязыческим конструктом авторства ряда представителей национальной интеллигенции. К сожалению – и это тоже примета последних лет – в этом конструкте все заметнее отчетливо антиправославные (впрочем, очевидна враждебность и по отношению к исламу), антироссийские и антирусские мотивы, что, впрочем, характерно для всех неоязыческих движений постсоветского пространства. Что, на Ваш взгляд, определяет сейчас направление развития «традиционной осетинской веры»? Каковы перспективы массового принятия осетинским обществом именно этого ее варианта? Говорю именно о неоязычестве, поскольку религиозная практика адептов «традиционной веры» свидетельствует, что речь идет о множестве богов. Или, если Уастырджи и Аларды – не боги, то кто они? Если святые, то в каком «смысле»? Аналогичном православным святым? Тогда

они – просто искаженные временем образы христианских святых, но это снимает вопрос о «традиционной вере» как таковой. Однако агрессия, с которой последователи «традиционализма» отстаивают свои представления об «осетинской вере», наталкивает на мысли об иных истоках этого вероучения.

– Под «институционализацией», видимо, имеется в виду тот факт, что в указанный период было зарегистрировано несколько местных религиозных организаций традиционной осетинской веры. Да, это действительно, так. Однако никак не могу подтвердить утверждение о том, что они начали «открыто претендовать на политическое влияние». Мне такие факты не известны. Могу согласиться с тем, что в некоторых случаях в выступлениях отдельных последователей осетинской веры, к сожалению, можно встретить элементы агрессии в отношении мировых религий. В то же время категорически отрицаю обоснованность утверждения о том, что антиправославные мотивы традиционалистов имеют хоть какую-то антироссийскую или антирусскую направленность. По крайней мере, я с такими фактами не сталкивался.

Что касается сути самой осетинской религиозной традиции, то, естественно, это никакой не конструкт, не новодел. Ее содержание и формы были довольно детально описаны еще в XIX веке российскими и зарубежными учеными, не имевшими, очевидно, никаких конструктивистских задач. Оригинальная национальная религиозная традиция осетинского народа – это реальный исторический феномен, сложившийся на основе древнеиранских мифологических и религиозных представлений о мире, Боге и человеке, развивавшийся в соответствии с историческими обстоятельствами жизни народа, претерпевший определенное влияние мировых религий, но сохранивший свою самобытность. Поэтому совершенно неуместно говорить о каких-то перспективах «массового принятия осетинским обществом» традиционного вероисповедания. Осетинский народ в своем большинстве никогда и не утрачивал свою веру, а сегодня просто происходит процесс рационализации (осознания) и вербализации (формулирования средствами языка) того, что веками передавалось из поколения в поколение

как чувственное, как бессознательное. Это и есть институционализация осетинской национальной религии, и связана она со стремлением найти новые, современные механизмы социальной трансляции религиозной традиции взамен форм, оставшихся в прошлом.

Теперь о «язычестве». ***Утверждение о том, что осетинская вера это неоязычество, «поскольку религиозная практика адептов «традиционной веры» свидетельствует, что речь идет о множестве богов», абсолютно лишено оснований.*** Осетинская религиозная система жестко монотеистична: осетины-традиционалисты верят в единого Бога – создателя мира и человека. Они не поклоняются никаким деревьям, кустам или другим фетишам – они просто используют рощи и другие определенные природные ландшафты в качестве природных храмов, в которых возносят молитвы Богу и созданным им ангелам. Именно ангелами, т.е. существами сверхъестественного происхождения, являются небесные персонажи осетинской религиозной системы – Уастырджи, Уацилла и др. Их неземной статус сближает их с Богом, но не делает богами.

– **В чем спасение Осетии – в развитии подобной «традиции» или сердечном приятии той или иной мировой религии, в первую очередь, православия (ислама)? Какие угрозы и вызовы ждут нацию на пути, ведущем к... какому храму?**

– ***Я бы не противопоставлял развитие осетинской национальной религиозной традиции (без кавычек) и «сердечное приятие» мировых религий.*** Осетинам веками удавалось их сочетать в рамках и всего народа, и одной семьи, и даже отдельной души. При этом именно эта, поставленная Вами в кавычки традиция всегда была связующей субстанцией, которая не только цементировала национальное единение осетин-христиан и осетин-мусульман, но и служила самим фундаментом осетинской национальной культуры. Именно эта религиозная традиция и есть основа осетинского агъдау, его суть и важнейшая форма существования и развития. Сохранение этой интегрирующей национальной религиозной традиции, на мой взгляд, и есть самая серьезная гарантия того, что осетинский народ сможет преодолеть все угрозы

и вызовы и не позволит никому расколоть себя по религиозному принципу.

При этом я полагаю, что *исторические пути осетинского народа не ведут его к одному храму: дороги к церкви и к мечети осетины никогда уже не покинут*. Однако сохранить исконные традиции осетинской культуры суждено только тем из них, кто не забывает дорогу к народным святыням, а свою молитву после Бога обращает к Уастырджи.

*Беседовала Яна Амелина
«Национальный интерес», 26 марта 2015 г.*

Крым-Кавказ: не прямые параллели

Яна Амелина

Со дня восстановления исторической справедливости – воссоединения Крыма с Россией – пролетело больше года. *Четко обозначились ранее интуитивно понятные параллели между Крымом и Кавказом – как, впрочем, и то, что делает эти регионы мало похожими друг на друга.*

Прошлогодня «крымская эпопея» была воспринята на Северном Кавказе – за исключением разве что незначительной группы радикальных исламистов и либералов «околоболотного» толка – с большим энтузиазмом. *Муфтий Северной Осетии Хаджимурат Гацалов назвал возвращение Крыма «Божьим Промыслом»*, чем оно на самом деле и явилось, учитывая, что историческое решение было принято в день обретения мощей выдающегося святого наших дней Луки Крымского (Войно-Ясенецкого). В столицах всех национальных республик проходили массовые митинги. Их участники, что бы ни говорили недоброжелатели, выходили на улицы с российскими флагами и плакатами «Крым, добро пожаловать домой!» добровольно и с радостью.

По прошествии года становится ясно, что первоначальная эйфория постепенно уступает место более трезвому, если не сказать прагматичному подходу. 18 марта во Владикавказе, Грозном, Ма-

хачкале и других городах СКФО вновь прошли митинги-концерты, но их участников было меньше, а продолжительность – короче.

Торжества сменяются рутинной административно-хозяйственной работой. Накануне первой годовщины воссоединения дагестанцы не только промчались по всему Кавказу автопробегом «Махачкала-Симферополь», но и привезли в Крым 35 тонн гуманитарной помощи для детей-сирот. В горной Чечне, на озере Кезеной-Ам, прошла межрегиональная конференция «К истокам взаимоотношений народов Крыма и Кавказа», целью которой стало выявление и укрепление исторических связей, а также помощь ускоренной интеграции Крыма в РФ. Крымский и ставропольский парламенты подписали соглашение о сотрудничестве. По словам председателя ставропольской Думы Юрия Белого, жители и руководство края готовы помогать крымчанам и в сфере управления, и в развитии сельского хозяйства. ***Пассивность Северной Осетии, потенциально являющейся геополитическим центром всего Кавказа, выглядит на этом фоне несколько странно.***

Развитие социально-экономических связей между СКФО и КФО, безусловно, важно, поскольку в этом плане федеральные округа роднит довольно многое. При огромном военно-политическом значении в них отсутствует серьезное промышленное производство, а сельское хозяйство едва обеспечивает местные нужды. Дотационность Севастополя и Крыма превышает средний северокавказский уровень, достигая 80% (у Чечни, для сравнения – 82%, Ингушетии – 87%). При этом транспортная доступность – вернее, серьезные сложности с ней, как и с современной туристической, да и просто инфраструктурой (например, водой), не говоря уж об общих для всей России последствиях санкций и мирового экономического кризиса – существенно затрудняют развитие полуострова. Решение этой проблемы, и об этом говорилось на кезенойской конференции, возможно исключительно через создание прямого транспортного коридора на Крым через Одессу и Херсон, а значит, только после окончательного реформирования так называемого украинского государства в нынешнем его виде. На Кавказе, очевидно, приветствовали бы такое решение.

Говоря о сходстве северокавказской и крымской ситуаций, часто имеют в виду фактор радикального исламизма. Но прямой перенос опыта борьбы с ним некоторых республик СКФО совершенно не уместен, несмотря на то, что в Крыму, как и на Кавказе, наличествует организованное и активное местное мусульманское сообщество. Если говорить о цифрах, крымская ситуация напоминает североосетинскую: в обоих регионах мусульмане составляют около 15% населения. Правда, в Крыму это практически исключительно крымские татары, тогда как в Северной Осетии ислам традиционно исповедует часть осетин, а также проживающие в республике чеченцы, кумыки и представители других мусульманских народов. Излишний радикализм не характерен для крымских татар. Известны лишь единичные случаи самовольной отправки местных мусульман, например, на войну в Сирии (тогда как в Дагестане или Азербайджане счет идет на десятки и сотни). Крымские сторонники запрещенной в России исламистской партии «Хизб ут-Тахрир» (на Кавказе, в отличие от Поволжья и Средней Азии, она не пользуется особой популярностью) в массе своей добровольно уехали на Украину.

В ходе подготовки сочинской зимней Олимпиады-2014 силовики основательно подчистили СКФО, превратив грозный некогда «Имарат Кавказ» в бессильный фантом. Бесчеловечные выходы боевиков так называемого «исламского государства» также постепенно отвращают от этого исламистского монстра даже самых фанатичных его сторонников. Конечно, *это отнюдь не означает, что тема исламизма в России закрыта раз и навсегда. Однако утверждать, что нынешняя ситуация в Крыму якобы напоминает Северный Кавказ девяностых годов, не стоит.* И если локальные экстремистские инциденты на полуострове теоретически все же возможны, то сколько-нибудь массовая вооруженная борьба против российского государства под исламистскими знаменами — однозначно нет.

При этом *внимание к обоим регионам внешних антироссийских сил, которые рассматривают их как «слабые звенья» российской государственности, нисколько не уменьшается.* Не удивительно и не случайно, что в «работу» с крымскими татарами

и по Украине в целом активно включилась Грузия. В свое время Тбилиси вместе с американским Jamestown Foundation потратил несколько лет на попытки срыва сочинской Олимпиады путем искусственного нагнетания «черкесского вопроса» (который – вот неожиданность! – внезапно самоликвидировался, как только стало окончательно ясно, что спортивный праздник состоится при любой политической погоде). Очень интересуется Крымом и турецкая «благотворительная» организация Imkander, так же, как и американские собратья-разведчики, тесно связанная с нашедшей пристанище в Турции северокавказской исламистско-сепаратистской «оппозицией» и с западными спецслужбами (в том числе, опять-таки, через соответствующие грузинские структуры).

Социально-экономические неурядицы (а главное, отсутствие внятной государственной идеологии, и, следовательно, внутри– и внешнеполитической стратегии) все еще способны вдохнуть в крымские и кавказские исламистские и прочие антигосударственные големы вторую жизнь. Вызванный возвращением Крыма патриотический подъем, охвативший практически всех россиян, быстро сошел на нет именно потому, что этот шаг так и остался единственным. Дальнейшее развитие ситуации в обоих регионах, как и в России в целом, во многом будет зависеть от решений по Новороссии – наиболее важной геополитической проблемы, стоящей перед нашей страной на современном этапе.

«Аналитика», 26 марта 2015 г.

Грузия: «растерянность и неопределенность»

После ухода команды Михаила Саакашвили российские СМИ и экспертное сообщество во многом утратили интерес к Грузии, хотя идущие там внутренние процессы заслуживают особого внимания. О роли православия, положении грузинского языка и культуры, росте влияния ислама, перспективах развития Грузии в ближайшие десять лет рассказывает эксперт Института Евразии (Тбилиси) **Георгий Векуа**.

– Уважаемый батано Георгий, любые социологические опросы показывают, что основой национальной самоидентификации большинства грузин является православие. Так ли это на самом деле? Как совместить высокие христианские идеалы с кровопролитными конфликтами, которые раздирают Грузию вот уже без малого тридцать лет?

– Да, пока это так. В целом, посещаемость церковных служб за последние годы возросла, и нельзя сказать, что храмы пустуют. Многие люди на улицах или даже в общественном транспорте крестятся, проходя мимо церкви или увидев ее издалека.

Но дело в том, что Грузинская православная церковь для многих, если не для большинства грузинских верующих играет роль, в первую очередь, национального института. То есть, это такое сакрализованное выражение национальной идентичности, в котором вместе сплетена гордость своим этносом (или нацией), традициями, историей и т.д. Кроме того, существует практически культ нынешнего патриарха – его портреты можно увидеть в магазинах у касс, в маршрутных такси, на столе у банковского клерка и пр.

Такое положение ведет к тому, что *многие верующие приходят в Церковь не столько за христианским учением, а как часть коллектива – этноса, нации*. В современном сложном и глобализованном мире у грузин, как у сравнительно небольшого народа, возникает стремление искать какую-то опору для своей идентичности. Так как нынешнее грузинское общество в значительной степени дезориентировано и не совсем понимает, куда движется страна, оно пытается найти такую точку опоры в ГПЦ.

Исходя из этого, *у грузин преобладает «националистическое» понимание православия и вообще религии. Поэтому уже не кажется странным, что фактор единоверия, допустим, с русскими или осетинами, не играет существенной роли в поведении и настроениях общества*. Хотя в последнее время часть священников стала больше выделять фактор единоверия в своих проповедях и выступлениях, что частично отразилось и на грузинском обществе, особенно на людях среднего и пожилого возраста.

– Второй важной составляющей идентичности обычно выступает национальный язык и культура. Насколько можно судить, грузинский язык в целом не утрачивает свои позиции (разговоры о повсеместном изучении английского, как и везде на постсоветском пространстве, касаются довольно узкого слоя молодежи). А что можно сказать о самобытной грузинской культуре? Хотя «Макдональдс» в Тбилиси открылся еще много лет назад, большинство по-прежнему ест хинкали, запивает вином и поет традиционные застольные песни. В этом секрет привлекательности Грузии для российских и иностранных туристов: она еще сохраняет свою уникальность. Или эта картинка обманчива, и грузинская культура так же, как и многие другие, отступает под натиском глобализации? Как бы Вы оценили «запас прочности» грузинского общества?

– Ситуация в этом отношении в Грузии сложная, как и во всех странах мира. Что касается грузинского языка, то, с одной стороны, он действительно не утрачивает свои позиции. Но, с другой стороны, сам язык становится все более бедным, примитивным, сужаются его культурные функции. Например, если еще 50 назад литература на грузинском языке оказывала влияние на массы народа, то теперь она превратилась в дело узкой группы лиц. Большая часть населения практически ничего не читает или читает очень мало, особенно художественную литературу. Все смотрят телевизор, а в нем сериалы (в Грузии сейчас популярны турецкие сериалы), довольно примитивные развлекательные шоу и выпуски новостей.

Обеднение языка, как ни странно, связано и с тем, что население становится все более моновязычным. То есть, большинство людей пока не знает или слабо знает даже английский язык, а знание русского постепенно утрачивается. В советскую эпоху, когда в Грузии официально существовало двуязычие (грузинский и русский языки), внимание к сохранению и развитию грузинского языка было намного больше, чем сейчас. Выходит, что *чем меньше население знает иностранные языки, тем примитивнее становится сам родной язык.*

Грузинская культура также переживает нелегкие времена. Хотя работают театры, ставятся спектакли, снимаются фильмы, грузинская культура утратила былую известность, которая она имела в советское время. Уже давно грузинские фильмы не получали международную известность (номинарованный в этом году на «Оскар» фильм «Мандарины» не является чисто грузинским продуктом), грузинские театральные коллективы почти нигде не гастролируют. Даже знаменитые грузинские ансамбли танца значительно сузили географию своих выступлений.

Западная масс-культура вполне успешно проникает и в Грузию. Те же «Макдональдсы» в Тбилиси, а их пока четыре, почти всегда заполнены посетителями, причем здесь принято водить детей в эти заведения, отмечать дни рождения и устраивать детские праздники. Происходит приучение детей с раннего возраста к западному ширпотребу. К сожалению, и качество грузинских кулинарных заведений в целом невысоко. Как недавно заметил один блогер, хотя грузины горды тем, что у них есть хинкали, в Тбилиси редко где можно покушать приличный хинкали.

В целом, повторяюсь, что *грузины в данный момент находятся как бы в неопределенности: кто они, куда идут, для чего живут?* Являются ли они европейцами, или азиатами, или кавказцами, или только грузинами? Опросы показывают, что лишь меньшинство (15-20%) считает себя европейцами, большинство говорит, что они только грузины или грузины и кавказцы одновременно. Но *что означает быть грузином, все менее понятно для самих грузин.*

Отдельно следует выделить возрастной срез. Хотя нельзя сказать, что молодые поколения в Грузии поголовно прозападны, но все же западные культурные влияния в первую очередь проникают в молодежную среду, особенно в Тбилиси, где живет почти четверть населения. Поэтому, с течением времени и замещением поколений, видимо, в культурной и ментальной сфере в Грузии следует ожидать довольно существенных изменений.

– Создается впечатление, что главным врагом грузинской самобытности, во всяком случае, в последнее десятилетие

тие, является руководство страны. После прихода к власти Саакашвили (политика в этом направлении продолжается и сейчас) в Грузии все более заметен крен в сторону навязывания обществу «западных ценностей». Если хотя бы пятая часть населения согласна с лозунгом «я – европеец», это говорит о серьезных сдвигах в национальном самосознании. Насколько они глубинны? Или изменение внешнеполитического курса официального Тбилиси способно в короткий срок вернуть ситуацию в прежнее русло? Европейцы ли грузины на самом деле, как Вы считаете?

– Как я отметил выше, как раз примерно пятая часть населения заявляет, что они – «европейцы». Это еще не значит, что все, кто говорит это во время опросов, на самом деле по своей ментальности, стилю жизни и т.д. идентичны сегодняшним европейцам. Но тенденция налицо.

В то же время, в последние годы наметился и другой тренд: часть населения и представители т.н. «бомонда» и интеллигенции под влиянием некоторых духовных лиц говорят о том, что они – не европейцы и нынешние европейские ценности им чужды, так как, по их словам, они противоречат грузинским традиционным ценностям. Опять-таки, трудно сказать точно, насколько эта позиция глубинна, или же она является выражением некоего фрондерства, политических игр и присущей грузинам артистичности. Но то, что определенная растерянность существует, это факт. В отличие от, допустим, периода десятилетней давности, когда «Европа» и «Запад» виделись как некая «земля обетованная» и «рай», куда грузины должны были обязательно попасть. Тогда господствовали романтические представления.

Сейчас в Грузии популярен тезис о том, что она может войти в евроатлантическое пространство со следующим условием: сохранить «традиционные ценности», свою религию и другие устои жизни. Такую формулу выдвинул католикос-патриарх Грузии Илья II. Однако насколько это реально, сложно сказать. Вероятно, Запад не согласится с такими условиями, так что грузинское общество стоит перед серьезной дилеммой.

В случае грузинской политической элиты, политики в Грузии, как и почти во всех странах мира, довольно циничны и думают, в первую очередь, о своих интересах. Большинство из них реально ориентируется на то, «откуда дует ветер», то есть, кто больше заплатит или обеспечит пребывание во власти. Так как Запад в предыдущие годы и десятилетия мог предложить грузинским политикам лучшие «условия сделки», чем другие внешние игроки, они и выбирали Запад.

В отличие от политиков, в Грузии существует довольно мощный и влиятельный слой, который в значительной степени определяет политику и влияет на самих политиков. Это т.н. неправительственный или гражданский сектор. В этом секторе влияние Запада еще больше, чем среди политической элиты, причем не только финансовое, но и доктринальное, т.е. идеологическое. Хотя и здесь возникли другие тенденции, как среди СМИ, так и НПО – появились организации, которые (хотя бы на словах) выступают против западного вектора развития или иногда критикуют Запад и его ценности.

– И еще об ориентациях. Вызывает удивление, что грузины, много пострадавшие от турок и персов, сейчас, скорее, ищут союзников на Востоке, а не в единой России, тогда как исторические векторы Турции, Ирана и нынешней РФ в целом не изменились. Как Вы объясните эту аномалию?

– Турция проводит довольно большую работу в Грузии по линии «мягкой силы». Уже сам факт, что Турция является крупнейшим торговым партнером Грузии, накладывает отпечаток на отношения между странами. Конечно, некоторые грузинские производители, допустим, могут жаловаться на то, что турецкая продукция и товары убивают их бизнес. Но одновременно рады импортеры и торговцы, которые живут на экономических связях с Турцией. В Тбилиси и Батуми есть целые улицы, на которых разместились турецкие рестораны и кафе. В них заходят не только турки, арабы и другие иностранцы, живущие в Грузии, но и много грузин, которые постепенно привыкают к турецкой кулинарии (хотя она является, скорее, эклектичной), культуре и т.д.

Сейчас в Грузии, как я упомянул выше, крайне популярны турецкие телевизионные сериалы, значительная часть населения, особенно женщины, «сидят» на них. Кроме того, Турция, как пока еще в целом светская страна, которая даже входит в состав НАТО, не вызывает отторжения или настороженности у большинства грузин.

Что касается Ирана, то во время правления Саакашвили, в 2010-2011 годах, был любопытный момент, когда Грузия и Иран взаимно ввели безвизовый режим между странами. Это привело к тому, что количество иранских визитеров в 2013 году выросло почти до 100 тысяч человек в год. Увеличилось количество иранских компаний, которые вели бизнес в Грузии. Однако после введения жестких санкций Запада против Ирана и после прихода к власти «Грузинской мечты», отношения между Грузией и Ираном испортились. Количество визитеров уменьшилось в несколько раз, почти все иранские компании покинули Грузию. Сейчас многие грузинские экономисты, журналисты и представители туристического бизнеса сетуют на то, что правительство Грузии искусственно создает препятствия притоку твердой валюты в стране, что отражается на ослаблении местной валюты.

Про Россию в плане фактора единоверия я уже говорил. При «Грузинской мечте» отношения с Россией реально улучшились, особенно в экономической и культурной областях. Однако прорывов пока не произошло. Дипломатические отношения не восстановлены, в вопросах Абхазии и Южной Осетии никаких серьезных подвижек нет. В этом году намечается открытие «Учебного центра» НАТО в Грузии, что может еще больше осложнить отношения между двумя странами.

В отношении России в грузинском обществе существует та же неопределенность, что и по отношению к Западу (Евросоюзу). В течение многих лет сами российские политики говорили, что Россия – тоже европейская страна и стремится создать с Европой «единое пространство от Лиссабона до Владивостока». Это воспринималось грузинскими политиками и обществом как уловка – дескать, в реальности Россия вовсе не стремится в Европу, а лишь делает вид, и при этом чинит препятствия Грузии и другим стра-

нам постсоветского пространства, которые на самом деле туда стремятся. И даже если Россия действительно хочет стать европейской страной, рассуждали они, то зачем Грузии Россия, не лучше ли иметь дело прямо с Европой, а не через «вторые руки» России (как это было в XIX веке)?

Сейчас, когда отношения России с Западом значительно обострились, часть общества начала склоняться к мысли, что, возможно, лучше быть вместе с Россией, а не с Европой. Вроде бы появилась какая-то определенность – православная Россия противостоит либеральной Европе и раздел проходит не только и не столько по политическим линиям, а по ценностным, религиозным и идеологическим. В этом случае образ России в сознании части грузинского общества обрел, хотя и не окончательно, более четкие очертания, и, соответственно, единоверческая составляющая также активизировалась. В этом случае происходит смена прозападного национализма на «православный национализм». Однако пока нельзя сказать, что эта идеология доминирует во всем обществе, как недавно доминировал прозападный национализм.

– Все больше информации об усилении позиций ислама в Грузии. Это действительно происходит (в рамках общего тренда на радикализацию Большого Кавказа), или речь скорее о пропагандистских преувеличениях внутривнутриполитической природы? Трудно не отметить накал страстей вокруг исламской тематики, хотя речь идет главным образом о соотечественниках-грузинах мусульманского вероисповедания, а не о представителях других народов. Каково место мусульман в современной Грузии?

– Грузины-мусульмане суннитского (ханафитского) толка живут главным образом в Аджарии, а также в тех селах, куда их переселили за последние десятилетия как экомигрантов из горных сел Аджарии (из-за оползней и других стихийных бедствий в этих районах автономной республики). За последние годы в этом регионе наблюдается рост как православной активности, так и ислама. Это связано и с тем, что во всем мире существует тренд политической активизации разных направлений ислама, что не минуло и

Турцию, которая имеет влияние в Абхазии. Ситуация в Абхазии несколько подпортила почти дружественные отношения между Грузией и Турцией, которые складывались в девяностых и двухтысячных годах, особенно на фоне реализации крупных энергетических проектов по оси Азербайджан-Грузия-Турция.

В Батуми, столице автономии, несколько лет остро стоит вопрос строительства второй мечети, поскольку первая уже не вмещает верующих. Некоторые представители православной общины протестуют строительству мечетей и медресе в Абхазии, видя в этом угрозу турецкой экспансии в регионе. Митрополит ГПЦ в горных регионах Абхазии Спиридон отличается проармянскими, антиисламскими и антитурецкими выступлениями, что не раз становилось причиной скандалов со стороны так называемой либеральной общественности.

В целом среди мусульманской молодежи в Батуми и в некоторых других селах и городах Абхазии ислам от формальной традиции дедов превратился за последние годы в практическую религию – они начали ходить в мечети, читать каждый день намаз и т.д. Появились и так называемые салафиты (ваххабиты), которые ведут пропаганду через социальные сети и другими способами. Их количество, видимо, пока не очень значительно, но имеет тенденцию к росту. Если будет финансирование из Турции и арабских стран, можно ожидать, что салафизм, как и в других регионах проживания мусульман-суннитов, будет постепенно укрепляться.

Что касается роли мусульман в политической жизни Грузии, то пока у них нет политических партий и объединений. ***В центре грузинской политики, который находится в Тбилиси, мусульмане почти никакой роли не играют.*** Азербайджанское население Грузии, которое компактно живет в южных регионах страны, поблизости от Тбилиси, не интегрировано в политическую и общественную жизнь. Большинство из них плохо говорит по-грузински, голосует всегда за правящую партию независимо от того, кто находится у власти. Пока это население не представляет политического фактора. Будет ли такое положение сохраняться в

ближайшие годы и десятилетия – зависит от многих факторов, в том числе региональных.

– На днях во Владикавказе вышла книга «Крик. Агрессия». Это сборник произведений русских классиков (Горький с рассказом «Мой спутник», Бунин с «Барышней Кларой» и Астафьев с «Ловлей пескарей в Грузии»), объединенных общей темой – «Образ грузина в русской литературе». Авторы рисуют весьма не привлекательный образ грузина – недалекого, беспринципного, жестокого, не желающего и не умеющего работать человека. Чем Вы объясните такой взгляд признанных русских классиков? Они смотрели на Грузию и грузин через кривую призму?...

– К сожалению, деградация грузин имела и имеет место, что не ускользает от взгляда самих грузин. Если кто-нибудь прочитает сообщения в социальных сетях и форумах, обнаружит огромное количество самокритических, можно сказать, самоуничижительных реплик. Например, в грузинском сегменте интернета существует популярный мем: «Боже, кинь в нас метеор». Таким способом либерально настроенные пользователи смеются над страной и «темными» людьми, населяющими ее. Я просматривал форумы соседних народов (на русском языке) и там, на мой взгляд, нет такого критического отношения к себе. С другой стороны, у грузин, как древнего народа, который пережил не одну империю, искусство выживания в трудных условиях и национализм всегда на высоком уровне. Поэтому имеем парадоксальное сочетание – среднестатистический грузин то хвастается, что лучше грузин нет никого на свете, то посыпает голову пеплом и последними словами ругает свою же страну. На мой взгляд, это тоже в какой-то степени является отражением той растерянности и неопределенности, в которой находится грузинское общество.

– Вот уже которое десятилетие не утихают страсти вокруг личности Сталина. Согласно общепризнанной трактовке, он был грузином, однако последнее время все чаще говорят об осетинском происхождении бывшего главы советского государства. Немало представителей старшего поколения осетин

отстаивает именно такую версию. Актуальны ли для Грузии споры о национальности Сталина? Как грузины оценивают его вклад в развитие советского государства? Его роль в грузинской истории?

– Грузины, без сомнения, считают Сталина грузином, и большинство из них с негодованием отвергло бы утверждение, что Сталин был осетином или кем-то еще, даже либерально настроенные граждане, не любящие «вождя народов». По отношению к Сталину общественное мнение в Грузии поляризовано: большинство считает его великим государственным деятелем (особенно люди старшего поколения и жители сельских районов Восточной Грузии, где он пользуется огромным уважением – во время почти каждого застолья произносят тост за Сталина). Европеизированные городские жители и некоторые из тех, чьи родственники пострадали во время репрессий тридцатых годов, не любят или даже ненавидят Сталина.

Многие грузины жалеют, что Сталин не смог присоединить к Грузии Тао-Кларджети – территорию, которая сейчас входит в состав Турции. Некоторые винят его в этом, другие оправдывают, что Сталин хотел и уже готовился к захвату части территории Турции, но США и Великобритания помешали ему это сделать, взяв под защиту Турцию, и даже угрожая применением ядерного оружия (которого у СССР тогда не было).

– Какими Вы видите грузин и Грузию через десять лет? Каковы основные направления развития грузинского общества и государства в этот период?

– Развитие Грузии, конечно, происходит не изолированно от окружающего мира, тем более, учитывая тот факт, что Грузия является маленькой страной. Многое будет зависеть от того, в каком направлении и как быстро будут идти процессы в самой Европе, евразийском пространстве, на Кавказе, в России и т.д. Что будет с Православной церковью в Грузии при новом патриархе? Каков будет его авторитет? Как будут развиваться демографические процессы в стране? Какое соотношение сил сложится между Россией и ЕС и США? Что будет с Турцией? Будет ли проводить Иран более ак-

тивную политику на Кавказе? *Процессы на Ближнем Востоке, в Евразии иногда развиваются настолько быстро, что прогнозировать с перспективой десяти лет становится очень сложно.*

Многое зависит и от того, сильно ли изменятся настроения в обществе с уходом старших поколений (той же известной советской интеллигенции, которая все еще активна, но уже уходит) и с приходом в политику нынешних тинейджеров и двадцатилетней молодежи. Если прокрутить время назад и посмотреть на 2005 год, обнаружим, как много событий произошло с тех пор. Если США еще раз активно возьмутся за Грузию, в смысле открытого высказывания своих предпочтений о том, кто должен находиться у власти, теоретически возможен еще один поворот в сторону прозападной политики. В этом случае попытки перестроить ментальность страны со стороны политической элиты могут оказаться более глубинными и систематизированными, чем это было при Саакашвили.

*Беседовала Яна Амелина
«Национальный интерес», 13 апреля 2015 г.*

«Жуткая человеческая драма...»

Яна Амелина

Кубанский казак Федор Елисеев (1892-1987), в начале Первой мировой войны – молодой хорунжий, прожил долгую и интересную жизнь. Отвоевав на Кавказском фронте, после революции примкнул к белому движению, командовал крупными подразделениями. Затем – эмиграция, Индия, Юго-Восточная Азия, Индокитай, служба во французском легионе, японский плен в конце Второй мировой войны и, наконец, – мемуары в девяносто «тетрадей-брошюр», как называл их сам Елисеев.

В 2001 году Воениздат выпустил книгу «Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах», составленную внуком сослуживца и друга Елисеева П. Кулабуховым. В этой интереснейшей книге, написанной простым и безыскусным «военным»

языком, подробно рассказывается об участии частей Кубанского, Терского, Донского, Забайкальского, Сибирского и Оренбургского казачьих войск в боевых действиях на Кавказе, приводятся имена множества офицеров и детали военных подвигов, рассказывается об их дальнейшей, почти всегда трагической, судьбе.

Непосредственный свидетель и участник событий далеких лет, Федор Елисеев подробно повествует о ситуации в Восточной Турции вековой давности.

В конце апреля 1915 года, в Баязетской долине сосредоточился только что сформированный для наступления вглубь Турции Араратский отряд, в который, наряду с казачьими бригадами и другими подразделениями, входили три армянские добровольческие дружины под командованием Дро, Амазаспа и Кери. «Отряд предназначался для занятия Ванского вилайета и города Ван, почитавшегося среди армян «Армянской Москвой», то есть центром и сосредоточением армянской культуры, политической жизни, — пишет Елисеев. — ...Дружины Дро и Амазаспа еще перед Рождеством Христовым 1914 года действовали с Закаспийской бригадой на Тапаризском перевале. Тогда же был ранен Дро, считавшийся храбрейшим из всех. Его мы с почетом отправляли на излечение в Игдырь. 1-я армянская дружина Андроника все время находилась в Персии, в отряде генерала Чернозубова».

Казачий офицер с симпатией описывает армянских союзников. «Дружинники были отлично экипированы. Они носили защитного цвета длинные кители с большими карманами, брюки. Все — добротного качества. Говорилось, что все это «американское». Вооружены были русскими винтовками, и очень у многих длинные револьверы системы «Маузер» с деревянными кобурами-футлярами к ним, как ложа винтовки для стрельбы на дальнюю дистанцию. Целая броня перекрестных патронташей на груди и поясе придавала армянским дружинникам очень воинственный вид. Головным уборам их были черные кавказские, почти сплошь каракулевые, папахи, что сближало их с нами, казаками.

Их доблестные вожди были штатскими национальными армянскими политическими деятелями в России. Одеты и во-

оружены они были, как и их дружинники, но только без винтовок. Все были без погон, но *их дисциплина и вся суть воинского движения, построенного на добровольческих началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме, с главной целью – освобождением Армении от турок.*

Они были очень ценными помощниками казачьему отряду в этой операции. К тому же они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно».

В книге приводится множество душераздирающих примеров массовых зверств. Вот как описывает Федор Елисеев происшедшее 24 апреля 1915 года (по старому стилю) «в долине Аббага». Казаки двигаются к Вану. Легко обратив в бегство группу конных курдов, видят впереди село (название не указано). «Из села выскочили десятка два конных курдов и в беспорядке широким наметом понеслись на юг. Мы вскочили в село. Оно оказалось армянским. В нем – только женщины и дети. Все они не плачут, а воют по-звериному и крестятся, приговаривая:

– Кристин!.. Кристин!.. Ирмян кристин!

Ничего не понять от них о событиях, происшедших в селе. Жестом руки успокаиваю их. Восточный мир податлив. И верующий во что-то Высшее, фатально верующий. *Сняв папаху и перекрестившись, я этим показал им, что они находятся теперь под защитой русского оружия.* И не задерживаясь – наметом – двинулись на юг. А через версту, у ручейка, видим до десятка армянских трупов. Теперь нам стала ясна причина рыданий и скрежета зубов женщин в селе. Все трупы еще свежи. У всех позади связаны руки. И все с перерезанным горлом. Одежда подожжена и еще тлела. Все молодые парни с чуть пробивавшимися черными усиками. Картина жуткая. *Казаки молча смотрели на них. И для них, как христиан, лик войны менялся. Они возненавидели курдов и жаждали мщения».*

Продвигаясь к Вану через глубокое и узкое ущелье, казаки останавливаются на ночь в селе Бегри-Кала. «Рядом – армянское село с православной церковью, где навалены трупы женщин и де-

тей, зарезанных в ней курдами. Картина страшная...». Это сопровождает казаков по всему направлению движения. «Прошли уже много. Кругом ни души. Вдруг лай собаки. Село. На рысях вскакиваем в него. По трупам вырезанных женщин и детей определяем, что село армянское. Трупы еще не разложились. Значит, резня была недавно. Кроме двух-трех худых собак – никого...

Двигаемся дальше. Из-за глыб камней показались люди, человек двадцать. ...То оказались мужчины армянского вырезанного села. Они скрываются в горах от курдов уже несколько дней. О движении русских войск ничего не знают. И какова была их радость, когда они узнали, что Ван уже занят русскими войсками. Объяснялись кое-как по-турецки. Со слезами на глазах они целуют мои ноги в стремени. *Жуткая человеческая драма...*»

Торжества по поводу взятия Ванна русскими войсками подробно описаны в главе «Банкет с вождями армянских дружин». Русские офицеры и армянские полководцы – Амазасп, Дро, Кери, городской голова Арам-паша – впервые с начала войны обедают не в походных условиях, а за уставленным замечательными восточными кушаньями столом с белыми скатертями и столовыми приборами.

«Но вот встал Арам-паша. Он произнес тост за Русскую императорскую победоносную армию. Говорил он по-армянски. Целыми фразами переводил нам их самый храбрый и видный начальник 2-й армянской дружины – Дро. Дро – коренастый человек среднего роста с густой черной бородой, подстриженной лопаточкой. В боевом костюме, с ремнями через оба плеча, он производил могучее и приятное впечатление. Своим видом он походил на генерала Кутепова.

После нескольких приветственных фраз по адресу Русской армии и нас, присутствующих, Арам-паша обратился к генералу Николаеву с просьбой дать разрешение послать русскому императору ту телеграмму, которую он сейчас прочтет. Мы невольно насторожились: телеграмма самому русскому царю из далекой Турции и от армян – это было тогда что-то особенное и экстраординарное.

Вот ее полный текст: *«В день рождения Вашего Величества, совпадающий с днем вступления Ваших Войск в столицу Армении, желая величия и победы России, мы, представители национальной Армении, просим принять и нас под Ваше покровительство. И пусть в роскошном и многообразном букете цветов Великой Российской Империи маленькой благоухающей фиалкой будет жить автономная Армения»*. Всю телеграмму, по фразам умно и внятно переведенную Дро, офицеры Арагатского отряда покрыли дружными долгими и громкими аплодисментами».

Этим вечером закончилась Ванская операция, начавшаяся 22 апреля и закончившаяся взятием города 6 мая. Все офицеры, участвовавшие в операции, были представлены к очередным боевым наградам. 8 мая в Ване состоялся «благодарственный Богу молебен и парад войск. ...Церковная служба окончена, и офицеры стали подходить к кресту. И каково же было наше удивление, смешанное с восхищением, когда прибывшие ученицы армянских школ, возрастом не старше 14 лет, одетые в летние платья с черными передничками, под управлением своего регента вдруг, словно ангелочки, запели:

*Славься, славься, нас Русски Сарь,
Господам данни нас Сарь-Государь.
Да будет письмертни Твой Сарьски Родт,
Да им благоденствуе Руськи нарот...*

Это было так неожиданно для нас и так приятно, что даже весь главный штаб во главе с генералом Николаевым, не говоря уже о нас, строевых офицерах, остановился и невольно повернул в их сторону свои головы. И, несмотря на непонимание поющими русских слов в этом славословии русского царя, произносимом с большим акцентом, это нисколько не умаляло достоинства преподнесенного нам сюрприза. «И когда это они успели разучить?» — делились мы между собой недоуменно».

Какие показательные примеры в назидание нашим современникам, все чаще ставящим под сомнение российско-армянские отношения своими непродуманными заявлениями и действиями!..

Казак до мозга костей, Федор Елисеев не думает о политике. Он просто описывает все, что видел. Справедливости ради, стоит привести и другие его наблюдения. Осматривая Ван, казаки видят, что он разделен на две почти равные части – турецкую и армянскую. «Но весь турецкий город сожжен армянами. Армянская же часть города совершенно не пострадала. Каждый двор утопает во фруктовых деревьях. Окраины армянских садов сплошь защищены окопами в рост человека, с бойницами и ходами сообщения. Все укреплено по правилам военной науки. *Зная о победном движении русских войск, армяне восстали, выбили из города небольшой турецкий гарнизон и жандармерию и дотла сожгли турецкую часть города*».

Через несколько дней российские военные уходят из Вана дальше. «Отряд охотно и бодро выступил из города, провожаемый ликующей толпой армян, в том числе нарядно одетыми в белые платья молодыми женщинами и подростками. Несчастные... *Они, безусловно, были уверены, что теперь-то, при помощи русских победных войск, будет освобождена и построена их Великая Армения*. Но и мы, победители и освободители, тогда не думали и не гадали, что не позже чем через два месяца все жители города Ван и всего округа переживут жуткую трагедию, и их дивный город будет разграблен курдами и сожжен...»

В конце июля казакам внезапно приказывают отступить. Своими глазами они видят страшные доказательства того, что вскоре будет названо геноцидом армян. «С высоких скалистых берегов глубокого ущелья, насколько хватало глаз на юг и на север, по нему частыми пятнами лежали трупы людей. Разъезд спустился вниз. Картина еще более страшная, чем она представлялась сверху. Женщины и дети, одиночками и маленькими группами, видимо семьями, устали весь путь по ущелью. Изредка попадались мужчины-армяне у своих арб, без буйволов и разграбленных. Все взрослые – с перерезанными горлами, мужчины – со связанными назад руками, дети убиты в голову острыми молотками. Все трупы подожжены (далее описывается еще более «страшная и стыдная» картина... – прим.).

В ущелье было тихо-тихо. Молчали и казаки. И только птички, перелетая с одного берега ущелья на другой, чирикали как ни в чем не бывало, словно говоря: «А где же слава, ваша воинская слава?!». В «Тифлисском листке» было сказано, что всех армян из Ванского района ушло в Россию около 500 тысяч человек, считая женщин и детей. Сколько же было вырезано – газета не сказала».

Федор Елисеев больше не возвращается к этой теме в своей книге. Но, в числе прочих, его свидетельства вливаются в общее полотно доказательств геноцида армян, не позволяя ставить под сомнение этот страшный факт мировой истории. Историческая ответственность России за происходящее в регионе также не подлежит сомнению.

«Политика», 24 апреля 2015 г.

Южная Осетия сегодня: штрихи к социальному портрету

Александр Сергеев

Прошел год с момента выхода моей книги «Современная Южная Осетия: уроки и вызовы». За это время в югоосетинском обществе произошли некоторые перемены: что-то стало видно четче и яснее, какие-то тенденции проявились с большей силой. Именно об этом и хотелось бы сейчас поговорить.

Большим успехом для югоосетинского государства явилось подписание договора о дружбе и интеграции с Россией. Хотелось бы, конечно, чтобы он имел менее половинчатый характер, чтобы многие зафиксированные в нем принципиальные вопросы не ждали регулирования с помощью отдельных соглашений, а управлялись бы нормами прямого действия, как и подобает полноценным международным договорам подобного уровня. Однако, несмотря на очевидные недостатки, плюсы от его подписания все же велики. С его помощью югоосетинское государство получает шансы на дальнейшую жизнь в средне- и долгосрочной перспективе. Вспоминаются слова одной из песен популярного в перестроеч-

ные времена рок-ансамбля «Наутилус Помпилиус»: «это не значит почти ничего, кроме того, что, возможно, я буду жить».

Позиция югоосетинских «самостийников» поражает. Ни в одной статье никто из них не дал четкого, рационального и реалистичного ответа: за счет чего будет строить югоосетинское государство свою независимость? Где для этого необходимые материальные, организационные, человеческие ресурсы? Что будет делать Южная Осетия, если в Москве, не дай Бог, поменяется власть, и внутрироссийский элитный вектор качнется в грузинскую сторону? Вы так уверены, что этого «не может быть»? А на чем базируется ваша уверенность? Интересно, а кто-нибудь из вас вообще ответственно сам себе задавал этот комплекс вопросов?..

В Цхинвал крайне интересно приезжать в осенне-весенний внепраздничный период, когда «гости столицы» покидают республику. Именно тогда в каждодневной югоосетинской действительности просвечивают черты, малозаметные в относительной летней суете, создаваемой приехавшими в отпуск на отдых. Об этих особенностях как раз и хочется поговорить.

Но прежде чем критиковать сегодняшнюю действительность, нужно, однако, констатировать, что определенные сдвиги к лучшему в республике за последний год все же есть. В частности, отремонтировано несколько центральных цхинвальских улиц, и наконец-то разобраны развалины анклава, находившегося между Джавой и Цхинвалом. Впрочем, преувеличивать позитивное значение указанных перемен не хочется – реально сделана и делается на сегодняшний день лишь малая толика необходимого.

А теперь о каждодневных чертах современного осетинского быта, которые играли и продолжают играть с жителями республики злую шутку:

1. Немобилизованность общества, его тотальная ослабленность. При множестве разноплановых угроз его жизнедеятельности, многократно описанных и оговоренных, оно, жезлезно вмонтированное в текущую каждодневную повестку дня и поглощенное обсуждением собственных сиюминутных проблем,

категорически не желает обрести субъектность и цельность. Вышеуказанный уровень общественного самосознания ярко демонстрируется на всех уровнях югоосетинского социума сверху донизу.

2. Наличие в республике «трех миров», параллельно сосуществующих друг с другом: мира элиты, мира простых людей и мира коммерческих и ведомственных организаций и их представительств. Эти три макрогруппы живут в изолированных друг от друга социоэкономических и духовно-культурных пространствах, между которыми нет ни диалога, ни взаимодействия. В маленькой, терпящей бедствие пятидесятитысячной республике этот фактор может стать воистину взрывоопасным.

3. Кризис осетинской общины. Говорить об этом явлении трудно, однако умалчивание вряд ли будет верным. *Блестяще справившись с тяжелейшими испытаниями военного времени, югоосетинский социум пока не нашел в себе сил и нового знания для формулирования нового идейно-смыслового ответа на вызовы сегодняшней «потребительской лихорадки» и иных зол, транслируемых при помощи соответствующих западных структур в российское цивилизационное поле.* Нередки случаи, когда вчерашние южные осетины, вырвавшись в реалии крупных российских городов, теряют ранее имевшуюся у них систему социокультурных кодов своего народа, ассимилируясь в иное социальное пространство. Многие же, вернувшись назад, не могут найти применения своим знаниям и жизненному опыту, приобретенным вдали от дома. Очень часто эти люди озлобляются и уходят в себя. Осетинская община же, не уделяя указанным людям должного внимания, фактически выбрасывает их из своего поля зрения, переставая, таким образом, получать жизненно необходимые для своего функционирования знания и навыки, результатом чего является ее самоконсервация и старение.

4. Кризис югоосетинской элиты. Сегодняшняя элита Южной Осетии находится отнюдь не на высоте выполняемых ею задач. *Ее повестка дня, вместо глобальных острейших вопросов*

жизнедеятельности республики, наполнена обсуждением мелких событий узкоместного характера и многословным толкованием крайне немногочисленных и невнятных мессиджей в ее сторону, исходящих из Москвы и Владикавказа. Если в ближайшие годы трансформация югоосетинского элитного дискурса не будет проведена, то развивать общество и преодолевать общинный кризис будет попросту некому, а потому процесс закоснения и дальнейшего угасания югоосетинского социума окажется попросту неизбежен.

Необходимо сказать и еще об одной вещи. В своих работах я неоднократно подчеркивал, что югоосетинский народ – народ героический, и само его постсоветское бытие, равно как и его победа в двадцатилетней Отечественной войне, представляет из себя огромную тайну, которую еще предстоит разгадать. В то же время, помимо многочисленных позитивных социокультурных кодов – традиционности быта, почитания святых мест, особого отношения к природе и ряда других, обеспечивавших республике необыкновенный воинский дух и колоссальную стойкость, **необходимо сказать и об отрицательных особенностях югоосетинского менталитета**, которые сказываются на жизнедеятельности общества в мирное время особенно пагубно, сдерживая железными скрепами необходимый потенциал развития:

1. Отсутствие стратегического элитного мышления. Эту болезнь югоосетинский социум унаследовал еще с советских времен, и она до сих пор играет с ним злую шутку. Где была югоосетинская элита, скажем в 60-е, 70-е, 80-е годы прошлого столетия? Почему она всегда и всецело проигрывала грузинским элитам? Почему югоосетинские элитарии не хотят учиться у сегодняшних коллег из Чеченской Республики, жизненный уровень в которой превышает югоосетинский? Российский цивилизационный материк – субстанция особого характера, включающая в себя сотни этнических и субэтнических групп. Одинаково качественно решать проблемы каждого этноса из Москвы представляется попросту невозможным, исходя из чего, если ты сам не озаботился собственным благополучием и благополучием твоего

народа, надеяться на благоприятный исход дела воистину недальновидно и неразумно.

2. Стремление быть «первым в формате» при нежелании выходить из него даже в чрезвычайных условиях. Социокультурные форматы – вещь исключительно переменчивая и, кроме того, часто искусственно конструируемая внешними силами. Вхождение в роль «бескомпромиссного форматного поведения» – вещь исключительно опасная. Указанное явление сегодня можно наблюдать и в полемике по основному вопросу общественной жизни республики. Одни группы людей стоят за «скорейшее и безусловное» вхождение в российское социокультурное пространство, другие – за самостоятельность «до последней капли крови». Более сложные компромиссные модели, учитывающие интересы как разных социальных южноосетинских групп, так и общества в целом, обсуждать, равно как и вступать в соответствующий конструктивный диалог, никто не хочет.

3. Амбициозность, незаметно переходящая в высокомерие. Очень часто вчерашний южный осетин, вышедший из мира простых людей, незаметно для себя теряет природную скромность, начиная свысока смотреть на окружающих. Рост высокомерия, как правило, прямо пропорционален снижению уровня деловитости и профессиональных качеств. Вследствие этой причины народ недолго любит элиту и сторонится ее, обоснованно опасаясь попадания в указанную среду, боясь потерять способность «жить по совести». Эта причина во многом объясняет беспорядок, творящийся в различных сферах югоосетинской жизни, при крайне болезненном восприятии критики соответствующими властными инстанциями.

Несмотря на имеющуюся систему фундаментальных угроз, шанс на преодоление сегодняшней тупиковой ситуации все же есть. Самое главное, чтобы югоосетинский социум преодолел многолетнюю апатию и приобрел соответствующую волю и любовь к жизни, ибо спасение утопающих – дело рук, прежде всего, самих утопающих.

«Общество», 14 мая 2015 г.

«Форпостное мышление» или историческая судьба?

В разное время форпостом¹ России на Кавказе назывались Армения, Осетия, Чечня, а также весь регион в целом. В последние годы концепция «передового поста», всегда имевшая идеологическое измерение, активно пересматривается, что в обозримом будущем способно повлечь значительные негативные последствия для национальных интересов РФ.

В массовом сознании *статус «российского форпоста на Кавказе» обычно ассоциируется с Осетией*² (без разделения на Северную и Южную³). Этот подход базируется на глубинном историко-цивилизационном основании. «Жизнь Осетии и России неразделима, – констатирует директор Института истории и археологии РСО-А, доктор исторических наук Руслан Бзаров. – Россия – это национальное государство осетинского народа. ...Стоя перед задачей возобновления государственности в XVIII веке ...осетинский народ выбрал в качестве национального государства Россию. Вы-

¹ Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, понятие «форпост» имеет два значения: прямое – «передовой пост, укрепленный пункт, аванпост» и переносное – «передовой пункт, опора чего-нибудь». Применительно к ситуации на Кавказе уместно использование как первого, так и второго. Это понятие частично перекликается с американским «фронтиром» (буквально – граница между освоенными и неосвоенными поселенцами землями), относящимся к эпохе освоения свободных земель на Западе США (до конца XIX века).

² Некоторые, признавая этот факт, относятся к нему достаточно ревниво. См., например: Светлана Кареева. Кто виноват в бедах ингушского народа. Научно-исторический взгляд на проблему соседства с Северной Осетией. <http://www.galgayche.ge/?m=10&news=200&them=10> или: Валерий Ватугин. Северная Осетия – путь от политического форпоста до силового плацдарма Москвы. Caucasus Times, 14 марта 2007 г. <http://www.caucasustimes.com/article.asp?id=12189>. Судя по тому, что обе публикации

были многократно перепечатаны различными ультра националистическими и сепаратистскими ресурсами, подавляющее большинство которых базируется за рубежом или финансируется оттуда, их появление в медиа-пространстве следует расценивать как очередное подтверждение тезиса о внешнем характере большинства вбросов, подвергающих сомнению статус Осетии как форпоста России.

³ «Мы ...являемся форпостом России и останемся таким форпостом до конца», – неоднократно заявлял, в частности, второй президент Республики Южная Осетия Эдуард Кокойты. См.: Эдуард Кокойты: «У нас никто не собирается стрелять в воздух». ИА «Росбалт», 9 июня 2004 г. <http://www.rosbalt.ru/2004/06/09/165251.html> Или: «Единство Осетии укрепит позиции России на Кавказе, – заявил президент Южной Осетии Эдуард Кокойты на совместном заседании правительства, которое состоялось 6 декабря во Владикавказе. – Осетия – форпост России на юге Кавказа, и каждый осетин на юге и на севере несет большую ответственность». Кокойты: Единство Осетии укрепит позиции России на Кавказе. ИА Regnum, 6 декабря 2006 г. www.regnum.ru/news/751249.html

брал в силу близости культурно-цивилизационной, конфессиональной, религиозной, выбрал в силу того, что именно Россия могла быть на Кавказе гарантией мира и благополучия осетинского народа, перспектив его экономического, социального и политического развития. *...Россия – это самая подходящая перспектива для Кавказа и Осетии, потому что Россия отвечает национальным интересам осетинского народа*». Осетины никогда не изменяли фундаменту этой общности, русско-осетинскому союзу, отметил Бзаров, добавив: «пусть никто не обманывает себя и не тратит своих сил на вбивание клиньев между Россией и Осетией»⁴.

Помимо указанного основополагающего, Осетия имеет множество формальных оснований для наименования себя российским форпостом. Она находится в географическом и геополитическом центре Кавказа. Преимущественно православная республика (мусульмане также играют существенную роль в общественно-политической и социальной жизни) объединяет восточное и западное исламские «крылья» региона. Через Северную Осетию идут основные транспортные пути в Закавказье и далее на Ближний Восток (Военно-Грузинская дорога и Транскавказская автомагистраль). Север и Юг Осетии соединяет мощная транспортная артерия – Рокский тоннель.

Столица Северной Осетии Владикавказ, заложенный как российская военная крепость⁵, многие десятилетия, включая советский период, являлся военно-политическим, административным и культурно-образовательным центром региона во всех без исключения сферах⁶. В советские времена,

⁴ Руслан Бзаров: Россия – это национальное государство осетинского народа. ИА «Рес», 13 июня 2010 г. <http://cominf.org/node/1166483539>

⁵ «Форпост российского геополитического влияния в Кавказском регионе». См.: Александр Дзасохов. «Мы – Россия, мы – Кавказ!». «Независимая газета», 2 июля 2004 г. http://www.ng.ru/ideas/2004-07-02/11_osetia.html

⁶ Важными «культурными, духовными», а не только геополитическими форпостами России на Кавказе на протяжении более двух столетий назвала Ставрополь и Владикавказ ставропольский журналист Наталья Быкова. «Хотя крепость Владикавказ появилась позже Ставропольской и театр там моложе нашего на четверть века (ее статья посвящена гастролям в Ставрополе академического русского театра им. Е. Вахтангова РСО-А), у нас очень много общего, – поясняет она. – Оба города «смотрят» на Кавказ, оба театра открывались одним спектаклем – «Маскарад» Лермонтова». Наталья Быкова. Шекспи-

когда культуре уделялось особое внимание (так, владикавказская филармония открылась на базе Северо-Осетинского симфонического оркестра в 1944 г.), «Владикавказ, тогда Орджоникидзе, был форпостом музыкальной культуры Северного Кавказа»⁷.

После развала СССР первенство Осетии, в целом признававшееся всем Северным Кавказом, во многом оказалось утрачено. Роль «российского форпоста», приобретающая более идеологическое, чем практическое значение, пока не перешла к какому-либо другому региону или городу, но претендентов на это звание достаточно много. Среди основных можно назвать Грозный (Чечню в целом) и Ставрополь (и даже весь Северный Кавказ).

После завершения фазы КТО и основного периода восстановления, на роль главного официального российского форпоста на Кавказе стала активно претендовать Чеченская Республика. Еще пять лет назад заместитель председателя комитета Госдумы по делам Федерации и региональной политике Адам Делимханов назвал Чечню «самым надежным форпостом России на Кавказе», подчеркнув, что «никогда более ни чеченский народ, ни территория Чеченской Республики не будут использованы против интересов России»⁸.

«Северный Кавказ является надёжным форпостом на южных рубежах Отечества», – прокомментировал итоги мартовского мониторинга восприятия населением ситуации в регионе, проведенном «Левада-центром», глава ЧР Рамзан Кадыров. По данным опроса, 54% россиян назвали обстановку в регионе спокойной и благополучной, 22% отметили тенденцию к улучшению ситуации. Кадыров призвал «призадуматься» тех, кто «носился с лозунгами отсоединения Северного Кавказа от России». «Кавказ был и оста-

ровская сцена Кавказа. «Ставропольская правда», 6 сентября 2002 г. <http://www.stpravda.ru/2002/09/06/2002-09-06-11.shtml>

⁷ Елена Мусаелян. Культурный форпост России на Северном Кавказе. 28 октября 2014 г. <http://muzkarta.info/novost/kulturnyy-forpost-rossii-na-severnom-kavkaze>

⁸ Адам Делимханов. Сегодня Чечня является самым надежным форпостом России на Кавказе. 2 августа 2010 г. <http://kadyrov2012.org/2010-03-11-01-12-20/320-2010-08-02-08-30-09>

ётся опорой и щитом России!» – констатировал глава Чечни⁹. Голос чеченского руководства, говорящего от имени уже не только своей республики, но и де-факто всего Северного Кавказа, звучит все громче и отчетливее.

Появляются и материалы, расширяющие понятие форпоста России на Кавказе с Чечни вплоть до Дагестана¹⁰ и Ингушетии¹¹. Авторы подобных текстов полагают, что «пора уже прекратить воспринимать эти территории как проблему и головную боль. Не будь их сейчас в составе России, Кавказ превратился бы в кровавое месиво, которое бы потоком обрушилось бы на равнинную Россию»¹².

«Кавказ – это не просто форпост России, Кавказ – это та артерия, которая свидетельствует о жизни великой России, а Северная Осетия – это форпост Православия!»¹³, – заявил на соборной встре-

⁹ Пресс-служба Главы и Правительства Чеченской Республики. Р. Кадыров: «Мы верим в Россию и вместе сделаем всё, чтобы это осознали наши противники». 1 апреля 2015 г. <http://chechnya.gov.ru/page.php?i=126&id=16427>

¹⁰ Критический анализ попыток разработки новой стратегии развития Дагестана с упором на его «миссию стать южным форпостом России в торгово-экономическом и культурно-политическом аспектах взаимодействия со странами Каспийского региона» дан, например, в материале: Стратегия-2020: «форпостное» мышление. Дагестанская правда, 28 ноября 2008 г. <http://dagpravda.ru/rubriki/politika/4119/>. Там же предложен наиболее полный перечень всех российских «форпостов», конкуренции с которыми Дагестан, по мнению анонимного автора, не выдерживает. Прошедшие с момента написания этого текста годы показали, что он ошибался в некоторых деталях. «Никто из наших соседей не является источником реальной угрозы для России, – указывается, в частности, в материале, где среди прочих угроз перечислены также «США и мировой терроризм». – И наш форпост превращается в простую караульную будку. ...Почему мне не нравится слово форпост? Потому что оно созвучно терминам «угроза» и «война», от которых мы пытаемся уйти. ...Дагестан был форпостом России в кавказских войнах, но в последние годы эта функция перешла к Северной Осетии и Краснодарскому краю. А сейчас Россия имеет два других важных форпоста на Кавказе – Южную Осетию и Абхазию. Это реальность и именно туда будут направляться ресурсы экспансии».

¹¹ «На протяжении всей истории взаимоотношений с Россией ингушский народ не раз доказывал, что дорожит единством с ней, является ее надежным форпостом в регионе», – указал в праздничном обращении к соотечественникам по случаю 245-летия единения Ингушетии с Россией глава республики Юнусбек Евкуров. Обращение Главы Республики Ингушетия в связи с Днем единения Ингушетии с Россией. 17 марта 2015 г., <http://www.magas.ru/content/obrashchenie-glavy-respubliki-ingushetiya-svyazi-s-%C2%A0dnem-%C2%A0Oedineniya-ingushetii-s-rossiei>

¹² Чечня – форпост России на Кавказе. Блог «Русский мальчик», 8 декабря 2014 г. <http://russskiy-malchik.livejournal.com/557832.html>

¹³ Кавказ – форпост России, Северная Осетия – форпост православия. 4 сентября 2009 г. <http://www.stavropolye.tv/society/view/12216>

че Всемирного русского народного собора, прошедшей во Владикавказе в дни пятилетия бесланской трагедии в 2009 г., тогдашний архиепископ Владикавказский и Ставропольский Феофан.

«Историческая миссия, которая испокон века лежит на плечах жителей всего Северного Кавказа – быть форпостом России на ее южных рубежах, – подчеркнул в ходе общения с членами Ассоциации СМИ Северного Кавказа губернатор Ставропольского края Владимир Владимиров. – Мы, кавказцы, всегда встречали все угрозы первыми. И мы готовы с честью нести эту миссию и дальше». При этом главным мероприятием в повестке дня 2015 г. он назвал празднование 70-летия Великой Победы, а в среди важных мероприятий округа указал празднование двухтысячелетия Дербента¹⁴.

Признавая значимую роль Чечни, Ставропольского края и других субъектов СКФО в обеспечении стабильности и государственных интересов РФ в регионе, следует отметить, что ни один из них не выдвинул «стратегии первенства», признаваемой «соперниками» и претендующей на успех хотя бы в масштабах федерального округа, не говоря уже об общероссийской повестке дня. Отнести к таковым претензии Грозного на роль политического и духовного мусульманского центра Кавказа достаточно сложно, так как они не подтверждаются каждодневной политической практикой.

Однако это замечание в значительной степени можно отнести и к Осетии, особенно если речь идет не о формальных титулах, а о реальном влиянии на ситуацию в регионе и формирование федеральной политики в отношении Северного Кавказа. Бесланская трагедия, оказавшая на Осетию огромное влияние, привела к «осетинской депрессии», симптомы которой были хорошо заметны еще несколько лет назад¹⁵. Постоянный отток молодого и креативного населения (как осетинской, так и русской и других нетитульных национальностей) в центральную Россию

¹⁴ Владимир Владимиров: «Кавказ – форпост России на ее южных рубежах». Портал СКФО. http://www.skfo.ru/article/item/424_Vladimir_Vladimirov_Kavkaz_-_forpost_Rossii_na_ee_yujnyih_rubejah_996/

¹⁵ См.: Алина Инсанова. Поникший Владикавказ. АПН, 7 августа 2008 г. <http://www.apn.ru/publications/article20541.htm>

также негативно сказывается на интеллектуальном состоянии осетинского общественно-политического пространства. Создается впечатление, что *республика добровольно отказывается от претензий на первенство, которое ей больше «не потянуть»*.

Ярким примером того, что на самом деле находится в центре внимания североосетинского социума, служит подведение итогов 2014 г. по результатам голосования посетителей популярного республиканского информационного портала «15-й регион». 49% участников опроса назвали главным событием ушедшего года банкротство футбольного клуба «Алания», 22% – крах «Диг-Банка», 15% – рассмотрение «дела Беслана» в Страсбургском суде (первое заседание состоялось 14 октября 2014 г., информации о развитии событий нет), 9% – завершение реконструкции Рокского тоннеля, менее 5% – масштабное празднование юбилея знаменитого осетинского поэта и просветителя Коста Хетагурова. В опросе участвовали около 500 человек¹⁶. Подводя собственные итоги, журналист Заур Фарниев также отметил три первых позиции, добавив, однако, отклик жителей Северной Осетии на события на Украине, включая отъезд туда добровольцев и внесение в санкционный список Запада сенатора от РСО-А Александра Тотоонова. «Главным вопросом наступившего года», по его мнению, станет то, «останется ли Таймураз Мамсуров (глава республики, полномочия которого истекают в июне 2015 г.) на третий срок»¹⁷.

На фоне соседних республик, соревновавшихся (другое дело, насколько удачно) в организации информационных поводов федерального уровня и прямо заявляющих о претензиях на лидерство на Северном Кавказе, *подобное мелкотемье вызывает лишь недоумение. Весьма бледно (хотя и сравнимо) выглядят «северные» итоги и по сравнению с южной частью Осетии, в целом также не блещущей постановкой вопросов мирового или хотя бы регионального масштаба.*

¹⁶ Посетители «15-го Региона» назвали событием года банкротство «Алании». «15-й регион», 6 января 2015 г. <http://region15.ru/news/2015/01/06/13-23/>

¹⁷ Заур Фарниев. Оттенки серого четырнадцатого. «15-й регион», 5 января 2015 г. <http://region15.ru/articles/4051/>

Цхинвальская газета «Республика» полагает, что «главным политическим событием в минувшем году следует считать парламентские выборы, в сфере восстановления – выполнение Инвест-программы 2014 года, в общественной сфере – сохранение стабильности в обществе». Впрочем, журналисты издания не забыли упомянуть внешнеполитическую деятельность «под знаком событий в Новороссии» (от поддержки «мирных инициатив российского руководства по налаживанию мирного диалога на юго-востоке Украины» до признания РЮО независимости Луганской и Донецкой Народных Республик), съезд осетинского народа, определивший «проблемы и задачи национального строительства», а также 25-летие «с того дня, когда грузинские неонацисты 23 ноября 1989 года пытались прорваться в Цхинвал под предлогом проведения мирного митинга»¹⁸.

Официальное издание «Южная Осетия», помимо перечисленных, указала среди главных событий года политико-правовую оценку действиям Грузии против Южной Осетии с 2004 по 2008 гг., данную парламентом РЮО. В документе констатируется, что в августе 2008 г. Грузия совершила полномасштабную военную агрессию сразу против двух суверенных государств – Южной Осетии и Российской Федерации. Признание РФ независимости РЮО стало «логическим завершением акта о принуждении агрессора к миру и надежной гарантией неповторения геноцида южных осетин»¹⁹. К сожалению, этот важный документ не был доведен до широких слоев общественности даже в самой республике.

Характерно, что, *подводя итоги года, на Севере Осетии даже не упоминали ни о «подтвердившем важность национального единения»²⁰ съезде осетинского народа (проходившего, кстати, во Владикавказе), ни о шедшей весь год масштабной кампании за воссоединение Осетии в составе РФ по примеру крымского прецедента, завершившейся в 2015 г. подписанием*

¹⁸ Достойный год с заделом на будущее. «Республика» (РЮО), 13 января 2015 г. <http://osinform.ru/48478-dostoinyy-god-s-zadelom-na-budushee.html>

¹⁹ Аналитический отдел газеты «Южная Осетия». Год 2014 в зеркале событий. «Южная Осетия», 13 января 2015 г. <http://cominf.org/node/1166503981>

²⁰ Там же.

обновленного интеграционного договора между РФ и РЮО. Это в очередной раз демонстрирует как глубину различий в устремлениях между двумя частями единого народа, так и истощенность предыдущей общественно-политической повестки дня.

Создается впечатление, что *геополитическое или хотя бы просто политическое мышление постепенно отходит в Осетию на второй план, уступая место сиюминутным заботам потребительского характера.*

На фоне заметного интеллектуального оскудения формируется еще более настораживающая тенденция. Неопределенность содержания понятия форпоста, нуждающегося в обновлении в соответствии с реалиями сегодняшнего дня, а особенно связанных с этим политических и социальных гарантий, приводит к тому, что события в сердце Северного Кавказа начинают напоминать «армянский сценарий».

В декабре 2004 г. в Ереване разразился скандал. Как заявил на встрече с председателем Национального Собрания Армении Артуром Багдасаряном глава Госдумы РФ Борис Грызлов в ходе официального визита в Ереван, «Армения является форпостом России на Южном Кавказе»²¹. Это почетное наименование (Грызлов явно рассматривал его именно так) вызвало бурю возмущения в армянских политических и медиа-кругах. Наиболее четко оно было выражено в редакционной статье портала PanARMENIAN.Net. Приведем аргументацию противников «форпоста» практически целиком.

«Союзнические отношения с Россией не означают, что Армения является форпостом России, – указывается в статье. – В союз вступают с независимым государством на основе взаимных интересов, а не с собственным форпостом. Мы ведь не называем Россию армянским форпостом на основании того, что Россия является нашим союзником. Думаем, самим россиянам определение России как армянского форпоста мало понравилось бы. Армения – независимое государство, имеет собственные интересы и не является ни-

²¹ Борис Грызлов: Армения является форпостом России на Южном Кавказе. ИА REGNUM, 15 декабря 2004 г. www.regnum.ru/news/polit/376296.html

чьим форпостом, авангардом или передовым отрядом. ...Армения, конечно же, никакой не форпост, просто не все в столице нашей бывшей родины поняли, что СССР распался 13 лет назад, в т.ч. потому, что армяне не захотели быть ничьим форпостом. *Армения нужна России не меньше, если не больше, чем Россия – Армении*»²².

Большинство россиян и армян как тогда, так и сейчас считают звание форпоста, скорее, поводом для гордости. Однако еще десятилетие назад у значительной части армянского политического класса под воздействием массированной прозападной пропаганды и российских внешнеполитических ошибок сложилось иное мнение. Следованием «антифорпостным» курсом ведет к постепенному отрыву Армении от России, что, в случае успеха этого проекта, будет иметь катастрофические последствия, прежде всего, для армянской государственности. Реакция части армянского общества на трагические события в Гюмри, где служивший на российской военной базе солдат-срочник в необъяснимом припадке перебил целую семью местных жителей, включая детей²³, показывает, что ментальный «отход» от России отчасти уже совершился.

Подобные процессы постепенно развиваются и в Осетии. Примеров тому становится все больше. В прошлом году, когда Россия и весь мир отмечали десятую годовщину бесланской трагедии, некоторые местные комментаторы опустили до прямых оскорблений в адрес федерального центра и русских как таковых. По мнению этих Интернет-«оппозиционеров», *пока* выступающих под псевдонимами, осетины в глазах русских – якобы «люди третьего сорта», которых можно «убивать и сжигать безнаказанно»²⁴ и т.п. Несмотря на бездоказательность и очевидный умысел на

²² Грызлов оказал Армении медвежью услугу – Армения не форпост, а государство. PanARMENIAN.Net, 17 декабря 2004 г.

http://www.panarmenian.net/rus/politics/news/11852/Грызлов_оказал_Армении_медвежью_услугу_Армения_не_форпост_а_государство. Пунктуация оригинала исправлена в соответствии с нормами русского языка.

²³ Об использовании Западом гюмринской трагедии в целях разрушения российско-армянского стратегического партнерства см., например: Михаил Александров. Информационная война Запада против российско-армянских отношений будет только нарастать. «Ноев Ковчег», №4-5, март 2015 г. <http://noev-kovcheg.ru/mag/2015-04-05/4958.html>

²⁴ См., например, комментарии здесь: Беслан. Блог Элины Сугаровой. «15-й регион», 28 августа 2014 г. <http://region15.ru/blogs/sugarova/2014/08/28/beslan/>

разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, подобные комментарии по непонятной причине до сих пор не убраны модераторами дискуссий.

В общественное сознание вбрасывается вздорная мысль, что нынешний статус российского форпоста якобы навязан Осетии, а не является ее свободным выбором, в силу чего якобы «разлагает и лишает идентичности» осетинскую нацию²⁵. В качестве решения предлагается отказаться от подобных сверхзадач²⁶, поставив перед собой банальную цель поступательного социально-экономического развития, не претендуя на что-то большее.

Характерно, что *идеи отказа от роли форпоста (как и ориентации на Россию в целом), во всяком случае, в первый период их возникновения и «тестирования», возникали не в самой Осетии, а привносились извне*. Идеологами и трансляторами низведения республики до статуса рядового субъекта и растворе-

²⁵ Такие голоса звучат, хоть и тихо, и анонимно, и на Юге Осетии. Постулируя мысль, что двести лет форпостом России на Кавказе была Грузия, автор констатирует: «не обязательно быть Форпостом, достаточно быть Осетией-Аланией. ...Если в культурном и идеологическом плане концепция российского плацдарма явно вредна и ведет к деградации, то в плане экономического, как ни странно, она не более полезна. ...Беслан показал, что русские в принципе сегодня не могут предоставить нам даже базовую политическую услугу – безопасность. ...«Форпост» разлагает нашу нацию, лишает ее идентичности и не имеет никакого внутреннего наполнения, в первую очередь экономического. Не считают русские осетин братьями, это еще один самообман, отделяющий осетинский народ от реальности и мешающий его развитию. ...Концепция «форпоста» мертворождена. ...Осетинам нужна иная идеология, которая способна их усилить, а не «форпост», уже сделавший из многих дегенератов с парализованной волей. Пассионарный импульс осетинам «форпост» не придаст, поэтому он нам не нужен». Осетинские Хроники: «Форпост». 8 февраля 2010 г. https://vk.com/note1500933_9681493. Автор текста – молодой югоосетинский госчиновник.

²⁶ Подобные разговоры начались отнюдь не год назад. См., например: Вынужденный ущерб. Блог Сослана Плиева, «15-й регион», 10 сентября 2010 г. <http://region15.ru/blogs/pliev/2010/09/10/vynuzhdenyj-ushherb/>. Блогер возмущен, что «каждый раз, когда во Владике убивают людей, все чиновники, хоть местные хоть центральные, многозначительно поднимают указательный палец вверх и надувают щёки: «Нууу, вы же понимаете, Осетия особая республика! Форпост! Оплот христианства на Сев Кавказе! Стратегически важный регион!». «Но вот я заметил х.ю тенденцию – звучит шепоток, такой тихий пока, «А может ну её, эту передовую? Заодно с христианством! Может нас перестанут взрывать?». Это пока шепоток. ...Но с каждым взрывом гнилой шепоток, он всё четче звучит. Это хреновая тенденция». Эти эмоции в чем-то можно понять, так как ингушские боевики, взявшие на себя ответственность за теракт во Владикавказе, о котором пишет Плиев, обвинили Северную Осетию в том, что она является «форпостом для экспансии России на Северном Кавказе». См.: Ольга Панфилова. Ингушские боевики заявили о причастности к взрыву во Владикавказе / И грозят Северной Осетии новыми терактами. ИА «Новый регион», 16 сентября 2015 г. <http://www.nr2.ru/incidents/300786.html>

ния в «кавказском море» в публичном пространстве предсказуемо выступали либеральные публицисты и «правозащитники», вешавшие с Запада или нашедшие там приют (десятилетие спустя некоторые оказались даже на Украине)²⁷.

Правда заключается в том, что *форпост – это историческая судьба. Ее не выбирают, от нее не отказываются. Альтернативой исторически принятой на себя миссии может быть только прозябание на геополитических задворках Кавказа, да и то – недолгое*. «Форпост или будет в руках осетин, или не будет в руках никого», – констатировал историк Руслан Бзаров²⁸. Жизнь, однако, показывает, что это понятие необходимо как можно скорее наполнить современным, интересным и ярким содержанием в соответствии с требованиями времени²⁹. Это в полной мере зависит

²⁷ Десять лет назад подобные разговоры велись гораздо свободнее, но их инициаторами всегда были лишь одиозные личности вроде «правозащитника» Виссариона Асеева: «Да, мы исключительно пушечное мясо для Кремля. Форпост – это значит что-то в окружении врагов находящаяся какая-то часть. ...Осетия с Россией 250 лет. На Кавказе она несколько тысячелетий. Осетины должны понять, что, да, мы есть и будем другом России на сегодняшний день. Но будем ли и дальше другом России? Это уже вопрос не к Осетии, а к России. Осетины любят Россию, но Осетия не форпост, она часть Кавказа. Это осетины должны понять». «Эксперт по проблемам Кавказа Юрий Ханжин» и вовсе считал, что после Беслана для жителей Северной Осетии «наступило время выбора». По его мнению, «если они поймут, что их место вместе с другими кавказскими народами, если они поймут, где их настоящие враги и настоящие друзья, то они не останутся этим форпостом. Вместе с другими независимыми республиками Северного Кавказа когда-нибудь возникнет и независимое государство Осетия-Алания». См.: События сентября прошлого года кардинально изменили политические настроения жителей Северной Осетии. Радио «Свобода», 3 сентября 2009 г. <http://www.svoboda.mobi/a/107861.html>. В настоящее время (как, впрочем, и в те годы) такие настроения являются абсолютно маргинальными и продуцируются извне республики. В. Асеев сейчас проживает в Киеве.

²⁸ Произнесено на заседании экспертного клуба «Казбек» (Владикавказ, 28 апреля 2015 г.).

²⁹ Справедливая критика в отношении синоминутных спекуляций на теме форпоста звучала неоднократно. «Регулярные напоминание о «южном форпосте» порядком набили оскомину всем, – считает муфтий РСО-А Хаджимурат Гацалов. – Если это форпост, то его надо укреплять всесторонне. Необходимо строить предприятия, спортивные арены и озадачить безработную молодежь. Форпост должен отвечать своему статусу. ...Необходимо любой глобальный вопрос рассматривать в контексте обоих Осетий. Форпост надо обустривать, в том числе и вооружать. Понятие форпост должно соответствовать смыслу буквально, иначе оно превращается в фантик, в пустышку. Отсюда и скепсис, и оскомины. Форпост должен быть настолько наполнен разными категориями этого понятия, чтобы сам факт проживания на этой территории, работы там и тем более службы вызывал бы уважение». Алина Инсанова. Хаджимурат Гацалов: «Мы не должны упустить исторического шанса, представленного нам Божьей милостью». АПН, 20 мая 2014 г. <http://www.apn.ru/publications/article31608.htm>

как от руководства, так и от всего осетинского общества, в особенности молодежи. К сожалению, *пока Осетия не предъявила ни себе, ни Кавказу, ни всей России креативных идей и проектов, прежде всего, в идеологической и общественно-политической сферах. Между тем времени для их формулировки и тем более реализации становится все меньше и меньше.*

«Геополитика», 28 мая 2015 г.

«Единым с городом Льва – до полного ужаса...»

Есть города – административные, финансовые, политические центры, а есть те, что находятся в центре мира. О настоящем Львове, о Львове-с-другой-стороны рассказывает преподаватель Брянского государственного университета, религиовед, кандидат философских наук **Константин Матаков**.

– Константин, Вы написали о Львове едва ли не тысячу стихотворений (уверена, в итоге будет тысяча, а то и более). Почему именно о Львове? Почему не о Москве, не о Париже, не о Брянске, в котором Вы живете?... Что Вы хотите о нем сказать? Высказать?...

– Вряд ли смог бы объяснить это безупречно: если Вам нужно объяснить, что Вы кого-то сильно любите – то Вы сразу окажетесь в безвыходной ситуации; «надо, но невозможно», а если можно объяснить любовь – то разве это любовь? Для меня Львов – как первая любовь, когда всегда можно сказать: но есть же Венеция, Париж, Лондон, Прага, Рим и т.д. – подумаешь, Львов! Так ведь любовь – это состояние, когда человек не может быть объективным. На свете много красивых женщин, но мы выбираем одну – на всю жизнь, – и она не обязательно самая красивая с точки зрения эстетики или этики, но именно ради Нее, Единственной, вы хотите жертвовать собой.

Вот так и с этим городом – конечно, в архитектурном или историческом смысле, – он проигрывает Венеции или Парижу, но «родственность души» такова, что это сильнее меня... Как это вы-

сказать? Почему одно является родным, а другое – нет? Я бы мог сказать: Львов был первым европейским городом, где я оказался, но даже это было бы неправдой, – ведь до этого я бывал в Петербурге. Петербург изысканнее Львова в культурном аспекте, но его «имперскость» и «умышленность» – слишком давят на меня: Петербург нельзя не любить, но там я не чувствую себя дома, мне не хватает естественности устройства пространства... И потом – там кругом вода, а у меня сложные отношения с этой субстанцией, я ее боюсь. И от питерской воды я убегаю во Львов – где нет реки, где порой даже нет воды из крана. Меланхоличность, архаика, заброшенность Львова, помноженная на дожди и тихое помешательство – это родное. Как старое печальное дерево на вершине горы, под ветвями которого ты пережил «вдохновение вдохновений».

– Душа Львова – где она? В соборе Святого Юра, в церкви Параскевы-Пятницы, в храме Святого Георгия? На Русской? На площади Рынок? На вершине Высокого Замка, в парке Костюшко?... Какая она? Можно ли ее описать?

– Как описать душу, – тем более, душу города? Я не настолько философ. Конечно, можно сказать, что душа города везде, где есть его тело – весь старый город являет нам эту душу. Но, как и у человека, есть места особого присутствия души – голова, сердце. Все перечисленные Вами храмы и улицы – да. Но душа Львова многообразна, ибо история города – история разных стран, народов, даже церквей. Храм святого Георгия – конечно, душа русского Львова, но, сказав это, я останавливаюсь, ибо слово «русский» здесь будет употребляться в узком значении, близком по смыслу «современный постсоветский, российский». Если же мы возьмем слово «русский» в старом значении – русский православный мир от Камчатки до Карпат, – то в этом случае душа русского Львова – конечно, церковь Успения (ныне принадлежащая УАПЦ) и улица Русская. Деятельность Ставропигиального братства по противодействию унии – это, конечно, стремление «русской души».

Но если мы будем рассуждать о душе католического/польского Львова, то, разумеется, нельзя пройти мимо Латинской Катедры и площади Рынок, где ты сдаешься в плен этим 44

особнякам, окружившим со всех сторон – это сердце польскости во Львове, и каменные стены этого собора дрожат от ударов этого сердца до сих пор.

Душа греко-католического Львова – да, в соборе Святого Юра, – Святоюрская гора словно Синай галичан-украинцев. Впрочем, для меня как человека «извне», как «туриста/паломника», душа Львова начинается с вокзала и костела Елизаветы – как только завидишь последний – прикасаешься к рукам львовского колосса. И снова придется оговориться: еще подъезжая к вокзалу, видишь район Підзамче, и огромный купол Параскевы начинает вращаться в тебе – вот это и есть душа. Разве тут скажешь, какая у Львова душа, когда ты и сам стал частью этой души? Тогда уже нет отдельного познания души Львова, и отдельного – самого себя. Познание Львова превращается в самопознание. Любовь, когда двое стали одной плотью – в этом месте всегда так: найти «свое иное», и чем глубже «закапываешься» во Львов, тем больше находишь это.

*Как мне не расплескать благодать причастия?
Наверное, молчать, и погружаться в вечное
В печальном и задумчивом, непреходящем Львове
Весною необычной, в апреле быстротечном,
Который расстреляет меня искушениями
Спасение же есть в богословском размышлении
Тончайшей материи безгрешности Богородицы
Замолчи о Христе и о Львове, душа моя,
И прими Его слезы сегодняшним вечером..*

– А может быть, душа этого города – трамваи? Например, «двойка». Достаточно хотя бы один раз увидеть блеск изгиба трамвайных рельсов у Катедры в лучах Луны или уличных фонарей – и ты пропал. Или трамваи скорее – красные кровяные тельца Львова?

– Трамваи – это осязаемые воплощения движений души города. Видите ли, я приехал во Львов из города, где трамваев нет. Троллейбусы и автобусы – да, а трамваи – нет. И вот здесь пони-

маешь, насколько в трамвае «больше души». Во Львове ведь тоже есть автобусы и троллейбусы, но они диссонируют со старым городом, – в отличие от моего родного Брянска. Симптоматично, что оказываясь в «новом Львове» (Сихов и т.д.) – совершенно не чувствуешь чужеродности троллейбуса, ибо там – один дух. Дух «массовости» 20 века. А трамвай по самой своей идее еще задевает прежнюю эпоху, которая закончилась в Европе в 1918 – Новое время, а не новейшее. Как последний крик старого христианского мира. Старая кровь, которая течет в венах Львова, и которая все еще причастна крови Иисуса... Это интересная идея – изгибы трамвайных рельсов, которые повторяют изгибы зданий – изгибы истории? Весь Львов как один огромный трамвай? Трамвай как современный образ ковчега? Или то ковчег, затерянный в пространстве и времени – нечто вроде летучего голландца?

*Он уезжает насовсем – беги скорей
Пока светила окончательно погаснут
Трамвай, по-львовски и счастливый, и несчастный
Идущий в центре всех событий и идей*

*Но не успел – придется в ночь идти домой
И прикасаться к древним зданиям, не веря,
Что ты живешь в одно и то же с ними время
И что куда бы ты ни шел – они с тобой
Сопровождают словно ангелы с мольбой*

– Если можно, расскажите о своем любимом – самом важном – месте Львова. Только одном. Знаю по опыту – вернее, догадываюсь, знать доподлинно тут невозможно – что этот город открывает каждому человеку свое собственное, единственное место силы.

– Невозможный выбор! Но среди этих невозможностей я выбираю площадь перед церковью Успения – там, где книжный развал и памятник Ивану Федорову. Не требуйте объяснений! Тут все просто до невозможной сложности: оказываясь на этой площади, я

порой чувствую себя одним из ее камней – вплоть до тенденции к полному отождествлению, – и это не метафора. Вместе с лучами и дождями, которые падают на эти камни, ты становишься настолько единым с городом Льва, – до полного ужаса. Но это священный ужас проникновения в самую суть львовской души, оказаться вне которой уже нельзя, ибо тебя не будет – как если бы остался только ад... Разорвать связь с этой площадью и всем, что на ней – это как самоубийство, – как если бы сам город распался на атомы в одно мгновение...

– Откуда эта мощнейшая, ощущаемая, наверное, даже самыми плотяными нашими современниками аура Львова? Этот город суть средоточие самой высокой энергии, какую только можно представить. Можем сравнить его и с магнитом. Сколько городов и сел нам приходится посещать по работе или другим нуждам! И только Львов властно предъявляет свои права на душу – то есть на самую суть человека. Как он это делает? Зачем?

– Не специалист в ауре. Лучше остановимся на традиционных терминах «душа» или «дух». Львов – город христианский, и потому термин «аура» не подходит для описания христианского мира. «Как он это делает»? Это тайна творчества – город продолжает творить себя и тех, кто в нем. Просто люди, которые задумывали и строили этот город, осознавали это как служение Творцу. Эти дома и храмы – как письма Господу и людям Его. И мы, попадая во Львов – продолжаем читать эти письма-исповеди, – а где еще душа человеческая так тонко не проявляется, как во время покаяния? Вот Львов – кающийся и исповедник – предъявляет права на нашу душу.

Тут еще дело в том, что Львов, говоря современным языком, которого бы не поняли его строители – мультикультурен. Если бы Львов мог говорить, то своими каменными устами он произнес бы вслед за апостолом Павлом – «для всех я стал всем». У каждого посещающего Львов – он свой, свое измерение, свое течение времени, – и удивительно, что все мы встречаемся во Львове и все еще узнаем друг друга. С одной стороны, по духу он преимуще-

ственно католический, латинский. С другой – в нем столетия уже сосуществуют разные этносы и разные религии – и все считали город своим родным. Такое сосуществование порождало стремление каждой общины представить свою культуру в наиболее привлекательном, «знаковом», духе. И поскольку Львов, после готического пожара 1527 года, начал заново строиться уже в ренессансном и барочном духе, это лишь обострило стремление строить дома и храма в «утонченном» духе – заплетать материю города в невиданные «косы». А потом еще венская сецессия продолжила это «кружевоплетение»... Да-да, именно: огромная энергия, которая собрала камни из хаоса во львовский космос. Многие, приезжая сюда, чувствуют эту «магию» – камни, которые несут на себе чудесные свойства мира иного, мечту о рае небесном.

– Что за странный ветер дует вдоль улиц и площадей этого города? Что за странный дождь идет в нем? Это ведь не простые «атмосферные осадки» (прости Господи!). Не они ли делают львовян «дикими сердцем», если это вообще можно сформулировать?..

– Дождь во Львове вообще имеет слабое отношение к земной атмосфере. Вот в Питере все более-менее понятно: Нева, Балтика, Финский залив – дождь рождается оттуда. И сколько стихов это вызывает! Во Львове же ощущение таково, что дождь рождается не на земле, а изнутри духа самого города. Для меня до сих пор загадка: из чего состоят капли львовского дождя. Ясно только, что их субстанция – не вода, она нематериальна. Она течет как время из какой-то немыслимой глубины, – как будто из небесного двойника Полтвы, замурованной в подземелье. Только впервые посетив Львов, быстро приходишь к мысли: здесь должен быть дождь – иначе здесь не будет ничего вообще – ни костелов, ни домов, ни трамваев, ни людей... словно все сотворено этим морозящим дождем – будто он и есть божественная энергия, которая удерживает сущее от распада. Речь о том, как промыслителен дождь здесь: город ждет, что будет дождь – и тогда львовская картина получает логическое завершение – со всей своей светлой печалью. Дождь и правда странный во Львове – перерастающий самое себя...

По поводу же сердца львовян можно говорить очень долго. Но не про дикость – звучит это как-то не так. Здесь много всего: и узкие улицы, сдавившие сердца жителей со всех сторон, и витиеватые улицы истории. Сторонний наблюдатель часто не понимает, что национализм галичан и львовян в частности – это как защитная реакция, выработанная во время исторических катастроф. Такими пассионарными галичан делает дождь – как плач по «униженному и оскорбленному». Галичане-украинцы (сейчас они называют себя так) постоянно были в этом городе угнетаемы, и вот – когда «бытие-под-спудом» закончилось, и крышка кипящего котла сорвана – что должно происходить? Чего ожидать? Я предлагаю смотреть на это, как на природный катаклизм – извержение вулкана или наводнение, ибо галицкий национализм частично похож как раз на такие явления. Вы же не будете предъявлять претензии вулкану или наводнению за то, что они – не вовремя?

Я исхожу из того, что хотя люди бывают святыми (редко) или грешниками (всегда), но вот святых народов не бывает, ибо все народы грешны. Христиане призываются к святости, но на земле нет и не может быть стопроцентно святых народов. И галичане грешны; и оправдывать исторические преступления, совершенные галичанами-украинцами – так же невозможно, как и у остальных народов. Суть, однако, в том, что народы (львовские галичане, например) ведут себя определенным образом в определенных условиях, – потому что их выбор вызван историей. Тут бессмысленно смеяться или плакать, но понимать – необходимо.

Львовяне-галичане столетиями жили в государствах, которые для них были чужими (Речь Посполита, Австро-Венгрия, Польша, СССР) – отсюда острое ощущение своей общности как противостоящей внешнему (или внутреннему) врагу. Отсюда и определенная маргинальность, комплекс изгнанника – Львов теряли все, кто в нем жил, – русские, поляки, евреи, австрийцы... Бояться потерять и украинцы.

Уникальность галичан как особого этноса между европейским и русским миром обуславливает их нынешний мессианизм: мы спасаем Украину, только мы – настоящие украинцы и т.п. Бес-

полезно спрашивать: а с чего вы это взяли? Если для русских третий Рим – Москва, то для галичан – это Львов. Если Галиция – это государство в государстве, то Львов – это государство в государстве в государстве, корона никогда не существовавшей монархии.

Гиперактивность галичан в независимой Украине – это и следствие молодого этноса, который только в XIX веке начинает сознавать самое себя как нечто «отдельное», униатское, не польское и не русское. Если хотите, Галиция и Львов напоминают Грозный и Чечню – молодой страстный этнос, который очень хочет доказать свою самостоятельность и состоятельность. И для такого этноса весьма характерно противостояние кому-то – будь то Польша, СССР или Россия. Это признак созревания, подросткового периода. Львовяне (и галичане вообще) долгое время были оттеснены на культурно-историческую обочину – когда в городах Галичины «рулила» в первую очередь польская община, а также – еврейская. Городская интеллигенция у галицких украинцев едва возникла. Возьмите нынешних героев Галичины – кто это? Чаще всего вожди ОУН-УПА. Им можно симпатизировать или воспринимать крайне негативно, но такие люди, как Степан Андреевич Бандера, – это в любом случае не «творцы культуры». Митрополит Шептицкий? Да, он харизматическая фигура, духовный вождь, много сделавший для «галицкой отдельности», он интересен как епископ и проповедник. Но как католический богослов чего-то выдающегося или оригинального он из себя не представляет.

Галичан, в том числе львовян, часто обвиняют в «сельском менталитете». Но ведь это легко объяснимо – до 1939 года галичане не составляли и шестой части населения Львова, причем работали они не на самых «престижных» работах. После уничтожения евреев во время войны и переселения поляков сразу после войны украинцы стали большинством: Львов заселялся как раз людьми из галицких деревень. Сельская ментальность – это не плохо и не хорошо, – это всего лишь определенная специфика. В этом есть масса симпатичного: еще не уничтоженная народная христианская культура, когда большинство ходит в церковь, и храм есть в каждом селе, и люди крестятся, завидев храм...

По моим наблюдениям Львов с тех пор разрывается между «городской интеллигентной толерантностью» и «сельской нетерпимостью», склонностью к строгому общинному делению на наших и не наших. И потому туристов, посещающих Львов, часто удивляет, с одной стороны, отсутствие того «кровожадного национализма», который приписывается городу в части СМИ, а, с другой – периодические всплески этого самого национализма, маловероятные в современной Европе. Тут проблема в том: насколько современный Львов соответствует людям, которые его ныне населяют? Ведь по духу этот город – в первую очередь польский. Впрочем, это вопрос, аналогичный следующим: насколько нынешнее постсоветское население Петербурга соответствует по духу городу Пушкина, Достоевского и Блока? Или: насколько поляки, населяющие сейчас Вроцлав (немецкий Бреслау до 1945) – органичны для этого города?

Когда я слышу от нынешних львовян, что Львов – это культурная столица Украины, то у меня всегда возникает ряд вопросов. Что это за культурная столица Украины, которая почти всю свою историю Украиной не была? А насколько велик, собственно, вклад галичан-украинцев в интеллектуальную историю Львова? Уж скорее поляки могли бы сказать, что Львов – одна из культурных столиц Польши.

Кстати говоря, поляки очень болезненно переживают потерю Львова. Мне приходилось слышать от нынешних львовских поляков целые излияния души на темы: «Львов, который мы потеряли» и «Эти украинцы не любят наш Львов – во что они его превратили!». Русские так болезненно не переживают потерю Львова – да, он был когда-то древнерусским, но с тех пор много воды утекло. Вот потеря Крыма и исконно русских территорий воспринималась и воспринимается частью русских весьма остро. Да и тот факт, что Киев ныне – город, пытающийся вытеснить русское начало в себе – не вызывает восторгов. А Львов для большинства русских сегодня – город чужой, о котором многие мыслят только штампами советской пропаганды. Не то у поляков: они слишком много вложили в этот город и не могут просто так смириться с его потерей;

поэтому им трудно воспринять, что теперь почти все польские костелы заняты греко-католиками и православными из «альтернативных» патриархатов.

Но так или иначе, город со своим душевным богатством продолжает влиять, теперь уже на галицких украинцев. И его шедевры будут и дальше с неизбежностью порождать новые шедевры во всех сферах человеческой жизни.

– А это странное смутное беспокойство, рождающееся, когда сам город вспоминает о нас? Всегда мучительное, но внушающее надежду, болезненное – но сильное и настоящее, которое ни с чем не перепутаешь. Кто зовет нас от башни Корнякта или, может быть, с Лычаковского кладбища?

– Конечно, оказываясь во Львове, чувствуешь себя просто элементом его воспоминаний, и беспокойство связано с этим: я – настоящий «сам по себе», или только во Львове? Нынешняя цветность Львова в сочетании с дождем – идеальна именно для ощущений беспокойства, болезненного одиночества, чуть ли не кафкианской отчужденности... Но христианский дух все равно побеждает – как раз полной безнадежности во Львове я не чувствовал никогда. Кто зовет в этом каменном пространстве? Я бы сказал: отражения божественного в человеческой истории. Как небесный луч солнца, пройдя сквозь призму, начинает играть всеми цветами радуги – так и в этом городе: многовековой опыт общения жителей Львова с Богом оставил в нем неисчезающие следы. И мы тоже здесь идем по ним, – восходим к божественному истоку. Для меня всегда было очевидно, что любое созерцание Львова – это как причастие божественному огню, который преображает достойных и обжигает недостойных. Это же ощущаешь и на Лычаковском кладбище.

– Кстати, о Лычаковском. Могила о.Гавриила Костельника, мемориал памяти жертв Талергофа, братская могила галицко-русских журналистов – вот мои могилы на этом кладбище. Еще я бы добавила к ним покосившееся от времени захоронение одного австрийского юриста, умершего в 1937 году. На эту могилу давно никто не ходит. Все, кто знал при

жизни этого человека, скорее всего, мертвы. Но дело в том, что именно там, в кладбищенской тишине, среди падающих листьев, снежинок, капель дождя четко понимаешь, что на самом деле все живы – и этот юрист, и талергофцы, и Василий Ваврик. И мы пока тоже... К кому Вы ходите на Лычаковском? Как Вы думаете, живы ли мы?

– Знаете, тут можно было бы отгородиться ото всех вопросов о Лычаковском, – к кому там Вы ходите, – одним ответом: к Богу. Но это слишком высоко звучало бы... Но на самом деле так и есть – хотим мы этого, или нет, – посещение Лычаковского не может не быть посещением храма, непрерывной заупокойной службы. Вся история Львова, превращенная в молитвенную каменную вечность... Да, все живы – и на этом кладбище даже не возникает иной мысли, – наоборот, ощущение, что на нем и присутствует настоящая жизнь, а вот ты еще и не жил по-настоящему... Словно ты застрял в каких-то «неправильных» измерениях пространства, а теперь наконец-то нашел нужное измерение – потому что оно не от людей, а от Бога.

Вряд ли я мог бы сказать, что у меня есть «свои могилы» на этом кладбище. Разумеется, любому русскому, оказавшемуся здесь, дороги могилы о.Костельника и, особенно, памятник жертвам Талергофа как одно из немногих звеньев, которые тут связывают с русским миром. Но, конечно, меня привлекают многочисленные скульптуры Лычакова. Я люблю останавливаться возле них. Была даже мысль написать что-то вроде воображаемой истории людей, которые тут похоронены, и о которых ты ничего не знаешь, и, скорее всего, никогда не узнаешь. Особенно врезаются в память скульптуры на детских могилах – часто это скульптуры ангелов. Помню, как зимой 2011 я заметил слегка припорошенную снегом скульптуру девочки – она умерла в 1925, ей было шесть лет. В руке она держала искусственные цветы – а все вокруг было черно-белым... Это было такое чувство прикосновения к божественному... Я не знаю, где она сейчас, эта маленькая польская католичка, – но знаю, что рядом с этой скульптурой я скорее был на небесах, чем на земле.

*На каждом кладбище все люди – это жертвы
Все – жертвы жизни, смерти, палача
Но вы в безумном мраке Талергофа
Минувшего столетия Голгофу
В невыразимых видели страданиях
За Господа и Галицкую Русь
И вашей кровью к Иисусу вознесусь..*

*Кем ты являлся, отче – ведомо Ему
Одним – путь Истины, другим же – путь Иуды
Ты к православным благодатнейшим сосудам
Стремился с жаждой и надеждою на чудо
Пришла в Галицию антихристово смута
И ты убит, и много «почему?»
И только Богу все известно Одному.*

– Кривые рельсы, звон и грохот трамваев, жесткая брусчатка, острые шпилы, стены метровой толщины, история невероятной насыщенности и остроты – даже не буду искать синонима – в чем трагизм этого города-противостояния? Города-наперекор? Кровь, энергия, идейность – и мощнейший «второй план», невероятная духовная энергетика, взрывной микс православия, униатства и католичества, который и делает Львов таким. Вихрь духа! Атомное христианство!.. За счет чего этот город еще удерживается на земле, если иной мир иногда проступает сквозь его стены даже при свете дня?

– Львов действительно – уникальный город, единичнейшее сущее. Ибо он воплощенное противоречие: Польша и не-Польша, Австро-Венгрия и не Австрия, Русь и отрицание Руси, Украина, но такая, что у остальной Украины вызывает ощущение не-Украины (и оно взаимно). Львов часто сравнивают с Краковом, видя в них чуть ли не города-близнецы (побратимы уж точно!). Однако Краков значительно однороднее – да там есть еврейский район, но в целом город – латино-польский. Даже костелы центра

похожи друг на друга, – красно-кирпичная восточноевропейская готика, среди которой возвышается Марицкий костел.

Львов же везде разный: латинское, униатское, галицко-русское, армянское... При таком сочетании противоречивого – не удивителен трагизм «города-наперекор». Ибо самой своей судьбой, он, казалось бы, был предназначен навечно остаться в польском культурном пространстве, но вот пришла советская власть, и Львов был присоединен к советской Украине. Коммунисты ненавидели как собственно «галицкое», так и «польское» начала, так как в глубине своей они были несовместимы с большевизмом, как и любая традиционная народная культура. И однако именно эта, сталинская захватническая политика, создала феномен украинского и националистического Львова, хотя цели были прямо противоположные. В этом и заключается промысел Божий: люди предполагают, но расставляет все на места только Бог. И для чего-то Он допустил существование украинского в большинстве города Львова. И Львов-Лемберг-Lwow-Leopolis-Львів стал иным, преимущественно греко-католическим – каким никогда не был, и, «по человеческому разумению» – не должен был стать. Ты есть, но ты не планировался – таков нынешний Львов: и разве это не трагично на всем протяжении истории людей?

...Любому богослову или религиоведу стоит приехать во Львов: тут разные христианские исповедания соприкасались столетиями, пытались повлиять одно на другое или даже подавить. В результате православное от греко-католического и от римокатолического очень сложно отделить: православные иконы, статуи, восточная обрядность и западная вера – все смешалось в каком-то невиданном синтезе. Ведь греко-католики – это, конечно, соединение несоединимого, – но это и делает галичан такими особенными.

Попытка совместить два разных духа в одном сердце порождает определенный надлом вплоть до душевного разрыва – и это прибавляет к природной меланхоличности Львова еще одну страницу, – и страницу дождливую... Да, Львов интересен как феномен «двух цивилизаций» в одном городе, как пограничная ситуация, как мост, и галичане-греко-католики на мосту, а слева и справа

ва от него громады двух континентов, – западного, католического, и русского, православного. И галичане в чем-то чужды и тому, и другому, ибо по своей ментальности (в отличие от поляков) они «не до конца окатоличенные православные» – дерево, возвращенное на православной почве, к которому привили католическую ветвь.

И получилась, по сути, особая церковь – не вполне католическая. Для галичан во Львове важно, с одной стороны, быть с Западом – Римом, Ватиканом, Папой, но с другой – отличаться от остальных католиков своей православной «восточностью». Даже нынешнее требование галицких греко-католиков патриархата у Ватикана: это нормально как раз для православных, которые хотят автокефалии, независимости от некоторого патриархата, но в римо-католической церкви – какая может быть независимость от Папы, какая автокефалия? Может быть, в этом и есть смысл украинского этапа истории Львова?

Львовско-галицкое чувство «отдельности-от-всех», в конце концов, может привести к отделению греко-католиков и от Ватикана – и разве вариант законной украинской православной автокефалии не будет способствовать возвращению галицких греко-католиков в православие? По крайней мере, многие наблюдатели религиозных процессов в современной Галичине не исключают такого развития событий. И это будет новый Львов – не входящий полностью в русский мир, но и не отталкивающийся от него. Как это будет, я не знаю... Нельзя полностью отвергать ни образование отдельного западно-украинского государства со столицей во Львове (но этот вариант мне не кажется устойчивым), ни вхождение Галичины в Польшу – но на правах культурной автономии. А Львов так и останется – одной большой статуей или иконой, созданной во славу Всевышнего. Он останется золотом, которое кристаллизовалось путем переплавления всех разнородных элементов в химическом сосуде города.

– Говорить обычными словами о Львове невозможно. Он не укладывается в обычные слова, они для него слишком стерты. И даже стихотворение не может до конца передать ускользающую суть – и в то же время многовековую каменную реальность –

этого города. Вам не страшно говорить и писать о Львове? Снится ли он Вам? Куда он нас зовет? Чего он от нас хочет?..

– Что тут скажешь? Я всегда полагал, что стихи о Львове – это как продолжение его существования, они не существуют отдельно – они должны быть частью города, и частью неотъемлемой. «Ольвовливание» в моем случае необратимо. В этом смысле писать о Львове и вправду страшно – ибо в стихах о нем субъект и объект уже нельзя разделить – придется резать по живому. Будто Львов только и существует в твоих стихах, а ты существуешь только в стихах о Львове... Львов, говоря словами Бродского, – «хор согласных и гласных молекул», и ты не можешь не присоединиться к этому хору душ. Львов, как говорят, вызывает зависимость – и эта зависимость от города – взаимна. Снится ли он мне? Практически нет... Как может сниться город, который сам-по-себе – сон?! Сон, который снится всем его жителям – и никому. И этот сон зовет нас приобщиться к самым последним основаниям человеческого бытия – которые в Слове, создавшем этот чудесный город.

Когда переносишься телом и душой сюда, и снова не можешь пережить проблему различения Я/Львов, то не нельзя не ощутить то, что правильнее было бы назвать львовским солипсизмом, причем солипсизм этот – обоюдный. Я начинаю полагать, что нет ничего, кроме меня, и Львов – только часть «меня». Но эта часть, этот старый Лемберг, полагает ровно наоборот – что я – лишь маленькая крупинка на его улицах. И он, и я – становимся, когда приезжаешь во Львов, единственной вселенной, в которой есть лишь я-Львів, словно кентавр, словно лист Мебиуса, два облика одной медали. Город разрастается до размеров необъятного космоса – но лишь в моем присутствии. Одно поглотило другое – и уже не понять, кто кому принадлежит, и кто чьей частью стал. Может, к этому подходит слово «любовь»?..

*Бог нарисует старый Лемберг на холсте
Без предварительных эскизов на листе
И здесь поднимутся все башни и кресты
И краски зданий, что в снегу, весьма пестры*

*Ручьем польются времена Галичины
И станет люд просить Распятого за ны
И Львов прикован будет к дереву Страстей
Но при скончаньи дней воскресший явлен всем..*

В тексте приведены стихотворения Константина Матакова.

*Беседовала Яна Амелина
«Общество», 3 июня 2015 г.*

«Адыгский вопрос» сегодня

Что представляют собой современный адыгский мир и «черкесский вопрос» без лишней политизации? Об этом Кавказскому геополитическому клубу рассказывает главный научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, доктор исторических наук **Ирина Бабич**.

– **Уважаемая Ирина Леонидовна, Вы посвятили десятилетия полевой работе в северокавказских республиках, значительную часть населения которых составляют черкесы. Уместно ли говорить о едином «черкесском мире», общечеркесском культурном поле, или черкесы не представляют собой цельной общественно-культурной общности?**

– Вопрос о едином «черкесском» (или, правильнее, «адыгском») мире связан с тем аспектом, который мы берем при его рассмотрении во главу угла. Если мы анализируем данный мир с этнической точки зрения, то можем говорить об общих адыгских традициях, общем адыгском этикете и поведении в общественной и семейной жизни, об общем адыгском фольклоре и общих исторических корнях.

Тем не менее, *если мы рассматриваем «черкесский» мир с политической точки зрения, то о едином черкесском сообществе вряд ли можно говорить.*

Несмотря на огромное желание некоторых политических деятелей объединить адыгов в едином общественно-политическом

движении с едиными целями, в первую очередь, с целью признания геноцида черкесов, политическая жизнь адыгских народов проходит в рамках своих республик – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи, а также части Краснодарского края (Причерноморья – места проживания шапсугов) которая обуславливается конкретными социально-экономическими, культурно-этническими, общественно-политическими и религиозными обстоятельствами, складывающимися в каждой конкретной республике.

Приведу пример. В начале 1990-х годов в Кабардино-Балкарии появилось мощное кабардинское национальное движение, инициированное кабардинской Адыгэ Хасэ, и в противовес ему – балкарское национальное движение. Их деятельность хорошо описана в документах в моей книге «Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии» (М., 1994). Кабардинские лидеры провозглашали лозунг создания независимого государства Кабарда, балкарцы – государства Балкария. Как показывает политическая история 1990-х годов, никакой реакции со стороны адыгских общественных организаций Адыгеи Карачаево-Черкесии не было. В этот период они переживали свои специфические ситуации, и ни о каком адыгском (черкесском) единстве речь в те годы не шла. Причем отмечу, что впервые вопрос о геноциде адыгов был поднят в начале 1990-х годов именно силами кабардинских лидеров. Но в те годы эта тема никак не увязывалась ни с признанием этого факта адыгской истории, ни с созданием единого черкесского государства.

Идеи черкесского единства появились лишь в последние десять лет в связи с попыткой «политического» обсуждения проблемы геноцида адыгов. Однако адыгскому руководству не удалось объединить граждан трех республик в едином общественном движении: в каждой республике до сих пор формируется специфическая этнополитическая ситуация.

– **Насколько важным для «среднего» черкеса является так называемый «черкесский вопрос»?**

– *Для «среднего» черкеса или, скорее, все же адыга, безусловно, «черкесский вопрос» в том виде, в каком его ставят*

политические адыгские лидеры, не важен. Между тем, до сих пор в современном адыгском обществе сохраняются последствия того, что происходило с адыгами в XIX в. Эти последствия как этнические, в том числе и языковые, так и психологические – адыги живут с чувством жертвы. Эти «последствия» влияют на взаимоотношения адыгов с русскими, с российской властью, российскими политика и российской культурой.

Например, в настоящее время в Адыгее проживают черкесские беженцы из Сирии. Одновременно появились беженцы с Украины. Местные адыгейцы все время видят, что украинским беженцам республиканские власти активно помогают, вплоть до проведения сбора средств с работающих жителей республики (в виде обязательных вычетов из зарплаты работников государственного сектора), между тем сирийским беженцам не оказывается подчас самая элементарная помощь. Такие факты накладываются на последствия российско-имперской истории Кавказа (Кавказской войны, российских реформ на Кавказе, выселения адыгов на Ближний Восток), и в результате мы получаем достаточно мощный антироссийский компонент на Кавказе.

– После резкого спада на этом направлении, последовавшего даже не после, а еще до зимней Олимпиады-2014, создается четкое ощущение, что «черкесского вопроса» не существует, за исключением большого воображения нескольких политиков. Так ли это, или он еще сможет создать России сложности, хотя бы исключительно пропагандистского характера?

– Сложности пропагандистского характера со стороны наиболее радикальных руководителей могут быть и в будущем, но поскольку другого повода не будет (Олимпиада прошла), то это политическое направление не будет для России сложным. Тем не менее, я повторяю, что *последствия российской деятельности на Северном Кавказе до сих пор сказываются на формировании современного отношения адыгов к России и следует подумать, как их ослабить.*

– Способны ли черкесы устоять перед натиском массовой культуры, в том числе (а может быть, и в первую очередь),

культуры политической, на глазах меняющей устоявшийся кавказский ландшафт?

– Безусловно, адыгская культура, как и любая другая на Северном Кавказе, подвергается мощному процессу глобализации в течении как минимум последних 20-30 лет, наиболее ощутимо – последние 15 лет. *Можно смело говорить о кризисе адыгской культуры, и, соответственно, – адыгской идентичности.* Со всем недавно, 18 мая, в Российском государственном гуманитарном университете была защищена кандидатская диссертация по культурологии, автор которой, Алим Артурович Ахмедов, четко, грамотно и профессионально проанализировал основы данного кризиса. При этом кризис адыгской культуры и соответственно адыгской идентичности, отсутствие реального бытования адыгского морального кодекса – адыгэ хабзэ – сопровождается появлением ряда последствий, в том числе и состоянием растерянности адыгского общества: люди не знают, как жить, как воспитывать детей и т.д.

– Если в некоторых других республиках вектор общественного развития направлен (в целом) в сторону усиления религиозной (исламской) составляющей, то у черкесов, кажется, преобладает все-таки национальная. Что это означает – как в плане перспектив национального развития, так и в смысле возможных угроз интересам России в регионе? Возможна ли «смена вектора» в сторону радикального исламизма?

– Как раз в контексте этнического кризиса в адыгской среде и появился, а со временем сильно возрос религиозный компонент. На определенный период исламу и исламским ценностям удалось преобладать на Северо-Западном и Центральном Кавказе, однако только в определенной среде – среди молодежи. Среднее и старшее поколения в основном не приняли тот ислам, который принесли с собой молодые исламские лидеры.

В результате *адыги практически оказались как вне этнического, так и исламского воздействия и ценностей.* Возник вопрос: как жить дальше? Процессы глобализации привели к тому, что в среде интеллигенции все более и более распространяют-

ся идеи гражданского общества, идеи общечеловеческих ценностей, которые не увязываются жестко ни с этническими, ни с исламскими явлениями. Подробнее об этом можно прочитать в моих статьях, в которых рассматривается именно эта проблема.

– Что, на Ваш взгляд, привлекает молодежь в ряды радикалов?

– Молодежь привлекает к исламу много причин, в том числе отсутствие какого-то другого «морального» фундамента, без которого общество не может функционировать. *Они чувствуют твердость в исламе.*

– Что может противопоставить этому традиционный ислам и православная церковь? Возможно ли их соработничество на этом или иных направлениях?

– Традиционный ислам и его носители – исламские лидеры и простые прихожане, а также православная церковь на Северном Кавказе (как, впрочем, и в других регионах) проводят свою миссионерскую работу, но они, на мой взгляд, не слишком способны создать новый «моральный» фундамент в силу целого ряда причин.

– Что, в двух словах, представляет собой «хабизм» – серьезное направление общественной мысли или игры интеллектуалов? Значим ли в черкесской среде неоязыческий фактор?

– Термин «хабизм» считаю выдуманным и сконструированным, с одной стороны, политиками, а с другой стороны, учеными, плохо разбирающимися в жизни народов Северного Кавказа. Это игры интеллектуалов, никаким серьезным направлением общественной мысли он не является.

В кабардинском национальном движении на протяжении последних 25 лет муссируется тема возрождения адыгского этикета. Во всех школах факультативно изучаются учебники по адыгскому этикету, который на 80% архаичен и невозможен в современном обществе, поэтому его роль ни в коей мере не стоит преувеличивать. Это тоже самое, что и попытки черкесских лидеров представить некое черкесское единство, которое нет. Нет и никакого неоязычества. Есть мифотворчество в этом направлении.

– Может быть, выход в усилении религиозности – ведь именно религия дает ответы на все вопросы бытия? Кстати, с чем Вы связываете заметный в последние месяцы рост активности сектантов на Северном Кавказе?

– *Религия и религиозные ценности – исламские, православные – на Северном Кавказе, к сожалению, не занимают фундаментального положения в обществе в силу слабого авторитета.* Именно поэтому роль так называемых «сект» в адыгском обществе (как, впрочем, и по всей России) все время возрастает: в христианские неправославные движения уходят не только русские, но и адыги.

Я лично проводила интервьюирование адыгской семьи, члены которой стали прихожанами баптистской церкви в Майкопе. *Во главу угла для повседневной жизни адыгов ставится только одно – состояние душевной «комфортности», которую обретают прихожане в таких церквях.* В современном мире многие люди чувствуют себя плохо, и, становясь членами таких религиозных общин, им становится душевно хорошо. Этот факт нам надо признать, его практически нельзя «победить».

Для того, чтобы ослабить «сектантское» влияние, надо просто сделать так, чтобы человеку стало хорошо в мечети или церкви, а это не так просто. Для этого нужны совместные усилия (исламско-православные) не в борьбе против «сектактов», а в усилении поддержки населения Северного Кавказа. Как сказал чрезвычайно умный и глубокий настоятель Свято-Афонского мужского православного монастыря: «у людей потребность в духовной помощи больше, чем мы можем дать в настоящее время».

*Беседовала Яна Амелина
«Национальный интерес», 5 июня 2015 г.*

«Нам надо повернуться к Богу»

О необходимости возвращения к религии, истинной сути глобализации, истоках морали и нравственности, путях возрождения осетинского народа, неприемлемости названия «аланы» и бу-

дущем Осетии рассказывает муфтий Северной Осетии Хаджимурат Гацалов.

– Хаджимурат хаджи, события общественно-политической жизни последних лет ясно показывают, что пороки, характерные для глобализованного общества, с которым мы привыкли ассоциировать Запад, добрались и до Осетии. Дети, которых невозможно оторвать от «гаджетов», подростки, для которых нет авторитетов, взрослые, утратившие всякое представление о нормах и правилах – все, о чем еще несколько лет назад говорили: «у нас такое невозможно» – «торжествует» уже и на осетинской земле. Как по-Вашему, возможно ли остановить этот процесс, направить его в иное русло? В чем главная причина того, что осетины перестают быть осетинами – как русские перестают быть русскими, татары – татарами и так далее?

– *Глобализация*, являясь идеологией нашего времени, вместе с возможностями быстрой индустриализации государств, участников этого мирового проекта, удобствами унификации и стандартизации всего, чему можно придать одну форму, одно направление, *приносит огромный вред национальной идее любой страны*. В первую очередь, нивелируя культуры народов, вымывая их национальную суть, заложенную в них Господом нашим, выхолащивая их духовную доминанту. Однозначно способствует ускорению падения морали общества, приводя ее разрозненные проявления к масштабной системе. Философия извечной борьбы добра и зла, имея сатанинскую основу лживого наущения и совращения с пути истины, полностью соответствует идеологии глобализации.

Присущие нации, народу морально-нравственные принципы, закладываемые столетиями в ее культурную традицию, создают перспективу развития этой нации, берегут ее самобытность. Размывание этой божественной системы приводит к обезличиванию и духовной нищете народа, к созданию условий для появления и распространения греха. Пороки, разлагающие мировое сообщество, рождаются в бездуховной среде, там им комфортно и безопасно. Они быстро заменяют мораль псевдоморалью, углубляют

сферу обитания и расширяют плацдарм присутствия. Общество, не порицающее пороки, свыкается с ними, и уже завтра они становятся нормой поведения. Они же, далее, создают основу для других пороков, ранее немыслимых для этого народа, и моральная деградация постепенно изменяет общественное сознание. Формируются новые поколения, мировоззрение которых базируется на ложных нравственных ориентирах.

Бастионом противодействия аморальной идеологии был, как ни странно, Советский Союз с его воинственным безбожием. С развалом государства рухнула система защиты, и нечисть под лозунгами демократии и вседозволенности стала вползать в нашу страну. Народ, воспитанный в неверии, не сразу оценил опасность информационной атаки на незащищенные души и умы молодежи, позволившей создать условия «толерантности» к навязываемым порокам и сделать часть из них обыденным явлением. Наглядное пособие к тому, что *государство с бездуховной идеологией не имеет долгосрочных перспектив*.

Возвращаясь к сути вашего вопроса, скажу так. Мы сегодня должны признать – *да, то, что «у нас было невозможно», теперь «торжествует» и на нашей земле, в нашем обществе. Мораль сжата до минимально возможных границ на фоне какофонии псевдокультуры и всплеска псевдотрадиций.*

Мы постепенно, как нам кажется, приходим к состоянию, когда осетины перестают быть осетинами, а русские – русскими. И многих это не волнует. Такая же девальвация внутренней культуры народа происходит и со многими другими нациями. *Мы теряем самобытность, моральные скрепы и становимся легкой добычей шайтана, который старается создать из нас общую безропотную массу, забывшую дорогу к храму.*

К сожалению, в исторической перспективе этот процесс быстротечен и безвозвратен. Людям, утверждающим, что в XXI веке мы не должны быть заложниками строгих принципов и старых традиций даже невдомек – слова эти не что иное, как уловки беса. Был XIX век, XX век, будет XXII, XXIII – но суть морали одна, она вне времени и вне общественного устройства. Она – категория

нравственная, и восходит к религиозным канонам и истинам. *Отворачиваясь от Бога, мы поворачиваемся к шайтану.* И нет никакой разницы, когда это происходит – в XIX веке или в XXI.

Остановить этот процесс можно только в одном случае – открыв свое сердце Господу. Только тогда придет очищение, уверенность и сила. Божье могущество и Его помощь несоизмеримы ни с чем, знание истины укажет путь и утвердит народ на этом пути. И все вернется на круги своя. Осетин вновь станет осетином, русский – русским, татарин – татарин, уважение – уважением, добро – добром. Не может быть благословения Господа народу, утратившему Веру. Это – первопричина всего, любого действия, любого события.

– Кого бы Вы назвали настоящим осетином? И, кстати, зачем вообще сейчас оставаться осетином? Не проще ли (и прагматичнее...) принять правила игры, устанавливаемые за пределами Осетии, да и России в целом?

– Мне кажется, на вопрос, зачем оставаться осетином, я уже ответил. Добавлю только главное. Всевышний Аллах сказал в Откровении, обращаясь ко всем людям: «Я создал вас племенами и народами, чтобы вы познавали друг друга». Познавать можно лишь в уважении друг к другу. Наша сила в многообразии и в общей культуре, состоящей из мозаик культур всех народов. *Идеологический замысел глобализации – в уничтожении нашей личностной сути*, в том, чтобы мы перестали себя чувствовать народами.

К настоящим осетинам, к истинным носителям агъдау можно отнести многих. Но я бы начал с уникальной офицерской плеяды, представлявшей наш народ в войсках Российской империи, а затем и советского государства. Немало и других достойных сынов Осетии оставили добрую память и привили уважение к нации, их воспитавшей, проявив себя в иных сферах человеческой деятельности. Но офицеры были самым ярким воплощением ментальности нации, лучшими носителями ее традиционной культуры, эталонами чести и доблести. Высокообразованные люди своего времени, лишённые меркантильных характеристик, присущих нашим

поколениям, жили общим делом и пользовались непререкаемым авторитетом у народа. Эти имена и сейчас служат причиной для гордости всей нации.

Национальный характер, усиленный образованием, военной выучкой, влекущей горцев с детства, культивация идеи самопожертвования, патриотизма стали почвой для появления людей с обостренным чувством собственного и национального достоинства, с пониманием ответственности за судьбы народа, за время, в котором они живут. Образование в любом учебном заведении давало знания и пользу, но образование в военных учреждениях ко всему прочему еще и воспитывало истинно мужской характер, вырабатывало решительность, основательность. Готовили не просто специалистов, а ответственных людей, опору державе. Понятие, что каждому народу присуще свое национальное, было и у российских самодержцев, и именно поэтому они с вниманием отнеслись к желанию горцев служить и воевать в своих черкесах. Это лишь усилило отвагу и самоотверженность воинов. Именно в это время тесно переплелись уважение и дружба российского офицерства и офицерства осетинского и других народов Кавказа.

Осетин – это человек, по вехам жизни которого будущие поколения будут судить, какой была эта нация. Нравственный критерий для людей своего времени и для грядущих поколений.

– Главной опорой традиции всегда было село, в осетинском случае – горы. Однако эти резервуары традиции исчерпаны, многие в прямом смысле: в горах больше нет людей, да и в селе оставаться – желающих мало. Молодежь стремится в города, которые по определению направлены не на сохранение национальной идентичности, а на максимальное слияние и перемешивание – личностей, ценностей, народов и культур. Кроме того, урбанизация всегда сочетается с переходом к малодетной семье, причем обратный переход невозможен. Как в этой ситуации решать проблему сохранения национальной культуры, да и просто физического выживания народа, особенно на фоне значительно большей рождаемости у соседей? Откуда черпать резервы для сохранения национальной идентичности?

– Хорошее выражение, вернее, определение – резервуары традиций.

Урбанизация – обязательный признак больших поселений и катализатор всех проблем, выливающихся в ослабление морали, потерю культуры, низкой рождаемости, которая влечет за собой следующую цепочку демографических проблем. На другом полюсе – малые селения, деревни, где родственные отношения не утрачены, где поведение каждого человека под пристальным вниманием и, если требуется, осуждением. Они и являются хранителями традиций и критериями определения национальной идентичности. Но основной двигатель глобализации – информационные технологии, а также бурные миграционные процессы – не оставляют шансов этим хранителям национального колорита.

Так что **необходимо думать не о сохранении национальных традиций и устоев, а о возрождении**. Надо наступать, а не выжидать. Где же черпать силы для этого, где искать резервы? Источник один, и он неиссякаем и незыблем. Это наш Творец, который уже создал все сущее, и Ему не составляет труда восстановить порядок. Необходимо только обратиться к Нему.

Я уверен, что многие, как уже бывало не раз, иронично усмехнутся – как примитивно, однообразно и нудно в век высоких технологий и космических экспедиций возвращать нас в эпоху «дремучих сказаний». **Но примитивно-то обратное. Как можно в век широких информационных возможностей не получать религиозные знания, не задумываться о божественном мироустройстве и об истинных причинах деградации или возрождения общества? Все деяния человечества ничего не значат, если не имеют в своей идеологии моральную доминанту. А она возникает только после обращения к Господу миров.**

Национальная культура – это многовековой пласт народной мудрости, обычаев, быта, мировоззрения, состоявшегося на религиозной основе, религиозных традициях и канонах. Она вобрала в себя лучшее, что создано народом за его историю, которую творили личности, оставившие ярчайший след и в мировой цивилизации. Из нравственных элементов разных эпох и спрессовался тот

многослойный агъдау, о котором мы знаем только понаслышке, и который состоялся именно на моральной основе религиозных истин. То, что сегодня многие, примитивно понимая религию, отсылают наше сознание к техническому прогрессу XXI века, лишь подтверждает общую утерю Веры и дезинформированность общества. ***Нам необходимо отбросить всю шелуху, облепившую наши души и вернуться в исходную позицию, повернуться к Богу.*** Вот он – кладезь, неисчерпаемый и вечный.

– Мировой исламский (в реальности он обычно предстает жестко исламистским) проект многие также считают глобалистским, направленным на унификацию народов и государств. Возможно, это одна из причин, по которой некоторые представители общественности косо смотрят на укрепление ислама в Осетии. Насколько оправданы эти опасения? Осетин-мусульманин – насколько гармонично это сочетание? Наверное, все-таки превалирует одна из составляющих?... Что предпочтительнее – западный глобалистский, всемирный исламский или какой-то другой проект, учитывая, что сохранение нынешнего положения невозможно, да и вряд ли желательно?

– Мировой исламский проект – страшилка, фетиш, запущенный врагами не только ислама, но и вообще религии. Как и тот проект, который реализуется сегодня на территориях Сирии и Ирака. ***Идет откровенная война с исламом в различных формах и проявлениях.*** Втягивание исламской составляющей в эти войны и конфликты придает исламу задумано агрессивный, негативный образ. Ислам – это мировоззрение, сутью которого являются благие дела. Ислам означает покорность Господу, Всевышнему Аллаху, Который запрещает творить бесчестье на земле. Ислам не может унифицировать народы, которые созданы разными по воле Господа нашего. Ислам – это идейная, духовная суть человека, рожденного определенной национальности по Его великой милости. Почему тогда такие проблемы в исламском мире? Отвечу, не только в исламском, а везде, в любом обществе. Посмотрите на Европу – уничтожение людей там происходит последние двадцать лет непрерывно. Наступает общая религиозная деградация. Так

что *правильное понимание ислама и следование ему только укрепляет национальную идентичность.*

Сохранение нынешнего положения однозначно невозможно – если ты не идешь вперед, то тебя отбрасывает назад. Альтернатива регрессу – только прогресс.

Осетия – древняя среда обитания древнего народа. С богатой культурой, традициями, с весьма интересным языком и другими историческими атрибутами состоявшейся нации. *Проект не должен быть глобалистским, там для нас нет места. Он не может быть исламским или каким-нибудь другим. Проект должен быть только осетинским, национальным, объемным, с сохранением всего хорошего, что приобрел народ на своем историческом пути.* Осетия – это многонациональное и многоконфессиональное общество, и богатство каждой из нравственных составляющих нашего народа необходимо сохранить и дать им возможность развиваться.

Религиозная суть этого проекта должна быть императивом всего действия и началом пробуждения нации. Масштабность экономической стороны проекта и возможность для участия в нем любого жителя республики будут иметь идейную, национальную парадигму. Если проект не поднимет духовную основу народа и не даст ему экономическую состоятельность, то нам придется, как вы говорите, принять правила игры, устанавливаемые другими. Да нас и спрашивать никто не будет.

– В последнее время все чаще говорят, что осетинам пора отказаться от этнического названия «на грузинский манер» и осознать себя в качестве аланов, которым в свое время (правда, очень давно) принадлежала немалая часть Евразии. Что Вы думаете по этому поводу? Кем ощущаете себя – россиянином, осетином, аланом, частью мировой исламской уммы, а может быть, сплавом всего этого?

– Когда я слышу призывы, что нам надо отказаться от этнического названия «на грузинский манер» и пора бы вернуться к древнему названию, то у меня возникает ряд вопросов:

1. А как быть с историческим этапом, который наши предки прожили, ощущая себя осетинами? Они совершали подвиги и

умирали, прославляя нацию, которая зовется осетинами. Этноним, от которого мы хотим отказаться.

2. Те национальные герои, в том числе и герои Советского Союза, которые родились и умерли осетинами, как быть с ними? Посмертно принять в аланы?

3. В осетинском языке нет слова «осетин», но нет и слова «алан». Есть только слова «ирон» и «дигорон».

4. Насколько я знаю, и языка аланского нет. Те знаки, определяющие язык, найденные на артефактах, ученые относят к дигорскому языку (диалекту).

5. Привязывать фонетические сходства к слову «алан», мне кажется, не корректно.

6. То, что аланы прошли по немалым территориям, сегодня ничего не значит, это история. Надо жить в реальном времени.

Историю надо знать и, конечно, уметь анализировать исторические параллели, но проецировать на день нынешний прошлую значимость алан, думаю, не стоит. Мы можем ненароком открыть ящик Пандоры. *Я с гордостью ощущаю себя осетином, гражданином Российской Федерации и, конечно, частью общей исламской уммы. Это не сплав, а физическое и духовное единение, гармония, две ипостаси человеческого облика.* К этому вопросу необходимо подойти более основательно, не спеша. Если это так, то все точки и акценты должны быть расставлены, настолько исторически выверены, чтобы никто не смог усомниться, и не имел бы возможности приписывать себе эту историю. Пока этого нет.

Есть еще вопрос морального характера – а что нам это даст? Что дало это команде, которая носила название «Алания»? Она стала играть лучше, самоотверженно сражаясь за каждый мяч? Отнюдь.

Что изменится в нашей жизни, в нашем сознании? Ничего. Мы есть такие, какие есть. Мы должны изменить наше отношение к себе, как к нации. Определить, что же мы хотим увидеть в национальной перспективе. Сделать так, чтобы желание изменить нынешнее, дремлющее состояние народа стало уделом каждого члена нашей небольшой семьи. Тогда и придет истина, стоит ли

менять самоназвание или оставить, как есть. Мы должны измениться сами. Сказано в Откровении: «Воистину, Аллах не меняет положения людей, пока они не изменят самих себя».

– **Какими Вы видите осетин через десять лет (далее заглядывать не будем), если нынешние тенденции общественной и религиозной жизни сохранятся в неизменном виде, а скорее, и усилятся? Что будет с Осетией?...**

– Я думаю, тот баланс религиозных культур, который мы имеем, а именно православия и ислама, сохранится. Он состоялся давно, и колебания в ту или иную сторону незначительны и эпизодичны. Надеюсь, количество и качество верующих будут расти, и общество перестанет относиться к религии с опаской и недоверием.

Определение светского государства, которое применяют к месту и не к месту люди невежественные, должно однозначно наполниться в сознании всех смыслом, что *светское государство – не антирелигиозный институт, а узаконенные, равные права верующих и не верующих*. Равные права всегда и везде, в институте, государственном учреждении, в обществе в целом. Соблюдение положений Конституции – принципиальное условие для нашей маленькой республики.

Тогда комплексная программа, о которой мы говорили, приобретет необходимый импульс, и произойдет качественный скачок. В ином случае перспективы очень размытые и, мягко говоря, невеселые. Это будет видно через 15-20 лет. Не опоздать бы.

*Беседовала Яна Амелина
10 июня 2015 г.*

Ответ сектантам и террористам

Василий Иванов

Почему российская молодёжь уходит в две наиболее опасные, на мой взгляд, экстремистские организации – запрещенную в России ваххабитскую террористическую группировку ИГИЛ и неоязыческое политизированное движение Misanthropic Division («Че-

ловеконенавистническая дивизия», MD)? Общеизвестно, что ИГИЛ пополняют адепты радикал-исламистских сект (джамаатов). Но и неоязыческие секты не столь безобидны, как может показаться.

В связи с событиями на Украине внимание специалистов привлекают те неоязычники, которых принято называть «вотанистами» или «одинистами». Они поклоняются Одину – богу древних скандинавов. Среди неоязычников-вотанистов сейчас в России доминируют приверженцы движения Misanthropic Division. Идеология MD – это синтез германского (скандинавского) неоязычества, славянского неоязычества и неонацистской идеологии. Приверженцы этого движения, в частности, присутствуют среди неоязычников Ставропольского края, которые задолго до событий «евромайдана» обучались на Украине в военных лагерях украинских националистов.

Для адептов данного движения характерен своеобразный «славяно-германский» неоязыческий синкретизм. Помимо богов германской мифологии они почитают славянских богов. Среди части из них популярно мнение, что славянский Перун – это одно из имён скандинавского Тора Громовержца. Однако пантеон пока окончательно не установился, между приверженцами движения идут дискуссии на эти темы. Одина (Вотана) обычно считают «главным богом белой расы».

Следует отметить, что те неоязыческие секты, которые занимаются банальным «религиозным реконструкторством», пытаясь восстановить ритуалы древних славян, опираясь на исторические источники, труды этнографов и свою фантазию – безобидны весьма относительно. Их адепты также пополняют ряды движения Misanthropic Division, которое стало привлекательным брендом для части молодёжи.

Это движение очень похоже на ИГИЛ. MD, как и ИГИЛ – это бренд, за которым скрывается несколько в разной степени автономных организаций. О едином командовании здесь говорить не приходится. Мы имеем дело с несколькими ячейками. Если какая-то группа «ультраправых» националистов или какая-то неоязыческая секта (община) видит для себя привлекательной идеологию

данного движения, то они себя объявляют частью этого сетевого движения. Неоязычники-вотанисты из числа приверженцев данного движения есть в мегаполисах России, Украины, Белоруссии, а также в Берлине и других европейских городах. По разным оценкам сотрудников правоохранительных органов, численность движения в России составляет несколько сотен человек. Однако симпатизирующих им представителей молодёжи гораздо больше. Об этом можно судить по тому, что у их «паблика» в соцсети несколько тысяч подписчиков.

С началом «силовой» фазы «евромайдана» неоязычники Misanthropic Division прославились как жестокие боевики, закидывающие «коктейлями Молотова» милиционеров «Беркута». Среди этих неоязычников, выступающих под флагами с надписью «Убивать за Вотана», были и боевики из России. Ещё больше они прославились, когда в составе МВД Украины из неонацистов было сформировано печально известное подразделение «Азов». Из adeптов MD было составлено отдельное подразделение в составе «Азова», среди которых имеются граждане России.

На мой взгляд, большую часть молодежи привлекает вовсе не поклонение идолам Одина, Перуна или иных «богов». Многие из них, кстати, выступают против практики поклонения идолам, считая, что достаточно иметь изображения «богов» у себя в ноутбуке. Дело в следующем. ***Пропагандисты Misanthropic Division позиционируют это движение как единственное, которое способно воевать с нынешним «несправедливым» устройством мира, в котором правит бал финансовый капитал.***

Пропагандисты воздействуют на чувство социальной несправедливости, обращая внимание на коррупцию и социальное расслоение общества. Согласно учению движения, именно представители «белой расы» больше всего страдают от современного «несправедливого» устройства мира. В частности, они считают, что в США правит «еврейская верхушка» (хозяева ФРС), которые угнетают представителей белой расы и покровительствуют «чёрным» в ущерб интересам «белых». Также пропагандисты движения говорят о том, что в России угнетаются русские, особенно в

национальных республиках (представителей «нерусских» народов они в большинстве к «белым» не относят).

Кукловоды завлекают в движение молодых людей «высокими идеями» о справедливости, словами о необходимости борьбы за свои права с «угнетателями». Агитаторы говорят о «высшем предназначении» белой расы, о том, что её лучшие представители должны «сломать систему». Однако тех, кто купился на эту пропаганду, используют как раз в интересах тех, кто (согласно учению движения) являются этими самыми «угнетателями».

Ведь всем трезвомыслящим людям понятно, что организаторы «евромайдана» использовали боевиков-неоязычников в интересах двухпартийного режима США и части украинских олигархов. Сейчас в интересах этих же «угнетателей» боевики-неоязычники участвуют в «АТО» киевского режима против народа Донбасса. Идеологи Misanthropic Division говорят о том, что после «победы над ватниками» все силы движения будут направлены на то чтобы смести нынешнюю киевскую власть и установить на Украине «власть белой расы». Но всем понятно, что без благословения США реализовать данный сценарий им не удастся.

То же самое мы наблюдаем в отношении запрещенной в России ваххабитской группировки ИГИЛ. Для идеологии данной сетевой организации также характерен антиамериканизм. Однако, воюя против правительства Башара Асада в Сирии, ваххабиты-ИГИЛовцы фактически действуют в интересах двухпартийного режима США, которые используют эту силу для создания напряженности на границе с Ираном и поддержания «управляемого хаоса». ***Общаясь с ИГИЛовцами в интернете, я пришёл к выводу, что они не понимают этого очевидного факта: их как марионеток используют в интересах США.***

В ИГИЛ, как и в Misanthropic Division, молодёжь также приходит по идеологическим соображениям. Подвергшиеся ИГИЛовской агитации адепты ваххабитских сект (джамаатов) рассматривают ИГИЛ как единственную силу, которая реально воюет с нынешним «несправедливым» устройством мира. Вербовщики ИГИЛ в своей пропаганде также акцентируют внимание

на «высшем предназначении». Они воздействуют на чувство социальной несправедливости, которая установилась по всему миру, акцентируются на социальном расслоении общества, когда «богатые шикуют, а бедные доедают последние крохи со стола». Пропагандисты халифата лживо утверждают, что ИГИЛ уже удалось построить «справедливое государство», в котором нет коррупции и социального неравенства.

Адептами ИГИЛ, также как и Misanthropic Division и многих других сект, становятся люди, у которых есть потребность в «высшей идее». Это люди, которые ищут смысл жизни. И этот смысл жизни, эту «высшую идею» в разных формах им дают описанные выше опасные для государства и общества организации.

Для того чтобы нейтрализовать влияние на молодёжь этих опасных экстремистских организаций, государство само должно предложить «высшую» («высокую») идею, которая будет как минимум конкурентоспособной по отношению к указанным экстремистским «высшим идеям». И, на мой взгляд, эту идею уже предложил президент России Владимир Путин. Вспомним его интервью, в котором он сказал: «Просто мы сильнее... Всех. Потому что мы правы. Сила – в правде. Когда русский человек чувствует правоту, он непобедим». Фактически, эти слова главы государства восходят к известному изречению: «Не в силе Бог, а в правде». Рискну утверждать, что этими словами Президент России показал, какая именно «высшая идея» нам нужна. Из его слов следует, что ***нам нужна «высшая идея», которая исторически истекает из русской концепции «Москва – Третий Рим».***

Обратимся к нашей истории. В Советском Союзе была довольно проработанная идеология этатизма, которая обосновывала противостояние с Западом. Утверждалось, что СССР борется за справедливость для всех во всём мире, именно СССР во всём мире защищает трудящихся, не давая силам зла (в лице «акул империализма» под предводительством США) одержать победу над «прогрессивным человечеством». Напомню, что этатизм заключается в абсолютизации роли государства в жизни людей. Почему у граждан Советской России нашли отклик эти идеи?

Во-первых, для россиян с монархических времён была нормой сакрализация государства. Во-вторых, описанная советская идеологическая концепция – это не что иное, как переформатированная русская концепция Третьего Рима, которая прямо связана с идеей России как Катехона (державы, удерживающей мир от победы сил зла). Весь смысл этой концепции ёмко передаётся короткой фразой: «Не в силе Бог, а в правде». Наша держава потому удерживает мир от победы сил зла, что наша сила – в правде.

Из слов Владимира Путина следует, что наша современная «высшая идея» состоит в том, что именно Россия борется за справедливость во всём мире, не давая победить «силам зла» в лице США. Этот вариант «высшей идеи» вполне соответствует современным геополитическим реалиям. Разумеется, современная формулировка этой идеи уже не требует марксистской фразеологии.

На мой взгляд, **именно эта концепция позволит вырвать молодёжь из-под влияния ИГИЛ и других подобных организаций.** Ведь идеология ИГИЛ фактически представляет собой вариацию этой же концепции – о борьбе за справедливость во всём мире, против «сил зла». Ваххабиты-ИГИЛовцы уверены в том, что Создатель этого мира на их стороне, и что сила ИГИЛ – в правде и справедливости, только к «силам зла» вместе с США они причисляют и российское государство. И адепты Misanthropic Division также считают, что правда на их стороне, а им противостоят «враги белой расы».

Уместен вопрос: приемлема ли для мусульман и буддистов России идеология, основанная на имперской идее Третьего Рима и фактически имеющая православные корни? Я утверждаю: вполне приемлема. Граждане примут эту идеологию, если ее будет утверждать государственная машина пропаганды, так же, как ранее все граждане принимали советскую идеологию, которая представляла собой переформатированную катехоническую идею. Не вижу ничего плохого (для представителей всех традиционных конфессий России) в миссии государства, направленной на удержание мира от победы сил зла, за справедливость для всех во всём мире. И для ислама, и для буддизма идеи справедливости вовсе не являются чуждыми.

Однако есть один немаловажный аспект. *Если мы утверждаем, что наша сила в правде, и боремся за справедливость во всём мире, то должны добиваться того, чтобы наша страна действительно стала справедливой.* Прежде всего, мы должны побороть коррупцию, клановость, добиться, чтобы работали социальные лифты для молодёжи независимо от этнической принадлежности. Особенно это актуально для некоторых национальных республик в составе Российской Федерации. Мы должны добиться того, чтобы достойно жили те, кто добывает себе средства к существованию честным путём, а не те, кто добывает себе средства на существование криминальными способами.

Вспоминается, как один молодой дагестанец, офицер Вооружённых Сил, несколько лет назад описывал мне реалии своей республики: «У нас богато живут либо жулики, либо взяточники и расхитители государственного имущества, либо те, кто их «крышит». По его мнению, на территории Дагестана могут иметь достойное будущее либо дети богатых и влиятельных людей, либо их родственники. Получается, что социальные лифты в республике работают не для всех. Он считал, что в его родной республике жулики, взяточники и казнокрады в большинстве своём остаются безнаказанными. По мнению молодого офицера, в родной республике у него нет будущего ещё и потому, что он является представителем малочисленного народа. Понятно, что на фоне всего этого государственная пропаганда о «справедливом государстве, которое борется за справедливость во всём мире» будет расцениваться как лживая и вызывать отвращение. А вот пропаганда ИГИЛ в таких условиях, напротив, найдёт благодатную почву.

Приведу другой пример. Одна небогатая русская семья вынуждена была покинуть одну из северокавказских республик, поскольку не видела там для себя будущего. Несколько лет назад они переехали в соседний Ставропольский край. Однако в этом регионе они столкнулись с тем, что социальные лифты для их детей не работают. Как наблюдали и то, как припеваючи живут люди, приобретшие себе богатства несправедливым путём и нисколько не боящиеся наказания. Они видели, что хозяевами района факти-

чески являются представители этнической преступной группировки. По крайней мере, к такому выводу они пришли, наблюдая местные реалии. В итоге их сын и дочь вынуждены были искать себе будущее в Москве. И лично у меня не вызывает удивления, что их сын стал неоязычником, адептом Misanthropic Division. Слова пропагандистов этого движения о том, что русские в России притесняются и являются «гражданами второго сорта», не являясь хозяевами в своей стране, легли на благодатную почву.

Только поборов коррупцию, казнокрадство и заставив работать социальные лифты для молодёжи, мы сможем выбить почву из-под проповедников ИГИЛ, Misanthropic Division и других подобных организаций, которые в своей пропаганде пытаются воздействовать на чувство социальной несправедливости, в частности, акцентируя внимание на коррупции, и на социальном неравенстве в обществе. «Высшая идея» будет работать только в сочетании с реальными мерами, направленными на искоренение коррупции, казнокрадства и на обеспечение доступности социальных лифтов для всех, вне зависимости от этнической принадлежности.

Разумеется, всё вышесказанное не должно отменять того, что Православная Церковь и представители традиционного ислама должны работать с молодёжью, оказывая противодействие пропаганде экстремистских организаций по своей линии.

Однако при этом нельзя не признать такую проблему, как *насаждаемый либеральной частью священнослужителей РПЦ ложный образ православия как «толерантной» религии, не имеющей никакого отношения к патриотизму и служению Отечеству*. Из-за этого православие воспринимается многими представителями молодёжи как «религия слабых», в которой главное – «прощать врагов, подставлять щёку». На фоне такой проповеди радикальный ислам, и в частности, идеология ИГИЛ, в глазах молодёжи выглядит как «религия сильных», «религия воинов». Тоже самое касается и идеологии Misanthropic Division, которую пропагандисты вотанизма позиционируют как «религию сильных». Проблема также и в том, что миссионерские отделы епархий, как правило, слабо работают, если работают вообще.

Одной из главных причин успеха прозелитизма радикал-исламистов и неоязычников среди отдельных представителей русского народа является то, что большинство русских до сих пор оторваны от своих духовных корней и фактически не знакомы с религией своих предков – православным христианством, и имеют искажённое представление об этой религии.

Аналогично можно описать то духовное состояние, в котором находятся молодые представители мусульманских народов, становящиеся приверженцами ИГИЛ и других форм радикал-исламизма. Они оторваны от своих духовных корней, и имеют искажённое представление о традиционном исламе, которого придерживались их предки. Поэтому на благодатную почву ложатся слова пропагандистов ИГИЛ о том что «предки находились в состоянии невежества, придерживались «неправильного ислама».

Успеху проповеди радикалов способствует и то, что большинство молодых мусульман России плохо знают историю своей страны. Например, они не знают, что ислам в императорской России по сути стал второй государственной религией наряду с православием. Мусульмане занимали высокие государственные посты, служили генералами в царской армии, считали за честь служить в армии Российской империи. Представители мусульманских народов несли службу в Собственном Его Императорского Величества Конвое – воинском подразделении, которое осуществляло охрану императора и его семьи. Этот факт демонстрирует высокую степень доверия, с которой глава государства относился к верноподданным мусульманам. Ведь указанное подразделение в царской России выполняло ту же роль, которую в наши дни выполняет Федеральная Служба Охраны (ФСО). Не зная всего этого, мусульмане легко принимают на веру выдумки экстремистов о том что «ислам в России всегда подавлялся, а мусульмане угнетались».

Поэтому, на мой взгляд, *историю ислама в России обязательно нужно изучать со школьной скамьи.* И я согласен с известным исламоведом Романом Силантьевым в том, что государственная пропаганда должна акцентировать внимание на следующем моменте: в России на протяжении веков православные и мусу-

сульмане совместно занимались государственным строительством, и с оружием в руках вместе защищали страну от внешних агрессоров.

К сожалению, успеху пропаганды экстремистов способствует также и то, что в отдельных регионах авторитет священнослужителей традиционных религий (как православия, так и ислама) в глаза молодежи крайне низок, по самым разным причинам. В частности, нередко в глазах молодёжи они выглядят слишком сервильными по отношению к власти. Особенно негативно молодёжь расценивает сервильность священнослужителей по отношению к тем чиновникам, которые имеют репутацию коррупционеров и казнокрадов. В ряде регионов падению авторитета представителей традиционного ислама способствует организационная разобщённость и противостояние «официальных» мусульманских структур и личные противоречия представителей духовенства.

По означенным причинам, *крайне важно, чтобы государство предоставляло молодёжи свою версию «высокой идеи», не противоречащей традиционным религиям нашей страны.*

«Общество», 22 июня 2015 г.

«Исламское государство»: не так страшен черт

Яна Амелина

За год, прошедший после провозглашения «халифата» 29 июня 2014 г.¹, так называемое «Исламское государство» (ИГ, также известное как «Исламское государство Ирака и Леванта» и «Исламское государство Ирака и Шама») окончательно вытеснило «Аль-Каиду» и другие экстремистские организации из выпусков новостей. Объявленное чуть ли не главной угрозой всему цивилизованному миру, это запрещенное в РФ² террористическое квазигосударственное образование постепенно обрело откровенно де-

¹ СМИ: «Исламское государство Ирак и Леванта» создает «Исламский халифат». ИТАР-ТАСС, 29 июня 2014 г. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1287124>

² Решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. Полный текст: <http://nac.gov.ru/content/4881.html>

монические черты. Этому способствует его собственная «внутренняя политика» – жестокие пытки и казни, работорговля и прочие явления, типичные скорее для XI, чем для XXI века. Однако с течением времени *в этом религиозно-геополитическом монстре все четче проглядывают черты западного постмодернистского проекта, слепленного на скорую руку ради решения сиюминутных политических задач и существующего во многом благодаря современным пиар-, медиа- и политтехнологиям.*

«Раскрутка» ИГ происходит по всем правилам продвижения на рынок нового товара – от создания привлекательного образа т.н. «исламского государства» для определенной целевой аудитории и внедрения его в молодежную субкультуру до максимального расширения этой аудитории путем активной рекламы в социальных сетях. Об этом говорит и столь характерная для менеджеров среднего звена «проектная терминология» (применительно, например, к расширению влияния ИГ на Афганистан или Северный Кавказ), и постоянное использование распространенных в западной культуре аудио- и визуальных «якорей» (лозунг «Доулят аль-исламия бакыя» – арабский перевод «Islamic State forever», то есть калька с традиционного «что-то – допустим, strawberry fields – навсегда»; сжигание, а теперь и утопление людей именно в клетках – так казнят в популярнейшем сериале «Игра престолов», и т.д.).

Реальная же опасность этого «проекта», во всяком случае, для России и Закавказья, существенно преувеличена, в первую очередь, в пропагандистских целях. Чрезмерное внимание, уделяемое в последние месяцы российскими СМИ так называемому «исламскому государству», по всей видимости, призвано отвлечь внимание общества от последствий экономического кризиса и «замороженной» на время ситуации на Украине, требующей, тем не менее, скорейшего разрешения.

Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров назвал ИГ «нашим главным врагом на сегодняшний момент, ...хотя бы потому, что в его составе воюют сотни россиян, граждан стран СНГ, европейцев, американцев». «Повоюют там, а затем возвращаются

и устраивают гадости у себя дома»³, – пояснил глава российского дипломатического ведомства. Для подобных опасений, казалось бы, имеются все основания. Еще 3 сентября 2014 г. в Интернете появилась видеозапись, на которой боевики ИГИЛ угрожают президенту России Владимиру Путину за помощь сирийскому коллеге Башару Асаду и прямо заявляют: «Мы с дозволения Аллаха освободим Чечню и весь Кавказ! «Исламское государство» есть и будет, и оно расширяется с дозволения Аллаха. Твой трон уже пошатнулся, находится под угрозой и падет с нашим прибытием к тебе. Мы уже в пути с дозволения Аллаха!»⁴.

Однако на сегодняшний день ясно, что *угрозы борцов с Асадом и Путиным оказались таким же блефом, как и потуги «Имарата Кавказ»⁵ сорвать зимнюю Олимпиаду в Сочи*. Российские правоохранительные органы не оставили похвальбу радикалов без внимания и провели масштабную зачистку региона, значительно снизив степень террористической опасности.

Часть боевиков, в том числе присягнувшие ИГ лидеры «Имарата», включая его главаря Алиасхаба Кебекова, ликвидирована. Соратников нового «лидера» ИК Абу Усмана Гимринского, не поддерживавшего «исламское государство», осталось совсем мало. Ряд боевиков, в том числе по разным причинам не решившихся проявить себя в «Имарате», предпочли совершить «хиджру» (переселение) в самопровозглашенное «исламское государство». Исход из «Имарата», вернее, прекращение подпитки свежими силами, начался даже раньше, чем его постигли организационные проблемы. Многие потенциальные «имаратчики» оказались разочарованы как очевидным отсутствием перспектив дальнейшей вооруженной борьбы, так и интернациональным характером ИК. Те же проблемы ожидают и «исламское государство», пытающееся перехватить в регионе хорошо потрепанную социальную базу «Имарата».

³ Лавров: США не хотят признавать, что «Исламское государство» – результат их же действий. ИТАР-ТАСС, 22 апреля 2015 г. <http://tass.ru/politika/1921644>

⁴ «Твой трон уже пошатнулся»: боевики ИГ угрожают Путину освобождением Чечни и всего Кавказа. Портал Newsru.ua, 3 сентября 2014 г. http://rus.newsru.ua/world/03sep2014/ig_pyitin.html

⁵ 8 февраля 2010 г. Верховный суд РФ признал «Имарат Кавказ» террористической организацией и запретил ее деятельность на территории РФ.

Из этого вряд ли что-нибудь получится. *За последние два года ситуация на Северном Кавказе значительно стабилизировалась, хотя победу над религиозным экстремизмом торжествовать, безусловно, рано. «Имарат Кавказ» на глазах превращается в такое же виртуальное образование, как ранее – сепаратистский проект «Чеченской Республики Ичкерия»*⁶. Происходит и естественная смена поколений: «имаратовцы» первого призыва уничтожены, а «электорат» исламского государства, которое старшие товарищи считают опасной сектой и называют «игишнутыми» – практически исключительно «зеленая» молодежь.

По оценкам российских и иностранных экспертов, на стороне ИГ воюет около двух тысяч выходцев из России⁷. *Столько их отыскалось среди 20 миллионов российских мусульман.* Журналисты неких внезапно возникающих сетевых изданий со ссылкой на «анонимного чеченского боевика» говорят о целых пяти тысячах, но это, скорее, следует рассматривать как часть пиар-проекта по «раскручиванию» темы в духе «сами пугали – сами испугались». Сюда же относятся сообщения о возможности появления у «исламского государства» ядерной бомбы в течение ближайшего года⁸.

⁶ На одном из Интернет-форумов сторонников различных сепаратистских и исламистских «проектов» на Кавказе неоднократно обсуждалось, «что «Имарат Кавказ» делает в Сирии». «Если он называется «КАВКАЗ», почему он не на Кавказе? Почему молодежь сотнями вербуются в Сирию?», – вопрошал один из участников дискуссии. «Потому что дома нет ловли, – отвечали ему. – Просто поехать, выкопать блиндаж и все имеющееся время тратить на борьбу с голодом и холодом, не принося никакой пользы общему делу, гроба свое здоровье – мало интересно. Но и беженцем себя осознавать не очень по кайфу. Поэтому едут в Сирию, чтобы держать себя в форме, приносить пользу, если не своему народу, то хотя бы другим угнетаемым мусульманам. Главное – перебиться какое-то время, не выпадая из обоймы, до того момента, когда можно будет уже готовую и закаленную в боях армию перебросить на Кавказ». В качестве альтернативы высказывались предложения участвовать во внутриукраинском противостоянии, воюя «с непосредственным нашим врагом, тем же, что хозяйничает на Кавказе». Но они не пользовались популярностью, поскольку «многим убеждения не позволяют воевать в Украине». Очевидно, что планы по возвращению боевиков на Кавказ столь же несбыточны, как ранее – проекты «Чеченской Республики Ичкерия». Об участии ичкерийских боевиков в украинских событиях см. здесь: «Ичкерийский» пиар на пустом месте. «Русская планета», 3 июня 2015 г. <http://rusplt.ru/world/ichkeriyskiy-piar-na-pustom-meste-17323.html>

⁷ На стороне ИГ воюют до пяти тысяч выходцев из России. ИА «Интерфакс-Религия», 17 июня 2015 г. <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=59161>

⁸ См.: СМИ: У «ИГ» может появиться ядерное оружие в ближайший год. ИА Regnum, 23 мая 2015 г. <http://www.regnum.ru/news/polit/1927107.html>. Поразительно, но распространяющих эту дезинформацию не смущает ее источник – содержащийся в плену у ИГ британский журналист Джон Кэнгли. Очевидно, что в его положении можно ожидать заявлений о скором появлении у ИГ инопланетного и климатического оружия.

Большинство российских боевиков ИГ составляют чеченцы и дагестанцы (эксперты говорят примерно о тысяче последних, но конкретных цифр нет). По данным заместителя министра внутренних дел по Чеченской Республике Апты Алаудинова, для участия в боевых действиях на стороне ИГ в Сирию уехало 405 жителей республики. 104 из них погибли, 44 вернулись домой, попав в руки правоохранительных органов. В отношении боевиков возбуждено 88 уголовных дел⁹. Глава Ингушетии Юнусбек Евкуров заявил о 14 выходах из республики, уехавших в Сирию, пятеро из них погибли¹⁰. Есть сведения и по другим республикам СКФО¹¹. Говорят также о двухстах поволжских¹² и о нескольких крымских татарах. Сюда же можно добавить сотню чеченцев-кистинцев из Панкисского ущелья Грузии, примерно тысячу азербайджанцев и несколько тысяч представителей Средней Азии (наверное, таким образом и набирается пять тысяч боевиков). Общая численность всего исламистского войска оценивается в пределах 50-70 тысяч человек.

Даже если брать максимальные значения, цифры не поражают величиной. Так стоит ли преувеличивать масштаб проблемы? Концептуальные основы, на которых базируется ИГ, давно разоблачены и опровергнуты как зарубежными, так и российскими исламскими деятелями. Соответствующие фетвы выпустили саудовские, египетские, американские мусульманские богословы, к которым немного позже присоединились и россий-

⁹ МВД: 405 человек уехало из Чечни на войну в Сирию с начала конфликта. РИА «Новости», 15 июня 2015 г. <http://ria.ru/world/20150615/1070547170.html>

¹⁰ Эксклюзив: Юнус-Бек Евкуров: «Профессия военного снова становится популярной». Портал NogUasamonga, 24 июня 2015 г. <http://noguasamonga.ru/policy/15-rossiya/450-eksklyuziv-yunus-bek-evkurov-professiya-voennogo-snova-stanovitsya-populyarnoj.html>

¹¹ Всего с начала 2015 г. сотрудниками Погрануправления ФСБ по Северной Осетии выявлено и пресечено более 20 попыток выезда за границу жителей СКФО для вступления в ИГ. См.: Двое жителей КБР задержаны при попытке выехать в Сирию, чтобы воевать в рядах боевиков. ИА «Интерфакс-Юг», 3 июня 2015 г. <http://www.interfax-russia.ru/South/news.asp?id=618355&p=2>. Известно о как минимум 16 жителях КЧР, отправленных в Сирию двумя вербовщиками. См.: В Карачаево-Черкесии нашли вербовщиков. «Северный Кавказ», 19 июня 2015 г. <http://www.sknews.ru/rubriki/law/68762-v-karachajevo-cherkesii-nashli-verbovshhikov.html>, и т.д.

¹² Более 200 жителей Поволжья воюют за ИГ в Ираке и Сирии – директор ФСБ. ИА «Интерфакс», 16 июня 2015 г. <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=59145>

ские¹³. В конце марта Совет улемов Духовного управления мусульман РФ вынес фетву, доказывающую, что «все действия ИГ, начиная от создания группировки, призыва к переселению и кончая жестокостью и публичными казнями, противоречат исламу»¹⁴. «Пламя вечного ада» пообещал игиловцам глава Чечни Рамзан Кадыров¹⁵, а муфтий Чечни Салах Межиев назвал их «войском сатаны»¹⁶.

Существование этой террористической группировки бросает тень на ислам, и борьба с ней – задача всех мусульман. Тем, кто этого не понимает, пожалуй, действительно лучше покинуть Россию: такие граждане здесь не нужны. Так что ни о каком «триумфальном шествии ИГИЛ по Кавказу», которого с надеждой ждут представители федерального исламистского лобби, говорить не приходится.

«Это не «исламское государство», а бандитское образование, и так и нужно его называть, – убежден муфтий Северной Осетии Хаджимурат Гацалов (кстати, первым из российских исламских деятелей осудивший ИГ¹⁷). – *Никакой потенциальной опасности для России оно не влечет, тем более, для Кавказа.* Это – порождение западных спецслужб, и оно будет существовать до тех пор, пока нужно США». Дальнейшее расширение ИГ невозможно, убежден муфтий.

¹³ См., например: Открытое письмо исламских ученых главарю ИГИЛ. Официальный портал главы и правительства Чеченской Республики, 18 февраля 2015 г. <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=16253>

¹⁴ Богословское заключение (фетва) Совета улемов ДУМ РФ относительно легитимности группировки ДАИШ. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации, 1 апреля 2015 г. <http://dumrf.ru/islam/sermon/9147>. Исламоведы говорят, что она во многом повторяет упомянутое выше Открытое письмо исламских ученых, но в этой ситуации лучше еще раз произнести общеизвестное.

¹⁵ Кадыров пообещал террористам из ИГ «пламя вечного ада». Полит.ру, 3 сентября 2014 г. http://polit.ru/news/2014/09/03/kadyrov_vs_isis/

¹⁶ Муфтий Чечни о дискредитации ислама. ИА «Чеченская Республика сегодня», 4 сентября 2014 г. <http://chechnyatoday.com/content/view/280515>. Летом 2015 г. Совет по фетвам Духовного управления мусульман ЧР вынес богословское заключение, согласно которому группировка, которая называет себя «Исламское государство Ирака и Шама», противоречит исламу, а ее участники заслуживают либо смертной казни, либо полной пожизненной изоляции от общества. В беседе с журналистами муфтий Чечни разъяснил нелегитимность террористов, объявивших о построении «халифата». См.: Совет по фетвам ДУМ ЧР вынес приговор группировке ИГИЛ. ИА «Чеченская Республика сегодня», 10 июня 2015 г. <http://chechnyatoday.com/content/view/285550>

¹⁷ Хаджимурат Гацалов: только Россия остановит насилие на Ближнем Востоке. РИА «Новости», 11 июля 2014 г. http://ria.ru/cj_opinion/20140711/1015489942.html

Попытки продвижения радикалов в сторону России будут жестко пресечены, считает он. Кроме того, значительная часть тех, кто уехал воевать на Ближний Восток, вопреки алармистским заявлениям некоторых экспертов, никуда возвращаться не собирается – не случайно они забирают с собой семьи. Большинство из них поименно известны правоохранителям, соответствующие списки составлены и частично даже опубликованы. 29 декабря 2014 г. Верховный суд России признал «Исламское государство» террористической организацией и запретил ее деятельность на территории страны. С этого дня любое участие в ней стало уголовным преступлением. География и количество приговоров, выносящихся российскими судами за вербовку, пособничество и непосредственное участие в боевых действиях на стороне ИГ, четко демонстрируют, что силовые структуры держат процесс под жестким контролем¹⁸.

«Тех же, кто все-таки намерен вернуться, местные общины, во-первых, не примут, во-вторых, они не пользуются в них авторитетом, – констатировал муфтий Гацалов. – Авторитет – у знающих, а эти люди, прежде всего, малограмотны». Но помимо невежественных, часто просто не способных к обучению мусульман, в рядах северокавказских рекрутов ИГ «немало искренних, наивных парней, насмотревшихся в Интернете пропагандистских роликов о якобы притеснении мусульман»¹⁹, считает религиозный деятель.

О таком способе вовлечения в игиловские сети рассказывают многие молодые ребята, вовремя остановленные сотрудниками правоохранных органов. «Делать нечего, целый день сидел в

¹⁸ См., например: Астраханцу, вербовавшему боевиков в ИГИЛ, Верховный суд смягчил приговор. ИА «Росбалт», 20 мая 2015 г. <http://www.rosbalt.ru/moscow/2015/05/20/1400286.html> (печь идет о снижении срока тюремного заключения с 5 до 4,5 лет); Жителя Мордовии осудили за финансирование «джихада» в Сирии. РИА «Новости», 16 июня 2015 г. <http://ria.ru/incidents/20150616/1072500325.html> (осужденный приговорен к 5 годам лишения свободы); В Карачаево-Черкесии нашли вербовщиков. «Северный Кавказ», 19 июня 2015 г. <http://www.sknews.ru/rubriki/law/68762-v-karachajev-cherkesii-nashli-verbovshnikov.html> (двое жителей КЧР получили семь и три года за вербовку в ИГ); Жителя Нальчика осудили за участие в военном конфликте в Сирии. РИА «Кабардино-Балкария», 25 февраля 2015 г. <http://kbrria.ru/proisshestviya/zhitelya-nalchika-osudili-za-uchastie-v-voennom-konflikte-v-sirii-6850> и т.д., и т.п.

¹⁹ Выступление на заседании экспертного клуба «Казбек» (Владикавказ) «Конфессиональная структура Северного Кавказа», 29 апреля 2015 г.

Интернете, и постепенно углублялся, и вышел на таких людей», — поведал свою историю ингушский парень, с которым успели провести профилактическую беседу, после чего он отказался от намерения присоединиться к ИГ. Там же, в сети, нагляделся постановочных видео об унижении и уничтожении «неверными» мусульманских женщин и детей 24-летний чеченец. Он все-таки добрался до Сирии и лишь на месте понял, что стал жертвой пропаганды. Выбрался оттуда с большим трудом — «пушечное мясо», которым, несмотря на все разговоры об исламском братстве, де-факто являются выходцы с постсоветского пространства, не хотели отпускать просто так. Это — типичные истории.

Даже беглое изучение в социальных сетях (прежде всего, в «Контакте», где сосредоточились самые «наивные и искренние») профилей пользователей, которые выражают настойчивый интерес к тематике «исламского государства» (заметим, что их совсем не так много, как может показаться по сообщениям СМИ), позволяет выделить среди них три условные группы.

К первой можно отнести молодых людей, психика которых находится в пограничном состоянии. Им мучительно скучно в реальности, где они, скорее, неудачники — отсюда многочисленные репосты «глубокомысленных» статусов про недоступных им девушек, про «крутых пацанов», которые «горой за своих», про бессмысленность и пустоту жизни, в которой им ничего не светит. Эти вчерашние школьники настолько запутались в своих политических предпочтениях, что, публикуя сегодня исламистские лозунги, забывают или не считают нужным стереть репосты из сообществ «Антимайдан», «Военный Донецк» и тому подобных, заполнявшие их страницу менее года назад. Тогда эти двадцатилетние пареньки называли себя «донецкими сепаратистами» и писали, что едут на войну в Новороссию (конечно, если это была не пустая бравада, как и грустные сообщения о несчастной любви) — сегодня они же спрашивают в тематических группах, как попасть в ИГ. В этой категории встречаются не только кавказские и поволжские, но и русские имена. Характерно, что практически все они обожают эдакую «сентиментальщину» криминального розли-

ва: сводя на нет роль жены или подруги, эти «разочаровавшиеся в жизни» мальчики публикуют сопливые изречения о том, что «главная женщина в жизни – это мама».

Вторая группа – молодые (в среднем 16-25 лет) мусульмане, чрезмерно увлеченные религией, но мало разбирающиеся как в ней, так и в геополитической ситуации в мире в целом²⁰. Сюда же можно отнести дурочек, публикующих демотиваторы с надписями типа «Все хотят любви. Кроме меня. Я хочу в ИГ» – и изображением девушки в никабе, улетающей в «исламское государство» на связке воздушных шариков. Впрочем, «несчастливая любовь» в этом детском саду обычно тоже присутствует. Получивший широкую известность случай Варвары Карауловой, по всей видимости, также относится к этой группе.

Как правило, страницы этих «юных бойцов» (нередко подписанных, одновременно со страницами об ИГ, на группы с подростковым контентом вроде «ты мечтаешь путешествовать по миру, но тебе завтра в школу» и «если любишь меня, почему ты ушел?») содержат достаточно данных для идентификации их личностей. Скорее всего, они находятся в поле зрения правоохранительных органов. Достаточно одной или нескольких профилактических бесед, чтобы подобные молодые люди оставили всякие мысли такого рода. С другой стороны, как заметил на апрельской конференции в Чечне, посвященной проблематике «исламского государства», профессор университета Анкары Салих Йылмаз, *«Запад видит одну из целей существования ИГ в том, чтобы агрессивные молодые люди покинули Европу и нашли на Ближнем Востоке свою*

²⁰ Об этом же пишет ливанская исследовательница Маха Яхья применительно к арабской действительности. По ее мнению, «вместо развития у молодых людей способностей к анализу и распространению общегражданских ценностей, образовательные учреждения занимаются в основном привитием не критического отношения к власти, а также антагонистической ментальности «мы-они». Это способствует тому, что в условиях нестабильной политической ситуации особую популярность приобретают воинственные идеологии, которые предлагают своим адептам чрезвычайно упрощенную картину мира, в котором есть только «свои» и «чужие». См.: 5 причин популярности ИГИЛ. Muslem.ru, 12 ноября 2014 г. <http://muslem.ru/5-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B8%D0%BD-%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%B3%D0%BE%D1%81/>

смерть». Возможно, именно в таком контексте рассматривают проблему и некоторые российские силовики.

Есть и еще одна, пожалуй, самая многочисленная категория Интернет-игиловцев. Их страницы, как правило, созданы в конце прошлого-начале нынешнего года (особенно массово – в текущем марте-апреле), на «стенах» даются одинаковые ссылки на те или иные исламистские ресурсы, сами персонажи публикуют одинаковые (дословно) комментарии в различных группах и обсуждениях, касающихся «исламского государства»²¹. У них обычно не так много – от нескольких десятков до полутора сотен – друзей, по большей части – случайных людей, не имеющих отношения (если судить по именам, содержанию страниц и аватарам) к исламу. На таких страницах нет реальных фотографий их владельцев. Обычно их заменяет флаг ИГ или какие-либо исламские символы. Можно предположить, что виртуальны не только фотографии профиля, но и «личности», которым якобы принадлежат эти страницы. А вот кто их создатели – игиловские вербовщики неопытной молодежи или выявляющие тех и других бойцы невидимого фронта – вопрос не для гражданских экспертов. Показательно также наличие в «Контакте» множества пародийных групп вроде «Имарат Донбасс», «Исламское государство Донецка и Луганска» или «Спасем телеканал «Джихад».

Осознавая опасность распространения экстремистских идей, многие общественные деятели, особенно в молодежной среде, предлагают самый простой (на их взгляд) метод борьбы с ними – противостояние в Интернете. Однако распространение хэштегов

²¹ Типичный пример: «Нас все больше и больше, мы уже в каждой семье и уже никто никак на нас не влияет, нас уже невозможно остановить. Несмотря на всякую грязь, которой нас пытаются облить, мы продолжаем увеличивать свое количество. Когда нас притесняют, мы становимся сильнее. Когда нас обсуждают за спиной, придумывая всякую ересь, мы несмотря на лай собак потихоньку двигаемся вперед. Пока вы в погоне за этим жалким миром, мы крепимся и объединяемся на истине. Совсем скоро мы разрушим ваши ценности, которые навязали ваши отцы и недруги. Мы очистим эти земли от язычества и новшества. Мы разгоним с улиц всех раздетых блудниц и пьяных алкашей, обкуренных наркоманов и курильщиков. Мы избавимся от беззакония и установим истинный порядок и справедливость. Уже совсем скоро над вами будет возвышаться черный флаг, который вселяет страх в ваши сердца. Если на то воля Аллаха, вы увидите все это своими глазами, даже если это вам ненавистно!!!»

вроде #мыпротивиг или #игнеислам, как это предлагалось, например, на вышеупомянутой конференции в Чечне, хорошо для отчетности, но не для реального противодействия радикалам. Понятно, что Интернет создает лишь определенные предпосылки, своеобразный фон для вербовки. ***Основная работа по мотивированию будущего боевика «исламского государства» происходит отнюдь не в виртуальном, а в абсолютно реальном мире – в мечетях, в общинах верующих, в кафе и на встречах друзей. Не говоря уже о физической переброске в ИГ. Там и должна проходить основная линия контрпропаганды и противодействия.***

Если же оставить малолеток с их мотивацией «за кадром», мы оказываемся перед серьезным идеологическим вызовом. Как справедливо заметил научный сотрудник Российского института стратегических исследований Василий Иванов, в боевики идут вовсе не от бедности. «Материальные факторы не являются главным стимулом для радикал-исламистов, – полагает он. – Причиной того, что люди из разных стран едут в ИГИЛ, является джихадистское мировоззрение, которого они придерживаются, их идейные установки»²².

Государство и общество проигрывают в битве за умы именно потому, что им нечего противопоставить идеологии ИГ – прежде всего, на идейном уровне. Противостоять религиозной идеологии может лишь другая религиозная идеология. Так называемый «традиционный ислам» не справляется с этой ролью – он слишком «традиционен», часто чрезмерно формализован и организован, чтобы отвечать потребностям молодежи. Православная церковь в ее нынешнем состоянии также не способна увлечь молодых пассионариев²³. Светское общество тем более не может пред-

²² Эксперт: вовсе не деньги являются мотивирующим фактором для боевиков ИГИЛ. «Русский федералист», 3 июня 2015 г. <http://rusfed24.ru/2015/06/03/ekspert-vovse-nedengi-yavlyayutsya-motiviruyushhim-faktorom-dlya-boevikov-igil/>

²³ При формулировке идеологического ответа радикалам важно не впадать в крайности, которые не будут иметь принципиальных отличий от того, чему призваны противостоять. Вариант эдакого «православного игила» предлагает, например, один из полевых командиров Луганской народной республики, известный по позывному «Боцман»: «Изменить ситуацию можно только вернувшись к религиозным корням, создав некий аналог опричнины в хорошем смысле. ...Вся армия Новороссии или ее костяк должны стать таким военно-монашеским православным орденом. ...Пусть это назовут «православным игилом», пусть враг потешается и ведет свое информационные контригры – наше дело

ложить ничего конкурентоспособного – не считать же прорывными идеи «потребления ради потребления» и тем более «развития нанотехнологий», о которых, впрочем, уже благополучно забыли.

Костяк боевиков «исламского государства» с территории бывшего СССР составляют молодые люди 1991-1994 годов рождения (есть и постарше, но большинство – молодежь самого цветущего возраста). Они родились и выросли в условиях не просто отсутствия государственной идеологии, но и конституционного запрета на нее, падения уровня образования, слома социальных лифтов и отсутствия жизненных перспектив. Нет знаний, работы, денег, семьи, самореализации, а главное, подвига – остается бессмысленное (вернее, откровенно вредное) сидение в Интернете с единственной целью – как-то себя занять. ***И потому, хотя массово поднять северокавказских и поволжских мусульман «на джихад» под лозунгами виртуального «исламского государства» не удастся, формулировка идеологической альтернативы в общероссийском масштабе остается важнейшим пунктом повестки дня.***

Некоторую надежду на лучшее, как ни парадоксально, внушает недавнее празднование 70-летия Великой Победы. Может показаться странным, но немало молодых людей, активно интересующихся ИГ, в эти дни так же, как и их сверстники с другими интересами, разместили на своих страницах в соцсетях поздравления с Днем Победы или изображение георгиевской ленточки. Да, были и «игиловские ленточки», и суровые запреты праздновать «чуждые кафирские даты», но все-таки это показывает, что основы групповой самоидентификации остаются прежними. Недаром некоторые из этих парней изначально видели себя в Новороссии. Российское государство обязано обеспечить им сферу приложения усилий. И не только ради их самореализации – ради общего блага,

победить. ..Как ты думаешь, почему новороссы так часто кричат «Аллах Акбар» во время атаки? Они таким образом выражают свои глубинные, неотрефлексированные чувства. Мы воюем не для того, чтобы просто воевать и завоевывать, а за высшие смыслы, за русскую правду против западной кривды. Но ни церковь, ни идеологи-философы не дали пока бойцам ту форму, в которой они могут выразить свои цели. Вот и приходится русским, по крещению православным пользоваться такими заимствованиями или же искать себя в неоязычестве». См. подробнее: Маша Росс, Геннадий Дубовой. Православный ИГИЛ. «Сегодняя», 8 июня 2015 г. <http://www.segodnia.ru/content/161634>

ради защиты национальных интересов, укрепления государственности и стабильности в регионе.

Не следует преувеличивать возможности ИГ, в том числе и в области формирования смыслов. Не так страшен этот черт – в прямом смысле – как малюют его западные и некоторые российские СМИ.

«Геополитика», 29 июня 2015 г.

«Православие – фундамент русского национального самосознания»

О глубинных причинах коренных изменений общества и перспективных путях развития российского государства рассказывает православный философ, преподаватель философии Государственного академического университета гуманитарных наук, глава интеллектуального клуба «Катехон» при Институте философии РАН, член Синодальной библейско-богословской комиссии Русской православной церкви и Межсоборного присутствия РПЦ **Аркадий Малер.**

– **Аркадий, на наших глазах общество претерпевает принципиальные изменения. Особую тревогу вызывают две основные характеристики значительной части современной молодежи (разумеется, мы не стрижем всех под одну гребенку, однако таких действительно становится все больше). Это стремительная, иногда просто карикатурная инфантилизация, дрящящаяся чуть ли не до седых волос, а также клиповое мышление, не позволяющее адекватно анализировать действительность и свидетельствующее о «разорванности» его носителя. Такая личность по определению не может быть цельной, то есть личностью в полном смысле этого слова. Что мы, собственно, и наблюдаем, причем отнюдь не только в школьных классах и университетских аудиториях. Хлипкие фигурки, розовенькие джинсы, отсутствие убеждений и идеалов с претензией на «креативность» и вообще некую «особую роль» – вот**

портрет «наиболее передовой» части образованной столичной молодежи. «Зараза» распространяется и по другим российским городам. В чем причина?

– Да, это очень верное наблюдение. Возможно, для одних это будет звучать неожиданно, а для других занудно, но инфантилизация в целом – один из аспектов общего процесса секуляризации, который стал сущностью всей эпохи Модерна, иначе называемой Новым временем. Именно так называемое Просвещение, в особенности Жан-Жак Руссо, открыло детство как феномен, который был возведен в самый важный и прекрасный период человеческой жизни, в который якобы очень хочется вернуться. Фрейд довел эту идею до того, что все наши проблемы также коренятся в нашем детстве, так что иные люди вообще не живут, а лишь бесконечно переваривают свое детство или, по крайней мере, юность, как будто они давно умерли.

Почему секулярному человеку хочется вернуться в детство? Потому что он уверен в том, что после смерти ничего уже не будет, а в детстве он и о самой смерти ничего не знал, и жизнь на земле казалась бесконечной. В то же время это была жизнь без какой-либо ответственности, когда все проблемы кто-то решал за тебя, да и сами проблемы были не очевидны. Поэтому секулярному человеку очень страшно осознавать, что ему уже 20, или 30, или 40, или все 50, и что он все время стареет, и что смерть не только неизбежна, но и непредсказуема. Ему хочется уйти в мир детства, или хотя бы играть в это детство, соответствующе ведя себя с окружающими, соответствующе одеваясь, разговаривая, наконец, соответствующе мысля. При этом к самим детям такой человек относится как к страшной обузе, напоминающей о его возрасте. Поэтому для него ничего не стоит совершить аборт, то есть просто убить ребенка в зародыше. А если уж у него все-таки рождается ребенок, то либо он им совсем им не занимается, как будто его нет, или занимается, но не как полноценной личностью, которую нужно воспитать и образовать для общества, а как своего рода собственной игрушкой, которая должна воплотить его фантазии о себе самом.

Все это – следствие секуляризации, как и иные пороки нашего общества. Но если в прежние века эпохи Модерна это желание вернуться в детство не могло быть достаточно удовлетворено обществом, то с развитием информационных технологий, как раз связанных с наступлением постмодерной эпохи, такая возможность появилась. При круглосуточном доступе к интернету и отсутствии плотного рабочего графика современный человек может позволить себе погрузиться в любой иллюзорный мир, воображая себя кем угодно, например, тем же ребенком, бесконечно просматривая детские сайты, фильмы, мультфильмы, играя с реальными или мнимыми детьми в компьютерные игры, создавая целые сообщества в соцсетях. И такая жизнь может продолжаться до тех пор, пока Господь не заберет. А поскольку таких людей очень много и они формируют реальный социальный запрос, то и сама цивилизация им отвечает, порождая соответствующую инфантильную культуру. И клиповое мышление – лишь один из аспектов этого общего процесса примитивизации современной культуры, когда человеку проще усвоить любую информацию и любую мысль в виде минимального набора ярких образов, чем самому вычленять ее из огромного текста. Как говорится, «много букв»...

– **Каковы последствия массовой инфантилизации в обозримом будущем? Один из факторов позднего взросления – искусственное продление ситуации безответственного детства. Бурлящих энергией семнадцати-двадцатидвухлетних молодых мужчин и женщин «запирают» в стенах вузов, где к ним обособленно относятся как к соплякам. Вместо настоящей жизни молодежи навязывают бесконечную учебу, зачетки, КВН и прочую имитацию бурной деятельности. В результате институтские стены покидает «дипломированный специалист», который по сути – еще ребенок. Нездоровая популярность гуманитарных специальностей – многие выбирают их именно потому, что освоить учебную программу, к примеру, юриста гораздо проще, чем врача или инженера (а без высшего образования ты как бы не вполне человек) – также увеличивает инфантильную прослойку. Согласны ли Вы с такой постановкой вопроса?**

— Вы затронули крайне серьезную тему образования вообще и высшего образования в частности, и именно потому, что она предельно важна, в рассуждении на эту тему очень важно сохранять максимальное трезвомыслие и не соскочить на эпатажные заявления. У меня есть многолетний опыт преподавания как в гуманитарном, так и в техническом вузе, и я не могу сказать, что между студентами-гуманитариями и студентами-технарями есть какое-то явное различие — все они, прежде всего, современные московские молодые люди, а потом уже учащиеся каких-то вузов. Я также знаю молодых людей, которые давно закончили технические вузы, но нигде до сих пор не работают и живут за счет родителей, и выпускников гуманитарных вузов, которые очень много работают именно в гуманитарной сфере. Но в Вашей постановке вопроса есть большая правда. Дело в том, что *само гуманитарное образование в эпоху Постмодерна переживает очень острый, глубинный кризис, как и вся культура в целом*. Попытаюсь объяснить, что я имею в виду.

Хотя эпоха классического Модерна запустила процесс секуляризации, сам проект Модерна наследовал некоторые христианские ценности и представления, во многом смешанные с античными. Поэтому образцово-показательный человек Нового времени мог уже не верить в библейского Бога, но он верил в определенную иерархию общечеловеческих ценностей, отвечающую столь же определенной, более-менее ясной и системной картине мира. Наглядным воплощением такого миропонимания была секулярная система образования с ее лицеями и академиями, как на Западе, например, во Франции с ее очень четкой программой функционирования средней и высшей школы, так и в Советском Союзе, где каждый человек должен был получить такое образование, которое позволяло ему быть достойным строителем «светлого» коммунистического будущего.

Но долго в таком противоречивом состоянии человек Модерна жить не мог, потому что невозможно бесконечно ориентироваться на какие-то ценности и смыслы, если за ними ничего нет, если они просто выдуманы людьми и подвешены в воздухе, как

пустые шарики. Поэтому очень скоро мировоззрение Модерна дало неизбежный сбой, и наступил пресловутый кризис Модерна, породивший принципиально новую цивилизационную ситуацию, которая, за неимением лучшего маркера, называется Постмодерном. Мировоззренческие основы классического Модерна оказались дискредитированы, а следовательно, ***единственной реальной альтернативой остается возвращение к религиозному сознанию***. Но проблема в том, что сама европейская цивилизация уже построена под идеологию Модерна, сами люди уже живут в понятийной и ценностной матрице секулярной эпохи, подобно тому, как советские люди 90-х годов, разочаровавшись в советской идеологии, все равно оставались во многом советскими по своему мироощущению.

В такой ситуации, когда прежняя картина мира рухнула, а новая еще не выстроилась, цивилизация уравнивает все картины мира и все ценности в один ряд, а точнее, взрывает в бесконечный хаос, как это уже было в эпохи глобальных декадансов. Но декаданс нашей эпохи существенно отличается тем, что ему сопутствует особе техническое изобретение – это интернет, где, как мы знаем, все равны и никто никому не указ. Таким образом, полноценно организованное гуманитарное образование в ситуации Постмодерна оказывается почти невозможным. Учителя сами не знают, чему именно нужно учить и как учить, а ученики точно знают, что чему бы их ни учили, все это может оказаться под сомнением и на уровне фактов, и на уровне смыслов, а тем более, на уровне ценностей, релятивизированных в первую очередь.

И пока составители учебных программ наивно полагают, что все дело только в дисциплинах, экономика на любой кризис реагирует первой. И вот уже не первое поколение мы видим много состоявшихся людей, в том числе, в интеллектуальной сфере, которые не имели никакого формального образования, и полно заслуженных профессоров и докторов, находящихся в положении абсолютных маргиналов. То есть ***формальное образование не только все меньше несет идеологическую функцию, но также все меньше способствует повышению экономического и соци-***

ального статуса человека. Более того, сама идея статуса также подверглась радикальной релятивизации. У кого сегодня выше статус в обществе – у депутата парламента, о котором не каждый политолог помнит, или у популярного блогера, который одним своим постом может довести этого депутата до инфаркта?

Это и есть тот самый постмодернистский хаос, и в этой ситуации единственная реакция преподавателей мировоззренчески нагруженных дисциплин, каковыми являются все гуманитарные дисциплины – это снижение требовательности к студентам, а если такой преподаватель ничего большего от себя не хочет, то и к самому себе. В итоге может возникнуть впечатление, что гуманитарные дисциплины проще естественнонаучных, но на самом деле проще не сами дисциплины, а требования, предъявляемые студенту для получения корочки об окончании гуманитарного факультета. Такой студент точно знает, что при должном посещении занятий он художественно получит эту корочку, а если он дожил до третьего и, тем более, четвертого курса, то просто обречен получить свой диплом и забыть все то, что он зубрил в последние ночи перед экзаменами.

Поэтому те юноши и девушки, которые не хотят реально учиться, выбирают гуманитарные вузы и факультеты. Но их ситуация может усугубиться еще и тем, что их преподаватели могут исповедовать постмодернистские взгляды – а это нередко бывает в такой среде – и придавать этому хаосу мировоззренческое обоснование. Представьте себе такого легкомысленного и расслабленного студента, который мало того, что очень боится напрягаться по какому-либо поводу, но еще и выслушивает курс философии или культурологии, где прогрессивный профессор внушает ему, что никаких предельных смыслов жизни и истории человечества нет, что вся культура – это лишь проявление психоаналитических комплексов и сплошные лингвистические игры, и что самая большая проблема сейчас в мире – это «дефицит толерантности» и «поднимающее голову консервативное мракобесие». И этот преподаватель будет куда больше адекватен постмодернистскому духу современной европейской культуры, чем любой ретроград, еще верящий в какие-то правила и системы.

– Как решать эту проблему?

– Прежде чем решить эту проблему, нужно честно ответить себе, зачем ее нужно решить. А вдруг никакой проблемы нет, и этот либерально-постмодернистский нигилизм является самым правильным путем для всего человечества? Я не иронизирую – просто многие люди, в том числе образованные и рефлекслирующие, часто раздражаются каким-то социальным явлениям, хотя их мировоззрение полностью им отвечает. Таких примеров можно привести очень много. Если, например, мы признаем, что мы всего лишь эволюционировавшие животные, то мы также должны признать, что любая наша этика – не более чем субъективная надстройка над нашими социально-психологическими отношениями, и поэтому не удивляться, когда кто-то заявляет, что никаких абсолютных этических ценностей нет и вполне можно не только станцевать канкан перед алтарем в храме, но и отрезать голову в прямом эфире. ***Если Бога нет, то все позволено.***

Поэтому решение этой проблемы напрямую зависит от того, что мы хотим получить взамен сложившейся ситуации. По этому поводу можно совершенно четко прогнозировать, что бесконечно эта ситуация продолжаться не может, и она уже сама по себе дает сбой. Это долгий разговор, но если кратко, то я уверен, что апогей Постмодерна, по крайней мере, в нашей стране, пришелся на девяностые годы. Но тогда еще не было интернета, а когда он появился, то в политической жизни нашей страны с приходом президента Путина началась, хоть и очень медленная, и непоследовательная, и разноречивая, но все-таки реакция и попытка преодолеть Постмодерн. Она выражается в том, что так или иначе, но в России начали укрепляться государство и отстаиваться государственные интересы, в то время как в постмодернистской логике девяностых государство должно было просто отмереть, как в секулярной утопии коммунизма и крайнего либерализма.

Вместе с этим государство дало, хоть и приглушенный, но все же «зеленый свет» правоконсервативным настроениям и идеям, и в этом режиме мы живем уже почти пятнадцать лет. Я надеюсь, не надо лишнего раз объяснять, почему постмодернистская

ситуация не может продолжаться бесконечно. Это невозможно просто потому, что *бесконечный декаданс невозможен, что если общество утрачивает идентичность, перестает самовоспроизводиться и сопротивляться, то оно очень скоро исчезает и освобождает жизненное пространство для других обществ.*

Вместе с этим совершенно невозможно возвращение в Модерн, как невозможно возвращение в СССР. Этот этап истории в принципе невоспроизводим. Поэтому *единственное, что остается – это возрождение религиозного сознания, а именно христианского*, то есть своего рода «Новое Средневековье», о котором пророчествовал Бердяев. Но это ни в коем случае не возвращение в Средневековье, а именно Новое Средневековье, обремененное цивилизационным наследием как Модерна, так и Постмодерна. Эта тема требует отдельного и очень долгого разговора, поэтому ограничусь лишь тем, что наша страна сейчас фактически идет по пути этого исторического синтеза, но он еще только нащупывается, и здесь, как всегда, идеи предшествуют воплощению.

Если говорить о том, что надо делать здесь и сейчас, то первый рецепт будет не оригинален – *нужно полностью лишить либеральное лобби в государстве какого-либо влияния на гуманитарно-медийную сферу.* Люди, принимающие ключевые решения в сфере образования и масс-медиа, не должны быть идеологическими проводниками Запада, в первую очередь США, которые сегодня фактически являются геополитическим субъектом либерально-постмодернистского нигилизма. Если бы не США и иные западные государства, которые сознательно проводят эту идеологию по всему миру, то мы вполне могли бы сказать, что Постмодерн – это лишь объективный исторический процесс, никем не направляемый и не ускорямый. Но это не так. Так же как, например, Куба находится сегодня в тяжелейшем экономическом положении не только потому, что она пошла по коммунистическому пути развития, но еще и потому, что США объявили Кубе экономическую блокаду и лишили ее возможности вступить с капиталистическим миром в открытую экономическую конкуренцию, точно также многие сегодняшние жертвы либерально-постмодернистской идео-

логии оказываются ими не потому, что таков какой-то объективный исторический процесс, а потому что конкретные дяди и тети из конкретных организаций внушили им эту идеологию. Вот пускай этот объективный исторический процесс продолжается, а эти конкретные дяди и тети будут лишены рычагов массового влияния, я подчеркиваю – массового влияния – на подрастающие поколения. Посмотрим, о какой объективности они тогда поговорят.

И второй рецепт – это **законодательное закрепление государственного статуса православной веры**, что существенно повысит потребность в изучении православия и лишит его противников возможности по любому поводу говорить о том, что православие в нашей стране имеет не больший статус, чем любая секта. **Это не означает провозглашение православия государственной религией – это означает признание православного христианства культуuroобразующей религией России.** И тогда в школах и вузах предмет «Основы православной культуры», как говорил некогда один известный политик, можно будет «расширить и углубить», и многие вопросы решатся сами собой – от захоронения Ленина и переименования большевистских топонимов до того, что выпускники гуманитарных вузов просто не смогут не знать, что такое Десять Заповедей и когда было крещение Руси. Я понимаю, что для достижения этих целей возникает очень много проблем, но **законодательная поддержка православия блокирует легальную борьбу с той верой, которая создала нашу цивилизацию.**

– Если советское государство предлагало молодежи осваивать целину и космос, строить ДнепроГЭС и БАМ, гордиться «первым в мире государством рабочих и крестьян», «оплотом мира» и так далее, то в наши дни дефицит позитивных идей налицо. Какая идеология могла бы объединить российское общество, показать молодежи героическое будущее, о котором мечтают многие?

– Прежде всего, необходимо отдавать себе отчет в том, что **нет и не может быть такой идеологии, которая могла бы объединить всех людей, в том числе всех россиян и даже всех русских. Все разговоры про объединяющую идеологию носят**

чисто риторический характер. В этом году мы отмечаем тысячелетие преставления великого князя Владимира, который тоже хотел придумать объединяющую для всей Руси религию, но потом понял, что это невозможно и начал создавать Русь почти с нуля, утверждая в ней новую религию, к которой пришел сам как к абсолютной истине.

Мы сегодня находимся в несравнимо лучшей ситуации, чем князь Владимир, потому что эта абсолютная истина является основой нашей национальной культуры вот уже тысячу лет. Для нас не существует выбора между православным универсализмом и русской идентичностью – в нашем мироощущении это почти одно и то же. Поэтому нам надо принять принципиальное решение, что ***какой бы ни была наша политическая идеология, ее мировоззренческой основой должно быть только православие.*** Дальше на фундаменте православия мы уже можем выстраивать самые разные идеологические модели, более или менее правые, более или менее левые и т.д. Разумеется, ***православная идеология в России с неизбежностью означает провозглашение самой России историческим и геополитическим оплотом православия, тем самым Катехоном и Третьим Римом, который призван хранить и распространять православие по всему миру,*** так что христианский универсализм и русский патриотизм пересекаются в этой, я бы сказал, неовизантийской миссии России.

Когда говоришь об этом в среде, чрезвычайно далекой и от православия, и от русского патриотизма, то часто слышишь два возражения. Во-первых, обычно возражают, что православно-имперские идеи якобы очень архаичны и будут способствовать отставанию России, чуть ли не возвращению в то самое Средневековье. Но это могут говорить только люди, которые кроме самих этих слов, «Катехон» или «Третий Рим», ничего больше не слышали, как какой-нибудь человек, ничего не слышавший про американский неоконсерватизм, думает, что это все тот же старый добрый консерватизм южных конфедератов, но только с приставкой «нео». На самом деле практически все возможные идеи и идеологии православно-имперского характера, которые последние

четверть века разрабатывали российские интеллектуалы, за редким исключением исполнены такого технологического футуризма, что даже мне кажутся излишне прогрессивными. Собственно, подозревать, что сегодняшние русские православные имперцы грезят о какой-то архаичной утопии можно с тем же успехом, как считать, что православные прихожане не пользуются мобильными телефонами. А ведь такие мифы о православных до сих пор существуют в головах некоторых политиков и чиновников, которые даже в храм боятся зайти.

Во-вторых, также возражают, что эти идеи недостаточно популярны среди самих патриотов, а нужно что-то более объединяющее. Но это также абсолютная неправда: абсолютное большинство патриотического актива в России декларативно исповедуют православие и, как следствие, абсолютное большинство среди них самих полностью солидарны с идеей России как Третьего Рима. Это даже не обсуждается. Обсуждаются только детали, оттенки, стратегии и тактики, но эта идея – мейнстрим и общий знаменатель, так что многим левым приходится под нее подстраиваться. И лично мне очевидно, что, *если эту идею адекватно преподнести, то она будет принята миллионами русских людей, потому что в ней есть всё – и метафизика, и нравственность, и глобальная историософия, и геополитика, и высокая культура, и национальная идентичность, и укорененность в прошлом, и устремленность в будущее.* И в самой Церкви об этом давно уже говорят – это просто общее место всех разговоров на политические темы.

– Показательно, что инфантилы с «гаджетами» в хилых ручонках, как правило, не просто нерелигиозны – религия вызывает у них резкую реакцию в диапазоне от возмущения и неприятия до осознанного богоборчества. Чем Вы объясните всплеск воинствующего атеизма, особенно заметный в последние годы, и бравирование этим в либеральной университетской среде?

– Резкая эскалация воинствующего атеизма начиная с 2012 года объясняется, прежде всего, тем, что *после провала Болотного майдана в декабре 2011 года стало окончательно ясно, что*

Русская Православная Церковь не позволит себя использовать в свержении Путина и развале государства, что затянувшаяся стабильность и крепость страны во многом держится на самой Церкви, и религиозный фактор нашего охранительства гораздо глубже, чем можно было представить недалеким либералам, которые почти на физиологическом уровне не понимают и не хотят понимать социальную природу России. Поэтому они объявили Церкви информационную войну на уничтожение. И хотя они за это время вылили на общество целый океан антицерковных помоев, сама Церковь только укрепилась. Я сам знаю многих православных священнослужителей и обычных мирян, которые после этого окончательно разочаровались в либеральных взглядах и в самой либеральной интеллигенции, и перешли на более консервативные и охранительные позиции, чем прежде.

Сами либералы и иные противники возрождения Великой России, если называть вещи своими именами, окончательно поняли, что *именно православие, и не что иное, является фундаментом русского национального самосознания*. Причем именно державного, имперского, мессианского самосознания, которое позволяет русским терпеливо выживать при любых обстоятельствах и сохранять такую огромную страну, хотя любой иной европейский народ в такой ситуации давно бы уже все сдал. Но это чисто политический аспект неприятия православия. Есть также четкое понимание того, что православие — это то самое христианство, которое не уступает секуляризации, и в этом смысле оказывается самым «реакционным» началом во всей европейской цивилизации.

Ситуация Постмодерна, на первый взгляд, фрагментирует православие, делает его лишь одним из сегментов общего хаоса, и вот уже сами православные смеются над собой и говорят о себе постмодернистским языком, но это только на первый взгляд. Уже на второй мы понимаем, что *это тот сегмент хаоса, который совершенно не виртуализируем, что по всей стране сотни тысяч взрослых людей каждое воскресное утро вместо того, чтобы отсыпаться, вместе с детьми идут в эти архаичного вида здания, чтобы из рук архаично облаченных бородастых мужщин*

реально причаститься тем, что они реально считают Плотью и Кровью Христа. И для этих людей ссылки на книги, написанные две и три тысячи лет назад, имеют большее значение, чем даже ссылки на Конституцию. И для них реально существует какая-то человеческая иерархия, и они будут защищать каждого представителя этой иерархии, и никакие звезды шоу-бизнеса, и никакие телеведущие со стажем, и никакие лауреаты нобелевских и пулитцеровских премий не смутят их веры и преданности своей иерархической организации, как бы над ней не издевались всем интернетом.

Отсюда и происходит эта фанатичная ненависть к православию. И совершенно закономерно, что больше всего она представлена в гуманитарной среде, потому что именно в этой среде, в первую очередь, проходят все мировоззренческие и идеологические войны. Но есть еще одна важная причина: дело в том, что в секулярном обществе функция религиозных наставников, жрецов и пророков узурпирована интеллигенцией, по преимуществу, гуманитарной, которая профессионально занимается мировоззренческими вопросами. Правда, многие сегодняшние либералы, часто выступающие от имени всей интеллигенции, меньше всего интересуются каким-либо мировоззрением и даже никакой профессии толком не имеют, но это субъективная сторона вопроса. Объективно же гуманитарная интеллигенция как таковая давно привыкла осознавать себя «духовной элитой» общества, выполняя роль своего рода «светской церкви». Но тут на ее место вдруг возвращается настоящая Церковь с настоящей духовностью, и это возвращение неизбежно провоцирует конфликт между ними, который, по сути, является воплощением общего конфликта христианства и Модерна, а теперь уже христианства и Постмодерна.

Я никогда не забуду, как один профессор философии был в нескрываемом шоке от того, что весьма продвинутый студент с первой парты не понимает его иронических шуток над внешностью одного архиерея просто потому, что это – архиерей. И таких сюжетов я наблюдал довольно много. Но эта картина будет неполной, если не вспомнить, что у нас достаточно много православных гуманитариев, которые вовсе не претендуют на роль Церкви, и среди

нашей интеллигенции в целом либералы – это только одна из ее частей, выдающая себя за целое, так что для многих людей понятие «либеральная интеллигенция» стала чуть ли не тавтологией.

– **О «восстании масс»** еще едва ли не сто лет назад с тревогой писал Ортега-и-Гассет. Сейчас оно захватило все. Любый второкурсник, менеджер и домохозяйка считают обязанностью высказать «свое» мнение по вопросам, в которых не разбираются. Плодотворная дискуссия в этих условиях невозможна: при отсутствии аргументов у противоположной стороны она прекращается на словах «у вас свое мнение, у меня – свое». **Что делать с этим самопровозглашенным «правом на мнение», лишаящим смысла обсуждение многих проблем?**

– Право на мнение будет всегда, пока наше общество можно будет хотя бы условно назвать свободным, и ничего плохого в этом нет, но *из права на мнение не следует наша обязанность не только прислушиваться к этому мнению, но даже слышать его*. На своей территории, включая территорию нашего СМИ или нашего дискуссионного клуба, мы всегда имеем право «расфрендить» и «забанить» кого угодно. Но что касается государственных или полугосударственных площадок для мнений, то здесь все напрямую зависит от степени идеологизации самого государства. Чем более идеологизировано будет государство, тем меньше мнений будет звучать за его счет, а вместе с этим, каждое мнение будет все больше оттачивать аргументы, чтобы быть услышанным. Во все времена искусство дискуссии возрастало не тогда, когда можно было говорить все, что угодно и как угодно, а когда самостоятельная мысль и речь наталкивалась на существенное сопротивление, когда нельзя было себе позволить играть словами и уходить от ответа и ответственности.

Представление о том, что истина рождается в результате максимально свободного спора – это одна из догм утопического либерализма, который исходит из того, что все люди якобы равно заинтересованы в истине и стоит им только добровольно сесть за стол переговоров, как они сами обо всем договорятся. Это наивный миф, потому что истина интересует очень немногих и боль-

шинство людей, по своей грехопадшей природе, в любом споре больше будут стремиться к тому, чтобы почувствовать эмоциональное удовлетворение, чем к тому, чтобы выяснить истину. Поэтому идеологизация государства повысит профессиональную аргументацию со всех сторон.

– Пресловутые «окна Овертона» уже навязли в зубах, но предложенная им схема точно описывает происходящее: то, что совсем недавно было абсолютно не представимым, постепенно становится допустимым, а там уж и совершенно «нормальным». Если еще совсем недавно те же инфантильность и «клиповость» сознания были негативными характеристиками, то сейчас они, по крайней мере, нейтральны. Так что же стоит за превращением общества, осознающего свое единство, в случайное скопище управляемых атомизированных единиц? Может быть, мы просто слишком хорошо живем?

– «Окна Овертона» работают очень эффективно и последовательно, это правда, и сейчас это происходит уже не за одно поколение, а за несколько лет, когда немыслимое совсем недавно становится реальностью. Но все-таки нужно объемно смотреть на исторический процесс и понимать, что те, кто отрывает эти «окна», тоже не почивают на лаврах, и многие процессы воспринимают как такие же «окна», только открытые уже в их сторону некими потусторонними реакционерами. Достаточно сказать о таком росте религиозной идентичности, что уже в привычку вошло обозначение нашей эпохи как «постсекулярной». Если Вы послушаете всевозможные «разборы полетов» среди самих либералов, то они тоже любят винить себя в том, что что-то вовремя упустили, не углядели, с чем-то смирились, что надо было вовремя остановить ту же Русскую Православную Церковь, а они наивно видели в ней всего лишь союзника против коммунизма. Так что общая картина происходящего многомернее.

Что касается «слишком хорошей жизни», то этот тезис оправдан в том отношении, что современный человек, как я об этом уже сказал, может позволить себе забыть обо всем происходящем вокруг и уйти в мир иллюзий. Действительно, есть множество людей,

которые последние четверть века жили в нашей стране, не говоря уже о западных странах, почти как младенцы в утробе матери. Я полагаю, что у каждого из нас есть такие знакомые, а если нет, то их вполне можно себе представить. Ведь с падением советского режима, причем не в августе 1991 года, а уже где-то в середине Перестройки, по большому счету, любой обыватель в нашей стране вполне мог жить и не иметь в виду никакую политику и идеологию вообще, даже не зная, как зовут действующего президента.

Четверть века назад власть ушла из жизни индивида и напоминает о себе только повышением цен на продукты или запретом на продажу алкоголя с 23:00 до 10:00. Но никакую религию, идеологию или какие-либо настроения вообще власть обывателю не навязывает. И только в том случае, если индивид захочет сам идти во власть или занять активную общественную позицию, ему придется учитывать мнение власти и какие-либо доминирующие тенденции. Но ***при минимальных гражданских запросах можно даже не помнить, как называется наше государство.*** При этом нет ни войны, ни революции, ни каких-либо массовых потрясений, интернет работает круглые сутки, супермаркет тоже круглые сутки – что еще надо человеку, который никого не трогает и ничего, кроме легкодоступных удовольствий, не желает? Это ваша проблема, что вы переживаете за какие-то там «события», что там случилось на Украине или что там сказал Обама, это вы включили себе политическое радио и завели политизированную френдленту, но у вас всегда есть возможность похоронить все это за одну секунду: стоит лишь нажать три-четыре кнопки и жизнь будет совсем другой, тихой и сладкой. Вот в этой «тепличной жизни» оказались сегодня многие люди.

Но есть и другой феномен – когда ***люди занимают вроде бы активную гражданскую позицию, всем интересуются и во все лезут, но не видят реальной сложности общества и реальных вызовов.*** Они искренно уверены в том, что если в стране запустить реальную демократию, то на выборах победят их единомышленники, и что если православный храм мешает их прислуге выгуливать собачку, то нужно снести этот храм, и что главная проблема

нашей страны – в неприятии однополых браков, потому что это окончательно выводит ее «из семьи цивилизованных стран». Вот эти заблуждения – во многом тоже от «слишком хорошей жизни», когда люди просто не видят реальность, отгородившись от нее тонированными стеклами автомобилей и высокими заборами коттеджей. Но это только один из факторов деградации, и он касается далеко не всего народа, а лишь определенной его части.

– Наступление глобализации – неоспоримый факт, от которого не уйдешь запретом доступа к социальным сетям и другими подобными мерами. Способна ли Россия противостоять этой усиливающейся атаке, или нас ждет то же, что и остальной мир – размывание основ национальной культуры, унификация, макдональдизация и уход с исторической сцены? Что мы можем этому противопоставить? Пока что, увы, наша страна движется по пути всего «цивилизованного человечества», и последствия, по всей видимости, будут теми же, что и у всех. Есть ли у России будущее?

– Целый ряд консервативных законов, принятых с 2011 года, и возвращение Крыма все-таки свидетельствуют о том, что Россия не хочет идти по пути Запада и, тем более, на поводу у Запада. И эти события лично меня обнадеживают. Мне теперь очевидно, что *Путин бросил вызов Западу, и это безотзывный вызов, который ему Запад, в первую очередь, США, никогда не простит.* Таким образом, у нас есть и объективные, и субъективные предпосылки для того, чтобы противопоставить Россию Западу не просто как страну, которая до конца сопротивляется его влиянию, а как источник альтернативного влияния, как самостоятельный цивилизационный полюс. Для этого все есть, *нет пока только одного – реального интереса власти к развитию собственной идеологии и политической воли проявить этот интерес.*

Когда я говорю о таких рецептах, как маргинализация либерального лобби и законодательная поддержка православия, то, по умолчанию, предполагается, что власть к этому готова, а, следовательно, у нее уже проявился интерес к выстраиванию собственной идеологической линии. Но пока такого явного интереса нет, и я

понимаю, что может власть здесь смущать – это боязнь ошибиться, поставить не на ту идею, выдвинуть ложные символы и лозунги, пустить в Кремль случайных идеологов-проходимцев с большой исторической дороги. Это правильный и праведный страх, но это означает, что самой власти тоже нужно образовываться. Как бы это смешно ни звучало, но самой власти необходимо выделить для себя время, когда она могла бы освоить общий курс истории мировоззрений, религий, философий, идеологий, увидеть мир не только как поле экономических взаимодействий, но и как пространство вечной войны идей, учений, теорий, смыслов, ценностей. Не знаю, пойдет ли на это наша власть, тем более, когда в сфере образования и медиа до сих пор ключевые позиции занимают либералы. К сожалению, я могу констатировать, что пока все самые позитивные шаги наша власть совершала, только реагируя на какие-то неприятные вызовы, так что у многих консерваторов возникла деструктивная мысль, что отныне «чем хуже, тем лучше». *Но пока Божий Промысел заставляет Россию обращаться к самой себе.*

*Беседовала Яна Амелина
«Общество», 6 июля 2015 г.*

Российский выбор ассирийского народа

Андрей Арешев

Российско-ассирийские связи представляют собой увлекательную и во многом малоизвестную страницу истории не только Ближнего Востока, но и собственно российского культурного и духовного богатства и разнообразия. Ассирийцы – представители не самого многочисленного, но необычайно интересного народа нашей страны, предки которых являются прямыми потомками населения известной державы Древнего Мира, а также другого древнего населения Ближнего и Среднего Востока.

Ассирийцы – это носители древней христианской традиции и культуры, представленной Ассирийской Церковью Востока. В до-

монгольское время она вела активную миссионерскую работу на Азиатском континенте, обратив в христианскую веру многие народы. Тяжёлый удар по ассирийцам Востока был нанесён нашествием Тамерлана и последующими затяжными войнами, опустошившими обширные пространства. Впоследствии, уже в «новое время», многие ассирийцы вступили в лоно Русской Православной Церкви (например, часть жителей персидской Урмии – по русским данным 30 000 человек во главе с епископом Мар-Ионаном), не утратив, впрочем, собственной самобытности и национальной идентичности. Сегодня представители ассирийских сообществ России ведут активную общественную работу, инициируют гуманитарные акции, связанные, в частности, с бедственным положением христианских этноконфессиональных групп на Ближнем Востоке, ставших жертвами широкой экспансии так называемого «Исламского государства».

Нельзя не видеть прямых параллелей между тем, что творилось на Ближнем Востоке сто лет назад, в период Первой мировой войны, и тем, что происходит сейчас. Издающаяся в Москве газета «Ассирийские новости» подробно освещает оборонительные бои в Ираке и Сирии, народы которых стали жертвами широкой экспансии последователей аль-Багдади. Только в 2014 году в результате атак террористов в Ниневии 37 тысяч ассирийских семей были вынуждены покинуть свои дома; общее же количество беженцев исчисляется сотнями тысяч. И хотя сейчас конфигурация границ несколько иная, и российское государство напрямую в региональные процессы не вовлечено, вряд ли в Москве могут оставаться безучастными к судьбе восточно-христианских народов. Так, активное участие в гуманитарной поддержке преследуемых общин и этноконфессиональных групп Ирака и Сирии принимает Императорское Православное Палестинское Общество. Совершенно очевидно, что страницы истории народов Ближнего Востока, проживающих на территории России, нуждаются в объективном и всестороннем изучении, равно как и страницы истории русско-ассирийского боевого содружества.

8 июля в Москве была презентована книга исследователя Сергея Михайлова и публициста Вячеслава Фариса «Ассирийцы

на новой родине: Русский выбор», посвящённая пребыванию ассирийцев в России, показанной на примере общины г. Москвы.

Данная работа представляет собой не только первую попытку описания истории ассирийской диаспоры в российском мегаполисе, но содержит также подробный исторический очерк, повествующий о судьбах древнего восточного народа в новое и новейшее время. Авторы на конкретных примерах рассказывают, как беженцы, появившиеся вследствие войны 1914–1918 гг. и актов геноцида на территории Османской империи, адаптировались и стали неотъемлемой частью городского общества и многонациональной московской культуры. Культуры, которая, к сожалению, во многом стирается под натиском глобализации. Например, ушли в прошлое ассирийские свадьбы, которые в 20-х – 30-х годах были неотъемлемой частью московского городского колорита. Сегодня многие москвичи, имеют, мягко говоря, весьма смутное представление том, кто же такие ассирийцы, а если и имеют, то идентифицируют их едва ли не исключительно с чистильщиками обуви. Между тем, это далеко не так, и работа Сергея Михайлова и Вячеслава Фариса развеивает этот и другие мифы, представляя читателю не только общий исторический очерк, но и также и малоизвестные факты и уникальные документы, иллюстрирующие русско-ассирийские военные связи во всей их полноте и разнообразии.

На территории Российской Империи ассирийцы начинают селиться в 1820-х гг., когда после русско-персидской войны и присоединения к России части восточноармянских земель наиболее активным сторонникам прорусской ориентации разрешили перебраться в Закавказье. После этого был еще ряд переходов на территории к северу от Аракса и к востоку от Арпа-чая. Возникают поселения в Закавказье, значительная ассирийская община в столице Кавказского края Тифлисе. Конец XIX века отмечен повышением жизненного уровня ассирийского населения тогдашней Российской империи. Жители Эриванской губернии и Карсской области получают возможность отдавать своих детей в военные училища, в первую очередь Тифлиса, но также и других городов Российской империи. В российской армии появляются не только отдельные

офицеры (полковник П.Н. Бар-Карахан, Пир-Арсалан), но и целые плеяды ассирийцев-офицеров (например, Лазаревы). Особое место в истории народа занимает патриарх Миш-Шимун, который, по оценке русского чиновника француза-протестанта Термена, не просто любил и уважал русского царя, но был самым близким и преданным другом русской монархии на Ближнем Востоке.

В период Первой мировой войны ассирийцы, находящиеся на службе в российской армии, принимают активное участие в персидском походе и в боевых действиях на Кавказском фронте, что используется турками в качестве формального повода к обвинению христианского народа в «мятеже» и к началу массовой резни. При этом стоит учитывать то обстоятельство, что «аширетные» (горные) ассирийцы, формально находясь в пределах Османской империи, проживали в горах Хаккари и сопредельных районах обособленно, имея теократическую форму правления, до некоторой степени сходную с черногорской.

Самостоятельная глава работы Сергея Михайлова и Вячеслава Фариса содержит предания об истории ассирийских аширетов, записанные в своё время этнографом Лалаяном. Меликства Джелу, Зири, Верхний и Нижний Тиар, Тхум, Баз, Таль... Атрибутов турецкой государственности на территориях горных районов не было вовсе; попытки же сбора турками налогов пресекались порой по-восточному сурово. Соответственно, там, где не было присяги султану в Константинополе, сложно вести речь о каком-либо предательстве. А политические проекты некоторых духовных лидеров ассирийцев, связанные, в том числе, с политической, духовной и культурной автономией народа в составе России, были обусловлены исключительно интересами выживания. И не их вина, что охватившие Российскую империю катаклизмы помешали реализации этих планов.

Примечательно, что для официального закрепления русско-ассирийского союза с Мар-Шимуном лично встречался дядя Николая II, великий князь Николай Николаевич. К сожалению, в складывавшихся реалиях Первой мировой войны поддержка ассирийского движения со стороны российских властей носила недо-

статочный и непоследовательный характер. Уже после развала Кавказского фронта Мир-Шимун был предательски убит в 1918 году после окончания переговоров о перемирии с курдским племенным лидером Симко, причём в этих переговорах участвовал и был тяжело ранен полковник русской армии Алексей Николаевич Кондратьев, ранее командовавший первым ассирийским стрелковым батальоном, действовавшим в составе русской армии.

После революционной бури в России и развала фронта он не бросил ассирийцев, сформировав из русских офицеров (различного этнического происхождения) боевой костяк будущих ассирийских сил самообороны. В 1918 году в Урмии был сформирован ассирийский отряд, который впоследствии участвовал в гражданской войне на Кавказе на стороне белого движения. Многие из бойцов этого отряда в годы Первой мировой войны служили во втором ассирийском стрелковом батальоне, командовали которым есаул Ёлкин и войсковой старшина Павел Харитонович Золотарёв, впоследствии – один из лидеров белого движения на Кавказе. Там же служили два брата – Александр и Фёдор Саргизовы, один из которых эмигрировал, а другой погиб в ходе боевых действий с «красными горцами» в Терском крае в начале 20-х годов. Интересно, что третий брат, Лев, стал в Советской Союзе учёным и написал, в частности, интереснейшую работу «Ассирийцы стран Ближнего и Среднего Востока», по которой изучал историю древнего народа, в том числе, и автор этих строк.

Помимо двух стрелковых батальонов, ассирийцы служили в составе добровольческой дружины Элова (Ага Петрос), выполняли в основном разведывательные функции и ходили, согласно русским архивным военным документам, на 300 км вглубь турецкого тыла.

Командный состав ассирийских воинских формирований в составе русской армии состоял из русских офицеров различного этнического происхождения (в частности, уроженцев Северного Кавказа), а также из ассирийцев на службе в царской армии (Лазарь Зервандов и другие). Многие из них участвовали в организации вооруженного сопротивления ассирийцев. Помимо Кондратьева, это русские полковники Кузьмин, Горецкий, Соколов, Травин, подпол-

ковник Синельников. Солдаты же были почти исключительно ассирийцы. При этом отношения между солдатами и офицерами предполагали, помимо безусловного осознания общности целей войны, также и неизбежные конфликты, которые в русской терминологии назывались «недоразумениями», а британскими авторами (что весьма отражает их представления о «туземцах») – «поножовщиной». При этом в трагическую пору отхода русской армии из сопредельных районов Турции и Ирана бойцы разрозненных ассирийских дружин, когда была такая возможность, приходили на выручку оказавшимся в ловушке русским отрядам, становившимся объектами враждебных действий со стороны местного мусульманского населения (как это было в районе Урмии в 1918 году).

По итогам Первой мировой войны ассирийцы не получили собственного государства на Ближнем Востоке; их исход с исторической родины привёл к укрупнению существовавших и формированию новых общин на территории Российской империи, а впоследствии – в Европе и Америке. В годы Великой Отечественной войны советские ассирийцы, считавшие себя частью советского общества, а СССР – своей родиной и не отделявшие свои судьбы от судеб других советских людей, в массовом порядке принимали участие в боевых действиях на самых разных направлениях. За проявленные героизм и стойкость на полях сражений, за достойное несение боевой службы в рядах Вооружённых Сил многие ассирийцы были удостоены высоких государственных наград, включая «Золотую Звезду» Героя. В книге приводится список из 70 ассирийцев – граждан СССР, с оружием в руках защищавших интересы своей Родины в военный период 1939-1945 годов. 7 представителей ассирийского народа воевали в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане против моджахедов – поддержанных американцами идейных предшественников тех, кто сейчас наводит свои кровавые порядки на Ближнем Востоке.

Конечно, данные цифры не отражают общее число советских ассирийцев, сражавшихся в период указанных войн в Вооружённых Силах СССР, которых было гораздо больше. Безусловно, в

книге собраны далеко не все материалы, касающиеся военной истории ассирийцев на разных исторических этапах, и дальнейшая работа в данном направлении, по большому счёту, ещё только предстоит. Ждут дальнейших исследований, в том числе, дискуссионные сюжеты русско-ассирийских историко-культурных связей, включая деятельность Русской православной миссии в северном Иране в начале XX века (в книге содержится небольшая глава «Российская Урмия»). Не менее увлекательными сюжетами являются историческое наследие, современные этнокультурные процессы в ассирийской среде Кавказа, а также уроки прошлого для современности.

«Национальный интерес», 13 июля 2015 г.

Российско-турецкий «брак по расчёту» перед новыми испытаниями

Андрей Арешев

Июльский теракт в приграничном с Сирией населённом преимущественно курдами городе Суруч, когда во время молодёжного мероприятия курдских организаций погибло более 30 человек и ещё более 100 получили ранения, послужил формальным поводом к резкой активизации действий турецких вооружённых сил на приграничных сирийских и иракских территориях. При этом вопрос о том, был ли данный теракт заранее подготовленной операцией, либо он стал лишь косвенным результатом действий правительства, остаётся открытым. Очевидно одно: кровавое преступление пришлось весьма кстати, дав турецким властям формальный повод для того, чтобы отмежеваться от связей с «исламским государством» и, более того, даже объявить о начале бомбардировок его позиций. Что, правда, сильно напоминает «странную войну», характеризующуюся практически полным отсутствием боевых действий против вроде бы официально объявленного противника...

Конечно, вице-премьер Бюлент Арынч и другие чиновники опровергают заявления о том, что правительство Турции не про-

водит «достаточно эффективной борьбы с ИГ», однако верится этому как-то не очень. Как и спектаклю в виде телефонного разговора Эрдогана с Барак Обамой, в ходе которого они якобы договорились «перекрыть поток иностранных боевиков и обеспечить безопасность границы Турции с Сирией». Тем более что уже на следующий день начались массированные удары турецких ВВС якобы по позициям «исламского государства» (внятных свидетельств чему на самом деле нет) и (что более реально) по объектам, которые представляются в глобальных медиа как якобы принадлежащие «террористической» РПК.

25 июля премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу сообщил об отсутствии планов ввода турецких сухопутных сил в Сирию. Вместе с тем, боевикам «Джабхат аль-фатх» и прочих подобного рода «умеренных» организаций, орудующим в районах Идлиба и Алеппо, оказывается совместная с американцами поддержка с использованием военно-воздушной базы «Инджирлик». Утверждается, что эти самые «умеренные» чем-то принципиально отличаются от боевиков «ИГ», однако в реальности соответствующая грань как минимум весьма зыбка, если она существует вообще. А уже 6 августа глава МИД страны Мевлют Чавушоглу пообещал Джону Керри, что Турция вскоре начнёт воевать с «Исламским государством» на севере Сирии.

Таким образом, военная операция Турции и партнёров против (уже де-факто не существующих в прежних границах) Сирии и Ирака разрастается, что в перспективе способно привести к качественным изменениям в регионе. Интересно, что если 7 лет назад возможность налётов на Ирак с неизбежным нарушением его воздушного пространства обсуждалась в течение четырёх месяцев, то сейчас соответствующее решение, скорее всего, было принято менее чем за час, что само по себе весьма показательно и свидетельствует о скорости происходящих изменений.

Укрепление турецко-американских комплексных связей, ставшее закономерным следствием вовлечения Анкары в боевые действия на Ближнем Востоке, может привести, как минимум к стагнации политического диалога с Москвой, если не к дальней-

шему ухудшению двусторонних отношений. Весьма показательное, что сегодня практически никто не вспоминает о так называемом Совете сотрудничества высшего уровня между Россией и Турцией и прочих подобных форматах, призванных, по идее, сглаживать подобного рода острые углы. К сожалению, многое делается в пожарном порядке, без должной проработки принимаемых решений, что свидетельствует об отсутствии внятной перспективы и тесной увязки политического диалога с бизнес-проектами, которые, кстати говоря, также пребывают не в лучшем состоянии. Невозможно не замечать того, как пробуксовывают сугубо экспертные, технические переговоры, которые по определению свободны от широко-вещательного пиара под телекамеры. Да и традиционная «палочка-выручалочка» в виде туризма может оказаться уже не столь эффективной, с учётом участвовавших сообщений о гибели туристов из России, развития собственно российских курортов, да и общей ситуации в Турции, которая становится всё более небезопасной.

Очевидно, что сегодня одних широко-вещательных заявлений о «вечной дружбе» и стремлении развивать совместные проекты, как это делают пропагандисты с той и с другой стороны, явно недостаточно. Готовы ли турецкие элиты поступиться своими евроатлантическими обязательствами во имя «Турецкого потока» (во всяком случае, в его наиболее амбициозном варианте) либо ещё чего-либо подобного – вопрос, полагаем, риторический. Справедливости ради надо сказать, что у России нет здесь какого-либо эксклюзивного положения – достаточно, например, посмотреть на обструкцию, которую учинили, раскручивая «уйгурский вопрос», некоторые местные СМИ и ангажированные «неправительственные организации» в преддверии недавнего президента Турции в Пекин. Сейчас появляется всё больше признаков того, что досрочные парламентские выборы в Турции могут быть назначены на осень, но есть ли у Москвы возможности и желание для того, чтобы вести диалог не только с ПСР, но и с её оппонентами в лице народных республиканцев и Партии демократии народов?..

Как известно, под лежащий камень вода не течёт, и не всё в этом мире определяется экономикой. И пока заявления турецких

политиков, включая высших лиц, и их многолетняя деятельность по поддержке патентованных «борцов с российским империализмом» (недавний «всемирный конгресс крымских татар в Анкаре – лишнее тому подтверждение) никак не может способствовать укреплению доверия между Россией и Турцией. По собственной воле либо вопреки ей (но кто может поверить в последнее?) турецкие политики всё активнее обсуждают тему крымских татар, пытаясь откровенно вмешиваться во внутренние дела соседнего государства и, видимо, по инерции 90-х годов считая Россию третьеразрядной страной, о которую можно вытирать ноги.

При этом в самой Турции возрастает внутренняя нестабильность (поляризация общественно-политических сил, отсутствие правительства и т.д.), что во многом стало логичным следствием как внутренней, так и внешней политики страны, добившейся в последние десятилетия заметных (прежде всего экономических) успехов, но, похоже, сильно переоценивающей свои возможности по проведению подлинно независимого внешнеполитического курса. Напомним, на территории страны расположены американские военные базы, тактическое ядерное оружие и инфраструктура глобальной ПРО. Разрастание конфликта способно обесценить экономические успехи страны последних лет, а усиление американского присутствия на территории Турецкой Республики (имеется в виду вовсе не только база «Инджирлик») стабильности уж точно не прибавит. Достаточно показательны опубликованные недавно статистические данные, свидетельствующие о значительном сокращении турецкого экспорта; не лучшие, мягко говоря, показатели и у курса национальной валюты.

Конечно, не только в России, но и в Армении не могут не следить за ростом политической и этноконфессиональной напряжённости на территории проблемного соседа. Согласно сообщениям ряда СМИ, власти Турции объявили военное положение в двух восточных провинциях, включающих район горы Арарат. Напомним, курдские восстания периодически охватывали этот район на протяжении XX века, когда за безопасность Армянской ССР с ближневосточного направления можно было не опасаться.

Сегодня, напомним, Россия и Армения связаны рядом соглашения военно-политического и военно-технического характера, включая охрану границы. И очевидно, мягко говоря, не всем в Турции, Азербайджане и на Западе такое положение дел по вкусу...

В начале июня в военных ведомствах Армении и Нагорного Карабаха были проведены кадровые перестановки. Так, заместитель начальника Генерального штаба ВС Армении генерал-лейтенант Левон Мнацаканян был назначен министром обороны НКР. В свою очередь, министр обороны НКР генерал-лейтенант Мовсес Акопян был назначен заместителем начальника Генерального штаба ВС Армении. В июле прошла очередная проверка готовности «дежурных сил авиационной части в Эребуни и военной базы Гюмрийского гарнизона к выполнению задач по приведению в боевую готовность». Вообще, интенсивность учебно-тренировочных мероприятий на расположенных в Армении российских военных объектах в последние годы заметно возросла; на вооружение поступают новые образцы, включая современные комплексы радиоэлектронной борьбы «Инфауна». В начале августа на высокогорных полигонах «Алагяз» и «Камхуд» прошли учения по ликвидации радиационной угрозы. А в период с 28 сентября по 4 октября на территории Армении будут проводиться учения миротворческих сил ОДКБ «Нерушимое братство-2015». Глава ОДКБ Николай Бордюжа вновь подтвердил, что «Армения получит помощь ОДКБ, если возникнет такая необходимость... Армения – полноправный член ОДКБ, который имеет право получить от своих союзников всю необходимую помощь в случае негативного развития ситуации на ее территории».

В свою очередь, Вооружённые силы Азербайджана укреплялись при непосредственном участии турецких специалистов, а в последние годы активно обсуждается также возможность создания турецко-азербайджанско-грузинских «миротворческих» подразделений, призванных охранять коммуникационные пути региона. Возможная активизация действий на территории Турции террористических банд несёт потенциальную угрозу не только армянской границе, но и самой России с её беспокойным Северным Кавказом. Вопросы укрепления совместной безопасности по-

прежнему будут являться важной частью российско-армянской внешнеполитической повестки дня. Членство страны в военно-политическом блоке ОДКБ по-прежнему является ключевым компонентом внешней безопасности Армении, в том числе и с учетом потенциальных угроз со стороны запрещённой в России террористической группировки «исламское государство».

Разрастание военного конфликта на Ближнем Востоке может способствовать возвращению части лиц, ранее выехавших из России для участия в боевых действиях в Сирию и Ирак. Это может оказаться весьма кстати для тех, кто стремится поставить Россию перед террористической угрозой ещё и с южного (кавказского) направления. Уже сегодня официальный представитель Госдепа выражает откровенное недовольство недостаточной, по его мнению, вовлеченностью Москвы в спектакль под названием «борьба с исламским государством», и не исключено, что соответствующую «аргументацию» могут постараться представить уже в ближайшее время.

Некоторое время назад в Стамбуле был задержан главарь турецкого подразделения «ИГ», гражданин Азербайджана некий Абдулла Абдуллаев. Согласно данным турецких спецслужб, он отвечал за переправку завербованных у себя на родине и в кавказских республиках неофитов на подконтрольную «ИГ» территорию. В ходе спецоперации, проведённой турецкой полицией, также было задержано несколько десятков выходцев из Азербайджана, готовящихся пополнить ряды террористов. Выезжают на Ближний Восток также выходцы из различных российских регионов, количество которых пока, к счастью, относительно невелико – однако пребывать по этому поводу в самоуспокоении вряд ли стоит. Следует согласиться с теми экспертами, которые считают, что дальнейшее вовлечение, с полного одобрения США, пользующейся безвизовым режимом с Россией Турции в военные операции на территории сопредельных стран будет способствовать распространению террористических угроз, трансграничного криминала и прочих подобных «прелестей». Что, в свою очередь, создаёт новые вызовы для российско-турецких отношений, которые вряд ли могут исчерпываться подсчётом прибылей, реальных или виртуальных.

В ходе круглого стола «Кавказского геополитического клуба», состоявшемся в Ереване 30 июня, армянскими экспертами с тревогой говорилось о предстоящей качественной трансформации Североатлантического альянса: «В настоящее время НАТО инициирует самое кардинальное после окончания Холодной войны переформатирование... Предусматривается радикальное увеличение сил быстрого реагирования и сил передового базирования, которое должно завершиться к 2021 году. Турции в этих планах отводится центральная роль. Также не скрывается, что данные шаги являются откликом на вызовы безопасности со стороны России». Также была высказана мысль о необходимости более чёткого подчинения приоритетов при выработке внешнеполитического курса той или иной страны, который не следует полностью отождествлять с чаяниями крупного бизнеса: «Интересы геополитические, региональные, политические превалируют над экономическими. Да, экономика – базис, но в условиях жесткого и местами уже военного противостояния, решающими являются военные союзы и интересы, которым должны быть подчинены все прочие».

Думается, логика развития событий в регионе целиком и полностью подтверждает данный вывод.

«Политика», 7 августа 2015 г.

Российско-азербайджанские отношения в зеркале бакинских СМИ

Фахраддин Абосзода

Чем дальше история отделяет нас от даты «самой большой катастрофы и трагедии XX века», тем больше мы чувствуем всю трагичность ситуации, в которую попала Россия. Мало того, что страна в своем социально-экономическом, духовно-нравственном, культурном развитии была отброшена на многие десятилетия назад – она потеряла многие территории, завоеванные в разные исторические периоды за счет огромных человеческих потерь и пролитой крови русского солдата.

Но еще большей трагедией стало то, что большинство государств, образованных на этих отколотых от России территориях, стали ее явными или скрытыми врагами, начали вести против нее враждебную политику на международной арене. В итоге некоторые исторические даты, некогда ставшие триумфом русского оружия и русского солдата, в одночасье потеряли былую славу, с учетом их нынешних последствий для России.

Вот почему два года назад, когда в Москве торжественно отметили 200-летие подписания Гюлистанского мирного договора между Российской империей и Персией, я опубликовал статью, где называл этот день «одним из черных дней в истории России», имея в виду, что на сегодняшний день два государства – Азербайджанская республика и Грузия, образовавшиеся на перешедших к России землях, – фактически являются враждебными России.

На время заключения этого договора на части этих земель существовало номинальное государственное образование под названием «Грузинское царство», лишенное всякого суверенитета и независимости, т.е. обычная марионетка в руках Персии. Известно и то, что государства под названием «Азербайджан» в то время и в помине не было. Оно появилось только после распада царской империи в 1918 году, и то лишь благодаря офицерам царской военной охраны, а в дальнейшем усилиями большевиков стало именоваться «Азербайджанской ССР».

Наш сегодняшний разговор – о российско-азербайджанских отношениях, точнее, о том, как бакинские СМИ оценивают их состояние и перспективы.

Отметим, что со дня провозглашения независимости Азербайджана, хотя правящий режим и поменялся несколько раз, у власти находились политические силы с разными политическими ориентациями, – от совсем непонятного Аяза Муталибова до яро пантюркистского и прозападного Народного фронта, и сменившего его путем военного переворота в 1993 году клана Алиевых. Однако все они, по сути, вели антироссийскую политику на всех фронтах, даже если некоторые из них время от времени «не забывали» на словах заявить о своей «любви» к русскому народу и государству.

Что касается нынешнего президента Азербайджана Ильхама Алиева, то он на словах любит разглагольствовать о «дружбе» с Россией. Но, наблюдая за публикациями подконтрольных его администрации бакинских СМИ, так и некоторыми шагами президента АР на международной арене, можно легко убедиться в том, что это далеко не так.

Особо следует отметить, мягко говоря, очень сомнительную роль Алиева в войне Саакашвили против Южной Осетии и в событиях Евромайдана в Киеве. Сразу после своей очередной инаугурации в ноябре 2013 года И. Алиев совершил свой первый официальный визит в Киев, где провел «теплые» переговоры с В. Януковичем. Некоторые проправительственные журналисты в Баку тогда окрестили этот визит «началом решающей фазы геополитической схватки за постсоветское пространство». Но как только в Киеве начались известные события, которые в дальнейшем привели к уходу Януковича со своего поста, а на Украине к власти пришла националистическая хунта, отличающейся своей агрессивно анти-российской позицией, Алиев одним из первых – разумеется, через своих поверенных – передал немалые деньги киевскому Майдану. Мало того, как только киевская хунта стала угрожать транзиту российского газа в Европу, президент АР часто стал посещать некоторые европейские столицы, заверяя всех там, что «азербайджанский газ может стать единственной альтернативой российскому», тем самым выступая против строительства российских газопроводов в Европу в обход территории Украины. Наконец, Баку фактически выступил против воссоединения Крыма с Россией, активно поддерживая антироссийскую резолюцию Генассамблеи ООН.

Немаловажно и то, что за эти годы официальный Баку целенаправленно избавлялся от русскоязычного населения. В итоге из некогда полумиллионного русского населения Азербайджана на сегодня там осталось около 100 тыс. человек.

Еще одним показателем враждебной деятельности Баку в отношении Москвы является то, что основные финансовые и людские потоки для террористических группировок, действовавшие в Дагестане и на Северном Кавказе, проходят через Азербайджан,

что для многих в России уже не является секретом. Самым свежим примером того, что именно Азербайджан является «перевалочным пунктом» для перевода финансовых средств для террористов Северного Кавказа, является информация, распространяемой многими бакинскими СМИ со ссылкой на Газета.Ру о том, как последний транш в размере пяти миллионов долларов, направленный «Аль-Каидой» для финансирования «Имарата Кавказ», растворился где-то в Азербайджане.

Таких недружественных актов в отношении России со стороны Азербайджана можно привести десятки. Но и без того ясно одно: созданное на пустом месте искусственное государственное образование «Азербайджанская Республика» за годы своей независимости стало настоящей «костью в горле» России, постоянно угрожая дестабилизацией на ее южных рубежах.

Но все это – только одна сторона существующих проблем в российско-азербайджанских отношениях. Самый большой, на наш взгляд, урон Азербайджан нанес России в плане подкупа определенной части российских политиков, чиновников разного ранга, дипломатов, сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, депутатов, журналистов и аналитиков, потратив на эти цели сотни миллионов долларов. Благодаря этому, до недавнего времени бакинские власти имели мощные рычаги воздействия на принятие важных государственных и иных решений в столице РФ и в ее субъектах. Это свидетельствует о том, что все эти годы Баку не только играл против России на международных площадках, но и старался ослабить ее изнутри с помощью продажных россиян. В итоге отдельные «кремлевские» политологи, депутаты Государственной думы и сенаторы, лидеры политических партий даже сегодня продолжают называть Азербайджанскую республику «стратегическим партнером России» и нередко поют дифирамбы в адрес Ильхама Алиева как о «большом друге России».

А что отвечают на это азербайджанские депутаты, чиновники, журналисты, политологи и прочие в адрес Российской Федерации и ее Президента Владимира Путина? Обо всем этом мы собираемся регулярно информировать наших читателей.

Но в начале – несколько слов о самих бакинских СМИ. Формально они, как и в других странах, делятся на правительственные, т.е. официальные, проправительственные, которые расплодились за годы правления алиевского клана как грибы после дождя, оппозиционные и независимые. Отметим и то, что последних вряд ли можно назвать «независимыми» на полном серьезе, потому что они, хотя и позиционируют себя именно так, но на практике ничем не отличаются от правительственных СМИ. Каждый год они получают денежные вливания от государства, а многие журналисты, работающие в этих СМИ, – «халявные» квартиры лично от И. Алиева. Тем не менее, особенно когда речь идет о России и русском народе, между ними не наблюдается существенных различий. ***То есть в отношении России все они выступают единым фронтом – открыто враждебно!*** Но, несмотря на это, мы в своих комментариях будем придерживаться так называемого «традиционного подхода», и цитировать СМИ согласно такому разделению: сперва официозные – правительственные и проправительственные, потом оппозиционные и, наконец, независимые. Как говорится, без комментариев! Пусть читатели сами сделают выводы.

От составителя: Далее в данном материале, как и в серии последующих обзоров российско-азербайджанских отношений в зеркале бакинской прессы, приводятся многочисленные примеры откровенно антироссийских, а порой и русофобских высказываний известных азербайджанских политических и общественных деятелей, депутатов парламента, журналистов, политологов и т.д. Каждое из них сопровождается ссылкой на конкретный материал, из которого взята цитата. Таким образом, читатель может лично проверить достоверность приведенных высказываний, убедившись, что автор обзора предельно корректен. Со всеми обзорами бакинской прессы, а также другими материалами Фахраддина Абосзоды можно ознакомиться на сайте Кавказского геополитического клуба.

«Аналитика», 14 августа 2015 г.

«Черкесский мир» – это реальность

О «черкесском мире», волнующих его проблемах, а также перспективах отрыва Кавказа от России рассказывает кандидат философских наук **Азамат Джендубаев**.

– Уважаемый Азамат Романович, уместно ли говорить о едином «черкесском мире», общечеркесском культурном поле, или черкесы не представляют собой цельной общественно-культурной общности? Что представляет собой этот мир, если он существует? Каковы основные черты национального самосознания?

– Свой ответ я хотел бы начать с того, что все высказываемые в этом интервью мысли и соображения являются лишь моей личной точкой зрения как ученого, не более того. С Вашего согласия, я постараюсь также избегать употребления этнологических терминов, многие из которых требуют сегодня переосмысления с учетом развития наук о народах.

У меня нет сомнений в том, что есть такая реальность, имя которой «Черкесский мир». Он аналогичен понятию «Русский мир» и миры других народов. Для меня и моих единомышленников *«черкесский мир» – это своего рода надтерриториальный «духовный континент», объединяющий народы адыго-абхазской языковой группы, их потомков и друзей, а также специализирующихся на его исследованиях представителей интернационального научного мира и творческой интеллигенции*. Черкесы – это адыги и абазы, а также считающие себя черкесами их потомки в России, Абхазии и странах проживания черкесской диаспоры.

Относительно национального самосознания обычно принято считать, что его основу составляет язык народа. С моей точки зрения, *есть еще более глубокий критерий и фундамент национального самосознания – это историческая память и неразрывно связанные с ней нравственные ценности*.

Для черкеса, как и представителя любого другого народа, мыслить как черкес и мыслить на черкесском языке – это идеаль-

ный вариант. Но это не одно и то же. Сегодня потомки черкесов, говорящие и думающие на русском, турецком, арабском, немецком или английском языках, знающие свою историю и происхождение, применяющие в повседневной жизни морально-этические нормы национальных кодексов Адыгаге и Апсуара являются такими же черкесами, как их адыго- и абзаговорящие соплеменники. И никто не имеет морального права лишать их этого. Но нередко встречаются те, кто, прекрасно владея национальным языком и мысля на нем, в силу своего поведения черкесами по сути не являются. Хотя и им никто не имеет права запрещать считать себя тем, кем они сами себя считают. Это вопросы суда совести каждого человека.

При этом, если бы только язык определял принадлежность людей к тому или иному народу, то, например, все испаноговорящие народы Латинской Америки надо было бы считать испанцами, а бразильцев – португальцами. Такие же примеры можно найти относительно многих народов, говорящих на других языках, например, арабском, тюркском, французском.

– Какое место в «черкесском мире» занимают абхазы и Абхазия? В чем суть абхазо-черкесских противоречий, ясно проявившихся в ходе кампании вокруг сочинской Олимпиады?

– Если мы не будем, что называется, скользить по поверхности, а попробуем серьезно разобраться в сути поставленных Вами вопросов, то позволю себе начать с того, что мы живем не просто в динамичном мире, но еще и, как говорится, в «эпоху перемен». Очень многие ранее казавшиеся устойчивыми понятия и исторические события находятся в стадии их переосмысления как на научном, так и на обыденном уровнях. Отсюда самые разные точки зрения и споры о том, что касается не только истории, но даже имен народов. Тема обширная, поэтому скажу кратко.

Начну с того, что, независимо от происхождения слов «абхазы» и «черкесы», они являются внешними именами народов, называющих себя абза и адыги. Сами эти народы имеют еще целый ряд самоназваний для отдельных составляющих их частей. При этом исторически сложилось так, что своего рода связующим зве-

ном между адыгами и абазы в свое время были убыхи, выселенные в Османскую империю в ходе Русско-Кавказской войны (*интервьюируемый использует этот термин вместо общеупотребительного – Кавказская война – прим.*). Их немногочисленные потомки уже не говорят на языке своих предков, но помнят, кто они.

Сегодня в роли такого связующего звена оказались современные абазыны, которые вместе с абхазами относятся к одному народу – абазы, но большая часть которых, как минимум до недавнего времени, сама себя называла адыги. Объективности ради надо иметь в виду реальную жизнь и историю народов, а не только то, что было написано о них ранее под влиянием определенных идеологий, а то и откровенной цензуры. Так, например, попытка установления четких границ мест проживания и национальной принадлежности даже в одном роде зачастую обречена на неудачу. У черкесов многие рода и фамилии представлены сегодня одновременно среди адыгейцев, абазынов, абхазов, кабардинцев и черкесов Карачаево-Черкесии. Если добавить сюда их кровных родственников из зарубежной диаспоры, то мы получим довольно сложную картину. Что уж говорить о целых народах с их исторически менявшимися местами проживания, названиями и даже употребляемыми языками.

Предки современных черкесов в большинстве своем были носителями нескольких языков близкородственных народов. Переход с одного языка на другой в их мировоззрении или системе ценностей практически ничего не менял, поскольку образ жизни людей определялся не просто языком, а фактически идентичными кодексами нравственных ценностей и норм поведения адыгов и абазы – Адыгаге и Апысуара.

В связи с этим, отвечая на Ваш вопрос, могу сказать, что у современных адыгов – адыгейцев, кабардинцев и черкесов, а также абазы – абазынов и абхазов, не только общее происхождение, уходящее в глубь веков к временам хаттов и хеттов, но и одна история. Именно это, а точнее, память о едином духовном и кровном родстве, стало основой для добровольческого движения среди адыгов и абазынов в период грузино-абхазской войны 1992-93 годов.

К сожалению, сложившиеся в науке своего рода штампы и стереотипы зачастую искажают реалистичное восприятие событий прошлого и настоящего. ***Никаких противоречий между абхазами и черкесами (а точнее было бы сказать, адыгами) как народами нет.*** Есть противоречия между отдельными людьми, учеными, руководителями общественных организаций и движений. Но кто из них был уполномочен говорить от имени всего народа или представлять его интересы? Никто! Однако появление Интернета создало условия, когда мнение отдельного человека, нередко анонима, может быть донесено до огромного числа людей и выдаваться за что угодно, вплоть до «голоса народа».

Если говорить об официальной позиции политического руководства Абхазии в вопросах проведения олимпиады, то и она не является выражением мнения всего абхазского народа. Известно, что и некоторые абхазы были против олимпиады. Это же можно сказать о позиции адыгов в лице руководства их республик и даже Международной черкесской ассоциации (МЧА). При этом должен сказать, что как среди абхазов, так и российских черкесов (диаспора – тема отдельная), категоричных противников олимпиады было очень мало. Даже те, кто выступал против, делал это скорее из этических, чем политических соображений. Как среди абхазов и абазин (у абазин, например, одна из молодежных организаций при поддержке местных властей и общественности из самых благих намерений устроила демонстративную акцию с конным переходом в поддержку олимпиады), так и среди адыгов были как сторонники, так и противники олимпиады.

Всем нам надо помнить слова замечательного русского писателя Андрея Платонова – «Без меня народ неполный!» Это убережет от многих проблем, связанных с расширительной трактовкой личных или групповых заявлений от имени целых народов.

От себя скажу, что политизация спорта никогда ни к чему хорошему не приводит.

– **Насколько важным для рядового черкеса является так называемый «черкесский вопрос»? Речь идет не только о памяти жертв Кавказской войны, но и о политических требова-**

ниях (объединения черкесонаселенных республик РФ в единый субъект Федерации, создание «Единой Черкессии» вне состава РФ, массового переселения в Россию потомков махаджиров и т.п.). То, что эти настроения искусственно раздувались в преддверие Олимпиады, очевидно, как и то, что в настоящее время «черкесский вопрос» в такой постановке абсолютно не актуален. Так ли это, или он еще сможет создать России сложности, хотя бы пропагандистского характера? Каково Ваше мнение о нынешнем формате Дня памяти и скорби?

– *«Черкесский вопрос» в том виде, как он понимается сегодня, сведен в основном к проблеме признания геноцида черкесов во время Русско-Кавказской войны.* С моей точки зрения, такая постановка искажает суть реальных чаяний черкесов. Вопрос не сводится к теме признания или непризнания геноцида, он намного шире – в восстановлении исторической правды и справедливости относительно народов, пострадавших в ходе Русско-Кавказской войны.

С моей точки зрения, отсутствие понимания важности справедливой оценки той войны со стороны федеральных органов власти создает почву, на которой взрастают разрушительные семена политического цинизма. Он проявляется по-разному – от чиновничьего бездушия в центре и на местах, трусливой позиции по вопросам Русско-Кавказской войны академической гуманитарной науки, до игр националистов различных мастей и зарубежных спецслужб. Кому это выгодно? Полагаю, что уж точно не черкесам! Более того, это в полной мере противоречит интересам национальной безопасности России, я уже не говорю об Абхазии.

Скажу кратко относительно потенциальных объединительных процессов республик, в которых проживают черкесы. Поверьте на слово, что в условиях дотационных экономик последнее, что может произойти, это то, чтобы местные чиновники, занимающиеся «приемом и распределением» бюджетных средств из федерального центра, пошли на такое объединение. За чиновниками стоят их родственники и друзья, далее – зависимый от дотаций бизнес и работающие в нем люди. Кто из них готов на жертвы ра-

ди высоких идей? Да, на словах многие из них патриоты и даже «националисты». Но это на словах. Как известно, между словами и делами порой дистанция очень большого размера.

Кто-то скажет, что все слишком сложно, неразрешимо и т.д. Не спору, сложно, но разрешимо. Просто надо целенаправленно и профессионально заниматься такими проблемами с желанием добра всем народам России, укреплением роли и авторитета страны в глазах своих граждан и мирового сообщества. В этом залог устойчивого развития страны, её национально-государственной безопасности.

Если в России будет реализовываться политика взаимного уважения народов, сохранения их культуры и духовного наследия, примирения исторической памяти, то причин, заставляющих кого-то из черкесов даже теоретически думать о Черкессии вне рамок России, возникать не будет.

Надо помнить то, что своё отношение к России черкесы не раз демонстрировали не просто на словах, а на поле боя, защищая её от врагов. Так было и в Первую мировую, и в Великую Отечественную войны. Точно так же надо помнить и о том, что благодаря России один из народов Черкесского мира – абхазы – имеют сегодня своё суверенное государство. Я уверен, что при наличии доброй воли все проблемы решаемы.

– Что на самом деле волнует основную массу черкесов? Какие выводы сделаны из провала «антиолимпийской» кампании в плане поиска путей национального развития?

– С моей точки зрения, черкесов волнуют те же вопросы, что и других людей. Это возможность жить в мире, растить детей, быть уверенными в завтрашнем дне.

Относительно «антиолимпийской» кампании, которой занималась какая-то часть черкесов. Надо иметь в виду, что она была, в первую очередь, всего лишь инструментом в большой политике, в которой определенными, в основном антироссийскими силами, было использовано чувство оскорбленного национального достоинства черкесов, их горечь о той трагедии, которую они пережили в ходе военной колонизации Западного Кавказа.

Добавлю, что саму олимпиаду, как в части её подготовки, так и открытия, закрытия, а так же культурной программы, можно было провести куда более умно и интересно, причем во благо России и всех её народов. Не хочется драматизировать эту тему, но относиться к народам, на исторической территории которых проводятся олимпийские игры так, как это было в Сочи, не этично и только нанесло вред международной репутации России. Что бы ни говорили официальные лица от имени черкесов, в душе многих из них олимпиада оставила не только гордость за достижения российского спорта, но и горечь от небрежного отношения организаторов игр к чувству их национального достоинства. Блестящие спортивные результаты и достижения в вопросах безопасности спортсменов и зрителей не могут служить оправданием того, что с идеологической точки зрения, как минимум в глазах значительно-го числа черкесов как в самой России, так и за рубежом, олимпиада была провальной.

– В какой мере черкесы воспринимают себя частью большого Русского мира, единой гражданской «нации россиян»?

– Вопрос формирования чувства единой гражданской идентичности носит системный характер и относится ко всем нам, представителям любых народов. Для меня понятие «русский мир» и «нация россиян» однозначно лежат в разных плоскостях – в культурной и политической.

Скажу прямо, что в силу объективных причин восприятие черкесами себя как части большого Русского мира определяется тем, какое место отводится им – черкесам – в истории и культуре России с точки зрения самого русского народа. Кто они? Потомки покоренных «бусурман» или сограждане, чьё национальное и человеческое достоинство взаимно уважается другими народами и защищено государством?

Относительно потомков изгнанников скажу кратко. Они должны иметь право возвращения на родину своих предков, подчеркиваю – право. Воспользуются они этим правом или нет – это уже их дело. Скажем откровенно, не так много зарубежных черкесов стремится сегодня возвращаться на Кавказ. Многие из них,

даже оказавшись жертвами войн и политических конфликтов, предпочитают страны Европы и США. Показательно, что среди репатриантов, уже вернувшихся и проживающих в республиках Северного Кавказа и Абхазии, практически нет финансово состоятельных людей. Здесь важна не только и даже не столько политическая или экономическая составляющая, сколько нравственная. И эта сторона принципиально важна для потомков всех народов участников Русско-Кавказской войны.

Форма проведения Дня памяти и скорби во многом складывалась стихийно, и она несет на себе все те недоработки, которые есть на федеральном уровне. Возможно, это кому-то безразлично, но когда у нас в России 21 мая отмечается только на местном региональном уровне, это позорно для нашей страны. Ведь жертвами той войны, по сути, были все её участники. Вопрос деликатный, но и игнорировать его не верно, поскольку он несет в себе негативный потенциал, который надо преобразовывать. Сделать это можно, опять же, было бы желание и добрая воля федеральной власти.

Для любого здравомыслящего человека понятно, насколько опасна политизация межнациональных отношений. Я категорический противник того, чтобы народы или религиозные объединения становились субъектами политической деятельности. *Будущее, а можно сказать, что уже и настоящее, – за гражданскими нациями.* Однако, делая акцент на защите гражданских прав отдельного человека, мы не имеем права игнорировать актуальные вопросы истории и культуры российских народов, особенно те, которые мешают их взаимодоверию, несут в себе потенциал противоречий и конфликтов. Иначе всегда будет сохраняться почва, создающая угрозы национальной безопасности всей страны.

– Северный Кавказ – пространство, в котором наглядно, как в большой лаборатории, можно наблюдать противостояние старого и нового, архаики и современности (о постмодерне, пожалуй, говорить все же рановато), традиции и глобализации. Что выигрывает в этом противостоянии? Способны ли черкесы устоять перед натиском массовой культуры, в том числе (а может быть, и в первую очередь) культуры политиче-

ской, на глазах меняющей устоявшийся кавказский ландшафт? Где предел прочности черкесского общества?

– С моей точки зрения, Северный Кавказ принципиально не отличается от любого иного многонационального региона России. Говорю это с учетом того, что всех нас, где бы мы ни жили, затрагивают одни и те же проблемы. Сегодня сложно говорить о каком-то черкесском обществе в социально-политическом аспекте, вне рамок духовного и культурного Черкесского мира. Черкесы – такие граждане России, как и представители других народов. Их образ их жизни определяется, в первую очередь, теми экономическими и социальными условиями, в которых живут все россияне.

Говорить о какой-то особой структуре или национальных институтах саморегуляции общественной жизни нет оснований. Даже те структуры, которые на официальном уровне имеют национальное название, как, например, Хасе в Адыгее, по содержанию и форме работы – такой же региональный парламент, как и в других республиках. Роль и влияние общественных организаций, за исключением, быть может, предвыборных периодов, когда они используются претендентами во властные структуры для электро-альной мобилизации, незначительны. А во многом, если иметь ввиду МЧА, дискредитированы и переживает кризис.

Время их серьезного влияния на общественно-политическую жизнь, как это было в начале 90-х годов, закончилось. И в этом есть проблема – многие вопросы, которые не решаются как на федеральном, так и на местном уровнях власти, пущены на самотек, и в этом нет ничего хорошего, причем ни для кого.

Относительно культурной и языковой проблематики, связанной с процессом глобализации, можно сказать, что она характерна для всех народов мира, независимо от их численности, будь то кит-тайцы с более чем миллиардным населением или малочисленные народа Кавказа и Севера.

– Если в некоторых республиках вектор общественного развития направлен (в целом) в сторону усиления религиозной (исламской) составляющей, то у черкесов, кажется, преобладает все-таки национальная. Что это означает – как в

плане перспектив национального развития, так и в смысле возможных угроз интересам России в регионе? Возможна ли «смена вектора» в сторону радикального исламизма?

– Если говорить о республиках Северного Кавказа, в которых проживает основная часть российских черкесов, то, действительно, *исторически сложилось так, что религия не играла в жизни черкесов особой социально-политической роли.* Да, по мере разрастания Русско-Кавказской войны среди черкесов стал усиливаться ислам. Но его роль была скорее мобилизационно-идеологической, чем чисто религиозной. И по мере затухания войны роль ислама также уменьшалась. Регуляторами социальной и духовной жизни черкесов в основном оставались каноны Хабзэ – свода неписаных законов, включающих в себя обычное право, а также этические ценности и нормы поведения.

Сегодня наблюдается довольно тревожная ситуация, когда многие из черкесов перестают жить по законам Хабзэ и при этом, будучи формально мусульманами, не руководствуются и религиозными этическими нормами. При этом вряд ли можно говорить о перспективах радикальных исламских идей среди черкесов. Куда более актуальной проблемой становится падение общего нравственного уровня, распространения среди молодежи наркомании и правил жизни криминального мира.

– **Что, на Ваш взгляд, привлекает молодежь в ряды радикалов, в частности, запрещенного в России так называемого «исламского государства»? Насколько актуальна эта проблема именно для черкесской молодежи? Опасен ли для России феномен ИГ – и, собственно, феномен ли это?**

– Относительно радикальных идей и экстремизма под лозунгами ислама могу сказать, что объективно их питают проблемы социального и имущественного неравенства стран и народов, которое особенно остро воспринимается молодыми людьми, а также подчинение международной политики, в первую очередь, интересам мирового банковского капитала во главе с ФРС США.

Тема очень сложная. Достаточно обратить внимание на то, как периодически те самые силы, которые возвращаются спецслужбами

США и Запада для геополитического влияния – конкурентной борьбы и контроля над жизненно важными регионами, выходят из-под контроля хозяев и обращают оружие против них самих. Это относится и к движению «Талибан», и к «Исламскому государству».

Я сомневаюсь, что у вдохновителей ИГ есть большое количество сторонников и последователей среди молодежи народов Северного Кавказа, и тем более среди черкесов. Исламский стихийный радикализм, я не говорю об «играх» спецслужб, по сути, является зеркальным отражением западного цинизма под лозунгами демократии и либерализма.

На местном региональном уровне его подпитывает имущественное расслоение, основанное не на честном труде и конкуренции, а на использовании служебного положения, воровстве бюджетных средств, мздоимстве. Свою негативную роль играет система клановости и круговой поруки, беззаконие. Но проблема эта, к сожалению, системная, и характерна в том или ином виде для всего российского общества и государства.

– Что может противопоставить радикализму подлинный ислам, православная церковь, традиционное общество? Возможно ли их соработничество на этом или иных направлениях? В какой форме?

– Скажу откровенно, даже для меня, человека, имеющего специальное религиоведческое образование, тема подлинного и неподлинного ислама вызывает затруднения. Как профессионал-философ могу с уверенностью сказать одно – то, как понимаются те или иные религиозные постулаты и ценности, зависит не от религиозной доктрины, а от уровня нравственного развития самого человека.

Каждый находит в вере, в том числе в исламе, то, что ему лично близко. Потому и существуют в исламе различные школы-мазхабы, а также уровни практики – от формального следования требованиям шариата до становления на путь обуздания своего эго, страстей – тариката, с целью достижения Божественной истины – хакиката. Сегодня все больше людей среди мусульман приходят к осознанию важности не только внешнего следования требованиям ислама, но и глубокой внутренней духовной работы.

Под разными названиями все это присуще и христианству, особенно православию с его многовековыми традициями и практикой исихазма – постижением и слиянием с духовной сущностью Создателя. Учитывая это, безусловно, у ислама и православия есть очень много общих нравственных ценностей, а также норм общественной жизни, которое могут стать основой культурного развития людей, особенно молодежи.

– Значим ли в черкесской среде неоязыческий фактор? А сектантский? С чем Вы связываете заметный в последние месяцы рост активности сектантов на Северном Кавказе?

– Важно иметь в виду, что традиционные верования черкесов можно трактовать как «языческие» только в том случае, если мы имеем в виду смысл древнеславянского слова «языки», то есть «народы». В этом случае и традиционная религия черкесов предстает в её подлинном смысле как «народная религия».

С моей точки зрения, у того, что сегодня можно наблюдать, нет никакой действительно религиозной основы как некоей практики соединения с Богом или следования Его требованиям. Это, скорее, попытка возрождения своих национальных, народных нравственных ценностей, традиций, бытовых обрядов и ритуалов.

А вот что касается сектантов, то надо отдать им должное – это истинные «ловцы душ», умеющие найти ключик к сердцу тех, кто безутешен в своем горе или потерял смысл жизни. Таких людей немало, и на этом поле они собирают свою жатву. На какие финансовые и организационные ресурсы они опираются в своей работе, каждый может выяснить сам. Нет сомнений и в том, что значительную роль играет та противоречивая ситуация, которая сложилась вокруг ислама и православия, которое де-факто находится в положении почти государственной религии. Безусловно, свою лепту вносят в их дела недружественные России силы, в том числе зарубежные спецслужбы.

– В последние месяцы в общероссийском и региональном информационном поле нарастает нездоровая активность, целью которой, по-видимому, является очередная «раскачка»

Кавказа. Реален ли сценарий «отрыва» Кавказа от России? Что и как нужно противопоставить этим деструктивным сценариям?

— С учетом того, что наш разговор идет в ракурсе геополитических проблем, следует сказать, что Кавказ на протяжении многих веков был и остается территорией столкновения интересов мировых держав. *Говорить о возможности отрыва всего Кавказа от России вряд ли сегодня правомерно.* И не потому, что это невозможно, а потому, что реальность такова, что *почти весь Южный Кавказ, за исключением сравнительно небольших территорий Южной Осетии и Абхазии, уже оторван.* Азербайджан, Грузия и Армения как суверенные государства ведут свою политику, и она, надо признать это откровенно, в той или иной мере не всегда находится в русле геополитических интересов России. Это тема для отдельного разговора.

А вот что касается Северного Кавказа, то здесь ситуация совершенно иная. *В обозримом будущем даже теоретически представить Северный Кавказ отделенным от России могут позволить себе либо психически неадекватные люди, либо заказные провокаторы.* Другой вопрос, что он может стать своего рода полем боя для враждебных России сил, плацдармом для дестабилизации обстановки во всей России, что уже видели люди нашего поколения в Чечне и Дагестане.

Однако надо иметь в виду, что мы живем в эпоху информационных и идеологических войн. А они намного опасней и эффективней войн физических. Они ведутся в формате войн идей, образа жизни, ценностных ориентиров. Сказать, что здесь всё у нас в порядке, вряд ли будет правдой. Об этом говорит то, что из России продолжают уезжать не только радикально настроенные молодые мусульмане, но и талантливые молодые ученые. И не секрет, что есть много людей, которые уехали бы жить за рубеж, если бы у них была такая возможность. И здесь проблема не просто в отсутствии у них патриотизма. Скажу откровенно – меня, например, очень пугает тот во многом пафосный патриотизм, который демонстрируют сегодня приближенные к власти богатые бизнес-

мены и чиновники. Пугает и то, что, судя по даже официально декларируемым доходам, многие из тех, кто находятся у власти, относятся к очень состоятельным людям. И я не вижу среди них выдающихся организаторов новых направлений бизнеса, изобретателей или ученых, которые заработали свои капиталы через реализацию полезных обществу и государству проектов.

Простите, пусть это не прозвучит громко, но для России во все времена были и останутся актуальными ставшие знаменитыми слова Александра Невского: «Не в силе Бог, но в правде!».

Для кого-то они звучат просто как красивая фраза. Но я уверен, что это единственная формула выживания и процветания России. И не только потому, что этого ожидает от нас Бог и честные люди, а еще и потому, что все остальные идеи и варианты образы жизни уже заняты. И если мы отступим от своего, то по определению станем частью другого мира.

*Беседовала Яна Амелина
«Национальный интерес», 21 августа 2015 г.*

РЮО: сформулировать «югоосетинский проект»

Юрий Вазагов

26 августа в Южной Осетии отмечают очередную годовщину одного из важнейших событий в новейшей истории республики – признание независимости со стороны Российской Федерации.

Подчеркивая значимость этой даты, тем не менее, следует обратить внимание на один нюанс. За последние годы часть исследователей, говоря о государственности Южной Осетии, за точку отсчета берут 26 августа 2008 года, однако это неверный подход. Государственность Южной Осетии и Абхазии начала создаваться в начале 90-х годов XX века как средство обеспечения физического выживания южных осетин и абхазов в борьбе против политики геноцида со стороны Грузии. *В августе 2008 года Россия пришла на помощь не неким аморфным этническим объединениям, а во многом сложившимся государствам, равно-*

правным участникам имевшихся на тот момент переговорных форматов с участием международных организаций.

Признание независимости и масштабная помощь России стали мощнейшим импульсом для дальнейшей легитимизации государственности РЮО, создав все условия для того, чтобы этот процесс вышел на качественно новый уровень и получил все шансы на успех.

Важнейшим из этих условий является наличие надежных гарантий безопасности от возможной агрессии, а также непрерывающаяся социально-экономическая помощь, которая позволяет хоть и медленно, но повышать уровень жизни населения и создавать предпосылки для экономического развития.

Вот уже семь лет Южная Осетия живёт в мире и безопасности, без страха постоянных обстрелов, делавших до 2008 года повседневную деятельность и жизнь жителей Цхинвала и других населённых пунктов РЮО опасным занятием. Дислоцированная в республике российская военная база надёжно защищает Южную Осетию от открытой вооружённой агрессии, а меры по укреплению границ, предпринимаемые совместно российскими и югоосетинскими пограничниками – от провокаций, захватов заложников в приграничных населённых пунктах и терактов, регулярно организуемых грузинскими спецслужбами в республике до августа 2008 года. И это, безусловно, важнейший результат признания Южной Осетии со стороны России, который не может быть подвергнут сомнению.

Вместе с тем, ***прошедшие после признания независимости РЮО годы показали, что и население, и политические элиты республики во многом оказались неспособны оперативно перестроить сложившуюся общественную и политическую системы в соответствии с новыми условиями. С одной стороны, сказались завышенные ожидания, которые, естественно, не оправдались, с другой – стало невозможным ретушировать длительно скрываемые проблемы в процессе государственного строительства. В условиях перманентной агрессии и давления со стороны Грузии многие вопросы отходили на второй план***

или замалчивались. После 26 августа 2008 года весь накопившийся балласт вышел наружу как из «ящика Пандоры», усиливая дестабилизирующие тенденции. В частности, речь идет о неспособности различных групп в политической элите договариваться об общих правилах игры без навязчивого стремления к тотальной монополии в политической и экономической сферах республики. Именно это стало одной из главных причин событий, развернувшихся в конце 2011 года.

Политический кризис зимы 2011-2012 гг. возник не спонтанно. К этому привели многолетние негативные тенденции. С тех пор политические элиты Южной Осетии получили неплохой урок, к чему может привести неумное стремление любой ценой избавляться от политических противников и пытаться игнорировать наболевшие проблемы населения.

Судя по взаимоотношениям между различными центрами влияния за прошедшие несколько лет, теперь они предпочитают не доводить дело до острых конфликтов, используя тактику компромиссов. Свою роль в этом играет фигура нынешнего лидера республики Леонида Тибилова: как бывший переговорщик, он более склонен решать вопросы путем переговоров, а не силовым давлением на оппонентов.

Относительная либерализация политической системы Южной Осетии после жесткого авторитаризма породила свои проблемы, в числе которых – так называемый «партийный бум» и попытки различных групп влияния создать свой «домен» – неприкосновенные позиции в различных сферах, включая строительство и участие в решении кадровых вопросов. Впрочем, эти проблемы, пусть и медленно, но решаются. Прошедшие выборы и поправки в законодательство в условиях активной политической конкуренции позволят предотвратить дальнейшую фрагментацию политического поля республики, а в кадровой политике все большее предпочтение отдается молодым профессионалам, не принадлежащих тому или иному клану или политической силе.

Реальная политическая конкуренция, возможность легальной деятельности различных политических сил, прозрачные выборы

2014 года, позволившие сформировать действительно независимый от исполнительной власти парламент, пытающийся осуществлять функции парламентского контроля над деятельностью правительства – все это безусловные достижения Южной Осетии во внутривластной сфере за последние несколько лет, которые позволили создать более сбалансированную политическую систему. *Теперь на ближайшее пятилетие перед республикой стоит задача повысить эффективность органов власти, сохраняя при этом достигнутую стабильность и условия для реальной политической конкуренции.*

Несмотря на ряд положительных изменений, *от своей главной проблемы политическая элита Южной Осетии пока так и не избавилась – местечковое, провинциальное мышление, неспособность проявлять инициативу в государственном масштабе, концентрировать усилия в деле решения проблем, тормозящих развитие республики, по-прежнему остаются ее «родимыми пятнами».* За семь лет, прошедшие после признания, политические круги Южной Осетии так и не очертили перед обществом своего рода горизонты развития, не сформулировали, так сказать, *новый югоосетинский политический проект*, который мог бы привлечь основную часть политических сил, общества и диаспор к более активному участию в процессах становления государственности. Коррупционные проблемы, в принципе, есть везде, однако объяснить только этим фактором процессы стагнации в РЮО трудно. Решающую роль в этом играет, образно говоря уровень притязаний элит, которые пока что предпочитают роль частичных распорядителей российской финансовой помощи, не слишком активно используя ресурсы самой республики, и не применяют нестандартные подходы к развитию экономики, опробованные во многих малых государствах Европы и Азии.

Данный фактор остается одним из главных препятствий на пути возрождения югоосетинской экономики. Ведь практически невозможно выводить страну из экономического коллапса без четкого видения приоритетов и концентрации усилий в выбранных точках роста.

Безусловно, за семь лет, пусть и с серьезными проблемами и громкими скандалами, но проделан огромный объем работ по восстановлению Южной Осетии. На сегодняшний день этот ставший мучительным процесс близится к завершению. Восстановлены сотни объектов жилья, инфраструктуры, в том числе в районах республики. Сфере образования и здравоохранения продолжает оказываться масштабная помощь со стороны России.

Ежегодно Российская Федерация предоставляет Южной Осетии квоты на обучение в лучших учебных заведениях. Подписано Соглашение, в соответствии с которым гражданам РЮО предоставляется специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь на территории России. Также решен вопрос о пенсионном обеспечении военнослужащих и сотрудников внутренних дел. Появились первые инвесторы. «БТК-групп» Таймураза Боллоева восстановила производство на Цхинвальской швейной фабрике, где создано около 300 рабочих мест, планируется открытие филиалов предприятия и в районах республики.

В процессе реализации находится проект уроженца Южной Осетии, основателя крупнейшего агропромышленного холдинга в России «Евродон» Вадима Ванеева, который планирует открыть аналогичное производство и на территории республики. На фоне этих примеров успешных вложений инвестиций в Южную Осетию в дальнейшем будет легче вести диалог с потенциальными инвесторами. Для реализации программы развития реального сектора экономики и, в частности, возрождения сельского хозяйства и промышленности, впервые концентрированно заложены средства в Инвестпрограмму на 2015-2017 гг. Создано «Инвестиционное агентство», которое будет заниматься привлечением инвесторов и поддержкой проектов реального сектора экономики в Южной Осетии.

Процесс финансирования за последние три года стал более прозрачным и, по крайней мере, обходится без громких коррупционных скандалов. Но эти позитивные тенденции не могут отменить тот факт, что *Южной Осетии сегодня необходим модернизационный рывок, прежде всего в экономике и в сфере управления,*

способный в сжатые сроки вывести республику на качественно новый уровень развития и резко снизить уровень дотационности бюджета РЮО. Медленное улучшение ситуации не позволяет решить хронические проблемы, создающие угрозу национальной безопасности республики. В их числе – демография и продолжающаяся миграция, не в последнюю очередь обусловленная высоким уровнем фактической безработицы среди молодежи.

Многие в Южной Осетии видят единственный выход из сложившейся ситуации в присоединении к России или же в максимальной интеграции по всем ключевым сферам. Дискуссии по этому поводу не утихают в республике все последние годы, то снижая накал, то разгораясь с новой силой. Во многом эти ожидания оправданы, поскольку помощь со стороны России позволяет оставаться республике, что называется «на плаву», а дальнейшее сближение вплоть до вхождения позволит шире использовать возможности федерального центра для решения узловых проблем.

Однако, как показывает пример многих субъектов РФ, даже в этом случае очень многое зависит от способности политической элиты того или иного субъекта федерации обеспечить соответствующее качество управления и обозначить четкие приоритеты развития, в том числе в социально-экономической сфере, снижая при этом уровень коррупции. Другими словами, ***необходимо формирование устойчивой политической системы с четкой иерархией ценностей, способствующей ускоренному развитию Южной Осетии.*** Таким образом, независимо от того, как будет решаться в ближайшие пять-десять лет вопрос о присоединении Южной Осетии к России, ***обновление политической элиты и резкое повышение эффективности управления, прежде всего в социально-экономической сфере, остается одной из важнейших задач молодой республики.***

Благоприятные внешние факторы, которые могут стать катализаторами этого давно назревшего процесса, на сегодняшний день практически имеются в наличии. Прежде всего, речь идет о создании необходимой законодательно-правовой базы для взаимодействия России и Южной Осетии по всем важнейшим направ-

лениям. После подписания базового Договора о дружбе и взаимопомощи, РЮО и РФ заключили более 80 межгосударственных соглашений, несколько десятков находятся в проработке. Создан масштабный правовой фундамент двустороннего сотрудничества. Отлажен механизм взаимодействия российских федеральных ведомств с югоосетинскими партнерами в формате рабочих групп. Идет интенсивная работа по совершенствованию законодательства республики, его унификации с российским.

Подписанное и ратифицированное в этом году на высшем уровне Соглашение о союзничестве и интеграции позволяет интенсифицировать процессы интеграции двух стран в ключевых сферах, а вопросы обеспечения безопасности республики вышли на новый уровень, гарантируя мирную жизнь населения республики от текущих и перспективных угроз. Кроме того, на стадии решения находится вопрос о снятии таможенных барьеров между странами. Югоосетинские производители получают возможность на льготных условиях экспортировать свою продукцию на территорию Российской Федерации. На уровне президента РФ Владимира Путина озвучено предложение Южной Осетии принять участие в программе импортозамещения.

«Аналитика», 26 августа 2015 г.

Распад Турции: желаемое за действительное?

Юрий Мавашев

В последнее время в российских СМИ и в экспертном сообществе всё чаще звучит мнение, что Турция якобы находится на грани распада. Некоторые эксперты и журналисты настолько увлеклись идеей возможной дезинтеграции страны в скором будущем, что практически стали выдавать чье-то «желаемое» за «действительное». Разница лишь в деталях. Одни обещают создание курдского государства на востоке Турции, другие уверены, что страна находится на грани полного распада по внутренним причинам, в то время как третьи не сомневаются – ее раскол так

называемое «Исламское государство» (запрещенная в России террористическая организация. – прим.). Справедливости ради, надо отметить, что данная тема стала усиленно «смаковаться» также и зарубежными СМИ.

Пожалуй, самое время напомнить, что идея «раздела турецкого или османского наследства» не нова и имеет своих авторов. Именно страны Антанты (Англия и Франция) спланировали в свое время глобальный передел Ближнего Востока («соглашение Сайкс-Пико»), начертив границы новых, ранее не существовавших государств (Сирия, Ирак и другие).

Турция же всегда мешала их задумкам, поскольку её государственность была реальной и наглядной альтернативой для народов региона, ищущих свой путь развития. «К сожалению, уже на протяжении длительного времени мы наблюдаем, как страны Запада пытаются внедрить собственные геополитические проекты на территории Турции и в соседних государствах», – отмечает депутат от Партии националистического движения Турции (МНР) Атилла Кая. Теперь эти страны Европы, к которым присоединяются США, в очередной раз фактически подписались под уничтожением сложившихся границ на Ближнем Востоке.

Похоже, они вновь решили взять реванш, отыгравшись на Турецкой Республике, одержавшей победу в войне за независимость в 1923 году. Как сто лет назад, так и сейчас предпринимаются непрекращающиеся попытки использовать межнациональные конфликты (в частности, курдский вопрос) и внутренние противоречия, чтобы расшатать ситуацию в стране, приведя к последующей дезинтеграции Турции. Разница с предыдущими попытками в том, что теперь Запад решил «столкнуть лбами» несколько стран Ближнего Востока, используя ИГ и курдов, как мощнейший трансграничный элемент. «Нам хорошо известно, что на некоторых американских военных картах восток Турции обозначен как независимый Курдистан, – констатирует Атилла Кая. – Учитывая, что Анкара является частью НАТО, подобные вещи не укладываются в здоровом сознании».

Необходимо принять во внимание, что взаимозависимость стран, а значит, и процессов в регионе способствует особому воз-

действию внешней политики на внутреннюю. В практическом смысле это означает, что проблемы одних государств на Ближнем Востоке автоматически отражаются на проблемах соседних с ними стран. Яркий пример – Иракский Курдистан, когда происходящее в Эрбиле оказывает прямое и незамедлительное влияние на курдский вопрос в Турции. Таких примеров в регионе сколь угодно много. А значит, утверждать, что Анкаре на внешней арене ничего не угрожает, было бы недальновидно.

Кроме того, сегодня Турция переживает действительно нелёгкие времена. Взрывы и перестрелки слышны на улицах городов. Периодически происходят нападения на представителей турецких силовых структур в разных уголках республики со стороны курдских сепаратистов и боевиков ИГ. Всё это происходит на фоне отсутствия консенсуса между основными политическими силами по вопросу формирования нового правительства, что вносит свою лепту в нестабильность в стране.

Более того, в самой Партии справедливости и развития (ПСР) намечился определённый раскол. «Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган стремится провести досрочные выборы в стране, но его партия ПСР и премьер-министр Ахмет Давутоглу выступают против этой идеи, – поясняет глава турецкого аналитического центра Kafkasam Хасан Октай. – А, между тем, через турецкую прессу всё чаще просачивается информация о том, что между президентом и премьер-министром намечился ряд разногласий критического характера».

Ситуацию осложняет позиция Эрдогана по вопросу ИГ. Его заигрывание с боевиками стало своеобразной рукотворной ловушкой как для будущего Турции, так и для самого главы государства. Политика «двойных стандартов» президента Эрдогана явно обнаружила себя, когда декларативно Анкара выступила против ИГ, а на практике боевикам оказывалась военно-техническая, медицинская, материальная и логистическая поддержка. Турецкое общество до определённого момента, пока взрывы не пришли в города и провинции страны, смотрело на это сквозь пальцы. «Турция поддерживала ИГ, а теперь сожалеет об этом», – писала популярная турецкая газета *Sozcu*.

Официальная позиция Анкары по курдскому вопросу также подливает масла в огонь нестабильности. В недалеком прошлом Эрдоган пытался заручиться поддержкой курдских избирателей в рамках «мирного процесса», когда турецкая и курдская стороны сели за стол переговоров. Однако все эти начинания оказались под угрозой срыва сейчас, когда боевые действия на востоке страны против курдских сепаратистов возобновлены турецкой армией, а президент Эрдоган выступил против умеренной прокурдской Партии демократии народов после теракта в Соруце, на востоке страны.

«ПСР, тринадцать лет убеждавшая Турцию, что нужно сесть за стол переговоров с курдами, теперь, используя национальный порыв своих граждан, начинает военную операцию против Рабочей партии Курдистана (РПК), чтобы тем самым заручиться поддержкой националистов на следующих выборах», — отмечает аналитик Хасан Октай. По всей видимости, теперь рассчитывать на поддержку значительной части курдов Эрдогану не придётся. Вряд ли они поверят ему вновь.

Но, пожалуй, самым опасным элементом политики Эрдогана и ПСР, грозящим перерасти в массовые беспорядки с вероятностью теоретической дезинтеграции страны, выступает раскол турецкого общества. Лидер страны слишком увлёкся противопоставлением одной части общества другой, фактически называя поддерживающих его граждан «друзьями», а несогласных — «врагами».

Это привело, в свою очередь, к активизации террористической организации «Революционный народно-освободительный фронт» (ДНKP-С). В мае текущего года они начали сводить счёты с представителями власти, убив прокурора Стамбула Мехмета Селима Кираза, деятельность которого ассоциировалась для них с правящей ПСР. Знаменательно, что ни один из лидеров турецкой оппозиции не присутствовал во время траурных мероприятий, организованных ПСР по случаю гибели прокурора. Премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу тогда отреагировал: «В такие сложные для страны моменты все лидеры партий должны стоять плечом к плечу. Мне странно, что они не присутствуют сегодня с нами». Летом за этим убийством последовали новые теракты и

перестрелки, направленные против органов власти страны и диппредставительств некоторых иностранных государств (США). Ответственность за них снова взял на себя «Фронт».

Однако, даже несмотря на эти проблемы, как бы кому ни хотелось, но будущее каждой из стран региона сегодня трудно предсказуемо. В отличие от многих новоиспечённых ближневосточных государств, Турция обладает многовековым опытом государственного строительства в многоконфессиональной и полиэтнической среде. Подобный запас прочности – фактор немаловажный и даже решающий в быстро меняющейся и турбулентной среде, каковой является Ближний Восток. В этой связи, ***распад Турецкой Республики сегодня не более реален и произойдёт не скорее, чем дезинтеграция любого из её соседей.***

Разберём по порядку. Обращаясь к курдскому вопросу, важно учитывать, что тотальная война между турками и курдами вряд ли предвидится, хотя бы потому, что население даже на востоке страны весьма неоднородно – турки перемешаны с курдами. Кроме того, курдское население политически не представляет собой единое общество. Взрывы и перестрелки со стороны РПК давно не новость. «Сколько бы РПК ни получала поддержки из-за рубежа, ей никогда не стать популярной в Турции», – уверен Хасан Октай.

Говоря об опасности ИГ, надо отметить, что ***угроза джихадистов для внутренней стабильности в Турции сильно преувеличена.*** И дело здесь не столько в том, что правительство ПСР их поддерживало (а значит, имеет рычаги давления на боевиков и их руководство), сколько в том, что ***идеи ИГ не разделяет подавляющая часть населения страны.*** Из чего следует, что ***преувеличивать роль ИГ в теоретической дезинтеграции Турции в будущем не стоит.***

Что касается других внутренних проблем, связанных с непопулярностью президента Эрдогана и деятельностью ДНКС-С, то необходимо принять во внимание следующее. Во-первых, ПСР потеряла конституционное большинство, а значит, в турецком парламенте будет представлено больше оппонентов этой партии. «В ближайшие годы в Турции не предвидится создание прези-

дентской республики, к которой шёл Эрдоган», – комментирует глава турецкого Института стратегических исследований, профессор Бирол Акгюн. Во-вторых, как и в случае с ИГ, поддержка «Фронта» среди рядовых турок ничтожна. Общество устало от терроризма в любой форме и под любым флагом. Несложно догадаться, что без поддержки значительной части населения действия любой террористической организации, с высокой долей вероятности, обречены на провал.

Таким образом, мы являемся свидетелями процессов, которые, накладываясь друг на друга, создают сложную и многогранную картину, далекую от пропагандистских упрощений. Пока «распад Турции» скорее чьё-то «желаемое», чем «действительное». Не исключено, что за публикациями, предрекающими Турецкой Республике скорый развал, стоят наследники «соглашения Сайкса-Пико».

Они еще не все поделили.

«Геополитика», 27 августа 2015 г.

Абхазские вызовы

Александр Сергеев

Абхазская тематика имеет для российской геополитики исключительную актуальность. К сожалению, приходится констатировать, что интерес к ней российского политико-экспертного сообщества недостаточен и явно неадекватен количеству связанных с ней вызовов и угроз. Настоящее исследование претендует на то, чтобы привлечь к ней наибольшее внимание, компенсировав в какой-то степени свойственный данной проблематике недостаток информации.

Примерно год назад ИА Regnum опубликовал мою статью «Современная Абхазия: уроки и вызовы для России», в которой подчеркивалась исключительная значимость Абхазии для России, показывались многие позитивные компоненты современного абхазского социокультурного быта.

Сегодняшний день, однако, диктует необходимость более глубокого всматривания в проблему, связанного с констатацией не только положительных, но и отрицательных тенденций абхазской социальной действительности, часть которых при своем развитии может в будущем представить серьезную угрозу не только абхазской государственности как таковой, но и большому российскому цивилизационному матерiku в целом. Остановимся подробнее на этих проблемных блоках и раскроем каждый из них.

1. Контрмодернистский характер многих абхазских социально-политических идеологем. Сегодняшняя жизнь в Абхазии подобна своеобразному социокультурному заповеднику. Несмотря на многовековое влияние мировых религий (прежде всего, христианства) на абхазскую историческую личность, мировоззрение, мировосприятие и картина мира в целом у большинства абхазов до сих пор в основе своей остается языческой. Абхазы воспринимают природу не просто как среду обитания, но и как высшее одухотворенное начало. Силы природы и многие объекты материального мира до сих пор являются у абхазов объектами поклонения, а исторические легенды и природные табу во многом выполняют функции социальных норм.

В указанном типе исторически сложившегося мировосприятия есть много положительных черт, среди которых – уважение к старшим, культ материнства и многие другие элементы. В то же время сегодня он требует адекватного вписывания в современность. Язычество в его текущем состоянии ограничивает исповедующий его социум восприятием определенного ареала проживания, не позволяя ему адекватно понимать окружающие его социально-политические процессы. В условиях глобализации это способно сделать такой социум пешкой в чужой игре с последующим большим уроном, а то и привести к более тяжелым последствиям.

2. Особенности абхазского национального характера. Абхазы пережили крайне непростое постсоветское 25-летие, во многом предопределенное кровавой войной 1992-93 годов. В отличие от Южной Осетии, где линия фронта четко определялась границами грузинских анклавов внутри республики, здесь военные дей-

ствия втянули в свой оборот всю ее территорию. Многие села в Ткварчалском и Гальском районах до войны имели смешанный грузино-абхазский состав, и часть грузин защищало свой дом, а, следовательно, воевало на абхазской стороне. Данный фактор во многом придал войне характер гражданского противостояния, что в значительной степени предопределило ее особый разрушительный характер. В то же время указанная война была выиграна усилиями как самих абхазов, так и многочисленными добровольцами со всего Северного Кавказа и Юга России. Этот факт не следовало бы забывать, однако горделивость, присущая абхазской ментальности и усиленно эксплуатируемая современными республиканскими элитами, ведет дело именно к этому.

Сегодняшнему абхазскому социуму присущ взгляд на свою родину как на подаренный Богом райский уголок, на приезжающих туристов – как на вынужденных постояльцев, которых ради получения заработка приходится терпеть в своих границах, а на проживающие на территории Абхазии инонациональные общины (армянскую, мегрельскую, греческую и др.) – как на досадный балласт, доставшийся от прежних эпох, с наличием которого приходится считаться.

К такому социумному восприятию иноэтнических общин есть некоторые исторические предпосылки. В дореволюционное и советское время грузинское лобби в московских властных структурах было исключительно сильным, что позволяло грузинским руководителям на местах осуществлять притеснение и гнет в отношении других народов. Исключением не стали и абхазы, что во многом сковывало их потенциал как этнической группы и не позволяло ему полностью реализоваться в рамках советского социокультурного поля.

Война 1992-93 годов и последовавшие за ней события выпустили наружу, подобно распрямившейся пружине, копившуюся много лет абхазскую национальную энергетику. Увы, абхазские элиты не смогли ей правильно распорядиться. Уже ко второй половине двухтысячных годов стал замечаться стремительный рост абхазского этнического национализма, выразившегося в первую

очередь в последовательном строительстве абхазского национального государства. Представители же других проживающих в Абхазии этнических общностей, как когда-то сами абхазы, стали все сильнее ограничиваться в возможностях обретения достойного социального статуса.

Констатацию указанного положения следует дополнить еще одним удивляющим фактом. Сегодня абхазский социум относится к проблемам братской Южной Осетии, с которой его еще недавно связывало наличие единого смертельного врага и тяжелейшее существование в условиях непризнанности, с потрясающим равнодушием. Подобно самолюбивому и мнительному больному, когда-то тяжело переболевшему и старающемуся забыть своих соседей по палате, абхазы не желают слышать про южных осетин, аккуратно переводя разговор на другую тему. Удивительно, что это касается как простых людей, так и представителей элиты. Следует подчеркнуть, что в Южной Осетии, наоборот, абхазскую боль всегда воспринимали как свою собственную, глубоко переживая за братьев и оказывая им любую возможную помощь.

3. Экономическая разруха и развал инфраструктуры. Особенностью сегодняшней абхазской экономики являются частные хозяйства и остатки туристического сектора, доставшегося Абхазии в наследство от советского прошлого. Пространство южнее Сухума, включая имеющиеся там райцентры, находятся в такой степени запустения, перед которой меркнут даже югоосетинские реалии последних лет. Места некогда образцовых колхозов и совхозов, кормивших цитрусовыми весь Советский Союз, поросли бурьяном, и можно проехать многие километры, не увидев ни одного человека.

Одной из важнейших причин подобного положения вещей является отсутствие в республике четкой властной вертикали, способной мобилизовывать население и ресурсы для решения масштабных экономических задач. Ожесточенная борьба элитно-клановых образований является в Абхазии типичным социополитическим пейзажем. Попытки бывшего президента Александра Анкваба навести в этой сфере порядок и последовательно заняться

возведением в государстве социально значимых объектов привели к его свержению в результате очередной «бархатной» революции летом 2014 года. Однако к лету 2015 года недовольство населения уже новой, послереволюционной властью стало столь обширным, что в элитных кругах поползли слухи о возможной подготовке к октябрю нового государственного переворота.

4. Деформация государственно-правового пространства.

Упоминавшаяся выше борьба элитно-клановых образований в Абхазии все чаще выплескивается наружу, периодически обретая форму силовых столкновений между сотрудниками различных ведомств. Борьба элит имеет место в любом государстве, однако такие формы ее проявления говорят о серьезных общественных аномалиях.

Роль права в Абхазии уникальна. С одной стороны право является важнейшим атрибутом и символом абхазской государственности, а абхазская юридическая система насчитывает множество оригинальных законов, созданных на специфической национальной почве. С другой стороны, роль права как реального социального регулятора на практике крайне слаба. Действие правовых норм здесь очень часто заменяется системой обычаев, традиций и взаимных договоренностей, вне зависимости от сфер применения и уровня социальной среды.

5. Антироссийский дискурс абхазских элит. Несмотря на то, что существование абхазской государственности находится целиком и полностью в руках России и может реализовываться только с ее помощью, многие абхазские элитарии старательно рубят сук, на котором сидят. Если при первом президенте Владиславе Ардзинбе в девяностые годы вхождение в состав России рассматривалось в качестве желаемого приоритета, то уже в двухтысячные государственный суверенитет стал декларироваться в качестве самоценности.

Сегодня же данная теоретическая конструкция превратилась в политтехнологию, с помощью которой элитные круги при каждом удобном случае пугают впечатлительно-эмоциональное абхазское общество российской экспансией. Даже очевидно разум-

ные положения нового базового международного договора между Россией и Абхазией о координации внешней политики и деятельности в сфере обороны и безопасности стали предметом политической спекуляции об «ущемлении абхазского государственного суверенитета». Таким образом, вышеуказанные социальные круги, становясь игрушкой в руках зарубежных модераторов, для удовлетворения собственных амбиций и без зазрения совести готовы нанести серьезный урон как собственной маленькой Абхазии, так и оберегающей ее большой России

В очевидно антироссийском ключе в Абхазии преподносится тематика махаджирства. Это сложное явление, внутри которого имелось несколько волн на протяжении трех столетий, преднамеренно сводится лишь к русско-турецкому противостоянию, в рамках которого вина за переселение абхазов в Малую Азию ложится исключительно на Россию.

Вообще, *балансирование между российскими и турецкими геополитическими интересами все больше становится отличительной чертой абхазской внешней политики*. К примеру, если Южная Осетия считала своим долгом признать Донецкую и Луганскую народные республики, абхазское руководство делать этого не стало, признав зато Турецкую Республику Северного Кипра.

Подобных примеров можно приводить множество. Данная система абхазских элитных действий опасна не только тем, что она закладывает под российско-абхазские отношения, а, следовательно, и под стабильность на российском Северном Кавказе, мину замедленного действия, но и тем, что погружает абхазский социум в ложную систему координат. В реальности вопрос о присоединении Абхазии к России, равно как и о других формах российской «экспансии» в принципе не стоит на московской политической повестке дня. Подобные попытки, даже при их гипотетическом инициировании абхазской стороной, будут последовательно отвергаться Москвой, о чем ярко свидетельствует прошлогодний опыт Южной Осетии.

Гораздо более реалистичным сценарием может оказаться обретение грузинскими лоббистами в Москве властных рычагов с после-

дующей поэтапной и пошаговой сдачей Абхазии в руки врага. Однако подобные сценарии абхазскую элиту, плененную множеством мифов, не волнуют и волновать, по-видимому, не собираются.

Главным выводом из всего вышесказанного является ***необходимость коренного пересмотра деятельности российской властной вертикали на абхазском направлении.*** Исходя из важнейшей стратегической значимости Абхазии для России, необходима разработка целой системы межправительственных соглашений, способных помочь абхазскому государству решить его многие социальные и инфраструктурные проблемы. В то же время, ***помогая укреплять абхазскую государственность и добиваясь признания Абхазии другими членами мирового сообщества, Россия должна требовать от своего стратегического партнера полноценного включения в собственное геополитическое и идейно-смысловое пространство.***

На решение подобных задач история может отвести не более 5-7 лет, и решать их будет столь же трудно, сколь и необходимо. Выражаем надежду, что вышеуказанные пожелания со временем окажутся исполнены.

«Геополитика», 3 сентября 2015 г.

Антироссийские «частные инициативы» Анкары

Юрий Мавашев

В последнее время Турцию чаще обычного обвиняют в поддержке антироссийских, а иногда и открыто экстремистских структур. Недовольство официальной Москвы спровоцировало проведение II Всемирного конгресса крымских татар (1-2 августа 2015 г., Анкара), на котором звучали нападки в адрес России за «игнорирование фундаментальных свобод» крымско-татарского народа. Вопросы вызывает и деятельность турецкой «правозащитной» организации Imkander, которая призывает мусульман Кавказа и Крыма к неповиновению России. «Любое право России на Кавказе отвергается, а установленные на местах кремлевские

режимы объявляются нелегитимными», – такие «пожелания» на хорошем русском языке распространяет «Ассоциация защиты человека и братства Imkander» на своих ресурсах.

Тема обрела дополнительную актуальность в свете борьбы мирового сообщества против запрещенной в России террористической организации «Исламское государство», в рядах которой воюют в том числе и российские мусульмане тюркского и нетюркского происхождения. Imkander выступает на стороне исламистов против президента Сирии Башара Асада, которому Москва оказывает политическую, экономическую и военную помощь, в то время как позиция Анкары по проблеме «ИГ» до сих пор была не столь очевидной, что не раз отмечалось мировыми и турецкими СМИ.

При этом, если говорить о турецкой поддержке II Всемирного конгресса крымских татар, на котором звучала критика российских властей, то она вполне укладывается в официальную внешнеполитическую линию Анкары по вопросу Украины и вряд ли способна кого-то удивить. «Никаких изменений в официальной позиции Турции по вопросу поддержки крымских татар не наблюдается, а критика действий российских властей в Крыму высказывалась и до проведения конгресса, – полагает профессор университета ТОВВ (Анкара) Тогрул Исмаил. – Анкара, как всегда, оказывает всяческое содействие этим собраниям, а Москва, как всегда, с пониманием к этому относится».

Что касается деятельности некоторых антироссийских структур в Турции, подстрекающих российских мусульман к неповиновению центру и «прокремлевским режимам» на Кавказе и в Крыму, чем активно занимается вышеупомянутый Imkander, то этот вопрос требует уточнений. Остановимся на главном. Можно ли утверждать, что эта «правозащитная организация» представляет позицию официальных властей Турции по вопросу Кавказа и Крыма, или её деятельность является «частной инициативой»?..

Здесь не помешает краткий исторический экскурс. Активность турецких организаций на территории РФ обсуждается, как минимум, с начала девяностых годов, когда в России наблюдался вакуум безвластия, а на Северном Кавказе шла «первая чеченская»

война. Некоторые турецкие националисты, в частности, представители молодёжной ультраправой организации «Серые волки» (тур. Bozkurtlar), участвовали в ней на стороне боевиков. Впрочем, активность «Серых волков» была зафиксирована в разных уголках мира, в том числе в Карабахе, а не только на российском Северном Кавказе. Да и в Чечне воевали далеко не только турецкие радикалы, но и представители многих других государств.

С нормализацией обстановки на Северном Кавказе «следы волков» затерялись. При этом важно отметить, что для самой Турции националистические организации подобного толка – серьезная «головная боль». Так, отделения «Серых волков» неоднократно закрывались турецкой полицией за использование экстремистских и террористических методов в политике. Никакого официального одобрения действиям турецких националистов на российском Северном Кавказе Анкара не высказывала. Соответственно, утверждения о том, что Турция выступала на стороне этих националистических организаций на Кавказе или проводила дезинтеграцию России их руками в девяностые годы, были бы неверными. «Турция никогда не была заинтересована в дестабилизации РФ и поощрении центробежных тенденций в стране, – уверен профессор Тогрул Исмаил. – Символично, что Анкара, даже при своей позиции по территориальной целостности Украины, не присоединилась к западным санкциям против Москвы».

Вспомним и о движении «Хизмет», деятельность которого вызывала подозрения ещё до появления Imkander. Основателем и вдохновителем «Хизмет» является известный исламский общественный деятель Фетхуллах Гюлен, последние годы проживающий в США.

Будучи официально сторонником гуманизма и просвещения, Гюлен сделал ставку на образование и благотворительность. Колледжи Гюлена были открыты во многих странах бывшего СССР, в том числе в России. Особое внимание уделялось тем субъектам РФ, где значительную часть населения составляли тюрки и/или мусульмане.

Со временем гюленовские школы стали популярны и среди русских, поскольку в них давали качественное образование по за-

падному образцу. Однако в начале двухтысячных годов методами преподавания и содержанием их учебных планов заинтересовалась ФСБ. Колледжи Гюлена были «переформатированы» или закрыты. По версии правоохранительных органов, вместе с качественным образованием и изучением языков в сознание воспитанников постепенно внедрялись панисламистские и пантюркистские «ценности», а будущим выпускникам этих колледжей была уготована роль проводников интересов Турции – своеобразного турецкого лобби. Отметим, однако, что по утверждениям некоторых выпускников, ничего подобного им в школах не навязывали и ни к чему антироссийскому не призывали. Так или иначе, попытки проникновения в Россию некоторых турецких организаций под предлогом гуманитарных целей имели место и до Imkander.

Показательно, что никто из турецких государственных деятелей не выступил в защиту школ Фетхуллага Гюлена в России, хотя лоббистские возможности этого человека трудно переоценить. Анкара не оказала официальной поддержки даже такой мощной и влиятельной организации, как «Хизмет». Напротив, сторонники Гюлена и организации, имеющие отношение к этому исламскому просветителю, в Турции систематически преследуются. С 2013 года, когда Фетхуллаг Гюлен поддержал антиправительственные выступления в парке Гези, в стране ведётся непримиримая война с «параллельным правительством» или «параллельной структурой» (тур. *paralel yapı*) – так действующий президент, а тогда премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган «окрестил» сторонников Гюлена, занимающих различные государственные, судебные и военные должности.

Но вернемся к позиционирующей себя как правозащитную и гуманитарную «Ассоциации защиты человека и братства Imkander». «Мы являемся организацией по защите прав человека, вне зависимости от национальности или вероисповедания, – поделился с КГК руководитель Imkander Мурат Озер. – Наша задача – оказывать помощь кавказским беженцам из РФ».

Однако тот факт, что эта гуманитарная «помощь» является адресной, относясь именно к российским «беженцам с Кавказа», невольно приводит к некоторым сомнениям относительно истин-

ных целей организации. «Первый раз вижу, чтобы организации, занимающиеся гуманитарной деятельностью, вели бы подобную нечистоплотную политическую игру, – убеждён глава международной общественной организации месхетинских турок «Ватан» Жавид Алиев. – Imkander явно провокационна и маргинальна».

В ходе беседы с г-ном Озером эти сомнения лишь подтверждаются. «Мы категорически против российской экспансионистской политики, проводимой на Кавказе или в Крыму, – не скрывает Мурат Озер. – Imkander критиковал и будет критиковать политику России по этим направлениям». Руководитель Ассоциации идёт в своих рассуждениях о российской политике значительно дальше, проводя откровенно неадекватные сравнения. «При власти президента Владимира Путина Россия стала широко использовать экспансионистские методы в отношении Кавказа и Крыма, схожие со сталинским периодом», – полагает г-н Озер.

Особое место в его критике занимают местные республиканские руководители. «На местах российскую экспансионистскую политику широко проводят лидеры Ингушетии и Чечни – Юнусбек Евкуров и Рамзан Кадыров, – не сомневается Мурат Озер. – Кадыров нарушает права человека в Чечне и занимается организацией политических убийств неугодных чеченцев за рубежом».

Среди всех направлений деятельности Imkander отдельного внимания заслуживают организованные этой структурой две международные кавказские конференции, прошедшие в Стамбуле в 2012 и 2014 годах и носившие откровенно антироссийский, радикально-исламистский характер. Презентацию, показанную участникам прошлогодней конференции, приуроченной к 150-летию окончания Кавказской войны, на которой Северный Кавказ обозначен как «объединённый исламский Кавказ», Мурат Озер прокомментировал следующим образом: «Imkander и лично я – не сторонники дезинтеграции России или независимого Кавказа. Однако мы относимся с пониманием и уважением к тому, что народы Северного Кавказа желают жить самостоятельно и показать русским, что это не их земля». Как видно из этих слов, Imkander пытается сочетать несочетаемое.

По вопросу присоединения Крыма к РФ руководитель Imkander также занимает антироссийскую позицию, называя воссоединение «аншлюсом». «Со времен царской России мы сталкиваемся с одной и той же проблемой, – считает Озер. – Российское руководство проводит систематическую ассимиляцию и размывание тюрок Крыма, являющихся коренными жителями этой земли». Не менее красноречивой является и одна из публикаций на сайте Imkander под характерным заголовком «Присоединение Крыма к России неприемлемо!». Кстати, относительно недавно, в октябре 2013 года, Мурат Озер принял активное участие в прошедшей в Симферополе конференции запрещенной в России (на Украине ее деятельность легальна) исламистской партии «Хизб ут-Тахрир».

Между тем, международные тюркские организации, работающие на Северном Кавказе, не знакомы с Imkander. «Мне не известна ни одна авторитетная тюркская или мусульманская организация на Кавказе, которая бы сотрудничала или даже просто контактировала с ними», – отмечает Жавид Алиев. В этой связи, право подобных организаций апеллировать к мусульманам Северного Кавказа или говорить за них как минимум, сомнительно. «Убежден, что ни Imkander, ни Ассоциация турок-месхетинцев США, ни подобные им маргинальные структуры не имеют никаких оснований присваивать себе право говорить от имени всего народа или мусульман, поскольку они их не представляют», – считает руководитель международной общественной организации месхетинских турок «Ватан».

Кого же представляет Imkander? Официальная позиция Турции по вопросу Кавказа и Крыма и деятельность «правозащитников» во главе с Муратом Озером находятся в разных плоскостях. «Позицию Анкары по тому или иному вопросу не может отражать деятельность каких-то маргинальных структур типа Imkander. Её в парламентской республике выражает исключительно парламент», – напоминает профессор Тогрул Исмаил. Данное мнение подтверждает и сам руководитель Imkander. «Мы не имеем ни политической, ни финансовой поддержки в правительстве или парламенте Турции, – поясняет Мурат Озер. – Соответственно, мы не пред-

ставляем официальную позицию властей. Imkander отражает собственный взгляд на современные гуманитарные проблемы на Кавказе и в Крыму».

Таким образом, можно заключить, что деятельность «Ассоциации защиты человека и братства Imkander» относится, скорее, к «частной инициативе». Но, вместе с тем, работа подобных организаций способна сильно испортить имидж двусторонних отношений России и Турции и требует особого внимания к таким структурам в настоящем и будущем.

«Политика», 14 сентября 2015 г.

Медиастрашилки и предпосылки

Виталий Соболев

В последнее время тема деятельности «Исламского государства» на территории России является одной из самых популярных. На фоне практически ежедневных сообщений о событиях в той же Сирии, где боевики «ИГ» заявляют о себе выходящими за все возможные рамки акциями насилия и вандализма, интерес к этой организации объективно высок. Тем более он высок в тех российских регионах, этноконфессиональная структура населения которых может представлять интерес для «ИГ» с точки зрения возможности ретрансляции своей идеологии и, как следующий шаг – установления там своих правил игры. Либо же рекрутирования в этих регионах людей, которые пополнят ряды борющихся за установление халифата в игиловском представлении на Ближнем Востоке. А затем, закалившись в боях там, вернутся к себе домой, где станут авангардом распространения воззрений «Исламского государства» словом и делом.

Крым в данном случае, разумеется, также исключением не является. Периодически в СМИ (стоит особо отметить, что весьма редко) появляются «впечатляющие» данные. К примеру, такие: порядка 500 выходцев из Крыма воюют в рядах «ИГ». Или такие: под Мариуполем можно наблюдать, как разворачивается сотруд-

ничество между боевиками «Правого сектора» и «Исламского государства».

Правда, каких-либо более-менее убедительных аргументов, подтверждающих подобного рода заявления, при этом не приводится. Их авторы в лучшем случае руководствуются принципом: сказать, а там, глядишь, и правда нечто подобное всплывет. Ну а нет – тоже не страшно: мусульмане в Крыму и его окрестностях ведь есть же, так почему бы в их среде не быть сторонникам «ИГ»? А факты – это уже не настолько принципиально. Поэтому на данный момент немногочисленные материалы, посвященные теме «Исламского государства» на территории Крыма, являются не более чем страшилками, призванными произвести впечатление на неискушенного обывателя.

Вместе с тем, ряд тенденций характерных для нынешнего состояния дел в сфере межнациональных отношений в республике, могут создать среду, благотворно влияющую на кристаллизацию экстремистских объединений. В том числе и из числа симпатиков «Исламского государства». Данная публикация является попыткой рассказать о некоторых из таких предпосылок.

Деполитизация крымско-татарского национального движения. Главным обстоятельством, которое, на наш взгляд, уже в ближайшей перспективе может оказаться значительным фактором, генерирующим нестабильность в этноконфессиональной сфере на полуострове, является реализуемый сегодня курс на деполитизацию, прежде всего, национального движения крымских татар. А если быть более точными – то на фактический демонтаж системы национального самоуправления крымских татар «Курултай-меджлис».

Хотим быть правильно понятыми: никто не выступает за то, чтобы сохранить статус-кво в системе национального самоуправления крымских татар, тем более что в том виде, в каком она пребывает сейчас, это уже в принципе невозможно. Нужно четко исходить из того, что пребывающие за пределами Крыма Мустафа Джемилев и Рефат Чубаров, равно как и целый ряд членов Милли Меджлиса и руководителей региональных меджлисов – недоговороспособны и диалог с ними в принципе не нужен. Тем более, что

они практически еженедельно дают дополнительные поводы к подобным выводам.

Однако проецировать данную установку (доминирующую как во властной элите Крыма, так и в обслуживающем ее экспертном сообществе) на всю структуру – как минимум преждевременно. Поскольку в противном случае можно получить большое количество окончательно утвердившихся в своем разочаровании от воссоединения Крыма с Россией, весьма искушенных в политической и общественной деятельности на республиканском региональном уровне функционеров меджлиса, которые вполне могут обратить свои взоры на более радикальные практики выражения своей позиции. «Исламское государство» в данном случае – одна из таких возможностей. Другими словами, сейчас крымское руководство в принципе не рассматривает возможности поиска союзников в среде представителей меджлиса с тем, чтобы вовлечь их в орбиту своих интересов. Хотя бы из тех соображений, что система «курултая-меджлиса» является на сегодня единственным пока еще жизнеспособным инструментом влияния на политизированную часть крымских татар. Соответственно, создание условий инкорпорирования таких лиц в различные структуры российского Крыма, предоставление им возможности для артикулирования своей точки зрения могло бы стать эффективным механизмом гораздо более масштабного воздействия на лидеров общественного мнения в крымско-татарской среде, убирая (или в значительной степени сужая) предпосылки формирования там неблагоприятных настроений с перспективой их практической реализации.

Однако в настоящее время эта работа фактически отдана на откуп опять же члену меджлиса – вице-спикеру Ремзи Ильясову, который (при поддержке крымского руководства) пытается сделать из возглавляемого им движения «Къырым» своеобразную альтернативу меджлису. Но дело в том, что персону вице-спикера, пытающегося консолидировать вокруг себя недовольных позицией, занимаемой Мустафой Джемилевым и Рефатом Чубаровым, является, скажем так, далеко не самой авторитетной среди крымских татар.

Разумеется, в настоящее время предпринимаются серьезные усилия для того, чтобы этот политик выглядел одним из главных лиц, с которыми связаны процессы обустройства крымских татар. Так, без него не обходится ни одно более-менее значимое мероприятие, связанное с введением в эксплуатацию тех или иных объектов инфраструктуры, обеспечивающей жизнедеятельность репатриантов. То же самое можно сказать и о проведении различных культурно-массовых мероприятий, где Ремзи Ильясов неизменно выступает в качестве одного из главных спикеров. Стоит отметить, что данные мероприятия теперь проводятся в подчеркнуто аполитичном формате, либо и вовсе фактически запрещаются к проведению, как в случае с ежегодным митингом памяти жертв депортации. К слову, данный подход, на наш взгляд, является серьезным источником социального напряжения среди крымских татар, значительная часть которых оценивает подобные меры как демонстративное игнорирование и нарушение их права на свободу выражения мнений.

И уж точно такая позиция не добавляет рейтинговых баллов тому же Ремзи Ильясову, претендующему на статус нового лидера крымских татар вместо находящегося в Киеве Мустафы Джемилева. Основным атрибутом такого лидерства является, разумеется, председательство в Милли Меджлисе, перспектива чего была в свое время у Ремзи Ильясова вполне осязаема. Ведь не окажи Мустафа Джемилев поддержку своим авторитетом Рефату Чубарову на выборах председателя меджлиса в 2013 году, именно Ремзи Ильясов сейчас мог бы являться главой этого органа национального самоуправления. По большому счету, фактор нереализованности амбиций и стал одним из определяющих в принятии им предложения крымского руководства о сотрудничестве.

На наш взгляд, *ставка исключительно (или во многом) на Ремзи Ильясова как на одну из главных политических фигур крымско-татарского политикума периода российского статуса Крыма не позволит добиться главной цели – поглощения перспективных с точки зрения ведения диалога крымско-татарских общественно-политических деятелей.* Собственно

говоря, уже сам факт, что из 33 членов Милли Меджлиса только четверо согласились на сотрудничество с новым руководством республики, свидетельствует, как минимум, о чрезмерно оптимистических ожиданиях в отношении способностей Ремзи Ильясова обеспечить данное взаимодействие.

Более того, на фоне пробуксовывания проекта «ильясизации» меджлиса, все более отчетливо проявляется конфликт движения «Къырым» с другой пророссийски ориентированной общественной организацией крымских татар – «Къырым бирлиги», возглавляемой экс-председателем Генической районной государственной администрации Сейтумером Ниметуллаевым. Сейчас данная структура выражает откровенное недовольство тем фактом, что крымское руководство сделало ставку на сотрудничество исключительно с движением Ремзи Ильясова, без учета интересов других представителей этого политического спектра КТНД.

С целью привлечения внимания к своей деятельности «Къырым бирлиги» выступает с весьма эпатажными инициативами, самой громкой из которых является проведение в следующем году внеочередного курултая с избранием нового состава меджлиса. Думается, сейчас нет смысла перечислять все возможные последствия, которые вызовет данная авантюра в случае своей реализации или даже начала этого процесса как такового. Просто невозможно даже представить ситуацию, при которой во главе меджлиса (а ведь понятное дело, что расчет инициаторов этого процесса делается именно на это) будет находиться глава «Къырым бирлиги».

Думается, что ответственные за подготовку решений в сфере этноконфессиональной политики в Крыму в полной мере осознают деструктивность этого шага, поскольку в противном случае можно столкнуться с полной анархией, когда считающие себя легитимно избранными меджлисы различных уровней вступят в противостояние с новообразованными. Последствия этого конфликта могут самыми разнообразными. В том числе и такими, когда ряд активистов КТНД предпочтут реализовать себя в рядах экстремистских организаций, выражая свой протест демонтажу

уже сформировавшейся системе «Курултая-меджлиса». Вот в таком случае разговоры о возможности создания на территории Крыма «точек сбора» «ИГ» могут получить вполне реальное подтверждение.

Таким образом, сейчас можно наблюдать ситуацию, при которой *осуществляется выдавливание меджлиса из активной крымской политики с параллельным формированием имиджа национальных лидеров далеко не самым популярным у крымских татар политикам.* Тем самым не только создаются условия для формирования нездоровой конкуренции со стороны других лояльных России крымско-татарских общественников, но и становится невозможным сам факт выстраивания конструктивных отношений с другими представителями КТНД. Что само по себе является, по нашему мнению, весьма негативным фактором, в том числе и с точки зрения радикализации.

Информационная политика. В настоящее время, по нашему мнению, руководство Крыма демонстрирует весьма низкую результативность в вопросах полноценного информирования крымских татар о том, как происходит обустройство репатриантов в условиях российской юрисдикции полуострова. Дело в том, что после сворачивания деятельности телеканала АТР (в ночь на 1 апреля 2015 года) крымские татары остались в достаточно серьезном информационном вакууме. Поскольку, с одной стороны, уже успели привыкнуть к достаточно качественной (по крымским меркам) телевизионной картинке на родном языке. Однако обоюдная бескомпромиссная позиция собственника АТР и руководства республики привела к тому, что телеканал не смог продолжить работу в российском Крыму. Это стало серьезным вызовом для правительства РК, которому необходимо не только в максимально сжатые сроки запустить альтернативный телепроект (получивший название «Миллет» и стартовавший 1 сентября 2015 года), но и сделать его привлекательным для своей целевой аудитории, поскольку, повторимся, уровень АТР был весьма высоким. Соответственно, вполне резонно ожидать от нового медиа-детища крымского правительства, на которое бы-

ло потрачено 177 млн рублей, как минимум картинки не худшего качества.

Тем более что параллельно с этим, точнее – даже немного ранее, АТР возобновил свое вещание на Украине, транслируя сигнал в Крым через спутник, с перспективой вещания также в украинских кабельных сетях. Понятное дело, что в условиях невозможности готовить полноценные сюжеты о Крыме, находясь за его пределами и не будучи представленным в аналоговом формате на полуострове, АТР резко сдал свои позиции. Но на фоне того, что «Миллет» находится только в тестовом режиме, а у многих крымских татар все еще сильна ностальгия по предыдущему телеканалу (помноженная, к тому же, как минимум, на разочарование от того, что с этим каналом так поступили), состояние отсутствия «своей телевизионной кнопки» продолжает быть актуальным. Это не может не вызывать тревоги, поскольку образовавшаяся пустота позволяет формировать какую угодно информационную повестку, которая далеко не всегда является государственной. А это, в свою очередь, открывает широкие возможности для проведения альтернативных информационных кампаний в крымско-татарской среде различным, в том числе и нелегальным, организациям.

Разрешение на ведение деятельности организациям с неоднозначной репутацией. Прибегая к медицинской аналогии, в каком-то смысле сейчас сфера этноконфессиональных отношений в республике напоминает организм, который получает изрядную порцию антибиотиков и нуждается в особо деликатном обращении со своей микрофлорой.

И, прежде всего, со стороны самих «медиков» в лице тех же правоохранительных и разрешительных структур. Однако так происходит далеко не всегда. Показательным в этой связи, на наш взгляд, является пример с получением разрешения на ведение деятельности в республике организацией «Культурный центр «Творчество». Ранее, еще в период пребывания полуострова под украинской юрисдикцией, данная организация носила название «Альраид» и небезосновательно связывалась с целым

рядом мусульманских экстремистских структур, деятельность которых запрещена в России: «Братья-мусульмане», «Хизб ут-Тахрир» и ваххабиты.

Не стоит забывать и о том, что при Украине у «Альраида» функционировала (и продолжает функционировать) целая сеть отделений (помимо Симферополя) в Киеве, Харькове, Одессе, Донецке, Луганске, Виннице и Запорожье. Другими словами, с одной стороны руководство страны заявляет о необходимости усилить меры по обеспечению безопасности на полуострове, в том числе пресекая проникновение в Крым из Украины радикально настроенных граждан, способных осуществить диверсии и акты саботажа. Но при этом непосредственно в Крыму предоставляется возможность для ведения деятельности структуре, чья репутация и источники финансирования (среди доноров «Альраида» фигурируют, в том числе, фонды Кувейта и Саудовской Аравии) вызывает множество вопросов. То есть фактически на ровном месте, своими же руками воспроизводится питательная среда для распространения, как минимум, альтернативных трактовок ислама, так как «Альраид» в своей деятельности особое внимание обращал именно на популяризацию ислама (в данном случае – в Крыму) в контексте, далеко не всегда совпадающем с тем, что прививается умме полуострова Духовным управлением мусульман Крыма.

Поэтому, на наш взгляд, на сегодня куда более уместно вести речь не о гипотетической угрозе деятельности в Крыму «Исламского государства», а о вполне осязаемых (и в каком-то смысле поощряемых) местными властями и спецслужбами (поскольку навряд ли «Культурный центр «Творчество» смог бы зарегистрироваться без их положительного вердикта) деструктивных тенденциях. Таким образом, несмотря на отсутствие какой-либо подтвержденной деятельности «Исламского государства» на территории Крыма, в случае неустранения описанных выше уязвимостей путем корректировки нынешней политики в сфере межнациональных отношений, подобная перспектива может стать более осязаемой.

«Аналитика», 24 сентября 2015 г.

Крымские татары: двойная лояльность

По итогам переписи населения Крымского федерального округа, прошедшей осенью 2014 г., крымские татары составляют 232 тысячи, или 10,6% от общей численности жителей полуострова. О реальной ситуации с интеграцией этого народа в федеральное общественно-политическое и правовое пространство рассказывает первый заместитель председателя Меджлиса крымскотатарского народа **Нариман Джеял**. Несмотря на то, что редакция сайта не разделяет многие из представленных в этом интервью позиций и суждений, мы полагаем, что экспертное сообщество имеет право ознакомиться с материалом, в котором максимально честно излагается позиция значительной части крымских татар.

– С 21 марта Вы фактически возглавляете меджлис в Крыму. Крымская общественность предъявляет этой структуре немало претензий и требований. Среди последних – официальное признание принадлежности Крыма РФ, отказ от декларации 1991 года, объявляющей Крым «национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение», отказ от борьбы за статус коренного народа и так далее. Какова Ваша позиция по этим вопросам? Приемлемы ли подобные требования? Уместны ли они?

– Крымскотатарский народ, переживший в недалеком прошлом ряд событий, продолжает очередной этап начавшейся на рубеже XIX-XX столетий национальной борьбы. Мы объективно политически активное сообщество, переживающее целый комплекс духовных и материальных проблем национального возрождения. Большинство крымских татар убеждены, что оно (возрождение) наиболее эффективно и гармонично осуществится и завершится в ходе реализации права на самоопределение, итогом чего станет та или иная форма государственности, обеспечивающая защиту и развитие народа в полном объеме. И эта борьба происходит в пространстве, отягощенном еще и проблемой межгосударственного территориального противостояния.

Очевидно, что ни Украина, ни Россия, до последнего времени, оказались не готовы останавливаться на подобных частностях, предпочитая масштабную государственную унификацию, фактически обвиняя друг друга в одних и тех же ошибках. Проблема же заключается в том, что никто и не попытался предложить крымским татарам альтернативную модель, которая удовлетворяла бы их интересам, требуя лишь отказаться от самостоятельно выработанной модели по причине чьих-то великодержавных интересов. Это смахивает на откровенную «советчину», на которую у крымских татар устойчивая аллергия.

Историческая ирония заключается в том, что именно отец-основатель СССР – товарищ Ульянов-Ленин, как раз раскусил этот «националистический» момент и, несмотря на дискуссии с будущим «отцом народов», дал отмашку на глобальное национально-государственное строительство, в том числе и крымскими татарами, связав при этом громадное политическое пространство зарождавшегося союза иными узами. Руководство постсоветской России, стремясь остановить процесс распада СССР, грозивший целостности собственно российского государства, применила опыт Ильича, как и последующий опыт сужения фактического суверенитета национальных республик, в угоду федерального центра. В современной России за ширмой национально-государственного федерализма остается все меньше реального содержания. И хотя этот вопрос весьма дискуссионный для экспертного сообщества и общероссийской политической элиты, у национальных элит он имеет вполне выработанный ответ.

Эта дискуссия тем более актуальна для крымскотатарского народа, так и не вошедшего в стадию восстановления национально-государственного образования, что предусмотрено, в частности, законом РФ «О реабилитации репрессированных народов», аналогов которому в Украине не было. Но и в России этот закон приказал долго жить.

Я убежден, что реализация интересов крымскотатарского народа, в том числе и права на самоопределение в Крыму, позволит разрубить «гордиев узел» крымской проблемы. Иначе крым-

ское противостояние может продолжаться бесконечно. Варианты самоопределения «граждан Крыма», некоего «крымского народа», предложенные для легитимизации новейших территориальных приобретений, оказались несъедобными для международного сообщества, что повлекло для России и Крыма крайне негативные последствия.

Что касается мнения «крымской общественности», то оно является продуктом советской, а позднее собственной российской пропаганды. Многие представители этой общественности, насыщенные известными политическими и историческими мифами, теперь испытывают крайний дискомфорт от указаний сверху содействовать, например, реабилитации крымских татар, и продолжают откровенно препятствовать многим вопросам полноценного возрождения крымских татар, несмотря на предусмотренные законодательством нормы, подчиняясь получившему в России новый импульс великодержавию. Оправдывая такую ситуацию, президент России констатировал, что крымским татарам придется бороться за реализацию собственных прав, правда, при этом не акцентировал, с кем бороться, а ответ очевиден.

– В одном из интервью Вы заметили, что просили бы «не требовать от нас проявления некой лояльности, любви, эмоционального отношения». Однако если любовь требовать действительно нельзя, то лояльность граждан (а подавляющее большинство крымских татар приняли российское гражданство) – это основа основ любого государства. Декларация отсутствия лояльности, естественно, порождает недоверие и ко всем остальным заявлениям меджлиса. Не могли бы Вы прокомментировать этот момент?

– К этому вопросу абсолютно нельзя подходить упрощенно. Это серьезная эмоционально-психологическая проблема. Важнейшим аспектом являются пути достижения этой лояльности со стороны государства, именно об этом я говорил. Требование полной и моментальной лояльности (или ты с нами, или ты враг) – весьма консервативный подход, что в принципе характерно для России сегодня.

Для Крыма очевидна проблематика двойной лояльности, которая уже давно актуальна во многих странах мира, но в разрезе взаимоотношений иммигрантов и государства их проживания. Особенность же крымской ситуации заключается в том, что значительная часть населения Крыма, среди них подавляющее большинство крымских татар, принудительно обрели российское гражданство. То есть, в отличие от иммигрантов, они не выбирали новую страну своего проживания, их поставили перед фактом и принуждают подчиниться различными правовыми последствиями негативного характера.

Они сохраняют лояльность украинскому государству, как и фактическое гражданство, и вместе с тем формируют новую лояльность в условиях России, адаптируясь к новым условиям. Кто-то вынужденно, стремясь обезопасить себя и близких по принципу «моя хата с краю», кто-то не делает различий и ищет спокойствия и комфорта. Но есть и те, кто будет максимально сопротивляться этим процессам, возможно, даже маскироваться, получая российские паспорта. И именно они в зоне риска, так как российское государство весьма жестко поступает с такими группами, тем более, в ситуации следующих одна за одной неудач в реализации целого комплекса обещанных жителям Крыма благ и, соответственно, необходимости поиска «врагов народа».

И вот здесь, по моему убеждению, – и в этом руководство Меджлиса пыталось убедить в свое время и крымское, и кремлевское руководство, – необходимо быть максимально осторожными, так как спешка, – а Россия торопится, – и чрезмерный нажим приведут к травмам, которые дадут о себе знать сразу или позже. Как старые раны реагируют на погоду, подобные эмоциональные травмы остро появляются во время внутренних кризисов и геополитических изменений. Все мы помним конец СССР. Но в Кремле не очень любят обращать внимание на подобные частности. Более того, в России сегодня стирается грань между лояльностью государству и отдельным персонам или режиму.

Проблема заключается еще и в том, что нарочитая демонстрация лояльности к государству некоторыми новообращенными российскими гражданами Крыма оказалась неэффективной ни для

них, ни для государства. Поэтому я призываю быть честными, даже когда правда кого-то лично не устраивает.

– Многолетний глава меджлиса Мустафа Джемилев, которому из-за его неконструктивной позиции запрещен въезд в Крым в течение пяти лет, продолжает распространять ложную информацию о положении крымских татар, в том числе, на международной арене, в США и Турции. Джемилев называет Крым «оккупированной территорией», говорит о якобы происходящем на полуострове нарушении прав крымскотатарского народа, призывает к «освобождению» полуострова и переживает, что в свое время Украина лишилась ядерного оружия. Эти заявления трудно назвать адекватными, однако со стороны руководства меджлиса не слышно осуждения такой позиции. И если первое время это еще можно было объяснить уважением крымских татар к знаковой фигуре национального движения, то сейчас молчание начинает вызывать недоумение, а у многих и раздражение. Люди все чаще объясняют его двуличием и неискренностью позиции меджлиса, нежеланием портить отношения с Джемилевым, Турцией и Западом. Так ли это? Или дело не в отношениях, а в том, что меджлис в целом разделяет позицию Джемилева?

– Убеждать себя и других в том, что высказываемые Мустафой Джемилевым суждения исключительно его личная позиция – самообман и политическая технология. Подобные суждения в той или иной мере присущи большинству крымских татар, хотя Джемилев, как бывший диссидент и украинский парламентарий, высказывается в характерной для него жесткой форме, не щадя ни союзников, ни оппонентов, не заботясь о чье-либо спокойствии, даже если это его соотечественники. Назвать эти суждения неадекватными могут люди, мыслящие однобоко и тенденциозно. То, что вы в Крыму почти не услышите подобной риторики, результат не отсутствия схожих оценок, а жесткого реагирования на них со стороны правоохранителей.

Не Джемилев называет Крым «оккупированной территорией», а большинство ведущих стран, кроме России, руководству

которой не хватает искренности и гибкости, как во внутренней, так и во внешней политике, чтобы попытаться действовать нестандартно для себя, не так как всегда, в чем, на мой взгляд, единственный выход для нее.

Что касается Меджлиса, то люди, пытающиеся судить о его действиях, чаще всего намеренно, глядят на все со своей колокольни, примеряя на него привычные им лекала. А ведь нужно уяснить, что Меджлис – это представительный выборный орган, а не авторитарная партия, внутри которого происходят свои процессы, усугубляемые сегодня еще и фактическим политико-географическим разломом, выбором политической тактики и стратегии. В Меджлисе присутствует весь спектр мнений о происходящих событиях, и вопрос только в том, что Меджлис выдает в публичное пространство как свою официальную позицию. А это, в свою очередь, зависит от того, какой позиции придерживается большинство. Меджлис последователен, и эта последовательность отражается во всех официальных документах. Поэтому обвинения в двуличии или неискренности беспочвенны. Мы не обязаны что-либо или кого-либо поддерживать или осуждать, чтобы демонстрировать свою готовность к диалогу, а именно это нам вменяют в вину.

Обвинять же Меджлис в неконструктивности могут лишь те, кто, будучи не в состоянии меняться сам, требует этого от других. Предлагаемый нам конструктивизм, как мы смогли в этом неоднократно убедиться, заключается в практически безоговорочном принятии дозволенного властью поведения, а это противоречит принципам крымскотатарского национального движения. Власть сегодня отказывается от диалога, от партнерства, предпочитая доминировать. Небольшая часть наших, можно сказать, бывших коллег согласилась с этим, «поверила» власти, вошла в систему управления, реализовала собственные амбиции, однако все их попытки изменить ситуацию изнутри провалились. При этом вину за эти провалы они публично возложили на Меджлис, а не на новых коллег по крымской власти, тем самым обозначив свой имидж среди большинства крымских татар.

– Рассматривается ли возможность регистрации меджлиса и если да, то в каком статусе? Если нет, то соответствует ли существование без регистрации уровню задач, стоящих перед меджлисом и перед всем народом?

– Люди живут вместе, заводят детей и называются семьей и без регистрации. Вопрос формально-юридической фиксации статуса Меджлиса всегда стоял на повестке дня, но не является исключительным, не является самоцелью. Мы никогда не отрицали возможность регистрации, но государство не предлагает ту организационно-правовую форму, которая пришлась бы впору Меджлису, а те, что уже предусмотрены законодательством, не устраивают Меджлис. Как я уже говорил, российское, впрочем, как и до последнего времени украинское, государство не любит частности, хотя подобные частные примеры предусмотрены международным правом, проверены опытом ряда стран, например, саамские парламенты в Скандинавии. Нам говорят: «Зарегистрируйтесь!», мы отвечаем: «Пожалуйста, только давайте обсудим, как». Нам говорят: «Как общественная организация», мы: «Нас это не устраивает, давайте по-другому», на том в очередной раз и расходимся.

Фактически, многократные попытки власти вписать Меджлис в рамки обычного общественного объединения были продиктованы не желанием придать нам некий юридический статус для удобства общения, а стремлением опустить нас на уровень ниже, придать нам сотоварищей, разбавить среди подобных, многие из которых уже подконтрольны ей.

Но Меджлис выработал формы реализации собственных задач путем фактического влияния на кадровую политику государства, участия в выборах, взаимодействия с общественными объединениями, государственными и частными учреждениями. Поэтому не стоит преподносить формальную регистрацию как некий атрибут, без которого нельзя обойтись. Проблема как раз в том, что тот уровень задач, который ставит перед собой Меджлис и в целом система органов национального самоуправления крымских татар, не по силам обычной общественной организации. Именно

поэтому мы всегда требовали выработки особого статуса в совместном с государством диалоге. Особого не в качестве некоей привилегии, а как такового, который пока не зафиксирован в национальном законодательстве.

– Что Вы думаете об инициативах представителей крымскотатарской общественности, предлагающих провести новый курултай для избрания нового состава меджлиса? Легитимны ли эти действия? Если этот план удастся реализовать, как поступят члены «старого» меджлиса?

– Подобные инициативы не являются чем-то новым для крымскотатарского национального движения, но в существующей ситуации обрели дополнительный окрас. Если ранее подобные инициативы участников национального движения, несогласных с деятельностью действующего состава Меджлиса, были исключительно инструментом внутринациональной политической конкуренции, то сегодня подобные инициативы востребованы еще и как инструмент демонстрации лояльности крымских татар российскому государству. На это существует спрос со стороны крымской власти, соответственно формируется и предложение.

Наши внутренние нормативы делают невозможным созыв сессии Курултая, назначение выборов делегатов Курултая без соответствующего решения Меджлиса. Именно поэтому данные инициативы до сих пор не реализованы, а сформировать собственное большинство в Меджлисе убеждением, подкупом, давлением инициаторам этого так и не удалось. Все же попытки обойти Меджлис будут нелегитимны, но, что самое главное, этого не примет большинство крымских татар, которые, по тем или иным причинам снизив свою общественно-политическую активность, ожидают, что их оценки, их мнение будут доносить действующие члены Меджлиса, и так находящиеся в зоне риска.

Реализовать этот план без согласия действующего состава Меджлиса в желаемой мере считаю невозможным, так как эффект от этого действия в первую очередь рассчитан на международное сообщество, а его не обманешь полумерами. А все «меджлисозаменители» совершенно несъедобны.

Именно поэтому в последнее время представители крымской власти все больше стали говорить о запрете Меджлиса, введя который, власти фактически распишутся в собственном провале в этом направлении.

– Какова Ваша позиция по вопросу о создании в Крыму национально-культурной автономии крымских татар? Эта организационно-правовая форма достаточно хорошо расписана в российском законодательстве, НКА получают бюджетное финансирование.

– Было время, когда я лично серьезно задумывался над реализацией такого варианта, причем еще в Украине. Но существуют серьезные расхождения в том, как воспринимать национально-культурную автономию. Для меня право на национально-культурную автономию – лишь этап, возможность «подтянуть», реализовать те или иные аспекты национального развития, чтобы мобилизовать усилия для дальнейшего этапа национально-государственного возрождения. Для власти же НКА – это конечная стадия. Именно поэтому большинство участников национального движения предпочитают даже не обсуждать такой вариант, не говоря о его реализации.

Что касается бюджетного финансирования, то нам удавалось решить этот вопрос убеждением государства принять соответствующие программы.

Проблема заключается в том, что при существующей возможности реализовать право на национально-территориальную автономию, нам настойчиво предлагают остановиться на национально-культурной автономии, что никак не отвечает выработанным годами историческим ожиданиям, крымскотатарской национальной идее и построенным на них практикам национальной борьбы.

– Перечислите, пожалуйста, основные направления, по которым меджлис готов сотрудничать с местными и федеральными властями, и главные проблемы, с которыми вы сталкиваетесь на этом пути. Что мешает конструктивному взаимодействию с властями? Что сделано и что должно быть сделано

во исполнение прошлогоднего апрельского Указа президента Путина о реабилитации ранее репрессированных народов?

– В первую очередь, это проблема образования на родном языке. Мы всегда считали этот вопрос ключевым. К сожалению, вынужден констатировать, что попытки государства, отдельных политиков, и даже президента России акцентировать внимание на этом вопросе не привели ни к малейшему сдвигу в этом направлении. Все, чего удалось достигнуть – результат собственно работы общественности и родителей школьников.

Важен вопрос репатриации и легализации проживания в Крыму наших соотечественников, вернувшихся из мест депортации. Сотни крымских татар столкнулись с пробелами миграционного законодательства касательно репатриантов и банальной черствостью ФМС.

Остаются актуальными вопросы обустройства репатриантов, особенно в местах компактного проживания крымских татар, решение инфраструктурных проблем, занятости и т.п.

В общем, есть над чем работать. Но, как оказалось, нельзя требовать «привилегий» – именно так оценивает большинство экспертов и чиновников в Крыму перечисленные и другие проблемы. Кроме идейных препон, нежелание решать данные проблемы обусловлено и крайне тяжелыми материальными трудностями крымских властей. Несмотря на обещанные миллиарды, продемонстрировать мало-мальски убедительные результаты в решении проблем, актуальных для крымских татар, властям не удалось. А то небольшое, чем они могли бы похвастать, тонет в пучине недоделок и нежелания.

– Телекомпания «Миллет» только начала свою работу, и судить о ее качестве пока рано. Как по-Вашему, станет ли она равноценной заменой телеканалу АТР?

– Судить о данном телеканале уже можно, и по задумке, и по контенту, и по качеству работы. По задумке, «Миллет» позиционировался как провластная альтернатива АТР. Тем самым сразу отсекался зритель Первого крымскотатарского, а также те, кто привык к альтернативным мнениям в эфире. Новый канал творят

старые кадры. Новости с Первого крымского, лица канала оттуда же. Фактически это клон крымскотатарской редакции ГТРК «Крым». Молодые кадры не привнесли обещанной свежести. По контенту это абсолютный винегрет, в то время как АТР работал в рамках разработанного профессионалами концепта. По качеству... включите этот канал, и все поймете. Даже депортированный и лишенный прежних ресурсных и технических возможностей АТР выглядит намного привлекательней и стройнее, даже если вы не разделяете редакционной политики этого телеканала.

К сожалению, новый крымскотатарский телеканал стал жертвой политических игр. И оправдания, связанные с проблемами финансирования, не помогут, так как изначально его цели были извращены.

– Создается ощущение, что в последнее время Духовное управление мусульман Крыма активно стараются противопоставить меджлису. Как обстоят дела в реальности?

– Ни о каком реальном противопоставлении нет речи. Ситуация очевидна и банальна. Меджлис и Муфтият – наиболее авторитетные и уважаемые общественные структуры в крымскотатарском обществе. Они всегда действовали совместно и ставили перед собой одни задачи и цели, несмотря на различные функции. Не сумев использовать Меджлис как проводника идей и прикрытия некоторых действий новой крымской власти, политтехнологи вывели на авансцену межнациональной политики крымский муфтият, который как по объективным, так и по субъективным причинам оказался более уязвимым и, как следствие, податливым материалом. Очевидно, что Муфтий мусульман Крыма – сегодня номер один в списке власти на фактическое лидерство в крымскотатарском социуме. Мнением, присутствием на мероприятиях, словами муфтия прикрывались и продолжают это делать многие из «кремлевских татар».

В Меджлисе есть четкое понимание данной ситуации и, если бы муфтият сумел выдержать те рамки вынужденного поведения, о которых мы его просили, то сегодня особых вопросов и не возникало. Но, по мнению некоторых моих коллег, эти границы были

неоднократно нарушены, и ответная реакция может последовать. Я не думаю, что Меджлис заинтересован в противостоянии с Духовным управлением, но способы подчеркнуть без серьезного ущерба для крымскотатарского народа и целей национальной борьбы, в чем не прав муфтият, рассматриваются.

На мой взгляд, дальнейшая реализация той линии поведения, которую добровольно ли, вынуждено ли демонстрирует муфтият, чревата потерей авторитета среди собственной уммы. На фоне постоянных заявлений о нахождении вне политики, муфтий не сумел (или ему не дали) остаться вне схватки. Публично он явно принял одну из сторон, и это не Меджлис.

– В последнее время в российских СМИ неоднократно появлялась дезинформация, согласно которой в так называемое «Исламское государство» (запрещенную в РФ террористическую организацию) якобы уехали до пятисот (!) крымских татар. Цифра, безусловно, фантастичная. Но как обстоят дела на самом деле? Есть ли среди крымских татар в Крыму, за его пределами, в турецкой диаспоре приверженцы «ИГ»? Имеются ли конкретные факты об уехавших туда – сколько их, чем они мотивировались? Можно ли говорить о формирующейся тенденции или речь об отдельных случаях, которые погоды не делают? Каково взаимодействие меджлиса и ДУМК по вопросу профилактики исламского радикализма в любых его проявлениях?

– Среди крымских татар были и есть те, кто уезжал воевать в Сирию, возможно, и в иные горячие точки Ближнего Востока. Говорить об их количестве крайне сложно, так как они не афишировали свое участие в них. Но, судя по доступной информации, озвученная цифра в пятьсот человек чрезмерно велика. Среди крымских мусульман распространены учения тех или иных сект, вроде салафитов, хабашистов, «Хизб ут-таһрир», но называть их действительно радикальными нельзя. Явление «исламский радикализм», а тем более терроризм, не характерны для Крыма. Нас постоянно обвиняли в наличии лагерей подготовки боевиков, но никогда не представляли доказательств. Несправедливое отноше-

ние к мусульманам, ограничение их прав, явная демонстрация поддержки другой конфессии, характерные для Крыма, не могли не сказаться на мировоззрении молодых людей. Да и в России непростая судьба мусульман усугубила ситуацию – не секрет, что под прикрытием антитеррористической деятельности часто осуществляется «охота на ведьм».

Между тем, постоянное препятствование деятельности крымского Муфтията и Меджлиса мешало распространению среди крымских мусульман традиционного для Крыма ислама ханафитского толка. Игры спецслужб Украины, а теперь России, в альтернативные «муфтияты», «меджлисы», как раз и способствуют заполнению пустующих ниш варягами из арабского мира, среди которых проникали и вербовщики в различные секты. В погоне за разобщенностью исламской уммы, в России ослабляется влияние духовенства, которое способно наставить на путь истинный и уберечь от лжеучений неокрепшие умы, тем более в регионах, где, как и в Крыму, мусульмане только в начале религиозного ренессанса.

В отношении различных сект Меджлис и Муфтият всегда выступали единым фронтом, который сегодня в угоду политической целесообразности разрушен, деятельность Меджлиса ограничена, а Муфтията – законтролирована. К правоохранителям же уровень доверия крайне низок и их действия зачастую воспринимаются как враждебные по отношению к мусульманам. А ведь крайне важно не только отсекают возможные проявления радикализма, но и осуществлять его профилактику, с чем лучше всего справятся общественные структуры, имеющие авторитет в целевой группе риска.

*Беседовала Яна Амелина
«Политика», 21 октября 2015 г.*

«На смену надеждам пришло равнодушие»

О жизни в типичном дагестанском сельском поселении Ботлих рассказывает главный редактор и создатель сайта Ботлих.ру, председатель Ассамблеи коренных народов Дагестана **Муртуз Гасангаджиев**.

– Каков уклад жизни в современном дагестанском селе, чем занимаются жители Ботлиха, относящегося к самым крупным сельским поселениям Дагестана? Отразилась ли смена руководства Республики на экономической активности сельских жителей?

– Да, Ботлих одно из самых крупных сельских поселений Дагестана. В селе проживают более 15 тысяч человек, официальная статистика дает цифру в 12,7 тысяч. Коренное население – этнические ботлихцы (чуть более 60%), – один из коренных народов Дагестана. Население в основном занимается сельским хозяйством, выращиванием абрикосов, но ботлихская продукция в крупные сети московских супермаркетов не попадает.

После введения санкций и объявленного курса на импортозамещение у сельчан промелькнула надежда, что выращенные фрукты и овощи будут иметь спрос, но очень скоро стало понятно, что пробиться в торговые сети Москвы – задача невыполнимая, а государство никакой поддержки в этом оказывать не собирается.

Смена власти в республике на социальной картине района никак не отразилась. Были большие ожидания от нового руководства, но жизненные реалии, которые контрастируют с риторикой властей, вскоре похоронили эту надежду. На смену надеждам пришло равнодушие. Даже традиционные институты гражданского общества – джамааты (общественные советы) резко сбавили свою активность ввиду отсутствия механизмов решения поднимаемых проблем.

– Характерная для кавказских республик тенденция – имущественное расслоение, что отмечено появлением на сельских территориях особняков разнообразных стилей. Заметно ли это в Ботлихе?

– Хвала Аллаху, особо вызывающих особняков в Ботлихе не появились. Связано это с тем, что среди ботлихцев нет очень богатых людей. Хотя классовое расслоение внутри общины имеет место, но происходит это медленно, незаметно, а разброс между уровнем материального благосостояния между богатыми и бедными не так велик, как в других поселениях и общинах.

Разбогатевшие стараются не демонстрировать своё состояние. Появились меценаты, жертвующие на благотворительность, им был ныне покойный Халид Османов, который на собственные средства построил в Ботлихе очень красивую мечеть. Другой – Магомеднур Манапов – построил медресе. Есть и такие, которые скрывают свою благотворительность, что особенно ценно перед Аллахом.

– Какие факторы, по Вашему мнению, могли бы повлиять на качество жизни ботлихцев? Экономика Ботлихского района дотационная?

– Уровень дотационности района в 2014 г. превышал отметку 95%. В 2015 г. в связи с изменением порядка распределения налогов (НДФЛ), когда доля, передаваемая району, с 30% выросла до 54%, дотационность несколько снизилась, но все равно остается выше 90%. Несмотря на это, район из года в год получает призовые места в социально-экономическом развитии среди муниципалитетов республики. Но, достигается всё это, как говорит глава Дагестана Рамазан Абдулатипов, за счет «денег рязанского мужика».

На мой взгляд, для повышения уровня благосостояния жителей Ботлиха, как и других горных районов Дагестана, необходима государственная поддержка в реализации садово-фруктовой, овощной, животноводческой и консервной продукции, производимой населением. Проще говоря, государству надо взять на себя обязанность по реализации фруктов и овощей, мяса и мясной продукции, молока и молочных продуктов, которые производятся в горных районах. При этом надо учесть, что вся эта продукция экологически чистая, а по потребительским качествам – элитная.

Как-то на одной телевизионной передаче, посвященной вопросам импортозамещения, ректор Дагестанской государственной сельхозакадемии Зайдин Джамбулатов отмечал, что нельзя сравнивать по вкусовым и экологическим качествам фрукты, выращенные в Ботлихе, с теми, что растут на равнине, а мясо, производимое в горах Цумадинского района, с тем, что выращивается при стойловом содержании. И цены на элитную продукцию должны быть соответствующими.

– На вашем сайте есть интересное видео о том, как односельчане сообща строят оросительную систему. В Ботлихе сохранились такие красивые общинные традиции?

– Это праздник поливной воды. Древний традиционный обряд ботлихцев. Весной жители села совместными усилиями производят ремонт оросительных каналов. На восстановительные работы должны выходить все сельчане. В назначенный день жители собираются в местности «Хандаса», где после проведения определенных процедур, вода из речки запускается в оросительную систему. Это знаменует начало весенних полевых работ. Завершает ритуал дуа, в котором обращаются ко Всевышнему с просьбой о хорошем урожае, благодати и благополучии.

– Известный московский доктор Магомед Абдулхабиров на Ботлих.ру в 2012 г. разместил имевшую резонанс информацию о состоянии школьных туалетов в Дагестане. Муниципальные или республиканские чиновники отреагировали на положение детей в сельской школе?

– А воз и ныне там. Статья доктора Абдулхабиров, в которой он пытался обратить внимание местных властей на отсутствие в школах условий для соблюдения самых элементарных санитарно-гигиенических норм, была негативно встречена в чиновничьей среде. Поэтому возвращаться к теме о школьных туалетах пришлось и мне. В прошлом году на сайте botlih.ru опубликована статья «Бронированный джип и школьный туалет», в котором приводится анализ расходов районного бюджета на удовлетворение личных потребностей главы района при ужасающем состоянии туалетов в школах района.

Публикация имела реальное воздействие: больше не производится финансирование расходов на аренду бронированного джипа для главы района из районного бюджета, офис для него в столице республики не арендуется, а в главной школе района уже построили туалет, но он не работает, – не подведены вода и канализация. Школьникам, как и прежде, предоставлен тот же туалет, только уже с дверью. К сведению, три четверти районного бюджета составляют расходы на образование. Что касается

дагестанских олигархов и их участия в решении проблем, затрагивающих здоровье и быт школьников, то мне не известен ни один подобный факт.

– Перед началом учебного года в сети прошла новость об открытии новых школ в Дагестане. Означает ли это, что в селах нет аварийных школ, куда родители боялись отпускать детей, о чем сообщали новостные агентства пару лет назад?

– Информации об открываемых в республике школах и дошкольных учреждениях довольно много. В нашем районе нет ни одного села, в котором нет школы. Многие из них, конечно, не соответствуют современным стандартам.

Есть дефицит детских садов. Но я бы не стал делать из этого проблему при крайне низком уровне занятости населения: родители могли бы сами заниматься воспитанием детей. На мой взгляд, воспитание и обучение детей – одна из главных социальных функций женщины. Считаю, что труд матери по воспитанию детей дошкольного возраста должен оплачиваться государством.

– Главным спонсором московской Соборной мечети является выходец из Дагестана, сенатор от РД в Совете Федерации Сулейман Керимов, вложивший в строительство главной мечети России 170 миллионов долларов. Какие шаги следовало бы предпринять властным структурам, чтобы дагестанские олигархи инвестировали в село, в социальные объекты сельских поселений и в возрождение высокогорных аулов Дагестана? Это помогло бы развить сельский туризм.

– В нашем обществе благотворительность является частью предпринимательства. Президент страны Владимир Путин прямо говорит о социальной ответственности бизнеса. Поэтому бизнесмены стараются демонстрировать свои пожертвования. В большей степени это дань. Для того чтобы потенциал дагестанских олигархов и успешных предпринимателей приносил конкретную пользу населению Дагестана, необходимо, прежде всего, убрать чиновничий барьер между инвесторами и инвестиционной средой нашей Республики. Это позволит создать новые производства и, как следствие, новые рабочие места.

– Какие задачи решает Ассамблея коренных народов Дагестана, которой Вы руководите? Можно ли говорить о политическом влиянии или сотрудничестве Ассамблеи с парламентом, с руководством дагестанской республики, кстати, самой многонациональной в РФ?

– Ассамблея коренных народов Дагестана в последнее время сбавила свою активность. Причина этому – напряженная ситуация внутри Республики. Имеется очень много конфликтных точек, каждая из которых может стать причиной серьезных стычек.

Власть давно обзавелась неформальными дружинами, перед которыми ставятся четкие задачи с применением имеющихся ресурсов. Это заведомо проигрышный путь. Поэтому работа Ассамблеи, в основном, – это организация и участие в различных мероприятиях, круглых столах, культурно-просветительская деятельность, публицистика.

Говорить сегодня о серьезном политическом весе Ассамблеи я бы не стал, поскольку пока еще наша организация ни о каких политических притязаниях не заявляла. Но, как говорится, всему своё время...

– Как в Дагестане оценили строительство мечети и православной церкви на территории дагестанского Правительства?

– Власть провозглашает идею о недопустимости деления по религиозному принципу, необходимости компромисса и мирного добрососедства между представителями различных конфессий. Говорят, сам имам Шамиль построил церковь для перебежавших на его сторону русских солдат. Почему бы этот опыт не перенести в другие города, где имеются представители разных конфессий?

– Ботлих на 150 километров отдален от политического и культурного центра – Махачкалы, но граничит с Чеченской республикой. Шамилю Басаеву не стоило трудов напасть на мирное население Ботлиха с вооруженным отрядом. Как сейчас развиваются отношения с соседней республикой, есть ли культурные и экономические связи?

– Каждый, кто побывал в Чечне, отмечает по-особому теплое отношение простых чеченцев и должностных лиц к дагестанцам.

Экономические и культурные связи между Ботлихским районом Дагестана и Веденским районом Чечни всегда были достаточно активными. Была небольшая пауза после событий 1999 г., которая длилась не больше года. Кунаки очень скоро восстановили добрососедские отношения.

– Как меняется само дагестанское общество, в какую сторону? На каком уровне отток молодежи из республики?

– Во всех сферах жизнедеятельности утверждаются новые, чуждые для традиционного дагестанского общества стандарты. Свадьбы и похороны превратились в ярмарки тщеславия. Общество охватила эпидемия высшего образования. Почти все имеют дипломы об окончании вузов, но только единицы – хотя бы элементарное представление о специальности, указанной в дипломе. Платят не за знание, а за документ. Только 3-5% процентов так называемых специалистов могут трудоустроиться. Официальная статистика врёт, называя цифры 12-14% безработицы. Коррупция охватила все сферы жизни и стала нормой.

Безработица, отсутствие перспектив вынуждает молодежь в поисках лучшей участи искать работу в других, более благополучных регионах. Но и там им не рады – идет травля по национальному или религиозному признаку. наших ребят, работающих на стройках, могут обмануть и без выплаты за работу вышвырнуть с объекта. Их могут подставить, подвести под уголовное дело. В Москве и других городах они не могут снять квартиру. За них никогда не заступятся наши региональные власти... Вот такая безрадостная картина на фоне громких реляций властей о социально-экономическом подъеме республики.

– В рядах самозванного «исламского халифата» (запрещенного в России «Исламского государства») есть выходцы практически из всех кавказских республик. И, наверное, социальные проблемы – не единственный фактор, почему молодые люди вовлекаются в незаконные вооруженные формирования радикальных джихадистов, вербуются в Сирию, в «ИГ», примыкают к международным террористам. Есть ли уехавшие умирать за «всемирный халифат» из Ботлиха и Ботлихского района? Ка-

кие, на Ваш взгляд, социальные институты следовало бы возродить, чтобы уберечь молодежь от пагубных шагов?

– Каждый молодой человек, вступая в самостоятельную жизнь, оказывается перед необходимостью просто «жить дальше». Это значит, что надо зарабатывать, построить дом, создать семью. Сегодня общество не может предоставить многим молодым людям такие социальные возможности. По мере понимания отсутствия жизненных перспектив в душе молодого человека созревает внутреннее напряжение, которое со временем может сублимироваться в протест. «Выброшенные за борт» пытаются искать для себя «берег». Из общей протестной массы одни уходят в религию, другие в спорт, третьи находят «счастье» в наркотиках и т.д. Ведь молодые люди чувствуют себя комфортно только в той социальной среде, где с ними считаются. Самая пассионарная часть идёт, как принято говорить, в «лес». «ИГ» – тоже форма ухода в «лес».

К счастью, проблема ухода молодёжи в ряды радикальных джихадистов не коснулась коренных ботлихцев. Ни одно из «модных» религиозных течений в Ботлихе не стало влиятельным. И, наверно, причина всё-таки в более устойчивом традиционализме ботлихского общества по сравнению с другими общинами. Как уже отмечалось, более 90% ботлихцев живут на своей исторической территории, а это значит, что мы корнями приросли к своей земле, и «выброшенных за борт» здесь тут же подбирают свои же.

Справочная информация о Ботлихе

В Ботлихе проживают аварцы, андийцы, каратинцы, годоберинцы, чамалалы, багулалы, чанковцы, тасутинцы и др. Смешанные браки ботлихцев с перечисленными народами еще в XIX-начале XX в. способствовали усвоению ими языковых и культурных традиций ближайших соседей. Кроме указанных народностей, в селе проживают русские, татары, кумыки, лезгины, потомки грузин, которые когда-то были доставлены в Ботлих в результате набегов в Восточную Грузию.

Помимо полеводства, скотоводства и садоводства, заметное место в экономической деятельности населения Ботлиха занимало

кустарное производство. Особую роль в промыслах ботлихцев занимало производство наплечных бурок.

В Ботлихе функционируют 3 школы, СПТУ, заводы «Прогресс» (радиотехнический), асфальтный и консервный, центральная больница, поликлиника, два банковских учреждения, воскресный рынок для всех жителей Западного Дагестана, два детсада, четыре библиотеки, две мечети и ряд других учреждений, предприятий и заведений, а также военный городок, построенный в 2005-2008 гг. в трех километрах от села, где расположена 136-я Горная (отдельная) мотострелковая бригада ВВС РФ.

*Беседовала Светлана Мамий
«Общество», 22 октября 2015 г.*

«Украинский» и «новороссийский» векторы

Александр Сергеев

События в Сирии отодвинули украинскую проблематику на задний план. В то же время ее значение для сегодняшнего российского социума остается предельно значимым. В настоящей статье предпринимается анализ сегодняшней украинской действительности с прогнозом наиболее вероятных сценариев дальнейшего развития событий.

Сегодняшняя ситуация на Украине, возникшая в результате «майданного» госпереворота 22-23 февраля 2014 г. и последующих полутора лет военного противостояния, является не просто тяжелой. Страна находится на грани экономического обвала и гуманитарной катастрофы, сопровождающихся последовательным становлением откровенно нацистской диктатуры.

Последствия подобного развития событий опасны не только для населения данной страны. Весь европейский континент так или иначе задается, а в перспективе будет задет еще больше развивающимися здесь макросоциальными процессами. Однако для существования России как целостного государственного и социального образования угрозы представляются наиболее весомыми. Назовем лишь некоторые из них:

– Сегодняшнее руководство Украины стремится к вхождению в НАТО. Мешают ему в этом лишь неурегулированность конфликта на Донбассе и существование приднестровского анклава между Украиной и Молдовой, по факту находящегося под военной опекой России. В случае гипотетической реализации киевского сценария границы НАТО будут проходить под Брянском. При размещении в указанных местах западных ракетных частей ущерб системе российской национальной безопасности окажется огромным и едва ли оценимым по-настоящему;

– Только по официальным данным на сегодняшний день с территории Украины в Россию переселилось более 600 тысяч беженцев. Сценарий дальнейшей радикализации правящего украинского истеблишмента с повестки дня никто не снимал. Следовательно, увеличение их количества на нашей территории в разы является вполне реалистичным, что, в свою очередь, может привести к гуманитарной катастрофе в ряде регионов России. Это, в сочетании с экономическим кризисом, способно сделать ситуацию в стране воистину взрывоопасной;

– Даже малое знакомство с реалиями «майдана» говорит о его рукотворном характере. Более того, те, чьими руками «майдан» был сооружен, мыслит Российскую Федерацию в качестве дальнейшей, последней и окончательной жертвы. Иными словами, в случае полного, устойчивого и окончательного торжества «майданных» властей киевский сценарий через определенный промежуток времени будет реализовываться уже в Москве. Устремления украинских нацистов и их западных покровителей с удовольствием поддержат либерально-антигосударственные агенты в самой России, равно как и существующее в ней радикально-исламистское подполье, а также иные силы, для которых существование целостного российского государства является неприемлемым.

Ситуация в политических границах украинского государства отличается серьезной противоречивостью. Как уже было сказано, экономическое и финансовое состояние Украины близко к коллапсу. Ее банкротство является лишь вопросом времени, что на сегодняшний день понятно практически всем. Действия киевских

властей, направленные на реструктуризацию финансовой зависимости страны наряду с одновременным накачиванием ее военного бюджета, являются попыткой максимально оттянуть «час икс» с перекладыванием в будущем ответственности за экономические провалы на новую властно-политическую команду.

Для социальных настроений на Украине характерен фактор общественной депрессии. Соцопросы показывают, что «майданные ожидания» в стране не оправдались. Все больше людей спрашивает себя об осмысленности жертв, принесенных ими и обществом в целом за последние два года.

Повседневная украинская политическая жизнь характеризуется ожесточенной борьбой украинских элитно-клановых групп с различными мировыми «тылами». В то же время общий анитросский консенсус держит их всех в одной лодке и не дает сформировавшейся на сегодня системе окончательно распасться.

Украину, вне всякого сомнения, можно назвать «страной регионов», имея в виду ее огромное ментально-культурное разнообразие. Характерно оно и для существующих общественных настроений. Высокий военно-националистический потенциал, бывший поначалу актуализированным на Западной Украине, весьма заметно снижен, в то время как многие на Центральной Украине, поначалу значительно менее радикализированной, под воздействием ожесточенной пропаганды в СМИ готовы воевать «до победного конца».

Пророссийско-евразийский электорат Юго-Востока вынужден приспосабливаться к новым условиям «бандеровской» жизнедеятельности. Неумелая и непоследовательная политика российской государственно-властной вертикали на указанном направлении привела к тому, что ее поддержка среди указанных групп населения неуклонно снижается.

Сегодня мы наблюдаем на Украине интересный социальный процесс. В России многие ждали, что падение престижа украинской власти станет автоматически работать на имиджевый рост России. Увы, реальность убеждает в обратном: несмотря на стойкое падение рейтинга сегодняшнего украинского политика сре-

ди широких масс населения, действия российского руководства продолжают вызывать у большинства украинцев стойкое отторжение. Необходимо четко осознавать, что само по себе ухудшение социально-экономического положения на Украине автоматически пророссийских симпатий вызывать не будет. Для победы на этом направлении нужна четкая, аккуратная и качественная повседневная работа экспертно-журналистского сообщества, сегментов гражданского общества и системы государственно-властных институтов в целостности и взаимосвязи друг с другом.

Реальный вопрос, волнующий многих, состоит в определении возможных сценариев будущего развития Украины в средне- и долгосрочной перспективе. Учитывая, что банкротство ее финансово-хозяйственной системы – лишь вопрос времени, постараемся обрисовать наиболее вероятные варианты будущего развития событий:

– *Еще большая фашизация социальной жизни с дальнейшей «сомализацией» и распадом страны («Порошенко заменит Ярош» и т.д.).* Подобная ситуация не только обострит войну на Донбассе, но создаст невыносимые условия жизни во многих других ее регионах. Масштабные последствия этого ощутит на себе не только Россия, но и Европа. В то же время, определенные американские элитные группы могут оказаться вполне заинтересованы в подобной ситуации.

– *Запад будет по возможности длить агонию Украины, выделяя властям крупные валютные займы, стремясь параллельно усилить процессы, ведущие к «майдану» в Москве.* Реализация подобного сценария в перспективе окажется еще более трагичной, ибо процессу стремительного самораспада в конечном итоге будет подвержена не только Украина, но и Россия;

– *реализация Россией принципиально новой и подлинно собственной стратегии на украинском направлении.* Оттягивая, насколько возможно, коллапс в соседней стране, Россия должна суметь наладить многопрофильный и многоплановый диалог со следующими украинскими социальными группами:

а) общественными кругами и сегментами гражданского общества, ориентирующимися на евразийские настроения;

б) договороспособными представителями сегодняшней украинской элиты. Императивом подобного диалога должен стать принцип – «финансово-экономические преференции в обмен на политико– идеологическую трансформацию».

Конечной целью указанного процесса должно стать достижение двух возможных альтернативных результатов:

– в лучшем случае: формирование целостного и комплексного социального макрополитического субъекта, способного перехватить инициативу у следующих «майданных» волн;

– в худшем случае: формирование полноценного и максимально респектабельного украинского «правительства в изгнании», способного выступать в качестве весомого самостоятельного политического субъекта.

Реализация этого социально-политического сценария требует от Москвы всестороннего плана финансово-производственной помощи Украине, а также выработки иных мер антикризисной политики, направленной на стабилизацию украинской государственности и осуществление ее постепенного дрейфа в сторону вступления в Таможенный Союз, ЕвразЭС, ОДКБ и осуществления иных форм долговременной ассоциации с Россией.

Осуществляя всестороннюю деятельность подобного рода, Россия должна коренным образом изменить собственную информационную политику. С приграничных территорий, прилегающих к Украине, должна быть налажена трансляция на двух языках Первого украинского канала. Главной его целью должно стать донесение правды о политике России, войне на Донбассе, а также возможные всесторонние инициативы российско-украинского стратегического взаимодействия.

Реализуя подобную политику, необходимо понимать, что социум сегодняшнего государственно-оформленного Донбасса (конфедерации ЛДНР) никогда не захочет стать частью Украины. Даже гипотетическая односторонняя сдача Донбасса в руки Киева обойдется Москве безумно дорого. Дальнейшее стратегическое взаимодействие Украины и Новороссии (ЛДНР) будет возможно только в варианте равноправного конфедеративного образования.

Параллельно с украинским направлением, важным вектором деятельности России на Донбассе должно стать направление новороссийское со следующими главными целями: отстраивание полноценной государственности Новороссии, охрана ее суверенитета, государственных границ, идейно-смысловой, финансовой и кадровой базы дальнейшего функционирования. Любой украинский регион, который пожелает в будущем войти в состав ЛДНР, должен иметь реальную возможность осуществления подобного права.

Таким образом, главным выводом является необходимость создания двух различных фронтов российской внешней политики: украинского и новороссийского, на каждом из которых следует вести соответствующее политическое, идеологическое и информационное наступление. Только так мы имеем шансы прийти к осязаемой благоприятной перспективе на своих ближайших пограничных рубежах.

«Геополитика», 23 октября 2015 г.

Украина хочет заняться Кавказом

Владислав Гулевич

В украинском парламенте создана межфракционная группа «За свободный Кавказ». Официально заявленные цели группы – «восстановление исторических связей украинцев с народами Северного Кавказа». Освещая данное событие, Джеймстаунский фонд (США) сообщил, что Украина должна поделиться с Северным Кавказом опытом ненасильственного гражданского сопротивления, вплоть до подготовки активистов будущего кавказского майдана, и этим способствовать отрыву региона от России.

Заранее можно предсказать, что деятельность группы «За свободный Кавказ» ограничится набором истеричных антироссийских заявлений и нелепых нервно-политических телодвижений, а идеологическая «каша» в головах украинских политиков станет ещё гуще и наваристей.

Это мы видим уже сейчас. Консультант межфракционной группы, израильтянин Авраам Шмулевич, в своих рассуждениях

на тему будущей роли Киева в отрыве Кавказа от России смешал в кучу «сапоги и пироги», опускаясь до откровенной фантастики. Чего стоят его слова о том, что за время войны на Донбассе Украина стала лучше (это при усилении радикал-националистической идеологии и сожжении живьем 46 человек в Одессе!). Или заявления, что Кремль поддерживает исламистов, которые в будущем могут угрожать украинскому государству. Симпатий Киева к «Исламскому государству» «консультант», предсказуемо, не заметил.

Однако попытки режима Порошенко разыграть кавказскую карту будут сплошным эпигонством, и вот почему.

Украина никогда не имела высококвалифицированных специалистов по Кавказу и никогда не была авторитетным посредником между Кавказом и Россией. Все инсинуации украинских политиков на кавказскую тематику обуславливались текущей политической конъюнктурой, а не запасом научно-практических знаний. Так, в ходе парламентских выборов в 1994 г. антикоммунисты пугали украинского обывателя тем, что в случае победы коммунистов украинских призывников отправят воевать в Чечню на стороне федералов.

За свою историю «независимая» Украина трижды пыталась сыграть партию на кавказском поле. Первый раз – участием украинских националистов из УНА-УНСО в войне Грузии против Абхазии в 1992-1993 гг. (на стороне Грузии); второй раз – участием УНА-УНСО в чеченской кампании 1994-1996 гг. на стороне дудаевцев; третий – тайком поддержав агрессию Грузии против Южной Осетии в 2008 г.

В первых двух случаях решающего влияния на ход боевых действий боевики УНА-УНСО не оказали. Их участие в войне не было поддержано Киевом, и пользовалось поддержкой только определенного количества политиков-националистов. Присутствие украинских боевиков на поле боя носило больше символическо-идеологический характер. Во второй чеченской кампании «унсовцы» предпочли не участвовать. В третьем случае в войне участвовали не только УНА-УНСО, но и официальный Киев. Это не помешало Грузии потерпеть сокрушительное поражение всего за пять дней.

Украина не обладает оригинальным опытом изобретения методов «цветных» революций. Этим опытом обладает Запад, а Украина – всего лишь экспериментальная площадка. Украинцы в этом деле – ведомые, а не ведущие.

Импорт Украиной технологий гражданских протестов будет перепродажей западных технологий при сохранении политической лицензии в руках Запада. Не Украина будет определять, в какую кавказскую республику и когда импортировать очередной «евромайдан», а Запад. Притворяясь инициатором процесса, Украина будет попугаем в чужих перьях.

Первая же инициатива «евромайданных» радикалов разыграть кавказскую (точнее, черкесскую) карту была хаотичной и невнятной. Что, опять-таки, говорит об отсутствии практического опыта. Лидер Радикальной партии (название говорит само за себя) Олег Ляшко в июле 2014 г. внёс в Верховную Раду проект постановления о признании Киевом геноцида черкесов. Шумная кампания закончилась пустым выхлопом: украинским депутатам не до черкесов. Они заняты переделом сфер влияния, внутренней грызней и подавлением инакомыслия в стране.

Не будем сейчас останавливаться на приемлемости / неприемлемости оценки событий Кавказской войны как «геноцида черкесов». Остановимся на странном желании некоторых черкесских активистов искать справедливости у тех, кто ею не обладает.

Желание заполучить в союзники почитателей ОУН-УПА (день основания этой пронацистской группировки объявлен Петром Порошенко Днём защитника Украины), обвиняемой в геноциде польского населения в ходе Волынской резни 1943 г., и сотрудничестве с гитлеровцами, говорит о моральной неразборчивости сторонников теории «геноцида». Им бы вспомнить ответ Владимира Высоцкого ушлому западному журналисту на вопрос о том, есть ли у него проблемы с советской властью. «Есть, – ответил Высоцкий, – но обсуждать я их буду не с вами».

Не стоит забывать, что украинский национализм кавказцам не друг, потому что имеет к ним территориальные претензии. Представители организации «Трезубец им. С. Бандеры» (лидер – Дмитрий

Ярош, позже вошла в состав «Правого сектора») заявляют, что этнические украинские земли простираются до Туапсе и Геленджика.

Депутат Верховной Рады, бывший командир карательного батальона «Днепр-1» Юрий Береза сказал, что Украина когда-то граничила с Чечней, и выразил надежду, что Украина завоюет Кубань. А Кубань – это Адыгея, часть КЧР и т.д. Тема «Украины от Сана до Кавказа» – вечный мотив националистической идеологии, зафиксированный даже в Марше украинских националистов, который в 1932 г. стал гимном ОУН.

За годы своей двадцатичетырехлетней «независимости» Украина обогатила политический лексикон словами сугубо негативного значения: майдан, самостийность. Ничем, кроме майдана и самостийности (эти слова превратились в синонимы слова «анархия» и «псевдогосударственность»), Украина одарить Кавказ не сможет.

Но вряд ли это нужно Кавказу.

«Политика», 30 октября 2015 г.

«Исповедь победителя и оптимиста»

14 ноября 1891 года родился выдающийся русский общественный деятель, мыслитель, журналист Иван Лукьянович Солоневич. О жизненных принципах и уроках Солоневича рассказывает его биограф, заместитель редактора газеты «Монархист», автор книги «Гражданин Империи. Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича» **Игорь Воронин**.

– Уважаемый Игорь Петрович, Вы автор наиболее полной (а кроме того, очень по-доброму и аккуратно написанной) биографии Ивана Лукьяновича. Ваше внимание как монархиста к его персоне, с одной стороны, вполне понятно, но с другой – разве мало иных политических фигур на монархическом «небосклоне»? Чем Вам близок именно Солоневич?

– Начнем с того, что во многом именно благодаря трудам Солоневича я и стал монархистом. По сути дела, было два определяющих момента. Первый – когда я узнал, что есть законный

Наследник Престола, Глава Династии Великий Князь Владимир Кириллович. В 1990 году этот факт произвел на меня, мягко говоря, большое впечатление.

Второй момент – это когда я прочитал книгу «Народная монархия», буквально за одну ночь. Информации об авторе тогда было немного: едва ли не пара публикаций, в журнале «Наш современник», в приложении к газете «Литературная Россия». И идеи, и сам масштаб личности сразу же привлекли мое внимание.

Потом публикации стали множиться, в них даже на первый взгляд были видны многочисленные неточности, Солоневич превращался в какую-то мифическую личность. И у меня появилось желание написать «каноническую» биографию героя. В 1996 году я закончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, темой дипломной работы была монархическая периодика Солоневича – анализ тех изданий, которые Иван Лукьянович выпускал до войны в Болгарии, а после войны в Аргентине. Это был первый шаг к книге о Солоневиче. После это был целый ряд моих публикаций о нем, вместе с коллегами подготовили сборник его неперездававшихся работ под названием «Вся власть – русским мозгам!».

В 2003 году редакция газеты «Монархист» и Санкт-Петербургский отдел Российского Имперского Союза-Ордена (монархическая организация, возникшая в 1929 году в эмиграции и перенесшая свою деятельность в Россию) провели научно-практическую конференцию «Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии», приуроченную к 50-летию со дня кончины Ивана Лукьяновича. Но оказалось, что мы сделали нечто большее, чем просто мемориальное мероприятие. Выбранный формат оказался востребованным, и мы стали проводить конференции ежегодно. За это время у нас выступали (частично заочно) докладчики из Москвы, Минска, Гродно, Царицына, Симбирска, Петрозаводска. Ну и из Петербурга, конечно.

В общем-то, именно с помощью своих коллег – солоневичеведов – и удалось написать биографию Солоневича. Всех их я считаю соавторами своей книги.

На монархическом небосклоне, как Вы выразились, действительно, много достойных людей, но самых близких к нам по времени жизни и деятельности из разряда «тяжеловесов» двое – Ильин и Солоневич. С Иваном Александровичем, с его творческим наследием, по-моему, все в порядке. Даже президент Путин цитирует. С Солоневичем сложнее. Хотя думаю, что сейчас, после выхода полнометражного документального фильма «Последний рыцарь Империи», посвященного жизни и творчеству Ивана Лукьяновича, ситуация немного выправится. Режиссер этой кинокартины – Сергей Дебижев, мне повезло поучаствовать в съемках в качестве главного консультанта и автора закадрового текста.

– Чтобы сразу покончить с политическими темами – на Ваш взгляд, возможно ли восстановление монархии в России? Уместно ли вообще поднимать эту тему (речь, конечно, не о вопросе престолонаследия, хотя и это немаловажно)?

– Невозможное человекам возможно Богу. Безусловно, сегодняшнее российское общество к монархии не готово. Но это не значит, что оно будет не готово и завтра. Идеал не достигим, но разве не нужно к нему стремиться? Откройте Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Вы найдете там слова о монархии и поймете, что скорее не уместен вопрос о том, уместно ли говорить о монархии. О монархии говорить нужно, и об Империи тоже. Это наша путеводная звезда, как утверждал Иван Солоневич.

Вопрос о престолонаследии, в самом деле, серьезный. Но не потому, что есть какие-то сомнения, а потому, что вокруг него очень много спекуляций. Увы, и со стороны государства. Понятно, что единого мнения в госструктурах нет. При этом Церковь свою позицию обозначила давно и твердо: и Патриарх Алексий II, и сегодня Патриарх Кирилл безусловно признают Главой Российского Императорского Дома Великую Княгиню Марию Владимировну. И мнение Русской Православной Церкви в этом вопросе имеет приоритетное значение.

Ведь самодержавие – это не какая-то деспотия, это Богом данная власть. Царь – Помазанник Божий, и народ эту Божью волю принимает. В то же время Государь несет ответственность пе-

ред Создателем и за свои деяния, и за свой народ. Что может быть более явным проявлением Промысла Божия, как не случайность рождения и не право первородства? Собственно говоря, на воле Божьей и построены законы о престолонаследии. Это убедительно доказал в своей известной работе Св. Иоанн Шанхайский.

– Солоневич никогда не был в «мэйнстриме», на самом деле «жил не по лжи». Из СССР он бежал, к Краснову и Власову не примкнул, его газеты не нравились представителям самых разных политических лагерей. Публикация большинства его работ в постсоветской России если и не прошла полностью не замеченной, то, во всяком случае, не вызвала ажиотажа даже у патриотически и националистически (я употребляю эти слова в безусловно положительном смысле) настроенной публики. Чем Вы объясните «неформатность» трудов Ивана Солоневича, как и его личности в целом? Его черно-белое видение слишком сложно для современной российской публики? Слишком просто? Не отвечает «требованиям времени»?...

– А с чего Вы решили, что Солоневича не замечают? Он, извините, самый тиражный из монархических авторов на сегодняшний день. Только «Народная Монархия» выдержала уже с десятков изданий. Причем если поначалу издавали так называемые патриотические издательства, то сейчас уже и коммерческие пытаются делать деньги на его творчестве.

В прошлом году мы организовали специальный показ фильма «Последний рыцарь Империи» в Российском институте стратегических исследований. Человек пятьдесят историков, аналитиков. Все поголовно читали Солоневича, все были в восторге от фильма. Включая директора РИСИ генерал-лейтенанта Решетникова, который признался, что в начале 1990-х написал о Солоневиче большую статью под псевдонимом.

Так что «не замечают» не Солоневича, а вообще монархическую идею. Точнее делают вид, что не замечают. Но это все до поры до времени. Идеи, возраст которых приблизительно равен возрасту человечества, не имеют привычки умирать – вера, семья, любовь, честь и так далее.

Документальный фильм о Солоневиче собрал целую пригоршню престижных наград. Готовится экранизация «России в концлагере». После выхода на экраны игровой ленты, думаю, у Солоневича еще прибавится и читателей, и почитателей.

– Почему, на Ваш взгляд, имя Солоневича не взято на вооружение теми, кто называет себя «русскими националистами»? Что им не хватает в этом образе нестигаемого борца за настоящую Россию? Может быть, честности перед самими собой и прямоты, с которой он, сделав в той ситуации максимум возможного, берет на себя и на поколение вину за то, что случилось с Россией?

– Русскими националистами называют себя многие. Язычники, например. Или откровенные нацисты. И слава Богу, что имя Солоневича не ассоциируется с ними. Если же оперировать классическими терминами, то между национализмом и империализмом разница все-таки есть. Так вот Солоневич (как он сам подчеркивал) – империалист. На идее узкого, этнического национализма, говорил он, Российской Империи не построишь.

По поводу 1917 года. Близится уже столетие, а многие, и националисты в том числе, так и не поняли, что трагедия началась не в октябре, а в феврале. Не стало Монархии – не стало России.

Рай на земле невозможен, это очевидно. Но более-менее пристойная жизнь – вполне. Гарантом этой более-менее пристойной жизни, так уж исторически сложилось, в России всегда был Монарх.

Если же говорить шире, о патриотическом движении, то Солоневич для многих «патентованных» патриотов слишком антисоветчик. А ведь болезнь, условно говоря, советофильства в национально-патриотическом движении еще не изжита. Более того – именно отношение к советскому периоду истории является тем водоразделом, который отличает истинный патриотизм от нынешнего «официального». Точно так же для демократов Солоневич слишком монархист и империалист. Именно поэтому его «Россию в концлагере» не издавали в 1990-е годы – исключительно из сектантской зашоренности наших либералов. Что интересно, в Во-

сточной Европе в игольное ушко демократии его книга проходит и переиздается до сих пор.

– Солоневичу часто приписывают «заигрывания» с гитлеровским режимом, призывая «не верить» тому, что он сам рассказывает об этом периоде своей жизни. Пожалуй, и нам трудно будет обойти эту тему. Не могли бы Вы в двух словах изложить суть предложений, с которыми обращались к нему представители гитлеровских властей, а также его ответов? Сотрудничал Солоневич с фашистской Германией, или эту тему пора закрыть?

– Для начала давайте признаем один простой факт: список тех, кто сотрудничал с фашистской (строго говоря – с национал-социалистической) Германией в разные годы, включает в себя и такие имена как Иосиф Сталин, Вячеслав Молотов или, к примеру, Невилл Чемберлен... Им, кажется, особо и не ставят это в вину. И о том, что в 1939 году в СССР детей называли Адольфами и Альфредами – в честь Гитлера и Розенберга! Об этом тоже как-то забыли, «закрыли тему».

Рассматривать исторические события вне контекста – это и есть фальсификация истории, о которой сегодня так много говорят.

Солоневич после взрыва в редакции его газеты в Софии 3 февраля 1938 года переехал на жительство в Третий Рейх. Покушение было организовано советскими спецслужбами, погибли жена Тамара Владимировна и секретарь редакции Николай Михайлов. Причина покушения понятна – антисоветская деятельность Солоневича к этому времени носила уже всемирный характер. Его книга «Россия в концлагере» была переиздана на добром десятке языков, разошлась общим тиражом свыше полумиллиона экземпляров, это «Архипелаг ГУЛаг» того времени.

Болгарская полиция честно сказала: безопасность не гарантируем. Угроза новых покушений была вполне осязаема. Единственной страной, которая была готова принять Солоневича, оказалась Германия. Не будем скрывать, помог доктор Геббельс, ему книга «Россия в концлагере» очень нравилась. Гестапо же не хо-

тело пускать Солоневича в страну, подозревая, что он советский агент! Геббельс надавил – и пустили.

Ну, казалось бы, матерый антисоветчик, протеже самого Геббельса, как не стать «пособником фашистов» или, выражаясь несоветским языком, коллаборационистом? А вот представьте себе, не стал. Как вспоминал соратник Солоневича Всеволод Дубровский, поданный Иваном Лукьяновичем в самом начале войны смелый меморандум на имя Гитлера заставил немцев насторожиться. Он вспоминал: «Они не могли понять и той дерзости, с которою Иван Лукьянович, со свойственной ему прямоотой, предупреждал Фюрера, что война против России и против Русского народа приведет к разгрому и гибели Германии!». Немцы не могли понять, как может «герр Солоневич» отказываться от предложенного ему поста министра пропаганды в правительстве независимой Белоруссии. Солоневич ответил, что предпочитает должность швейцара у министра пропаганды Всероссийского правительства.

Но и без желания Солоневича его имя и, главное, его книга «Россия в концлагере» активно использовалась в пропагандистских целях. На оккупированных территориях она распространялась очень широко.

Об отношении к гитлеровскому режиму и «акции генерала Власова» Солоневич писал после войны немало (писать что-либо «политическое» во время войны ему запретили немецкие спецслужбы), я не вижу оснований ему не верить.

– Белорус по происхождению, русский националист по сути Иван Солоневич – яркий пример реальности триединства русского народа (самоотождествление его с русскими очевидно из его работ). Сейчас, что во всем ужасе продемонстрировали события на Украине, концепция триединства де-факто ушла в прошлое, но еще всего век назад она была реальностью. Возродится ли она, или единый великорусский народ окончательно разделится на три братских... да, братских, но все-таки самостоятельных народа с собственной исторической судьбой?

– Еще раз: все-таки не националист, а империалист, это важно уяснить. Солоневич, конечно, называл себя и националистом,

но при этом всегда отмечал, что настоящий русский национализм – это национализм имперский.

Второе замечание: единый русский народ, состоящий из великороссов, малороссов и белорусов и еще ряда субэтносов.

Наш народ разделен сегодня лишь искусственными границами (произвольно проложенными большевиками), административными по сути. Нормальные люди никакого разделения не чувствуют и не проповедают. На Украине, да, за какие-то 20 лет вырастили новый людей, не помнящих родства и живущих в мире мифических представлений и о прошлом, и о сегодняшнем дне. Даже коммунисты не достигли таких «успехов» в этом постине дьявольском деле. Ведь во времена СССР все-таки украинец не считал великоросса врагом и оккупантом, ментальное отличие было на уровне «псковичи круче новгородцев».

«Украинизация» советской власти не удалась. Сегодня она торжествует в европейски-ориентированной Незалежной. Есть туловищевые ветви развития человечества, типа неандертальцев. Есть выродки и среди русского народа.

– В Вашем жизнеописании Солоневича большое внимание уделено его юношеским годам в Гродненской области и вообще в Белоруссии. Из воспоминаний, фотографий, газетных отчетов рисуется картина яркой, интересной, бурной жизни – творческие вечера, спортивные общества, газеты, национальный вопрос и так далее – которую невозможно назвать провинциальной. Как это контрастирует с нынешним состоянием этих мест – ухоженных, милых, но таких скучных (мне приходилось там бывать). Речь, конечно, не только о белорусской глубинке. Создается ощущение иного качества жизни, шедшего, наверное, в том числе и от количества – детей в семье, молодежи в целом. Это здоровое движение – куда оно ушло из нашей жизни? Может ли оно вернуться?

– Тут вопрос еще и в личности самого Солоневича. Человек с активной жизненной позицией всегда будет в эпицентре общественной жизни. Но, наверное, Вы правы, общий градус общественной активности в предреволюционной Российской Империи был высок.

Здесь можно увидеть и плюсы, и минусы. Все-таки значительная часть общества под лозунгами прогресса призывала к революции. И своего, кстати, добилась, ужаснувшись затем последствиям.

Мне трудно судить о современной Белоруссии, но, например, в современной России те, кто жаждет общественной активности, имеют точки приложения сил.

Но, конечно, активность активности рознь. С одной стороны, всегда существует искуc впасть в антигосударственнические за-скоки. С другой стороны, и некоторая апатия общества – это тоже своего рода реакция на последствия революций: как бы не вышло еще хуже. Это если брать чисто политический аспект.

Если же говорить о действительно общественной деятельности, то и в самой что ни на есть провинции можно увидеть положительные примеры. Например, в прошлом году я ездил на премьерные показы фильма «Последний рыцарь Империи» в Самару и Новокуйбышевск. Последний – типичный моногород с населением около 100 тысяч человек. Возник в советское время, соответственно первый храм появился уже в наше время. Молодой деятельный батюшка, крепкий приход. Не только церковь построили, но и отдельное здание для культурно-просветительского центра: и кино можно посмотреть, и концерт организовать, и детишкам есть где свои творческие таланты проявить. Вот оно, здоровое движение в нашей жизни, идущее не сверху, а из народных глубин.

Или другой пример. Один мой хороший знакомый как-то автостопом долгое время путешествовал по российской глубинке. И сделал он такое наблюдение. В тех населенных пунктах, где был православный храм и не просто наезжающий время от времени, а постоянно живущий священник, жизнь разительным образом отличалась от невоцерковленных мест. В этих последних царило пьянство и прочее непотребство. А там, где хотя бы часть жителей составляли церковную общину, если не благолепие царило, то по крайней мере – нормальная человеческая жизнь.

Так что время и место – это все-таки вещи относительные.

– И еще по теме здоровья. *«Я вижу только одно объяснение тому отращиванию к социализму и к революции, на кото-*

ром осталось все-таки подавляющее большинство русской молодежи: физическое здоровье. И, собственно, больше ничего. От словоблудия и рукоблудия мы отталкивались чисто инстинктивно. Было просто противно. Были отталкивающие противны: и стриженные курсистки революции, и ее длинноволосые студенты, их изуверство и их высокомерие... были органически противны их узкие бедра и узкие плечи, и узкие лбы, и узкие мысли. Но в совершенно такой же степени мы были противны им – вот почему примириться невозможно никогда», – пишет Иван Лукьянович в «Мировой революции, или Новом изгнании из рая». Но это же в полной мере можно отнести к нынешней ситуации в стране и мире: болезнь против здоровья, ад против Христа. Только соотношение сил, кажется, за последний век несколько сдвинулось в сторону узколобости и агрессивности. Эта взаимная «противность»-противостояние-разделение – преодолимы ли они? И нужно ли их преодолевать – или тут уж кто кого?

– Я уточню: «Мировая революция...» – название, которое дал книге Михаил Смолин. На самом деле это три части «Диктатуры импотентов», причем третья часть собрана из черновиков.

По сути вопроса: что общего у света с тьмой? Возможно ли их примирить? Мне кажется, что ответ очевиден. Если человек понимает, что есть добро, а что есть зло, разве он выберет зло? Разве предпочтет смерть жизни? Наверное, все-таки он попытается заблудших своих братьев наставить на путь истинный, а не отступит в сторону. Борьба добра со злом продолжается на протяжении всей истории мира. Когда силы зла восторжествуют на земле, Господь и прекратит эту борьбу.

Христианин не может равнодушно взирать на то, как его ближний отдается во власть греха. Такая пассивность в принципе неприемлема с православной точки зрения. И никакое «большинство» в данном случае не должно смущать.

«Делай, что должно и будь, что будет» – кстати, это девиз Наследника Цесаревича Георгия Михайловича. Я думаю, что каждый православный христианин разделяет такую позицию.

– В одной из работ Солоневич, на фоне яркого описания трагической картины Февральской революции в Петрограде, дает жесткое указание по обузданию всех и всяческих революционеров: *«Практическое поучение, которое можно было бы вывести из опыта первых революционных дней, сводилось бы к тому, что в эти дни все порядочные люди страны должны были бы бросить все дела и все заботы свои и заняться истреблением зловещих людей всеми техническим доступными им способами: револьверами, стрихнином, крысиным ядом – чем хотите. Риск, с этим связанный, не имеет никакого значения, ибо, если вы пропустите момент первого риска, вы никак не уйдете от долгого ряда лет, где риск будет неизмеримо больше».* Это в полной мере относится и к так называемым «цветным революциям», разного рода «болоткам» и прочему. Насколько применим этот совет Солоневича, учитывая, что автор завершает его короткой фразой: *«Но я думаю, что этот рецепт утопичен»?* Неужели общество вообще ничему не учится?

– Ну знаете, еще говорят, что история ничему не учит. А ведь это неправда, она не учит того, кто истории не знает. Я думаю, что некую прививку от революций человечество все же в XX веке получило. Другое дело, что надо постоянно напоминать о последствиях.

Об утопичности своего рецепта Солоневич сам говорит, но говорит он также о том, что корень непротивления был в том, что многие ждали приказа сверху. Мол, есть где-то умное начальство, оно разберется, не допустит, накажет преступников. Так что поучение Ивана Лукьяновича, скорее, в том, что можно и нужно надеяться на Бога и на начальство, но и самим не надо плошать в тех ситуациях, когда нет тех, кто должен отдавать приказы. Это можно назвать гражданской ответственностью, политическим сознанием – суть не меняется. Государство построили не чиновники, государство построил народ – естественно, на то была воля Божья. И народ за это государство в ответе.

– Подводя итоги Второй мировой войны для России и Европы, Солоневич, перечисляя множество мифов, которыми жили страны и континенты, с горечью пишет: *«Сотнями*

миллионов жизней оплатились наши вчерашние мифы. Во что обойдутся наши сегодняшние? Правда с большой буквы нам не дана. Но нельзя ли обойтись без сознательного вранья – с маленькой? Вот мчимся мы со стремительными скоростями на призывные огни легенды – и въезжаем в ямы братских могил. Нельзя ли установить какие-то правила политического «уличного движения»?». Огромную ответственность за мифотворчество Солоневич возлагает на интеллигенцию. За последние семьдесят лет ситуация, если и изменилась, то лишь к худшему – количество заразных мифов возросло пропорционально падению уровня среднего и высшего образования, а также морального уровня российского и западного обществ. Какова роль современных интеллектуальных кругов России и мира в обеспечении безопасности «политического уличного движения»? Или сейчас не приходится говорить ни об интеллектуалах как движущей силе политики, ни тем более о безопасности как политической категории?

– Исторически воцерковленное сознание русского народа во всех сферах, в том числе и в области государственно-политической, старалось строить свою жизнь на началах Богооткровенных истин, на учении Христа. Отсюда идеал – Святая Русь. Конечно, человеческое общество не состояло тогда и не может состоять в принципе из одних святых, всякое бывало – и грех, и порок. Тем не менее, идеал этот сохранялся. Сейчас же ложь и лицемерие считаются естественными, неотъемлемыми, нормальными составляющими политических процессов. Никто этому не удивляется; удивляются как раз обратному.

Возьмем международную политику – ООН ведь явно не то, о чем мечтал Царь-Мученик Николай Второй. Сегодня уже мало кто помнит, что именно он был инициатором идеи разоружения, создания международных правовых механизмов предотвращения войн и пр.

Посмотрим внутрь России. Ложь о демократии, которая есть не что иное как миф. Замалчивание русского вопроса, который должен быть главным в национальной политике государства. От-

деление Церкви от государства, совершенное большевиками, признается за норму. Российская Федерация – наследница СССР, а не Российской Империи.

Вы говорите об интеллектуалах, а в это время разрушается система образования – не советская, кстати, а выстроенная еще при Царе-Батюшке. Среднее уже практически разрушено, сейчас добивают и высшую школу вплоть до Академии наук.

Министр культуры говорит о «великой русской революции» и готовится отмечать ее столетие. В Российской Империи не было министерства культуры, а культура была. Большевизм, как говорил Солоневич, враг любой культуры. Сопоставьте эти факты, пожалуйста.

– Иван Солоневич приводит множество конкретных примеров, когда рядовые российские или немецкие граждане, казалось бы, не обремененные образованием и излишним кругозором, тем не менее, прогнозировали развитие политической ситуации гораздо вернее, чем профессора и политики. Он объяснял это практичностью простого народа, приближенностью его к «почве», в отличие от университетских или министерских эмпиристов, в которых парили «интеллектуалы»: *«Если бы наши головы не были забиты цитатами, то мы обязаны были бы заранее вспомнить такой ход вещей. Очень простой ход очень простых вещей»*. Однако сейчас, когда значительная часть жизни как-то незаметно «соскочила» в виртуальную реальность, трезвомыслие и четкость анализа – огромная редкость уже в любой среде. Как выбираться из этой ловушки «своего мнения» при отсутствии ориентиров, за исключением Забытого Автора (так он называет в своих работах Христа – прим.), о котором, как о единственной надежде, говорит Солоневич?..

– Ну Вы же сами называли ориентир, что еще нужно? Солоневич тем и ценен, что будит мысль, он не дает готовых рецептов, он заставляет – буквально заставляет – читателя думать. Так что добавлю: читайте Солоневича.

– *«От борьбы с «духом зла» не уйдет никто в мире, ибо этот дух претендует на мировое господство и почти половину*

пути к этой цели уже прошел... Территории, на которых тренируют и концентрируют свои силы сторонники духа разрушения, находятся вне сферы достижения каких бы то ни было комиссий», – это пророчество Солоневича («Диктатура импонтентов», 1949 год) поражает своей злободневностью. И последняя цитата: «Для всех нас, для всего человечества, вопрос заключается в том, удастся ли нам вернуться к Забытому Автору, или весь мир пойдет по стопам Европы. ...Тогда останется одно – но только одно утешение: строители невыразимо прекрасного будущего съедят самих себя. Они вырежут друг друга до последнего». Писано как будто бы не без малого семьдесят лет назад, а вчера... Куда идет Европа? Куда идем все мы?

– Солоневич был очень жизнелюбив и оптимистичен. Мне кажется, что именно это жизнелюбие и искренность и определяют то, что написанное им уже более полувека назад по-прежнему актуально. Ведь люди мало меняются, их и вчера и позавчера терзали те же вопросы. О Европе писал, например, Шпенглер. «Закат Европы» – этому произведению, извините, уже почти сто лет. Европа, отказавшись от своего христианского облика, идет в тартарары. Куда идем мы – Бог весть. Но сегодня ощущается очень ясно, что идти вслед за Европой в эту тьму мы точно не хотим.

– **Какие уроки Солоневича следует извлечь из его жизни и деятельности? Почему он гораздо более современен, чем многие наши современники?.. Кому и почему будут интересны и жизненно важны его труды и мысли?**

– Мне кажется, я уже ответил на эти вопросы. Любой думающий человек, неравнодушный к судьбе своего Отечества, найдет в творчестве Солоневича много полезного и интересного. Вот, например, наши братья сербы перевели и издали недавно «Народную монархию». Что уж говорить о русских людях и о всех, населяющих нашу страну народах?

Солоневич ломает многие стереотипы, дает оригинальный взгляд на историю России, потрясая объясняет механику построения советской системы (это уже «Россия в концлагере»). Одним из первых он выявил типические черты тоталитарных госу-

дарств («Диктатура импотентов»). Человек уникальной и трагической судьбы, он многое повидал и, главное, сумел об этом рассказать очень ярко и убедительно. Что удивительно, его произведения – это не рассказы жертвы, это исповедь победителя и невероятного оптимиста. Несмотря ни на что!

*Беседовала Яна Амелина
«Национальный интерес», 14 ноября 2015 г.*

ЕС готовится к информационной войне на Кавказе

Владислав Гулевич

Евросоюз рассматривает страны-участницы программы Восточного партнёрства, в том числе, Кавказский регион (Армения, Азербайджан, Грузия), как зону своих геополитических интересов, и надеется увеличить там своё информационное присутствие в рамках проекта EU East Stratcom Task Force согласно разработанному плану действий (Action Plan). В июне 2015 г. план лег на стол главы внешнеполитического ведомства ЕС Федерики Могерини.

Как сообщает германский аналитический портал German-foreign-policy.com, приоритетными группами населения, которые станут целевой аудиторией на ближайшие годы в соответствии с вышеупомянутым планом, является молодёжь, в том числе, русскоязычная, научные и студенческие круги, включая стипендиатов программы «Эразмус плюс».

Порция внимания будет уделена среднему классу, который служил «топливом» для антиправительственных выступлений в странах Восточной Европы в конце 1980-х, и обоих украинских майданов в 2004 и 2015 гг. В структуре общества носителем прозападных настроений, чаще всего, является средний класс. Он же – самый многочисленный, что делает этот слой населения массовым участником всех политических катаклизмов.

Традиционно свои интересы на Кавказе Брюссель объясняет стремлением разъяснить местному населению цели европейской политики, поддержать институты гражданского общества, создать

в регионе атмосферу свободы слова, свободы партийной деятельности и способствовать прозрачности механизмов власти. Но за этими лозунгами скрывается холодный политический расчёт.

Этот проект задуман как часть масштабного плана западных стран по противодействию «российской пропаганде», чему на Западе придают стратегическое значение (инициированный Федерикой Могерини план так и называется – «План действий по стратегической коммуникации»).

Создаваемая ЕС медийная сеть будет связана с подобными структурами в восточноевропейских странах и станет частью масштабного информационного пасьянса, каждый элемент которого будет играть свою роль.

Мы помним, как накануне развала СССР Запад обвинял советские власти в наступлении на свободу печати и создании «железного занавеса», за который не проникали западные СМИ.

Сейчас ситуация иная: Запад обвиняет Россию в том, что её СМИ проникли слишком глубоко в информационное пространство ЕС и США и осмеливаются пользоваться спросом на других континентах (Африка, Южная Америка). Чаше всего в этой связи называют телеканал Russia Today.

Главным партнером проекта EU East Stratcom Task Force выступит НАТО, что позволяет сделать вывод о далеко идущих целях данной инициативы. Цели эти выходят далеко за рамки понятий гражданского общества и свободы печати, примыкая, скорее, к военной сфере.

В рамках EU East Stratcom Task Force налажен обмен опытом и информацией с Центром усовершенствования стратегических коммуникаций НАТО (ЦУСК). ЦУСК выпускает регулярные тематические доклады, среди которых «Интернет-троллинг, как инструмент гибридной войны: случай Латвии», «Манипулятивные техники российской информационной кампании против Украины», и т.д., которые сами похожи на высокоинтеллектуальный троллинг, поскольку переставляют местами причины и следствия конфликтных ситуаций вокруг указанных стран и откровенно водят читателя за нос.

Так, война на Украине в их изложении – результат российской агрессии, а не антироссийской провокации ЕС и США.

Политическим и экономическим флагманом ЕС является Германия – самый влиятельный игрок на европейском континенте. Неудивительно, что Берлин занял очень активную позицию при подготовке и дальнейшей реализации проекта EU East Stratcom Task Force.

Детали проекта обсуждались в бундестаге, а к процессу его реализации подключится «Немецкая волна» – крупнейшая государственная телерадиокомпания Германии, аналогом которой в России является RT. Только в вещании «Немецкой волны» Запад пропаганды не видит, в отличие от вещания RT.

«Немецкая волна» успешно работала с русскоязычной аудиторией в Прибалтике и на Украине, прививая ей прозападные настроения. Похоже, тот же фокус Берлин хочет повернуть на Кавказе.

В интересах Берлина – ослабить влияние России в регионе и одновременно не допустить усиления присутствия Соединённых Штатов. Но сделать это так, чтобы не испортить отношения ни с Вашингтоном, ни с Москвой. Вот почему Германия поддерживает идею интеграции Грузии, Азербайджана, Армении в европейские политические и экономические структуры, но не приветствует идею их членства в Североатлантическом альянсе. Ратовать за их вхождение в НАТО – значит перейти красную черту в отношениях с Москвой.

Прочные позиции Берлина на Кавказе повысили бы политический вес Германии в вопросах отношения Запада и Ирана, дали бы дополнительные рычаги влияния в вопросах отношения закавказских республик с Россией.

Рост прозападных настроений на российском Кавказе тоже в интересах Берлина. Заявленное в проекте намерение выстраивать контакты с представителями гражданского общества в переводе с дипломатического языка означает желание создать на Северном Кавказе влиятельные ячейки журналистов, общественных активистов, местных политиков, ориентированных на Запад.

Умение немцев работать в таком формате не стоит недооценивать. За пару лет до «евромайдана» известная немецкая НКО –

Фонд Конрада Аденауэра – консультировала будущих украинских оппозиционеров (А. Яценюка, В. Кличко, О.Тягнибока) на предмет их дальнейшей карьеры. Результаты впечатляют: В. Кличко в немецкой прессе называют «наш человек в Киеве», а О. Тягнибока один из немецких информресурсов, оппозиционно настроенный к канцлеру Ангеле Меркель, назвал «наш полезный фашист».

«Политика», 15 ноября 2015 г.

Россия в Сирии: альтернативы нет

Андрей Арешев

Разрушительная активность трансграничного проекта под условным наименованием «Исламское Государство» вызывает растущую озабоченность военно-политического руководства России и стран СНГ. В ходе расширенного совместного заседания 20 ноября члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы пришли к выводу о необходимости ужесточить наказание за поддержку терроризма. Ужесточить уголовную ответственность предлагается «за терроризм и пособничество ему, включая вербовку, агитацию, пропаганду методов и практик террора, а также финансирование и любую иную поддержку террористических группировок». Предлагается усилить меры по обеспечению безопасности гражданских лиц входе проведения массовых мероприятий, на транспорте и в иных общественных местах. Кроме того, терроризм предложено объявить преступлением без срока давности.

Можно предположить, что это воплотится в конкретных нормативно-правовых актах, направленных, в том числе, на противодействие финансированию терроризма. Указом президента утверждено положение о соответствующей комиссии. В ходе саммита G20 президент России привёл данные, согласно которым действующие на Ближнем Востоке террористические организации получали поддержку с территорий 40 стран, включая Россию. По данным Росфинмониторинга, которые приводит газета «Известия», в 2013-2014 гг. денежные средства террористическим груп-

пировкам направляли 3,5 тыс. россиян из субъектов федерации. А в 2015 г. спецслужбы выявили общий объем транзакций в пользу «ИГ» на 300 млн. рублей.

Деятельность межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма дополнит усилия Национального антитеррористического комитета и специализированных структур МВД, благодаря усилиям которых террористическая активность в России за последние пять лет снизилась более чем в 10 раз. Это в полной мере относится и к субъектам федерации Северо-Кавказского федерального округа. Существенно сократилось число потерь на Северном Кавказе, что свидетельствует о стабилизации ситуации. Интересно, что более половины от всех выявленных преступлений экстремистской направленности – преступления, выявленные в сети интернет. При этом серьезной проблемой для подразделений по борьбе с экстремизмом остаются группы пользователей в различных социальных сетях. Кроме того, большинство ресурсов экстремистской направленности зарегистрировано в доменных зонах иностранных государств. По оценке начальника Главного управления по противодействию экстремизму МВД Владимира Макарова, «наиболее активно с медиа-ресурсами работают представители так называемого «Исламского государства» (1), лидеры которого стремятся распространить свое влияние на Закавказье и Северо-Кавказский регион».

Как отмечалось 13 октября во Владикавказе в ходе презентации аналитического доклада ««Исламское государство»: сущность и противостояние», работа, проведенная в предшествующие несколько лет и связанная, в том числе, с подготовкой и проведением зимней Олимпиады в Сочи, позволила значительно снизить риски крупных терактов. Не прекращается соответствующая работа непосредственно «в поле». Вот лишь некоторые из недавних сообщений.

8 октября в ходе спецоперации в Старопромысловском районе Грозного были уничтожены трое боевиков. В результате перестрелки между силовиками и участниками НВФ ранения получили трое сотрудников чеченской полиции.

9 октября в Махачкале был задержан местный житель, вернувшийся из Сирии, где он воевал в 2014 г. и где его готовили к самоподрыву.

По сообщению Национального антитеррористического комитета, 16 октября в ингушском селе Сурхахи Назрановского района был обнаружен бандитский тайник «с арсеналом оружия и боеприпасов, в котором находились две пусковые установки противотанковых управляемых ракет, пулемет, пять автоматов, свыше 5 тысяч боеприпасов различного калибра к стрелковому оружию, множество гранат, запалов и выстрелов к подствольному гранатомету, маски, радиостанции, а также свыше 20 кг взрывчатых веществ». По оперативным данным, схрон принадлежал участникам одной из бандгрупп, нейтрализованной силами ФСБ России в ходе контртеррористической операции 12 октября и причастной к целому ряду преступлений террористической направленности. Ранее, в сентябре, тайники с оружием были обнаружены на Сунженском хребте, в районе административной границы Чечни и Ингушетии, в недалеко от населенного пункта Слепцовская; имели место и другие подобные случаи.

В начале ноября взрывное устройство мощностью в 3,5 т в тротиловом эквиваленте было обнаружено и обезврежено в Ингушетии, между населенными пунктами Кантышево и Верхнее Ачалуки. «По предварительным данным, бомба принадлежала нейтрализованному 31 октября в Назрани главарю действующего на территории Ингушетии бандподполья Беслану Махаури», – отметил представитель ФСБ. Ранее в Ингушетии были ликвидированы два присягнувших «ИГ» лидера боевиков, включая «амира» Сунженского джамаата запрещенного в России «Имарата Кавказ» Беслана Махаури. Именно он, по данным правоохранительных органов, организовал в 2013 г. теракт возле Сунженского РОВД Чечни, повлёкший человеческие жертвы.

22 ноября в Нальчике был уничтожен главарь местной ячейки террористической организации «ИГ» и двое его сообщников. По словам представителя правоохранительных органов Кабардино-Балкарии, «вечером в воскресенье в Нальчике ликвидировано са-

мое крупное управленческое звено так называемого террористического джамаата, действовавшего на Северном Кавказе». Убитый главарь ячейки «ИГ» и двое подручных взаимодействовали с бандитами в центральном секторе Нальчика и его окрестностях.

В недавнем интервью глава Дагестана Рамазан Абдулатипов рассказал, что в 2014-2015 гг. в республике было предотвращено более двадцати терактов, убито более двухсот террористов, около пятисот арестовано. Многих бывших боевиков удалось вернуть к мирной жизни. С начала года Северо-Кавказским окружным военным судом было вынесено несколько приговоров по статье 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности». Так, 15 октября Верховный суд РФ признал законным приговор осужденному за экстремизм жителю Дагестана Шамилю Омарову. В мае Омаров был признан виновным в участии в экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и подготовке в ее составе к насильственному свержению действующей власти. Он приговорён к 5 годам колонии и штрафу в 40 тысяч рублей.

В минувшем мае Северо-Кавказский окружной суд осудил двух жителей Карачаево-Черкесии Руслана Ионова и Мурада Назирова, соответственно на семь и на три года колонии, причём удалось вскрыть модель работы вербовщиков. В числе осужденных также деятельно раскаявшийся выходец из Хасавюртовского района Дагестана Хабиб Хабибов, который занимался вербовкой новых боевиков, а также поисками финансов для «Исламского государства».

Всего же, по данным правоохранительных органов, с января по октябрь 2015 г. на территории Северо-Кавказского федерального округа были задержаны «десятки человек», подозреваемых в причастности к деятельности «ИГ». Против выходцев из России, воюющих на стороне исламистских боевиков в Сирии, возбуждено 477 уголовных дел. Как отметил и.о. начальника Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД по СКФО Эдуард Рыбинцев, «правоохранительными органами СКФО проведены десятки успешных задержаний, многие из этих лиц уже привлечены к ответственности. Установлены персональные данные большинства

лиц — выходцев из СКФО, выехавших на Ближний Восток для участия в боевых действиях в рядах экстремистов».

16 октября, выступая на заседании Совета глав государств — участников СНГ, Президент России Владимир Путин заявил, что на стороне «Исламского государства» (1) воюет около семи тысяч выходцев из России и стран СНГ. По последним данным ФСБ, около участниками данной группировки являются 2,4 тыс. граждан России. Глава российского государства отметил, что нельзя допустить их возвращения домой для применения полученного в Сирии опыта. 17 октября в ходе VI Сяншаньского форума по безопасности заместитель министра обороны РФ Анатолий Антонов заявил, что террористическая организация «Исламское государство» для проникновения в страны СНГ и на север Китая может использовать Афганистан. Особо следует отметить слова замминистра о том, что в настоящее время «ИГ» обладает стабильными источниками доходов.

Заметим, что угрозы боевиков в адрес России начали звучать ещё задолго до 30 сентября, когда российская авиация совершила свои первые рейды с аэродрома Хмеймим. Кроме того, *под общим брендом «Исламское Государство», на взгляд автора, следует понимать отнюдь не только протогосударственное образование с центром в Эр-Ракке, но также и конгломерат разношёрстных группировок, пока ещё контролирующих значительные территории в Сирии и Ираке и постоянно меняющих свои «вывески».* Многие из этих группировок, включая «Джебхат ан-Нусру», характеризуются некоторыми СМИ, политиками и дипломатами в качестве «умеренных»; западные инструкторы тренируют их боевиков в Турции и Иордании; им поставляется современное оружие, а экономическая (в частности, финансовая) активность вряд ли серьёзно пресекается под смехотворным предлогом того, что это, якобы, невозможно по техническим причинам. Между тем, помимо идеологической мотивации, любая война, прежде или теперь, вряд ли возможна без стабильных источников финансирования, на пресечение которых направлены действия авиации российских ВКС в Сирии.

Недавнее заявление заместителя начальника Генштаба Андрея Картаполова о создании в Сирии новой военной базы свидетельствует не только о наращивании усилий в рамках противодействия террористической угрозе, но и о создании условий, необходимых для обеспечения безопасности сирийского государства после разгрома террористических банд, представляющих непосредственную угрозу его существованию. В то же время, нежелание западных стран бороться с терроризмом всерьёз в полной мере свидетельствует о сознательной тактике на затягивание сирийского кризиса, который чем дальше, тем больше будет угрожать социально-политической стабильности России и её соседей.

Террористическая угроза, наряду с экономическим, дипломатическим, информационным и иным давлением, вполне возможно, будет использована в качестве элемента «гибридной войны» против России, ведущейся системно и последовательно. «Мусульмане России ещё не выходят на улицы», – сожалеет Financial Times. Уже сегодня можно слышать откровенные намёки на то, что следствием решения Москвы вмешаться в сирийский конфликт станет значительное увеличение вероятности террористических актов внутри России. Скорее всего, вовсе не случайно авторами ряда западных аналитических работ подробно рассматривается, в частности, деятельность выходцев с российского Кавказа в составе различных экстремистских группировок на территории Сирии. Судя по некоторым данным, в октябре к наспех сколоченному конгломерату «умеренных» террористов (так называемая «Армия завоевания») присоединился некий «крымский джамаат», некоторые участники которого были замечены в своё время на Донбассе. На прошлой неделе властями Кувейта была вскрыта нелегальная сеть поставщиков оружия для «Исламского государства» с использованием территорий и возможностей Украины и Турции.

По мнению некоторых заинтересованных наблюдателей, *радикализация даже небольшого меньшинства, которая не регистрируется социологическими опросами и может остаться незамеченной властями и традиционным духовенством, способна нанести неисчислимый ущерб и стоить тысяч жизней.*

В этой связи представляется особо важным, что действия российской авиации «на дальних рубежах» подкрепляются комплексной работой правоохранительных органов (о которой было частично рассказано выше), призванной даже теоретически исключить любые попытки развернуть деструктивную активность в некоторых российских регионах.

Не менее важное значение имеет обеспечение безопасности российских граждан за рубежом, особенно в ситуации, когда нас открыто предупреждают, что отныне любой из них является мишенью. После катастрофы российского лайнера над Синаем 31 октября Президент России пообещал всему миру «найти и наказать» виновных в этом и других аналогичных преступлениях «без срока давности». Глава российского государства особо отметил важное обстоятельство: «Все, кто попытается оказать содействие преступникам, должны знать, что последствия от попыток такого укрывательства будут лежать полностью на их плечах». В этой связи не исключено, что политико-дипломатические и иные контакты Москвы с лидерами некоторых стран, не стесняющихся поддерживать орудующих в Сирии террористов и не скрывающих своего возмущения действиями российской авиации по их уничтожению, несколько образумят тамошние «горячие головы».

Как свидетельствуют драматические эпизоды конца 1990-х – начала 2000-х годов, в прицеле экстремистов может оказаться, к сожалению, любой российский регион, не исключая Москву, являющуюся средоточием транзитных путей из постсоветских стран на Ближний Восток, а также базой для нескольких сотен рекрутеров в пользу «ИГ».

В очередной раз об этом пришлось вспомнить 11 октября, с появлением информации об обезвреживании в Москве диверсионно-террористической группы, готовившей крупный теракт. Как рассказал директор ФСБ Александр Бортников, были задержаны 12 российских граждан – членов и пособников террористической организации «Исламское государство», готовивших теракт на объектах общественного транспорта с применением самодельного взрывного устройства. 13 октября Лефортовский суд Москвы по-

становил взять под стражу Эльмана Ашаева, Аслана Байсултанова и Мохмада Межидова. По словам главы Чечни Рамзана Кадырова, Байсултанов является правой рукой одного из главарей банды, примкнувших к «ИГ»; в то же время его организатор этого преступления «не в Грозном и не в России, а далеко за пределами».

20 октября стало известно о задержании в московском регионе сотрудниками ФСБ и МВД двадцати двух участников запрещенной в России организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Разумеется, работа по выявлению членов различных экстремистских группировок в субъектах Российской Федерации будет продолжена и впредь, в том числе связанная с контролем миграционных потоков.

При этом надо чётко понимать, **что со стороны «западных партнёров» никакие действия российских властей, направленные на укрепление внутренней стабильности, понимания, как минимум, не встретят.** Авторы недавнего скандального репортажа CNN утверждают, что последствиями спецоперации в Сирии для России станет переток боевиков «ИГ» в нашу страну и новые теракты, проводя недвусмысленные параллели с трагическими событиями в Москве и Беслане.

Нетрудно заметить, что так называемые «глобальные медиа» и некоторые «эксперты» переходят всякие рамки стеснения и рассказывают о желаемых ими сценариях практически открытым текстом. И это вовсе не удивительно – ведь, по мнению ряда экспертов, с началом российской антитеррористической операции в Сирии экстремистские группировки начали нести действительно серьёзные потери, и их перспективы (в том числе и за пределами Ближнего Востока) теперь отнюдь не столь радужны, как это представлялось до 30 сентября 2015 г. **Нарастающая информационная истерия – признак проблем с реализацией сценариев экспорта ближневосточной нестабильности на территорию России.**

Таким образом, действия Москвы и её союзников по уничтожению боевиков и подрыву инфраструктуры террористических банд в Сирии не имеют альтернативы.

«Аналитика», 23 ноября 2015 г.

Су-24 – «вершина айсберга»?

Юрий Мавашев

Инцидент со сбитым Турцией российским военным самолётом Су-24 одновременно «сбил» конструктивный характер российско-турецкого сотрудничества. Сегодня без преувеличений можно утверждать, что беспрецедентное «потепление» российско-турецких отношений, достигнутое за последние десять лет, моментально сменилось взаимным «похолоданием».

Очень жаль, что неоднократные предупреждения ведущих отечественных специалистов-тюркологов относительно опасности крена двусторонних отношений в пользу экономики в ущерб политике все эти годы «благополучно» игнорировались как турецкой, так и российской стороной. Отсутствие политического диалога в течение долгого времени замещалось суррогатом из экономических взаимных обещаний, надежд и так далее. О провале военного взаимодействия двух стран можно судить по факту. Не погружаясь в диспропорции двусторонних отношений России и Турции, которые были глобальной причиной произошедшего, внося огромный вклад в трагедию, сосредоточимся на анализе.

Совершенно очевидно, что атака на Су-24 турецких ВВС станет, вероятно, поворотным моментом не только для российско-турецких отношений, но и в отношениях России с НАТО. В этом смысле, говорить о «точке невозврата», следует, скорее, в контексте взаимодействия с Североатлантическим Альянсом. Неслучайно Совет НАТО оказал безоговорочную поддержку руководству Турции. «Приближение России к границам Турции очень сблизило ее руководство с США, – считает турецкий политолог, профессор Юсуф Чинар. – Турция была более самостоятельной в период 2002-2012 годов. Сейчас же всё ровным счётом наоборот. В этой связи, полагаю, не стоит рассматривать инцидент с российским самолётом в отрыве от НАТО и США».

Что касается самой Турции и народного восприятия происходящего, то многочисленные сообщения, поступающие российским тюркологам, создают впечатление, что *в стране намети-*

лось мощнейшее размежевание по линии «власть–народ». «Мне искренне жаль, что подобный инцидент произошёл. Турецкий народ всегда будет другом русскому народу. Я и очень многие турки отмежёвываемся от нашего правительства, отказываемся от неприемлемой линии поведения, свидетелями которой мы все стали. Это и есть подлинное волеизъявление нашего народа в эти дни», – пишет один из обычных турецких граждан. «Это очень горький инцидент. Его не должно было случиться. За грязные игры политиков, как всегда, платят невинные люди. Когда отношения столь высокого уровня доверия портятся – это вдвойне обидно», – другое сообщение от рядового турка, в котором выражается солидарность с Россией. Сообщений подобного плана по турецкой инициативе поступает немало.

Сегодня и многие ведущие политологи и международники Турции осознают, что выгодополучателями от противостояния с Россией ни страна, ни народ не окажется. «Я думаю, что обе страны должны срочно создать кризисный центр и все проблемы, связанные с границей, решать именно в этом кризисном центре, – предполагает профессор Юсуф Чинар. – Таким образом, дверь для диалога будет оставаться открытой». Безальтернативность сотрудничества сомнений не вызывает. *«Россию и Турцию намеренно травливают Запад с помощью подобных провокаций»,* – констатировал руководитель аналитического центра стратегических исследований, доктор Хасан Октай. – Осознание того, что Турция и Россия могут выкинуть их с Ближнего Востока, повергает Запад в ужас». Таким образом, *хочется верить, что говорить о «точке невозврата» в отношениях с Турцией несколько преждевременно.*

В чём же тогда причина инцидента? Как можно квалифицировать произошедшее? Судя по высказываниям турецких экспертов, *одной из вероятных причин следует считать беспрецедентное давление, оказанное на страну извне с целью «проручить» Россию руками турок.* Важно отметить, что до сих пор в истории наших взаимоотношений с Турцией на современном этапе не было даже намека на подобные инциденты. В этом контексте самостоятельно совершать самоубийственный акт, понимая, каки-

ми последствиями для турецкой экономики обернутся подобные «инциденты», в Анкаре бы, с высокой долей вероятности, не стали. Даже с учётом сложившихся диспропорций в двусторонних отношениях, которые мы отмечали выше, многомиллионные прибыли по собственной воле так просто не выбрасывают. Турецкую внешнеполитическую линию всегда отличала расчётливость, размеренность, просчёт на десять шагов вперёд, учёт интересов партнёров.

Другой, не менее правдоподобной версией, выступает банальная ошибка и страх её признать со стороны действующего турецкого руководства. В пользу этой версии говорит тот факт, что риторика турецких властей была более чем неконкретной и изменчивой. Сначала турецкая сторона заявила о безусловном праве защищать свою территорию (на которую никто, впрочем, не напал). Затем мы услышали, что российский самолёт был сбит, потому что десять раз не выходил на связь в течение нескольких секунд, а после, в довершение неуместного «каламбура», президент Эрдоган уточнил, что турецкая сторона понятия не имела, самолёт какой страны она сбивает.

Попытка юлить и уйти от ответа – очевидна. Возникает непростой вопрос: почему нельзя было сразу признать ошибку, если таковая действительно была? Ответ также прост, как и человеческая глупость: ***Эрдоган настолько погряз в своей популистской риторике, что она уже не подразумевает признания даже очевидных промахов.*** Комментарии турецкого лидера о том, что часть фюзеляжа российского самолета упала на турецкую территорию, вообще не выдерживают никакой критики. Впору спросить: «Вам действительно больше нечего сообщить России и мировому сообществу?»... Все, кто изучал историю правящей Партии справедливости и развития, знают, до какого абсурда порой доходил её лидер Реджеп Тайип Эрдоган. Так что исключать ошибку вряд ли стоит.

Последняя версия представляется крайне нежелательной, но от того не менее вероятной: турецкое руководство в лице президента Эрдогана намеренно сбило российский военный самолёт. На эту мысль наводит любопытная оценка президента России Влади-

мира Путина, озвученная во время его встречи с королём Иордании Абдаллой II в Сочи. Президент однозначно заявил в адрес Турции, что мы явились свидетелями «удара в спину, нанесённого пособниками террористов». Вряд ли Путин, фактически называя руководство Турции пособниками запрещенной в России террористической организации, именующей себя «Исламское государство», не отдавал себе отчёт в том, что произносит. Автор этих строк также далёк от мысли, что президент Путин установил это всего за несколько часов спустя произошедшего «инцидента». Лидер России однозначно и безапелляционно заявил, кто есть кто. По всей видимости, президент прекрасно знал, кого именно поддерживает турецкое руководство. Российский самолёт оказался лишь «верхушкой айсберга», когда скрывать это стало уже просто невозможно.

Но вне зависимости от того, какая из версий окажется приоритетной, следует отметить главное. Российскую сторону не интересует, произошёл ли «инцидент» намеренно, по злему наущению или по глупости. Москва не примет покаяния от Эрдогана и не ждёт его. После случившегося он, скорее всего, уже никогда не станет для России «рукопожатным». Что касается Партии справедливости и развития, то без кардинальной смены своей политики эту судьбу разделит и его партия. Возможно также, что это будет уже совершенно другая ПСР.

Во избежание дальнейших подобных «инцидентов» Россия, безусловно, должна обеспечить успешное выполнение задач в Сирии до победного конца.

«Аналитика», 26 ноября 2015 г.

Турция – главная угроза миру в регионе

Так считает президент общественной организации «Е-куб» (Армения), к.т.н. **Ара Марджанян**.

– Г-н Марджанян, на прошедшем 9 ноября круглом столе в Ереване, организованном Кавказским геополитическим клубом и Научным обществом кавказоведов, Вы вновь под-

няли вопрос о военном ядерном потенциале Турции и привели новые данные, подтверждающие ваши оценки 2011– 2012 годов. Каковы эти данные? Помимо этого, вы назвали Турцию главной угрозой миру в регионе. События последних недель, кажется, полностью подтвердили эти оценки?

– К сожалению, да. Относительно новых данных. *В 2013-14 гг. стали достоянием гласности сведения о том, что Турция активно ведет разработки средств доставки ядерных зарядов – баллистических ракет с дальностью действия в 2500 км, и высокоточных крылатых ракет.* А в сентябре 2014 г. бывшим главой департамента планирования минобороны Германии были опубликованы данные Федеральной разведслужбы. Цитируем: «разведывательное сообщество Германии считает, что Турция работает над своей военной ядерной программой. Согласно хорошо информированным источникам, в мае 2010 г. премьер-министр Турции Эрдоган отдал секретное распоряжение о начале работ по обогащению урана». За истекшие 2-3 года появились и другие важные данные, подтверждающие наши выводы. В частности, был опубликован фрагмент стенограммы беседы премьер-министра Израиля Б.Нетаньяху, состоявшейся 15 марта 2010 г., где он сообщал премьер-министру Греции А.Папандреу, что «Турция может стать ядерной страной в любой момент времени, в который пожелает».

Но это лишь часть проблемы, о которой я говорил 9 ноября. Дело в том, что *Турция на протяжении десятилетий была и сегодня является де-факто военной ядерной державой, в арсенале которой находятся термоядерные неуправляемые бомбы семейства В-61.* По некоторым оценкам, около 40 единиц таких бомб из числа хранящихся сегодня на базе Инджирлик, находятся в ведении именно Турции. Приводятся и иные численные оценки, но это не суть важно. Они предназначены к использованию с истребителей-бомбардировщиков F-16 именно турецких ВВС. Остальные 50 единиц, хранящихся там же, предназначены для F-15 и F-16 ВВС США/НАТО. Причём на протяжении ряда лет, вплоть до начала августа сего года, Турция не разрешала раз-

мещать американские F-15 и F-16 на базе Инджирлик. В случае надобности они должны были перелетать сюда с баз своей дислокации, забирать их и применять по назначению.

– Если не ошибаюсь, 24 ноября российский самолёт СУ-24 был сбит в небе Сирии именно турецким F-16?

– Совершенно верно. И это настолько из ряда вон выходящее событие, имеющее далеко идущие последствия, что требует отдельного рассмотрения. Во-первых, тут нельзя не согласиться с оценкой министра обороны Армении, озвученной на днях: «это удар в спину не только нашему стратегическому союзнику и другу – России, но и всем силам, борющимся с терроризмом». Удар в спину цивилизации, если угодно. И здесь позвольте, слегка перефразировав известные слова президента РФ, озвучить вопль, рвущийся сегодня из уст сотен тысяч моих сограждан – теперь вы понимаете, о чём мы говорим вот уже 100 лет?!

Во-вторых, анализ имеющихся данных со всей ясностью показывает, что случившееся – не результат случайности, ошибки или недосмотра, но заранее запланированная, коварно подстроенная и безжалостно выполненная провокация по форсированию событий в регионе и мире. Тут важно понимать, что стратегические угрозы оцениваются не столько на основе тех или иных данных, сколько на оценке реально складывающихся потенциальных возможностей. С этой точки зрения, первый звоночек предстоящей эскалации прозвучал в начале августа, когда Турция открыла базу Инджирлик для ВВС США под предлогом борьбы с так называемым «Исламским государством». И сюда тремя волнами – в августе, в октябре и ноябре – были переброшены F-15 и F-16 ВВС США, другая техника и силы. Тем самым дистанция доступа к тактическому ядерному оружию (ТЯО) в Турции значительно сократилась – впервые с 1994 г.

– То есть возможность нанесения ядерного авиаудара с территории Турции значительно упростилась?

– Именно. С начала августа 2015 г. существенно сократилось время подготовки подобного удара и возросла скрытность проведения подобного мероприятия. Замечу в скобках, что 1994 – это

знаменательный год. Год начала физического размежевания средств доставки (F-15 и F-16) от ТЯО в Турции. Год заключения т.н. Будапештского Меморандума «О гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)», по которому из Украины на территорию РФ было вывезено ядерное оружие и ТЯО. Это и год подписания Бишкекского протокола о прекращении огня в Арцахе, год сделки по передачи Азербайджану нефтяного поля Азери – Чыраг – Гюнешли в Каспийском море.

Но вернёмся в наше время. С августа сложилась ситуация т.н. «организованной критичности», и не случайно, что именно в это время впервые, по некоторым данным, прозвучала беспрецедентно жёсткая реакция президента Путина, адресованная Эрдогану. Она осталась либо не понятой, либо проигнорировалась, либо, что хуже, была использована для подготовки подлой воздушной засады 24 ноября в небе Сирии. И как бы странно это не прозвучало, на мой взгляд, совершенно не важно, знали ли США о готовящейся провокации, или *произошедшее – это исключительно турецкая «подстава» по втягиванию США/НАТО в лобовое столкновение с Россией*. И в том, и в другом случае последствия для нас совершенно одинаковы: это либо актуализация фактора ТЯО, уже находящегося в Турции, *либо подготовка и легитимизация создания собственного ядерного оружия в случае, если США и НАТО отмежуются от этой провокации и поставят вопрос о выводе бомб с территории Турции*. Именно это я и имел в виду, говоря 9 ноября о том, что Турция является серьёзной и прямой угрозой миру и стабильности в регионе. Правда, я не ожидал, что это случится спустя всего лишь две недели. Но что подобное случится рано или поздно, не было никаких сомнений.

– Каковы же должны быть наши шаги в складывающейся ситуации, по Вашему мнению?

– Думается, что ситуация требует срочной постановки целого ряда вопросов, адресованных в первую очередь США и РФ. Перед нашими американскими друзьями нам надо поставить следующие вопросы: каковы в точности договоренности между США и Тур-

цией по применению термоядерных бомб турецкими F-16 сегодня? Насколько эти договоренности согласуются со статьями 1 и 2 ДНЯО, подписанного и США, и Турцией? Каковы их планы на будущее в свете выполняемой сегодня в США модернизации всего семейства бомб B61? Каковы механизмы контроля за ТЯО на базе Инджирлик, находящейся в непосредственной близости от территории, где действует «Исламское государство»? Наконец, возможно ли несогласованное использование ТЯО турецкими ВВС в обход США или НАТО, если Анкара посчитает это необходимым или желательным? А о том, что это вопрос не праздный (как то представлялось некоторым нашим горе-аналитикам всего лишь пару недель назад), свидетельствуют растерянные лица различных чинов НАТО, которые мы наблюдали на днях. Да и сбивчивые, сумбурные и противоречивые объяснения президентов Турции, США и генсека НАТО, которые мы слышали сразу после 24 ноября.

Нашим же друзьям в России мы должны, во-первых, сказать, что циничное использование наших незаживающих ран в конъюнктурных целях текущей политики мы видели вот уже более 20 лет, и во время президентских выборов в США, и во Франции, и в Турции, и в дебатах американского Конгресса, польского Сейма, германского Бундестага или израильского кнессета, и на многочисленных политических и медийных мероприятиях той или иной степени осмысленности. И мы сыты всем этим уже по горло!

С окончания года 100-летия геноцида армян, начиная с 1 января 2016 года и далее, нас должны будут интересовать только прагматические вещи, конкретные проекты, нацеленные на долгую перспективу и непосредственный эффект. С этой точки зрения, вместе с нашим стратегическим союзником Россией нам надо наполнить новым содержанием большой Договор между Арменией и Россией. Первый позитивный шаг уже сделан – это создание совместной зоны ПВО, но этого совершенно недостаточно в сложившихся условиях. Ядерное сотрудничество США и Турции в рамках НАТО требует незамедлительных уравнивающих и адекватных мер со стороны России и Армении.

В-третьих, нам надо срочно и неукоснительно выполнить два важнейших инфраструктурных проекта, цементирующих наш регион: строительство железнодорожной линии Иран – Армения – Грузия – Россия и нового блока Армянской АЭС.

Наконец, в-четвёртых, мы должны понять, что *поддержка терроризма и исламского фундаментализма – это не просто блажь президента Эрдогана и его семьи. Это хорошо продуманный и действенный метод консолидации турецкого общества, упрочения личной власти и усиления влияния националистических и исламистских элит. А на глобальном уровне – это эффективная мера, чтобы оседлать «глобальный исламский вызов» современности.* Подобная ситуация, таящая в себе угрозы на региональном и глобальном уровне, требует глубоко продуманного и устойчивого подхода по нейтрализации этих угроз, а не шарахания из стороны в сторону.

Армении совершенно не улыбается перспектива иметь в 2023 г. у себя под боком Турцию с собственным ядерным оружием, с высокоточными средствами доставки, рьяного защитника могилы Сулейман Шаха, «единственно легитимного» поборника правоверного ислама во всем мире и пособника террористов в регионе.

Думаю, что эта перспектива неприемлема и для России.

С подробной презентацией А. Марджаняна, раскрывающей тему ядерных амбиций Турции, можно ознакомиться на сайте Кавказского геополитического клуба.

*Беседу вела Гаянэ Сармакешян
«Геополитика», 1 декабря 2015 г.*

Азербайджанская диаспора предъявила ультиматум России?

Фахраддин Абосзода

7 декабря 2015 г. бакинские правительственные информационные ресурсы распространили текст обращения азербайджанской

диаспоры России, адресованного председателю Государственной Думы ФС РФ Сергею Нарышкину. Оно подписано руководителями около 30 региональных диаспоральных организаций, включая одного члена Совета по межнациональным отношениям при президенте РФ. Поводом для появления данного обращения стал «законопроект о криминализации отрицания «геноцида армян», представленный на днях в Госдуму. Как ни странно, оно осталось незамеченным со стороны аналитического сообщества России.

В рамках этого комментария мы не намерены перечислять основные пункты указанного законопроекта, как не собираемся и рассуждать на тему того, нужен ли России такой закон или нет. Мы также не намерены выступать за ограничение прав граждан высказываться по поводу того или иного законопроекта. Обратим внимание лишь на один, на наш взгляд, важный пункт в тексте обращения, который, скорее, напоминает ультиматум. Мало того, мы более чем уверены, что данный «ультиматум» вовсе не является случайным в нынешних сложных геополитических условиях в регионе. Вот что пишут авторы обращения: «Мы и наши единомышленники со своей стороны продолжим публичное отрицание «геноцида армян» даже в случае принятия такой поправки и будем оспаривать его в международных судебных инстанциях по правам человека».

Давно известно, как в Азербайджанской Республике панически и нервно реагируют на каждый чих в российских СМИ в отношении АР. Известно и то, что в Москве, как правило, не реагируют на такие выпады, будучи, скорее всего, уверенными, что в мире есть более важные вопросы, на которые стоит обращать внимание, как и более влиятельные государства, которые, в отличие от крошечного Азербайджана, способны создать реальную угрозу для России. Одним словом, в Москве привыкли недооценивать те пакости, которые может сотворить Баку в отношении России.

Как прямое следствие такого безразличия, в течение последних лет часть российской элиты – отдельные политики, депутаты и чиновники разного ранга, не говоря уже о некоторых так назы-

ваемых «кремлевских аналитиках» – используют Азербайджан в качестве дойной коровы в целях собственного обогащения, полностью игнорируя при этом национальные интересы собственной страны. Увы, так было еще несколько лет перед украинским кризисом, совсем недавно такую картину мы наблюдали в отношениях с «дружественной» Турцией, такую же картину мы продолжаем наблюдать и в отношениях с Азербайджаном. Немаловажно, что каждый раз, когда назревает кризис в отношениях России с каким-нибудь из указанных государств, эти же люди в одночасье превращаются в настоящих звезд голубого экрана, рассказывая телезрителям бесконечные сказки о своем «патриотизме».

А в это время официальный Баку перманентно воспитывает общественное мнение в духе открытой ненависти к России, о чем свидетельствуют в том числе и самые свежие выдержки из некоторых публикаций в бакинских СМИ. «Все зло исходит от Путина, а не от Эрдогана, все козни тоже строит российский президент, а не турецкий, – пишет проправительственный **haqqin.az**. – Не Эрдоган виновен в том, что российские вооруженные силы оказались в Сирии, эту команду они получили от Путина. Не Эрдоган спровоцировал уничтожение на своей территории российского бомбардировщика, а сам Путин. Не Эрдоган инициировал доставку и установку в Сирии российских С-300 и С-400, они находились там еще до инцидента с самолетом».

«Да, судя по всему, подыссяк в России запас политической устойчивости. На глазах всего мира все больше обретают контуры какого-то пародийного рисунка ее бессильные потуги уязвить Турцию, которая за нарушение своих воздушных границ ударом по бомбардировщику Су-24 вытолкнула из зоны комфорта вальяжно господствующих кремлевцев», – утверждает далее данный портал.

«Известный азербайджанский композитор и общественный деятель» **Джаваншир Гулиев** вспоминает, как «во время службы в советской армии он столкнулся с непонятной для него в то время (1975 год) злобой по отношению к туркам – русские солдаты использовали слово «турок» как ругательство и частенько обзывали друг друга этим словом». Причину он видит в том, что якобы

«в России сейчас оголтелый шовинизм и тюркофобия, впрочем, она в русских людях всегда сидела, иногда дремала, иногда просыпалась». Мало того, для него «совершенно ясно, что главным врагом Турции является Россия, и она всегда им была, даже в эпоху потепления между Лениным и Ататюрком».

Руководитель общества «Борчалы» **Залимхан Якуб** утверждает, что «разрастание российско-турецкого конфликта, участие в нем НАТО и других неизбежно. Место Азербайджана в этом конфликте – Турция. Что посоветует нам и всему тюркскому миру Турция – мы так и должны сделать. Во всех вариантах Азербайджан и Грузия должны быть рядом с Турцией».

«Национальные интересы, общность судьбы с братской Турцией и преданность вынуждают Азербайджан снова сблизиться с Западом, занять с ним общую позицию. Энергетическая зависимость заставляет усилить политические и другие связи. Учитывая и другие происходящие и ускоряющиеся процессы в регионе, можно сказать, что, вероятно, 2016 год по многим параметрам станет волнующим и решающим», – утверждает оппозиционная газета «**Ени Мусават**».

«Как должен защитить себя Азербайджан от российской угрозы?» – задается вопросом член оппозиционного Национального Совета **Гюльтакин Гаджибейли**. И сам же отвечает: «Против агрессивной политики России место Азербайджана – в НАТО».

Можно до бесконечности продолжать цитировать подобные нелицеприятные выпады в адрес России и Владимира Путина со страниц бакинских СМИ. Но, думаю, и этого достаточно, чтобы понять, как Алиев формирует общественное мнение внутри страны в отношении России, так как подавляющее большинство СМИ в Азербайджане находится под непосредственным контролем АП.

Одновременно с этим Баку с каждым днем все больше и больше укрепляет ряды своей «пятой колонны» на территории Российской Федерации, состоящей из так называемых «азербайджанцев» (читай, азери-тюрков). Результат такой работы налицо: ныне в каждой области и национальной республике, во всех крупных городах России действуют диаспоральные организации азербайджанцев. Но проблема России, на наш взгляд, вовсе не в суще-

ствовании таких организаций. *Настоящая беда в том, что практически все они, во-первых, напрямую управляются из Баку, откуда назначаются их руководители, во-вторых, они в большинстве своем, будучи гражданами Российской Федерации, тем не менее, демонстративно служат интересам Азербайджана, и даже не скрывают этого, в-третьих, в решающие моменты для государства они открыто выступают против России и ее Президента, и даже пытаются оспаривать право этого государства на принятие нужных ему законов.*

Еще древние римляне утверждали необходимость соблюдения закона гражданами для функционирования любого государства, обосновав это тем, что *dura lex sed lex* – «закон суров, но это закон», т.е., каким бы суровым ни был закон, его следует соблюдать. Но эти господа еще до принятия закона (еще неизвестно, будет ли он принят или нет) утверждают, что не просто не будут соблюдать его, но и станут «оспаривать в международных судебных инстанциях по правам человека»!

Таким образом, Россия получила очередной «удар в спину». Но в этот раз удар последовал не напрямую от соседней Турции, как того можно было бы ожидать, а от тех, кто, являясь российскими гражданами, занимается здесь бизнесом, накапливает немалые состояния, за счет которых обеспечивает безбедную жизнь не только себе, но и своим родственникам в Азербайджане.

Но меньше всего удивляет сам факт появления такого обращения-ультиматума, так как мы давно предвидели такой поворот событий и даже многократно писали об этом. Нас интересует другое: испытывают ли хоть капельку угрызения совести за такой «удар в спину» со стороны «братских азербайджанцев» те российские политики и депутаты, аналитики и политологи, нередко выступающие от имени Кремля, которые до сих пор не перестают удивлять своими хвалебными одами в адрес Ильхама Алиева? Это – во-первых. Во-вторых, не считают ли появление такого обращения грубым недочетом в своей работе те органы власти в России, которые несут прямую ответственность за деятельность диаспоральных организаций на территории страны?

Наконец, еще об одном. В то время как большинство российских экспертов по «тюркским народам» проявляют особое беспокойство по поводу того, что в условиях все большего усиления напряженности между Россией и Турцией эти народы якобы могут стать источником дестабилизации внутри страны, вышеназванное обращение является еще одним доказательством тому, что такой угрозой дестабилизации вполне сможет стать многомиллионная «азербайджанская диаспора», которую Россия приютила на своей груди. Об этом говорит и время выбора для написания такого обращения, которое, на наш взгляд, тоже не является случайным.

То, что инициатором написания обращения является официальный Баку, не вызывает никакого сомнения. И вот почему. Сразу после трагедии российского самолета И. Алиев заявил всему миру, что «Азербайджан навсегда будет рядом с Турцией». Эти слова в переводе на более доступный язык означают, что он будет против России. Далее он начал делать явные реверансы в сторону Запада. Поэтому не исключено, что Алиев на этот раз решил показать свою мощь внутри России, указав на свою главную силу, тех, на кого он намерен сделать ставку в случае обострения ситуации в регионе.

Таким образом, Турция и Азербайджан демонстрируют России, что они уже успели образовать своеобразный фронт борьбы против нее в предстоящей геополитической схватке, которую нельзя исключать. Не самая последняя роль в этой битве отведена «азербайджанцам», нахлынувшим на территорию России только потому, что в своем «безаналоговом» Азербайджане их семьям банально нечего есть.

«Аналитика», 12 декабря 2015 г.

Проект «Курдистан» и интересы России в регионе

Фахраддин Абосзода, Рустам Искандари

Приведет ли «комплексная поддержка» курдского проекта к «цепной реакции успеха» России в регионе?

«Многолетняя индифферентность Москвы по отношению к курдам, исходящая, прежде всего, из интересов углубления

российско-турецких и российско-иракских отношений, привела к изменению повестки дня по курдскому вопросу. И теперь Россия здесь не главный игрок», – пишет курдский автор Рустам Рзгоян. После констатации этого факта он предлагает Москве свой вариант дальнейших действий: «Единственное, что может противопоставить Москва турецкому проекту – поддержка сил РПК в Сирии и оппозиционных ДПК партий в Ираке. Причем поддержка эта должна быть комплексной. Москва должна выработать долгосрочную стратегию по отношению к курдам, в противном случае ее ждет провал в этом направлении, ведь Эрдоган пользуется популярностью также и у многих курдов в Турции».

Что можно сказать по поводу этих предположений Р. Рзгояна?

Первое: нельзя столь однозначно утверждать, что Москва в течение всех последних лет была «индифферентной» по отношению к курдам. Контакты Москвы с представителями различных курдских политических партий и группировок все же имели место, хотя не на том уровне, о котором мечтали сами курды. Если иметь в виду весь постсоветский период, то, увы, Россия в течение первого десятилетия своей «независимости» проявила больше индифферентности по отношению к своим национальным интересам на международной арене, чем объясняется ее отношение ко многим историческим союзникам.

Второе: интересно, если курды уверены, что Россия в курдском вопросе – не главный игрок, тогда почему они обращаются именно к Москве, а не к «главному игроку», не говоря уже о том, кого они считают таковым?

Третье: если на самом деле «Эрдоган пользуется популярностью также и у многих курдов в Турции», тогда вообще стоит ли России поддержать «силы РПК в Сирии и оппозиционных ДПК партий в Ираке»? Не получится ли так, что России придется довольствоваться только тем, что она станет доставать горячие каштаны из огня для того же «главного игрока»?

Но прежде чем продолжить размышления на эту тему, отметим, что *поддержать курдский проект сегодня Москве предла-*

гают не только сами курды, но и многие российские аналитики и политики.

После трагедии российского фронтового бомбардировщика Су-24 в сирийском небе, прямым виновником которого стало турецкое руководство, одной из самых обсуждаемых тем в российском аналитическом сообществе стал вопрос о том, как Россия должна наказать Турцию. Российские политики, депутаты, политики, аналитики, эксперты по региону стали выдвигать свои версии самого короткого пути для достижения данной цели. Наряду с комплексом санкционных экономических и политических мер в отношении Турции они также предлагают российскому руководству поддержать проект «Курдистан». Хотя еще несколько лет назад, когда некоторые российские аналитики утверждали то же самое, многие из сегодняшних героев голубых экранов делали гримасы и считали их не вполне адекватными, если не больными. Вот почему пугает такая словесная активность некоторых российских экспертов вокруг проекта «Курдистан». Так же, как раньше пугали призывы еще больше углублять торгово-экономические отношения с Турцией (некоторые даже предлагали непременно принять ее в интеграционные проекты Кремля).

Беда в том, что многие из этих аналитиков и политиков просто не знают или же плохо знают курдскую тематику. Мы, разумеется, ничего не имеем против курдского народа и его борьбы за восстановление своих прав на исторической Родине. Но, учитывая архисложность нынешней ситуации в мире и регионе, предлагаем определить главные приоритеты политики России в отношении курдов, чтобы в конце этого пути не оказаться у разбитого корыта. Есть несколько вопросов, без ответа на которые, на наш взгляд, Москва никак не сможет разработать полноценную программу поддержки курдов. Главный из них в том, ***приведет ли «комплексная поддержка» курдского проекта к «цепной реакции успеха» России в регионе в долгосрочной перспективе?***

В течение всех последних лет у авторов этих строк не было сомнений в том, что распад Турции – вопрос времени. Но из этого не следует, что этот распад обязательно приведет к образованию Курди-

стана. Если учесть, что на территории, под которой сегодня чаще всего подразумевается Курдистан, проживают не только курды, но и некоторые другие народы – заза, армяне, ассирийцы, арабы и другие, – то следует признать, что вполне возможны и другие варианты.

Согласно данным курдских активистов, сегодня в мире насчитывается около 50 млн. курдов. Но если верить исследованиям специалистов-курдоведов, выяснится, что это, мягко говоря, не так. На самом деле ныне на территории Турции, Ирака, Сирии и Ирана проживают различные народности, которые по истории, культуре, быту, ментальности и т.д., безусловно, близки друг к другу. Но когда дело касается самого главного признака этничности – языка, выясняется, что их нельзя причислять к единому этносу, так как у каждого из них свой язык, существенно отличающийся от других. Эти народности не понимают друг друга. Представители каждого из этих курдских народов при проведении какого-нибудь мероприятия настоятельно требуют, чтобы рабочим языком был именно их язык. Вот почему достичь хоть какого-нибудь согласия между ними нередко оказывается проблематичным. Отсюда и нестабильность курдских политических организаций, которых в мире около ста, и их лидеров.

Более того, есть несколько других народов (например, в Турции – это заза, в Иране – горани и луры и т.д.), которых курдские активисты называют «курдами», но, как уже было сказано, это далеко не так. Например, благодаря активной работе национальной интеллигенции с каждым днем все больше представителей народности заза признают, что они вовсе не курды. ***В этом плане турецкие курды мало чем отличаются от тех же анатолийских турок, которые в течение долгих лет называли курдов «горными турками».*** То, что такая политика в отношении курдов не привела к успеху, сегодня не вызывает сомнения. Нет сомнений и в том, что старания курдов объявить другие народности, которые в том или ином отношении имеют определенную близость с ними, «курдами», тоже закончатся ничем. О чем все это говорит?

1. О том, что ***даже в случае появления на карте мира Курдистана, против которого мы ничего не имеем, в долгосрочной***

перспективе не приходится ожидать хоть какой-нибудь стабильности на его территории. Это государство, судя по всему, будет не прочным, тяготеющим, по меньшей мере, к федерации (по конфессиональным и этническим границам), если не к распаду. Например, сложно сказать, какой из языков – курманджи (основной диалект Турецкого и Сирийского Курдистана) или сорани (официальный язык Иракского Курдистана) – станет официальным. Как будут вести себя курды в отношении тех некурдских народов, о которых выше шла речь, – тоже немаловажный вопрос с точки зрения устойчивости будущего Курдистана. Не исключено, что национальная политика будущего Курдистана будет основываться на их насильственной ассимиляции, что мы наблюдаем в Азербайджанской республике, где в течении последних 22 лет у власти находится курдский клан Алиевых, что приведет к сопротивлению этих народов. Это еще одно доказательство того, что будущий Курдистан вряд ли будет устойчивым государственным образованием.

Говоря об отношении самого крупного курдоязычного этноса Турции – курманджи к другим курдоязычным (в понимании курдских активистов) этносам, следует обратить внимание на то, как они вели себя в двух ситуациях: реакция курдской общественности в Турции и во всем мире на прошлогоднее нападение джихадистов на езидов в иракском Синджаре (которых тоже считают курдами, хотя многие представители этого народа против этого) была не такой резкой, чем на их атаку на сирийских курдов-курманджи в районе Кобани.

Все эти вопросы требуют тщательного анализа. Сколько придется потратить сил и средств России, чтобы поддерживать ситуацию внутри этого государства более или менее стабильной? Мало того, если учесть заинтересованность в проекте «Курдистан» многих других влиятельных мировых и региональных сил, то вряд ли России позволят спокойно заниматься внутренним переустройством курдского политического поля.

2. Нынешний уровень развития курдских организаций не позволяет ожидать от будущего Курдистана стабильной

внешней политики. Она каждый раз будет серьезно меняться в зависимости от политических и иных предпочтений конкретного лидера. Курдской государственности и политической мысли необходимо будет пройти еще долгий путь, чтобы проводить долгосрочную выверенную внешнюю политику. Но этот путь, скорее всего, будет тернистым, а не гладким, если учитывать, что каждая из этих организаций имеет свое военное крыло со всеми вытекающими последствиями. Так что не исключены многочисленные внутренние конфликты и даже войны между ними за общекурдское лидерство (пример этого мы уже видели в Иракском Курдистане). Стоит ли России влезать на эту будущую арену бесконечных междоусобиц?

3. Основные рынки будущего Курдистана находятся на Западе, если иметь в виду, что главную статью экспорта составляет нефть и газ, что во многом будет определять внешнюю политику будущего государства. **Согласна ли Россия создать себе еще одного конкурента в лице будущего Курдистана на западном рынке энергоносителей, откуда ее уже сегодня стараются вытеснить?**

4. **России следует учесть опыт двух курдских государств.** Это – так называемый Северный Курдистан (столица Эрбиль), который сегодня фактически независим. Второе – Азербайджанская Республика, которая пока формально называется тюркским государством, но его руководство все последние годы ведет активный курс по курдизации страны, что не является большим секретом, как минимум, для экспертов по региону. Хотя сложно называть оба этих государства государственным опытом курдского народа в целом, но то, что несколько миллионов курдов уже проживают на их территории, говорит о многом. Оба эти государства – фактически династические образования. Причем, надо заметить, это – продолжение опыта курдских государств, существовавших в прежние исторические периоды. При этом, если иракские курды делают определенные шаги, важные для курдского национализма и будущей «единой» государственности, то в Азербайджане эти вещи находятся еще в латентном состоянии. Руководство послед-

него публично не озвучивает свои намерения по курдизации страны, но исподтишка заселяет некоторые регионы Азербайджана курдами из Турции и Ирака.

Немаловажным является и то, что правящая курдская династия Азербайджана имеет тесные связи с Рабочей партией Курдистана, которая входит в число организаций, кому должна помочь Москва согласно замыслу российских курдов. А лидер иракских курдов М. Барзани то там, то здесь постоянно «сдает» курдов и выступает даже против автономии сирийских курдов. Именно благодаря его политике «Турция превратила иракских курдов в своих вассалов», как об этом пишет г-н Рзгоян. Добавим, что в инциденте с российским самолетом Эрбиль и Баку безоговорочно поддерживают позицию турецкого руководства, что также не прибавляет оптимизма в курдском вопросе.

Что касается позиции сирийских курдов, то и тут не все понятно. Известно, что в самом начале сирийского конфликта Б. Асад фактически предоставил им автономию. Несколько лет назад их представители в Москве заявляли, что занимаются строительством своей автономии на кантонной основе. Но каково было отношение сирийских курдов к Асаду? Они как будто не выступали против Асада, но и не поддерживали его, действуя согласно принципу «мы – не против тебя, но и не с тобой». Чем кончилась такая политика сирийских курдов, известно: боевики так называемого «Исламского государства» (запрещенная в России террористическая организация), разумеется, по прямой наводке Турции, напали на Сирийский Курдистан. Если бы они в свое время в едином союзе с Дамаском стали защищать территорию Сирии, то, возможно, этого не произошло бы. А так, оставшись в одиночестве, видимо, в надежде на то, что «курдские братья помогут», они только постфактум поняли свою ошибку. Это говорит о том, что курды не всегда выступают как надежные союзники и при определении своих долгосрочных приоритетов часто действуют на основе эмоций, без трезвой оценки реального положения вещей.

5. Новый Курдистан, учитывая его людские, энергетические, водные и другие ресурсы, неизбежно станет одним из крупных

игроков региона. Учитывая нынешнюю (еще без государства) амбициозность многих курдских лидеров, стоит понимать, что *это государство, также, как и ныне Турция, будет претендовать на, по меньшей мере, региональное лидерство, в том числе, и у самых границ России – например, на Кавказе. Продумывают ли российские аналитики риски, связанные с этими претензиями будущего Курдистана?*

Наконец, есть еще одно немаловажное обстоятельство, которое российское руководство не сможет не учесть при определении своей политики в отношении курдов. Сегодня самым крупным и надежным союзником России в регионе является соседний Иран, где также проживают некоторые так называемые «курдоязычные» народности. *Москва должна получить четкие гарантии того, что борьба курдов в Турции и Сирии не направлена против Ирана и не перекинется на его территорию.*

Более того, было бы неплохо, если бы *российские и сирийские курды выступили с публичными заявлениями в поддержку линии Москвы в отношении Турции, чтобы как-то обозначить свою позицию.* Руководство Рабочей партии Курдистана обязано выступить с заявлением против открытой антироссийской позиции руководств Иракского Курдистана и Азербайджанской Республики. Такие заявления в будущем могли бы служить своеобразным письменным доказательством того, что они не свернут с пути партнерства с Россией. Если Москва будет действовать по-другому, точнее, без учета всех перечисленных выше факторов, как говорится, сломя голову бросится сегодня на помощь курдам, то, возможно, получится как в известном стихотворении: «Не для тебя цвету, не под тобою завяну».

Все это свидетельствует о том, что Россия сегодня может оказать только тактическую поддержку курдам в Турции и Сирии. Стратегический союз же между Россией и курдами пока видится нам слабо прогнозируемым, нецелесообразным и даже проигрышным.

«Аналитика», 17 декабря 2015 г.

Чеченское общество: на пороге многоженства и расслоения

«Продукты на рынке в ЧР дороже, чем на всем Северном Кавказе. Нет научно выверенной системы развития и малого и среднего бизнеса. Почему такое количество молодых чеченцев попадает на «джихад» в Сирию? Для меня, как исследователя особенностей региональных форм духовной культуры, очень важно найти адекватный ответ на этот вопрос». О поисках адекватных ответов и необходимости прорыва в чеченском обществе – интервью политолога **Вахита Акаева**.

***Справка:** Вахит Хумидович Акаев – главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, доктор философских наук, профессор отделения кафедры ЮНЕСКО по корпоративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межнационального диалога по Северному Кавказу (Санкт-Петербург).*

«В СМИ республики отсутствует многообразие мнений»

– Вахит Хумидович, картина чеченского социума вызывает интерес в России и за её пределами. Какова Ваша эмпирическая оценка послевоенного чеченского общества, что изменилось в характере чеченского народа, в культуре чеченцев, в жизненных ориентирах?

– Действительно, нынешнее состояние чеченского социума вызывает значительный интерес у разных экспертов от журналистов, политиков до ученых. Мне и моим коллегам часто задают вопросы: как у вас дела, что происходит в республике, каково социокультурное состояние чеченцев и т.д.? Иногда они носят праздный характер, иногда их авторы хотели бы услышать мнение специалистов, осмысливающих то, что ныне происходит в Чеченской Республике. Отвечая на них, хотелось бы выделить несколько тенденций развития чеченского этноса.

Во-первых, в республике практически покончено со следами военных разрушений, постепенно восстанавливаются экономика,

социальная сфера как основа бытия жителей. Создаются, хотя с трудом, новые рабочие места, но при этом их не хватает на всех, ограничены возможности заработать средства для нормальной жизни. Отсюда – низкий уровень жизни людей, не видны перспективы ее улучшения.

Во-вторых, общество нуждается в переходе на новый уровень более качественного развития экономических и гражданских отношений. Явно ощутима необходимость серьезно продуманной программы развития среднего и малого бизнеса, без которой невозможно улучшить благосостояние людей. Цены на товары растут ежедневно, продукты на рынке в ЧР дороже, чем на всем Северном Кавказе, происходят странные кулбиты с коммунальными услугами и т. д.

Для определенной категории людей «отсутствуют» законы, хотя они имеют в собственности разные виды производства, здания, сооружения, но при этом умудряются не платить государству налоги.

В-третьих, в СМИ республики отсутствует многообразие мнений, они не отличаются выражением свободы в освещении событий, происходящих в республике и вокруг нее.

Сложные экономические, социальные проблемы психологически угнетают население, у людей нет оптимизма, которое наблюдалось несколько лет назад, когда республика бурно развивалась. Сейчас нужны иные подходы и решения и, если хотите, креативно ориентированные силы.

«Многоженство в истории чеченцев не было явлением распространенным»

– Новостные агентства и телеканалы бурно освещали «свадьбу века» и связанный с ним вопрос многоженства в Чечне. Рамзан Кадыров и первая леди подтвердили, что многожёнство является сунной (поощряемо), и нормой шариата в институте семьи и брака. Однако Чеченская республика – субъект светского государства. Проводились ли социологические исследования по теме полигамии в ЧР?

– Чеченцы – кавказцы со своими древними культурными кодами, установками, и одновременно россияне, живущие в общей

стране. Они и мусульмане, а по шариату мужчина имеет право иметь до четырёх жён, но при условии, если он их может содержать и оказывать каждой равное внимание. Мусульманину запрещено иметь одновременно более четырёх жен. Однако далеко не всегда такое требование шариата выполняется.

Надо признать, что многоженство в истории чеченцев не было явлением распространенным. Не было распространено многоженство в царское время, по понятным причинам оно было редким и в советское время. Но после двух войн в Чечне сложилась ситуация, когда десятками тысяч погибли мужчины, юноши. Много женщин осталось без мужей. В этой ситуации, следуя обычаям и традициям, нормам шариата, некоторые мужчины стали создавать вторые, третьи семьи, а иногда и четвертые.

Сегодня многоженство позволяют себе и очень состоятельные люди, мотивируя свои позиции нормами шариата. Сказать, что с этим всегда согласны родственники, дети, было бы неверно. Подобная ситуация в некоторых семьях вызывает ссоры, обиды. Хотя имеет место и относительно спокойные ситуации. Российское законодательство многоженство запрещает, хотя помнится и выступление Владимира Жириновского в Госдуме с предложением об узаконивании многоженства в стране.

В России немало случаев гражданских браков, наличие разных «любовных треугольников». То есть реальная ситуация с брачными отношениями значительно сложнее, чем конституционные и законодательные нормы. Можно ли это законодательно отрегулировать?

Социологических исследований на эту тему не проводились, поэтому однозначного ответа, основанного на обобщении опросов, количественных показателей, у нас нет. В целом, с моей точки зрения, *чеченское общество не склонно к признанию многоженства*, оно в своей основе имеет свои этнокультурные ценности, сопряженные с регулированием брачных отношений, не позволяющих развивать многоженство. Безусловно, эта тема требует серьезного научного исследования, что позволит дать более ясную конкретную картину.

– Аспирант из Ингушетии собирался посвятить полигамии кандидатскую диссертацию, но престижный московский вуз отклонил предложенную тему. Есть ли предпосылки распространения полигамии на Северном Кавказе – в Ингушетии, Дагестане? Насколько актуально научное исследование по данной теме для кавказского региона, по Вашей оценке?

– Вряд ли престижный московский вуз решает более основательные научные этнокультурные задачи, нежели проблемы изучения полигамии в Ингушетии, Чечне или Дагестане. С моей точки зрения, эта интересная задача, напрасно не дали молодому человеку её исследовать. На Северном Кавказе явление полигамия все-таки не распространено, как, например, на мусульманском востоке. Видимо, и там многоженство могут себе позволить очень состоятельные люди, но бедные, экономически стесненные – не могут.

У чеченцев имеется классическая поговорка: мужчина, имеющий двух жен, не нуждается в собаке во дворе. С моей точки зрения, только 3% мужчин в Чечне, возможно, являются многоженцами. Такая ситуация и в Дагестане, Ингушетии. Иной перспективы в развитии многоженства в Чечне в ближайшие 20 лет я не вижу.

– **Какие функции выполняет сегодня чеченский институт тайпов? Насколько социальное пространство Чечни подвержено расслоению и от чего этот фактор зависит?**

– В последние 20 лет много говорят о чеченских тайпах, появились соответствующие эксперты, раздающие свои комментарии. В целом, объяснение ситуации с институтом тайпов в Чечне неоднозначно. *Этот социальный институт давно подвергся модернизации, перестал выполнять свои первоначальные функции. Социальное устройство чеченцев давно перестало основываться на родовых, тайповых отношениях* (хотя они имеют некоторые сходные черты, но имеют и существенные различия). Чеченское общество, как и многие другие этнические сообщества, как в годы СССР, так и сегодня, подверглось урбанизации, модернизируется.

На основе тайповых отношений не решаются серьезные экономические, социальные, политические задачи внутри самого че-

ченского общества, хотя они оказывают определенное влияние при формировании клановых систем.

Социальное расслоение чеченцев подчинено законом дикого рынка, наблюдаемого на всем пространстве нашей общей страны. Расслоение огромное, условно его можно выразить в пропорциях: 2% – очень богатые, средний класс – 10 %, 82 % – бедные и нищие. По моим прикидкам – такова специфика стратификации, экономического благополучия населения республики, а точнее, его неблагополучия. У большего количества семей зарплат и других доходов едва хватает на еду. У них сегодня нет никаких шансов изменить нищенский образ жизни, улучшить свое благосостояние. И эта ситуация накапливает серьезный политический заряд.

Необходима иная тенденция экономического, социального развития, нужно такое развитие экономики, чтобы массы людей могли бы заняться малым и средним бизнесом, жить достойно, обеспеченно. Этого пытается достичь руководство республики, но ситуация меняется крайне медленно. Что-то препятствует развитию... Видимо, решение этой задачи находится не в Чечне, а в федеральной экономической и социальной политике.

– В Москве существует квартал валютных миллионеров, представляющий собой параллельный социум, живущий своей жизнью в столице РФ. В Чечне богатые также живут изолировано от общества, или этого не позволяет национальный менталитет? Небоскрёбы в Грозном заселены простыми чеченцами?

– То, что небоскребы не заселены простыми людьми, скажет любой житель Грозного. Чиновничество всегда создает компактные места для своей прослойки, богатые изолируются в селах, городских кварталах от простых людей по разным соображениям. Подобным образом создается некая каста, которая порою ведет себя высокомерно, вызывая, некоторые их дети, родственники, часто совершают безнаказанные преступления, от которых страдают и сами чиновники. У таких чиновников – специфическая жизнь, но, как говорится, и богатые плачут.

Ставка «ИГ» на Чечню

– В Чечне ислам получил стремительное развитие. Такого количества мечетей мирового уровня в сельской местности, школ хафизов нет ни в одном регионе России, Поддержка хаджа руководством Чечни также на порядок выше. И при таком внимании к религиозным потребностям общества в ряды запрещенной в РФ террористической группировки «ИГ» вступили почти 500 человек из Чеченской Республики, около двухсот из которых уже уничтожены. Как сложилась подобная социально-политическая ситуация?

– Ислам и православие в Чечне поддерживаются руководством республики. При поддержке федерального центра, отдельных состоятельных людей, разных фондов, в том числе и зарубежных, строятся прекрасные мечети, исламские учебные заведения, школы хафизов. Поддерживаются мусульмане, совершающие хадж. Это происходит и в соседнем Дагестане, где также много делается для утверждения ислама, духовности верующих. Ведь было время, когда преследовали верующих, не позволяли им совершать соответствующие обряды, уничтожали мечети, церкви, людей лишали культовых сооружений, где они могли молиться, сажали и расстреливали представителей духовенства, глубоко верующих людей. Слава Всевышнему, это преодолели. Сейчас много делают, чтобы верующие не были ущемлены, создаются соответствующие условия. Подобная политика находит поддержку у населения, она поддерживается.

Как и у главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова, у многих также возникает вопрос: почему такое количество молодых чеченцев попадают на «джихад» в Сирию? Для меня, как исследователя особенностей региональных форм духовной культуры, очень важно найти на него адекватный ответ.

Уход сотен молодых чеченцев на войну, где гибнут мусульмане и немусульмане – это тревожный симптом, требующий тщательного анализа явления, причин его возникновения и определение путей блокирования. Прежде всего, хотелось отметить, что молодежь обрабатывается через социальные сети, где сирийских

ополченцев изображают в качестве борцов за ислам, а президента Сирии Башара Асада – как врага ислама суннитского направления. Фанатичная молодежь попадает на эту агитацию. Такую работу проводят и вербовщики на местах или находящиеся где-то за рубежом. Молодежь поддается и на финансовые выгоды, которые им сулят сторонники «ИГ». Определенная часть убегает и от жизненных проблем, а иные – и от совершенных преступлений. Недавно в Сирии погиб чеченец 36 лет, у него остались там жена с четырьмя детьми. Разве он сражался за ислам? Ведь он отправился на «джихад» без согласия своей матери, он – не борец за ислам, а обыкновенный наемник.

Через несколько месяцев его женщину по «законам ИГ» вопреки ее воли выдадут замуж за «брата-мусульманина». Родственники в трауре, более того – в шоке, они не знают, как ее с детьми вернуть на родину. Это пример для серьезных размышлений для молодежи, поступки которой разрушают самые дорогие ценности чеченского народа: жить, работать, умереть на родине своих отцов и дедов, совершая добрые дела. В этом и заключается джихад для чеченцев.

Между тем, против чеченской молодежи ведется война, направленная на ее дезориентацию, лишение традиционных патриотических ценностей, уважения обычаев и традиций народной культуры. Ее пытаются переориентировать на ценности «всемирного халифата». Кому-то очень хочется превратить чеченскую молодёжь в наемников и использовать ее как топливо в мировых пожарищах.

Другая Чечня

– Практически во всех престижных вузах Москвы обучаются выходцы из Чечни (есть и преподаватели). Творчество чеченских художников и поэтов вызывает восхищение и восторг. Насколько влиятельна научная и творческая интеллигенция республики, поддерживаются ли научный сектор и культура на том же уровне, что и сфера исламской религии в Чечне?

– Искусство, спорт, культура, образование в республике поддерживаются – это наши приоритеты – а лучшие представители поощряются. Руководство республики не меньше внимания, чем

религии, уделяет данным областям социальной и духовной сферы. Это факт. Однако, с моей точки зрения, число молодых людей, занимающихся этими формами деятельности, по сравнению с представителями соседних республик значительно ниже. Поэтому важно изменить ситуацию в лучшую сторону как в количественном, так и качественном отношении.

Развитие науки и технологий требуют государственной поддержки, соответствующего финансирования, на одной инициативе далеко не уедешь. Чеченское общество нуждается в основательном освоении современных научных знаний и технологий. Здесь необходим прорыв. В противном случае, оно будет долго находиться в плену мифов и иллюзий.

– В субъектах Северного Кавказа социальная среда где-то имеет регулятора в виде министерства или комитета по делам молодёжи, национальной политике, по делам религий, где-то такие ведомства не созданы. С Вашей точки зрения, государство должно заниматься идеологическим воспитанием молодёжи, проводить политику культурного развития кавказского сообщества?

– Указанные Вами властные структуры призваны осуществлять культурную, молодежную политику в стране, различных ее регионах. Разумное управление этими процессами необходимо, но при этом нельзя лишать молодежь, людей инициативы, реализации своих естественных потребностей в искусстве, религии, культуре, образовании.

– На каком уровне находится предпринимательская активность населения, модернизация экономики Чечни?

– В республике немало сделано для восстановления экономики и социальной сферы. Но остался не восстановленным нефтеперерабатывающий комплекс, очевиден застой в развитии промышленности, ощущается снижение темпов строительства. Помнится, как в Грозном высокопоставленный российский чиновник в ответ на озвученные министром промышленности республики планы развития этой отрасли, спросил: а зачем Чечне промышленность?..

Промышленная отсталость республики очевидна, а с этим сопряжены интеллектуальная, экономическая, техническая и технологическая грамотность населения. Бизнес-инкубаторы, бизнес-парки реально отсутствуют, о них иногда говорят, присутствует имитация, но конкретных дел слишком мало. Нет научно выверенной системы развития и малого и среднего бизнеса.

– **Общая для России тенденция и проблема – падение авторитета чиновников практически всех уровней. В моём представлении, в Чечне отношение власти к своему народу имеет другие «оттенки», отличные от общероссийских, так ли это?**

– Чечня – составная часть России, где эти тенденции имеют свою местную специфику, колорит. Конечно же, имеются чиновники, работающие честно, стремящиеся улучшить управленческую ситуацию. Но в целом чиновничество давно потеряло свой авторитет в народе. Причины очевидны: оно «жиреет, а народ хиреет». Чиновников не донимают, как простых людей, проблемы, они не считают рубли на еду, одежду детям, на улучшение здоровья и пр.

– **По Вашей оценке, что более всего ценят в современном чеченском обществе, помимо мира и спокойствия в республике?**

– Высоко ценят честность, порядочность, милосердие, заботу о родителях, детях, образованность... Хотя в условиях капитализации общества эти качества подвергаются коррозии. Но семейные и социальные институты противостоят диким рыночным отношениям, пока еще сохраняя глубинные этнокультурные ценности.

*Беседовала Светлана Мамий
«Национальный интерес», 22 декабря 2015 г.*

2016: НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ

**Материалы экспертного опроса
по итогам 2015 г.**

От составителя

В канун 2016 года Кавказский геополитический клуб провел ставший уже традиционным *экспертный опрос по итогам уходящего года*. На вопросы о тенденциях и перспективах развития ситуации в различных регионах, прежде всего, на Ближнем Востоке и Кавказе, ответили ведущие эксперты по соответствующим направлениям.

Интервью экспертов (с ними беседовала Яна Амелина) сгруппированы по макрорегиональному принципу. Ряд интервьюируемых, подробно описывая общественно-политическую ситуацию, уделили особое внимание духовно-религиозным аспектам происходящего, что придало аналитике дополнительные объем и глубину. Следует отметить, что точка зрения экспертов Клуба не является официальной позицией КГК, хотя обычно совпадает с ней.

Материалы прошлогоднего экспертного опроса размещены на сайте Клуба в разделе «Издания». Даже беглый сравнительный анализ показывает, насколько изменились (порой практически необратимо) многие тренды и расширился оперативный простор. Мы живем в эпоху глобальных перемен, что накладывает на экспертов особую ответственность и привлекает к их работе особое внимание. Тем интереснее наблюдать за реализацией прогнозов в режиме реального времени.

ГЕОПОЛИТИКА-2016

«Суть одна – война ради войны»

Анализ происходящего в политической и духовной сфере России и мира представляет председатель Духовного управления мусульман Республики Северная Осетия-Алания, муфтий Хаджимурат Гацалов.

– **Каковы, на Ваш взгляд, главные события прошлого года и их последствия для страны и мира?**

– Для ответа нам стоит вернуться к прогнозам, которые были построены на фактах и событиях года, уже ушедшего в историю. Ход региональных процессов политического характера и предполагаемые перспективы, которые виделись из складывающегося миропорядка в конце 2014 года, в целом подтвердились. Кроме одного момента, который кардинально меняет взгляд на события, произошедшие в 2015 году, и на будущие отношения стран-участниц антиигиловской операции, в первую очередь, России и Турции. *Атака на российский военный самолет – акция, разделившая мировую политическую историю на «до» и «после».*

Вне сомнения, эта грандиозная провокация будет иметь далеко идущие последствия, влияние которых на региональную и отчасти мировую геополитику трудно переоценить. *Создан исторический прецедент.* Впервые со дня окончания Второй мировой войны было совершено военное нападение на вооруженные силы нашей страны. Факт очень серьезный, и объяснять его эмоциональным характером Эрдогана, политические амбиции которого были задеты, слишком просто и очень опасно. Это коварная и предательская военная операция, грамотно спланированная и реализованная с использованием технических возможностей средств ПВО Турции и данных о маршруте и времени пролета российского бомбардировщика, которыми располагало командование натов-

ской группировки. Думается, данные спутников слежения США также были задействованы.

Прогнозы прошлого года относительно региональной геополитики и межгосударственных отношений стран Черноморского и Каспийского бассейнов строились, исходя из стремительно развивающихся связей России и Турции. Приведу резюме своего прошлогоднего интервью: «Турция исторически не сторонница скоропалительных решений и поспешных действий, все ее шаги продуманы. Вывод очевиден – мы приобретаем в лице Турции стратегического партнера, а может быть, и союзника». Вывод был построен на фактах пика отношений, которые складывались десятилетиями. Теперь эта перспектива перечеркнута. Один человек кардинально изменил не только складывающиеся дружеские отношения между двумя государствами – он совершил моральную измену своему ближайшему соседу, народам Турции и России.

Так что атаку на российский самолет я бы поставил на первое место среди главных политических событий года. Ибо нападение на РФ, а это именно так, является коварным, грязным, но, тем не менее, политическим событием с далеко идущими целями.

– Какие изменения после всего случившегося последуют в регионе?

– Антироссийские силы провели сложную операцию в Европе – оторвали Украину от России и на ближайшую перспективу сделали два славянских государства противниками. Затем они организовали поток беженцев в Европу и с удовлетворением наблюдают постепенное разрушение шенгенских договоренностей. Процесс разъединения Европы и возможности ее экономического роста вступают в противофазу. Процесс тяжелый, с подъемами и спадами, но при нынешней политике госдепа США – неизбежный.

Нетрудно предположить, что острие политики США будет, в основном, сконцентрировано на пульсирующем событиями регионе взаимодействия таких государств, как Россия, Турция, Иран, Азербайджан и Армения. Принимая во внимание военную операцию в Сирии, противостояние отрядам «Исламского государства» (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.) и

неуемное желание мировых «демократов» продвинуть процесс «демократизации» в сторону Средней Азии, *российско-турецкие и российско-иранские отношения будут резонаторами всех остальных политических процессов.*

Последние годы российско-турецкие связи укреплялись, динамика их развития расширяла спектр взаимодействия и усиливала его политическую составляющую. Стремительное решение по реализации проекта «Южный поток» и отказ Турции присоединиться к экономическим санкциям против России выводили отношения двух государств на иной уровень. При многих шероховатостях государственной региональной политики и разных национальных интересах, а также ревностного отношения Эрдогана к авторитету российского президента, турецкий лидер отчетливо представлял будущие дивиденды сближения.

Госдеп США внимательно следил за событиями в регионе. Вне всякого сомнения, разворот государственного корабля Турции в сторону России был основной головной болью для американского госсекретаря. Вес и авторитет российского присутствия возросли настолько, что многомиллиардная по затратам и более весомая в политическом значении операция Вашингтона и его союзников в Сирии ни к чему не приводила. Да и политические перспективы США в этом регионе как-то размылись.

Скорее всего, Госдеп провел масштабную обработку конкретно Эрдогана и нашел вариант предложения, от которого тот не мог отказаться. И произошло то, что одномоментно разрушило российско-турецкие отношения. Но главное для Эрдогана, что его политические акции от этого не выиграли. США он уже, скорее всего, не нужен – они будут ставить на следующего президента. Москва тоже ищет варианты, но ни в одном из них для нынешнего президента Турции места нет. Эрдоган потерял авторитет в любом совместном геополитическом проекте региона, но от этого его действия не станут более продуманными. В ближайшее время Турция не станет какой-то осью или стороной вариантов коллективной безопасности региона, напротив, ее политика в отношении ближайших соседей будет нестабильной и противоречивой. Она

вышла из состояния баланса сил, который сформировался за последние годы. Но роль статиста ее, конечно, не устроит, и она будет усиливать возможности и влияние в отношении родственных стран. Трудно сказать что-то более определенно.

В отношениях с другими государствами разрыв связки Россия-Турция также будет учитываться. *Турция в основном населена мусульманами-суннитами, и то, что ее демарш подтолкнет Россию к более плотным контактам с шиитским Ираном, вызывает озабоченность у многих.* Но Россия, учитывая это, ведет объемную работу с арабскими странами и, в первую очередь, с Иорданией.

– Если вернуться к наиболее значимым событиям года...

– Следующим главным событием стало выступление президента РФ Владимира Путина на юбилейном саммите G20 в Нью-Йорке. Его с интересом ожидали серьезные политики, влияющие на ход мировых событий. И надо отдать президенту должное, он их не подвел. Выступление было мощным по сути и ярким по зрелищному восприятию. Это был объективный и глубокий анализ событий последнего времени. Очень взвешенно расставлены акценты и определены приоритеты. Не будет громким сказать, что доклад представлен как программное предложение для лидеров ведущих стран. Это историческое событие в мировой политике, объективная картина, раскрывающая суть проблем и показывающая, как нельзя было поступать. Это четкое предложение честного партнерства.

Почему-то многие аналитики отразили один аспект, рассуждая, кто выступил лучше – Путин или Обама. Кто-то придал выступлениям характер соперничества, и, думается, неспроста. Но это были разные по весу, категории и влиянию выступления – непонятный отчет Обамы и программное предложение устройства миропорядка. Другой подход, другие предложения, а по сути – другая мораль.

Успехи авиагруппы ВКС РФ в Сирии замыкают тройку важнейших событий, но в причинно-следственном аспекте российская операция является катализатором и проявителем целого ряда со-

бытий прошлого и, думается, ближайшего будущего. Она внесла серьезные изменения в ситуацию на Ближнем Востоке. Расшатывание государственных систем и перевод ряда государств в беспомощное, ни на что не влияющее состояние при активном участии спецслужб США, продвижение «арабской весны», остановилось на Сирии. Лицемерная политика Вашингтона, военная операция, многомиллиардные затраты не дали результата. Спланированное и созданное ими квазигосударство под названием «ИГ» в четко определенном регионе, с перекрытием нефте- и газоновых районов и путей их транспортировки, стало выполнять роль военного тарана и гаранта беспорядка в регионе. Видимость войны с т.н. «Исламским государством» обеспечила для мировой ответственности якобы легитимное присутствие войск НАТО в регионе. Вся операция декорировалась лозунгами борьбы с международным терроризмом. А по сути, и «ИГ» цело, и Сирию бомбят.

Действия ВКС РФ в течение нескольких дней раскрыли истинное положение дел, объяснив, почему при более чем годичных авиааналетах силы «ИГ», наоборот, росли. Мировая общественность, глядящая в рот американцам и желающая, чтобы ее регулярно водили за нос, задумалась. Настал момент истины в реальной борьбе с международным терроризмом. Трудно предположить, как бы дальше развивались события, если бы базой международной агрессии стала вся Сирия. Это был бы очень серьезный и перспективный плацдарм для дальнейшего распространения мирового хаоса. Теперь этого, слава Аллаху, нет.

– Какова основная тенденция, в рамках которой развиваются все эти процессы?

– Главная тенденция всех событий одна, она была, есть и будет – это стремление превратить земной шар в сырьевой придаток Запада и попутно лишить мир морали. Народом, у которого отсутствует мораль, легко управлять.

Одно из опаснейших проявлений этой тенденции – использование акций международного терроризма как инструмента для решения своих задач, формируя и направляя общественное мнение в нужную сторону. Примеров не перечесть. Наиболее яркий –

малазийский «Боинг», сбитый над территорией Украины. Сегодня уже всеми забытый и никому не нужный акт международного терроризма, возведенного в ранг государственной политики. Этой политикой было подготовлено решение об уничтожении самолета. Эта же политика заблокировала расследование преступления, и убийцы сотен людей ушли от наказания.

Афоризм «нефть – кровь войны» в полной мере реализуется сегодня. Завтра придумают другой. На очереди – «вода – кровь войны». Но *суть одна – война ради войны*. Эта тенденция прослеживается в переписке Хилари Клинтон, опубликованной в ходе предвыборной гонки, где прямо подтверждается лицемерность действий политики Госдепа как на Востоке, так и на Западе.

– Политика – политикой, а что можно сказать о духовной жизни? Чем запомнился уходящий год? Что происходит в религиозной сфере России и мира?

– Однозначно, центральным событием исламской религиозной жизни стало открытие Московской соборной мечети. Смысл его не только в окончании строительства и обретении места для совершения молитвенных ритуалов для многих тысяч верующих. Сам факт открытия такой большой мечети в Москве, столице многонационального и многоконфессионального государства, говорит о многом – о солидарности, о взаимопонимании.

Уникальная по архитектуре и красоте, она по достоинству стала центральной мечетью страны. Суть единения всей российской уммы была очевидна в момент ее торжественного открытия. Соответствовала этому пафосу и речь президента РФ. Лидер нашей страны сказал следующее: «Открытие мечети достойно многонациональной страны. Достойно России. Ислам по российскому закону является одной из традиционных религий нашей страны. Уверен, что она станет важнейшим духовным центром, источником просвещения, источником истинных ценностей. Будет нести знание и духовность. Позволит объединить людей других вероисповеданий во имя общих благих дел. Как сказано в Коране: «Стремитесь опередить других в добрых делах».

Духовность растет, и это естественно, ибо потребность в Боге очищает человека, делает его стойким и уверенным в сложных ситуациях. Но просматривается и обратная тенденция. *Растет число людей, нетерпимо относящихся к религии, ревностно отстаивающих позицию, определяющую место верующим только в мечетях и церквях, игнорируя и ущемляя права, закрепленные за ними основным законом страны. Если власть не будет реагировать на случаи притеснения верующих, в перспективе может возникнуть напряжение в обществе.* Обыватели повсеместно выступают против строительства мечетей и церквей. Но при строительстве иной социальной инфраструктуры мнения этих же обывателей определяющими не являются.

Тревожит ситуация в исламском мире, провоцирующая растущее негативное отношение к исламу. Трудно не согласиться, что *все происходящее в исламской среде продумано и инспирировано врагами этой религии, но инструментом и разрушителем ее имиджа являются сами мусульмане.* Ближний Восток ввергнут в огонь и хаос – десятки тысяч убитых и миллионы бежавших из родных мест. Это ли не вселенская трагедия для людей и народов? Но прибыв в Европу, получив жилье и пропитание, они начинают губительную для себя и порочащую ислам деятельность. Превращают места обитания в свалки и наводят ужас на приютивших их людей. Унижают и насилуют женщин, показывая, насколько далеки от ислама, хотя и прикрываются им. Это показатель серьезного кризиса исламской уммы. На этом фоне надо отметить несомненный рост духовности у россиян, при всех наших проблемах.

– **Каковы общие итоги ушедшего в историю 2015 года? Как они отразятся на развитии Осетии, Кавказа, России?**

– *2015 год не порадовал позитивным прорывом в какой-либо области межгосударственных отношений.* Жесткие требования Запада к России, историческое невосприятие России ни в каком формате генерирует политику двойных стандартов, создает атмосферу недоверия и неискренности. Лукавое расследование

гибели малазийского «Боинга», недальновидная политика в отношении «ИГ», теракт на Синае, в котором погибли российские туристы, сбитый бомбардировщик Су-24 – плоды и жертвы политического лицемерия. Экономические санкции и падение цены на нефть – из того же арсенала политического шантажа.

Определение «политика – концентрированное выражение экономики» дополняется сатанинским принципом «цель оправдывает средства». Уверенность Запада в своей непогрешимости и вседозволенности подталкивает политических деятелей к опасным авантюрам и может привести к катастрофе иного масштаба. Все эти моменты довели над прошедшим годом и будут влиять и на следующие годы.

Экономическая ситуация отражается уже и на России в целом, и на Кавказе и, тем более, на Осетии. Но это повод и стимул концентрировать свои мысли, финансы и проекты. Эра больших денег от продажи нефтепродуктов закончилась. Думаю, это подходящий момент, чтобы изменить государственную экономическую и налоговую политику, снизить внутренние цены на энергоносители – основной фактор, влияющий на себестоимость производимой продукции. Это даст серьезный импульс среднему классу предпринимателей. Страна быстро компенсирует налоговые потери в течение нескольких лет и наверстает экономическое отставание. ВТО не решает наши проблемы и в отношении санкций против нас никак не проявилась. Надо приостановить наше членство в этой организации, если это не грозит нам еще чем-то, о чем мы с вами не знаем.

– Не возникает ли ощущение, что ход событий стремительно ускоряется, и общество не вполне за ним успевает?

– Ощущение ускорения хода событий складывается из-за частоты их проявления, из-за плотности случившегося в один небольшой промежуток времени. Немногим раньше каждый исторический факт анализировался и учитывался в перспективе. Сейчас же в один год произошло несколько серьезных происшествий, вызвавших широкий политический резонанс. Но из-за быстроты изменения ситуации одно событие ретушируется другим и забыва-

ется. При этом оно не теряет своей исторической и политической значимости. Но многие эксперты не придают достойного значения многим моментам, которые прошли в череде других и обязательно выстрелят в будущем. То есть не то чтобы не успевают за событиями, а неадекватно оценивают их. Возможные последствия этого таковы, что дальнейшая ситуация и ее перспектива не имеют полноты раскрытия и не верно просчитывается.

Вернемся к самолетам – все потихоньку забывают про «Боинг», сбитый на Украине. Расследование не закончено, но почему это помешало нам придать этому факту статус государственного терроризма, хотя бы для нашего внутреннего пользования, и руководствоваться им? Если эти силы пошли на такой гнусный шаг, неужели они не могут повторить его или сделать что-то еще страшнее? Учитывая это, военное командование вряд ли бы послало бомбардировщик в Сирии на задание без сопровождения, вопреки военной тактике. И мы не имели бы сбитый самолет, погибших людей и последующих проблем. То же самое и с египетским направлением – все знали, что массы российских туристов отдыхают там. И дело не в том, что все умны задним числом, а в том, что эксперты и аналитики об этом даже не думали.

– Традиционный вопрос – Ваш прогноз на этот год? Куда идем и что делать?

– 2015 год был довольно насыщенным на экстраординарные события, и необходимо время, чтобы осознать произошедшее и сделать правильные выводы – и нам, и нашим так называемым «партнерам». Тем более что американцам предстоит перезагрузка, и как это скажется на мировой политике, не совсем понятно.

Президент России должен уделять больше внимания внутренней политике, в первую очередь, экономике. Не проходит ощущение, что правительство уже который год не диктует правила экономических процессов, а плывет по течению, занимаясь латанием бюджетных провалов. Думаю, без жесткого президентского вмешательства экономическую перспективу не изменить. Дисбаланс внешней и внутренней политики приносит проблемы, тем более такой большой стране, как Россия.

«Никакого импортозамещения без элитозамещения не произойдет»

Итоги года подводит член Совета Ассоциации политических экспертов и консультантов, политолог **Владимир Горюнов**.

– Что бы Вы назвали главными итогами 2015 года? Назовите три основных события этого периода.

– На мой взгляд, их было более трех. Первым отмечу соглашения «Минск-2», с которых начался год, и благодаря которым в зоне конфликта все это время не было активных боевых действий. Это довольно серьезная тактическая победа российской дипломатии. Не знаю, в каком запое Порошенко подписал этот документ, ставящий Киев в положение цугцванга: невыполнение соглашений украинской стороной автоматически делает ее виновной в срыве мирного процесса, а выполнение ведет к дальнейшей дезинтеграции Украины. С другой стороны, по причине отсутствия у России плана урегулирования украинского кризиса, эти соглашения только замораживают конфликт. Родовая болезнь российской дипломатии – отсутствие стратегии, стремление заморозить ситуацию и сохранить статус-кво любой ценой. Что мы в очередной раз и наблюдаем.

Важнейшим событием года стало празднование 70-летия Великой Победы и акция «Бессмертного полка», которая имела просто колоссальное значение для внутреннего самоощущения нации, породив невиданный патриотический подъем. Но, как и год назад, после Крыма, эта тенденция не получила развития, и к концу года все «сдулось». Эффект пропал.

Невозможно не отметить начало военной операции в Сирии. Это мощнейший политический ход, продемонстрировавший готовность России к самостоятельным внешнеполитическим действиям как державы мирового уровня. Это даже мощнее, чем 8.08.2008! В Сирии мы увидели демонстрацию военно-политической составляющей российской государственности, поразившую весь мир, видим политическую стратегию. Россия была обязана оставить за собой этот формат, иначе сдача Сирии, к ко-

торой шло, нивелировала бы все достижения крымской весны. С другой стороны, мы опять видим проблемы стратегического мышления, недостаток стратегического видения. Что мы хотим получить в Сирии – загадка. В случае продолжения нынешней линии сирийские власти так или иначе будут снесены. Иран не станет убиваться за российские интересы, особенно когда у него есть свои. Нам противостоит западная коалиция, причем в тех областях, где она особенно сильна – демократия, выборы, двойные стандарты и прочее. Необходимо определяться.

История со сбитым турками российским бомбардировщиком показала готовность противостоящих России сил идти на любые меры. Это первый случай, когда подобный инцидент был совершен военными иностранной армии. Организаторы этого демарша использовали рычаг, задействовать который не решились в Приштине в 1999 г. Тогда натовские силы не были готовы вступать в прямое вооруженное столкновение с Россией. Сейчас не просто готовы – они уже сделали это. Созданы соответствующие настроения в лице Польши, Прибалтики, Украины, которые, судя по всему, будут наносить первые удары.

Важен в этом контексте и допинговый скандал с недопуском российских легкоатлетов на Олимпиаду, продемонстрировавший, что *Запад готов на любые действия, и Россия ни при каких условиях не сможет выйти победителем из этого противостояния*. Во всяком случае, до тех пор, пока будет покорно играть по чужим правилам, соблюдение которых не контролирует. И это – не только в спорте, а в любой области – экономике, культуре и т.д. Развитие событий полностью выбивает почву из-под всех попыток встроиться в эту схему. Международного права не существует – есть право сильного, в роли которого выступают США. Ирак и Югославия многократно это доказали, но некоторые все еще не могут усвоить урок.

Наконец, несколько слов о главном, чего в прошлом году так и не произошло. Не произошло отставки правительства Медведева или, как минимум, смены его финансово-экономического блока. Это не произошедшее и будет определять дальнейшую жизнь

страны, что было ясно еще в конце позапрошлого года. Очень серьезно возросло присутствие в информационном поле либералов всех мастей. В экономическом поле вообще ничего, кроме них, не видно. Добра от этого ожидать не приходится.

– **Как бы Вы обозначили главную тенденцию года?**

– Я вижу ее в *нарастании разрыва между декларативной внутренней и относительно удачной внешней политикой*. Все более очевидно, что эти тренды разнонаправлены. Но насколько это осознают в Кремле? Экономическая политика по-прежнему остается колониальной, а люди, которые делают ее таковой, все так же находятся «у руля».

Также пора уяснить, что если против России ведется гибридная война, о которой столько говорится, то во время войны должны действовать законы военного времени. Если война гибридная, то и противники у нас – гибридные, и предатели – тоже гибридные. И за предательство надо наказывать хотя бы отлучением от активной общественно-политической жизни и СМИ.

Происходит значительное снижение базы поддержки центральной власти. Данные социологических опросов, фиксирующих высокие рейтинги Путина, не должны никого обманывать. *Конечной целью гибридной войны является смена режима в России с дальнейшим развалом страны*. Враги режима имеют собственный ударный батальон, противостоять которому должна активная часть населения, готовая встать на защиту власти – и именно по ней наносится удар. К социальному взрыву это привести не может, но он и не нужен. «Белоленточники» испугались не ОМОНа, а Полклонной, но все последние действия властей ведут к тому, чтобы максимально снизить именно эту народную поддержку.

Спокойствие и стабильность висит на одном «гвозде» – Путине, рейтинг которого действительно высок. Но он же и забил последний гвоздь в гроб ожиданий победы над либералами, поехав на открытие Ельцин-центра. Власть теряет активных сторонников, когда начинает врать, и это становится очевидно. *Время для мягкой смены курса прошло. Без серьезных столкновений уже не обойтись*. События в Москве развиваются именно в этом

ключе – введение платных парковок, снос ларьков и так далее ведут к созданию массовой базы поддержки «белоленточного» движения. Понятно, почему вызвать недовольство населения нужно именно в Москве. Думаю, что первая проба сил новой «болотной» будет весной, а основная – на следующих выборах в Государственную думу.

– **Ваш прогноз на ближайший год?**

– *Давление на Россию будет продолжаться по всем фронтам* – политическому, экономическому, дипломатическому и другим, и чем жестче наша страна будет придерживаться вышеописанного неправильного курса, тем в худшем положении окажется. *Никакого импортозамещения без элитозамещения также не произойдет, и любые иллюзии на эту тему нужно оставить раз и навсегда.*

«Геополитическая трансформация мира приобретает всё более явные формы»

Итоги уходящего года подводит известный российский политолог **Владислав Гулевич**.

– **Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события года. Главная тенденция года – можно ли ее выделить? Каковы общие итоги 2015-го?**

– Это, безусловно, война в Новороссии, участие России в войне против международного терроризма в Сирии и кризис в российско-турецких отношениях, который напрямую порождён вторым пунктом – российским присутствием в Сирии.

Главная тенденция года – это геополитическая трансформация мира, которая приобретает всё более явные формы. Начало этого процесса положено не в 2015 году, и им не ограничится. Геополитическая трансформация – процесс долгий, связанный с периодизацией геополитических циклов.

Уходящий год хронологически находится внутри большого пятисотлетнего геополитического цикла. Такие циклы приводят к

полному переформатированию присущего порядка международных отношений и расклада сил на планете.

500 лет назад европейцы открыли Америку, и мир стал другим. Периферийная Европа выбилась в мировые лидеры. Теперь центр тяжести смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, и мир тоже становится другим. В мировые лидеры выбивается прежняя периферия – Китай, Индия и т.д. Смена таких циклов – это и есть цивилизационная динамика нашей планеты.

2015 год явил нам красноречивые признаки того, что **геополитическая трансформация мира входит в фазу прямого столкновения интересов мировых игроков**. США прилагают все усилия, чтобы оттянуть неизбежный конец их гегемонии на планете. Союзники Вашингтона пребывают в ожидании, чтобы определить свой дальнейший курс: либо следовать за США, либо, на фоне событий, которые сопровождают процесс трансформации мира, пойти новым путём.

Государственный переворот на Украине в 2014 году – это ход конём Запада для торпедирования проекта евразийской интеграции на западном направлении. Это одна из мер, которыми Вашингтон устраняет потенциальных конкурентов (в данном случае, ЕАЭС). **Из-за войны на Донбассе евразийский проект остаётся незавершённым. Он остаётся актуальным, но его КПД с участием в нём Украины был бы более высоким.**

Сейчас об участии Украины в процессе евразийской интеграции говорить не приходится. Западные рубежи ЕАЭС превратились в рубежи войны, как и задумано Вашингтоном и Брюсселем. Прекращение активных боевых действий, приостановка конфликта – в интересах России. Это тот полезный минимум, который она может извлечь из негативного максимума.

Перелом в войне в Сирии, который произошёл благодаря действиям ВКС России, затмил события в Новороссии, но геополитически эти события взаимосвязаны. И в Сирии, и на Донбассе цель Запада одинакова – выдавить конкурентов с Ближнего Востока и Восточной Европы.

Наверняка многим 2015-й запомнится именно как год, когда действия России в Сирии спутали карты исламистам и их кураторам.

– Что бы Вы назвали главным событием года на Украине? Как это отразится на ее развитии в будущем году?

– Для Украины главным событием года остаётся социально-политическая напряжённость, которая переходит в хроническую фазу. В 2015 г. градус этой напряжённости повысился, поставив страну на грань коллапса.

Чёткий маркер – усиливающиеся противоречия в эшелонах власти. Публичная ругань министра внутренних дел Арсена Авакова и губернатора Одесской области Михаила Саакашвили – тому свидетельство. В украинских верхах грядет большая грызня плюс конфликт между ультранационалистами и руководством Украины. Вторые использовали первых для решения грязных задач и теперь не знают, что с ними делать.

Всё это ещё больше снизит возможность руководства страны адекватно реагировать на возникающие вызовы. Социальные неурядицы и политический хаос будут постоянными спутниками украинцев на ближайшие годы.

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти? Каковы возможные последствия отставания?

– Учёные утверждают, что плотность событий в наш век по сравнению с предыдущими веками значительно возросла. В прошлые века человек проживал за 24 часа столько событий, сколько современный житель Земли успевает прожить за 14 часов.

Экспертное сообщество не всегда успевает разглядеть грядущие события. Например, о гипотетической возможности вооружённого конфликта на Украине время от времени говорили многие. Но когда война была уже на пороге, оказалось, что все прогнозы на эту тему остались на уровне гипотез. Конкретно предвидеть ход войны и её конкретные результаты никто не смог. И всё произошло очень быстро: «евромайдан» и практически сразу – война.

Несмотря на то, что Украина – наш сосед, у Вашингтона была более эффективная модель взаимодействия с украинским правительством и оппозицией, чем у России. Россия сумела в крат-

чайшие сроки выработать стратегию реагирования на неожиданно сложившуюся кризисную ситуацию у своих западных границ, но это была ответная стратегия, действие вторым номером.

Расплачиваться за это приходится, в том числе, репутационными потерями. Хотя очевидно, что не Россия начала эту войну, ей приходится оправдываться и доказывать, что она не верблюд.

– Прогнозировать что бы то ни было в этих условиях еще сложнее, и все-таки – каков Ваш прогноз на будущий год для России и мира?

– Сначала скажу об Украине. Прогнозировать со стопроцентной точностью, конечно, сложно. Проникнуть проницательным взором сквозь дипломатический туман, которым окружены происходящие на Донбассе события, тоже непросто.

Несмотря на тревожные тенденции на линии соприкосновения ВСУ и ополчения, рискну предположить, что до большого кровопролития не дойдёт. Возможны отдельные – и даже серьёзные – эксцессы, но вряд ли мы увидим боевые действия образца лета 2014 года.

Приостановка конфликта устраивает США. По крайней мере, пока. Украина-российскому партнёрству нанесён нокаутирующий удар. Ближайшая задача Вашингтона – сделать так, чтобы эта рана никогда не заживала; чтобы Россия отвлекала свои политические, экономические, дипломатические ресурсы на минимизацию потерь, нанесены этим конфликтом; чтобы России было не до завершения евразийского проекта; чтобы она не успевала за возникающими по периметру её границ проблемами.

Ситуация в Новороссии – это ситуация «ни войны, ни мира». Идёт затяжная, морально истощающая война малой интенсивности. В таком виде она устраивает США.

Чем успешнее Россия будет реагировать на возникающие вызовы, тем вероятней возникновение новых очагов возгорания у её границ. Запад стремится законсервировать Россию, как минимум, в том состоянии, которого она достигла сегодня. Как максимум, оттолкнуть её в развитии на несколько лет назад. Для этого введены антироссийские санкции, искусственно обостряется обстановка вокруг российских инициатив на международной арене.

У России нет выбора: либо мы прорываем эту блокаду, либо сползаем вниз, что в эпоху ускоряющихся трансформационных процессов в мире равносильно капитуляции. Тогда трансформационные процессы будут продолжаться, но без участия в них России. Тогда на долю России останутся одни убытки, а преимущества – на долю других, более активных государств.

«Проблема «ИГ» не будет решена»

Встретив новый год, необходимо трезво оценивать вызовы, которые он несет России и миру. В каком направлении будут развиваться события, прогнозирует известный американский политолог, автор ряда книг по проблематике радикального исламизма в Евразии, аналитик и член консультативного совета Корпорации геостратегического прогнозирования **Гордон Хан**.

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события ушедшего года.

– Наиболее важным событием было распространение «Исламского государства» (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.) от его базового региона в Леванте в Европу, Россию, США, а также Южную Азию и Северную Африку. Самое значительное, знаковое событие этого процесса – теракт в Париже.

Вторым стало «возвращение» России в качестве мировой державы, выразившееся в её военном вмешательстве в конфликт в Сирии и менее заметно – в Ираке.

Третье ключевое событие – осознание того, что администрация президента США Барака Обамы на деле осуществляла лишь беспомощную «виртуальную» войну против джихадизма, тем самым содействовав росту так называемого «Исламского государства» и выживанию «Аль-Каиды» и других исламистских групп.

– Главная тенденция года – можно ли ее выделить?

– Главная тенденция года – нарастающая нестабильность миропорядка.

– Каковы общие итоги прошлого года?

– Можно выделить несколько основных результатов 2015 года. Самый основной, как уже было отмечено – растущая нестабильность мирового порядка. Это – прямое следствие укрепления международной системы перехода от однополярной структуры к многополярной без соразмерного появления на мировой арене государственных деятелей, которые способны согласовывать набор общепризнанных неофициальных правил игры, последовательно действовать в соответствии с нормами международного права или создавать совместную инфраструктуру международной безопасности в Европе и Евразии в целом. Сопровождающим результатом стали ненужные конфликты в Украине, Сирии и других странах.

Еще одним результатом, который только начинал формироваться как раз тогда, когда год подходил к концу, является *осознание Западом того факта, что он должен начать принимать во внимание российские интересы*, если надеется избежать конфликта с Москвой в Восточной Европе и удачно справиться с борьбой с глобальным исламистским революционным движением.

– Что бы Вы назвали главным событием года в регионе Ваших научных интересов? Как это отразится на его развитии в будущем году?

– Самым главным событием года в «моем» регионе, безусловно, стало военное вмешательство России в конфликт в Сирии. Это – водораздел в евразийской, да и в мировой геополитике, означающий установление еще одного полюса в структуре мирового порядка. Толчком для такого поступка Кремля явилась экспансия «ИГ» от его базового региона в Европу, Россию, США, а также Южную Азию и Северную Африку.

– Возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти?

– Согласен с тем, что есть некое ускорение действий главных игроков на международной сцене. *У меня имеются серьезные сомнения, что экспертное сообщество – особенно на Западе, но и в других странах тоже – способно предоставлять тем,*

кто принимает решения, объективный анализ мотивов и целей других государственных и негосударственных субъектов.

Интенсивность и степень распространённости и использования «стратегических коммуникаций» среди экспертов и журналистов от имени тех, кто находится у власти, достигли катастрофического уровня и обостряют международную напряженность в нашем очень «виртуальном» информационном веке. Те, кто принимают решения, не менее предвзяты, и это, наряду с сокращением демократии и нехваткой настоящих государственных деятелей, ведет мировую политику к конфликту.

– Каков Ваш прогноз для региона, России и мира?

– Будет, может быть, небольшая война в Сирии, но она будет больше сегодняшней. Будет рост количества терактов как минимум в первой половине года в Европе, США и России. Проблема «ИГ» не будет решена. В Афганистане «Талибан» будет укрепляться, увеличивать подконтрольную территорию и чаще наносить удары по Кабулу. «Аль-Каида» будет действовать «эффективнее», чем в прошлом году. Продолжится дальнейший политический и, возможно, территориальный развал Украины, которая будет страдать от ряда терактов, организованных праворадикалами.

Наконец, в 2016 году мы увидим ***продолжающуюся деградацию и дестабилизацию американской политической системы и американской политики***, в том числе:

- новые нарушения Конституции США и узурпацию законодательной функции президентом Обамой;
- политизацию судебной власти;
- выборочное и предвзятое выполнение правоохранительной функции администрацией Обамы в пользу афро-американцев, нелегальных иммигрантов и нехристианских религий;
- усиление напряженности и насилия между этническими группами в результате предвзятой политики администрации;
- рост коррупции среди политической элиты;
- растущую поляризацию в американской политике и антиистеблишментские настроения среди населения, особенно с правой стороны политического спектра.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК-2016

«Окончательно сформированы два мировых лагеря»

Главные тенденции 2015-го в регионе и мире обозначил знаменитый востоковед, директор Кавказского центра иранистики и Института автохтонных народов Кавказско-Каспийского региона профессор **Гарник Асатрян**:

– Из общего обзора богатого событиями уходящего года можно было бы, конечно, выделить несколько наиболее значимых – как на мировом, так и на региональном уровнях: скажем, вступление России в войну с «ИГ» (запрещенная в России террористическая организация – прим.), взрывы в Париже, уничтожение российского самолета турками и резкое ухудшение российско-турецких отношений, мероприятия, посвященные столетию Геноцида армян и участие в них знаковых политиков, прежде всего, Путина, по сути провал празднования Турцией юбилея битвы при Галлиполи, резкое обострение ситуации на карабахском фронте и т. д.

Но, честно говоря, мне хотелось бы, скорее, отметить некоторые важные тенденции и явления, которые стали ясно вырисовываться именно в 2015-ом. Мне кажется, *никогда раньше не было так отчетливо оформлено цивилизационное противостояние, противоборство двух этнополитических стихий, миров, борьба между носителями двух полярных миропониманий*. Независимо от деталей – конфликты, бомбардировки, террористические акты и т.д. – чувствуется, что *окончательно сформированы два мировых лагеря*.

Этот антагонизм вполне отчетливо ощущается сегодня, он достиг своего апогея именно в уходящем году. Разумеется, за всеми событиями военно-политического характера стоят геополитические и экономические интересы, но очень важное место занимает также глубинный субстрат цивилизационных мироощущений, который незримо присутствует в, казалось бы, даже совершенно прагматических процессах, связанных с экономикой, политикой и т. д.

Почему такое обострение особенно наметилось в последнее десятилетие и достигло своей высшей точки именно сегодня? ***Усиление России, возвращение ею ранга мировой супердержавы и особенно декларируемые нынешним руководством страны концептуальные принципы теоцентризма и традиционализма и объединение вокруг России государств и народов, исповедующих те же принципы, привели к реакции глобалистских сил, преследующих совсем иные цели, исповедующих иную идеологию.*** Как будто прозвучал набат тревоги для последних. Все, что было ими наработано, огромный ресурс, вложенный в агрессивное распространение либеральных идей, в создание нового типа человека, полностью утратившего рефлексию на уничтожение его исконных ценностей – уходит на ветер. Поэтому Западом и были мобилизованы все средства, весь аппарат, весь интеллектуальный потенциал для подавления поднимающего голову традиционализма.

Еще один момент, весьма тревожный, я замечаю в тюркоязычном континууме. Это пока не окончательно оформившаяся тенденция, но при благоприятных условиях она может перерасти в довольно угрожающее явление, ничуть не менее опасное, чем «ИГ» и международный терроризм в целом. Это – ***воскрешение уже изрядно поистрепанной идеологии пантюркизма, причем больше на постсоветском пространстве, чем за его пределами.***

Знакомые с этногенетическими реалиями тюркоязычного пространства знают, что, кроме родства языков, между народами, входящими в этот гипотетический мир, нет ничего общего. Каждый из этих народов имеет больше общих генетических, культурных и мировоззренческих элементов с соседними, так сказать, нетюркскими народами, чем с теми, которые говорят на родственных с ними тюркских диалектах. Это положение общеизвестно и не требует обоснования: идея о том, что языковое родство предполагает обязательно и родство генетическое, популярная на заре компаративистики, давно канула в лету и звучит откровенно наивно.

По той же логике можно было постулировать наличие «германского мира», «романского мира», куда могли бы быть включены все народы, в том числе чернокожие, говорящие сегодня на германских (английском, немецком, скандинавских и т.д.), романских (румынском, французском, итальянском, испанском и т.д.) языках, что, конечно же, абсурд. Такой же абсурд и общетюркское единство, основанное исключительно на идее родства языков. Турция претендует на роль лидера «тюркского мира», а набившее оскомину «один народ – два государства» примерили на себя и то и дело повторяют главы тюркоязычных стран на постсоветском пространстве. Удивительно причем, что в качестве *terminus comparationis* выступает Турция – страна, в которой генетически тюркского элемента почти нет.

Конечно, *пантюркистская идея скорее служит средством достижения корыстных целей коррумпированных элит, чем является элементом, естественным образом укоренившимся в народном сознании*. Тюркоязычным народам в отношениях с внешним миром в целом вообще чуждо выделение приоритетов, основанных на языковом родстве. Но *актуализация пантюркизма, особенно приправленного исламизмом, в нынешней политической обстановке – опасный и тревожный тренд*.

Я бы хотел отметить, *inter alia*, еще одну тревожную тенденцию, на этот раз – в российском аналитическом сообществе, а именно – *гипертрофированное восприятие курдского фактора как важного элемента в противоборстве с Турцией или даже с «ИГ»*. Многое из «курдского дискурса» – вообще, простите, ерунда: это касается и численности курдов, и даже наличия единой курдской этнической общности. А самая большая иллюзия – то, что данная гипотетическая общность может иметь пророссийскую ориентацию и быть действенным инструментом в ближневосточном конфликте, а тем более – в мирном строительстве. Но об этом я надеюсь сказать более подробно в специальном интервью.

«Триумфальное возвращение России на международную арену в качестве великой державы состоялось»

Итоги года на Ближнем Востоке, в Закавказье и в мире подводит известный талышский политолог **Фахрадин Абосзода**.

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события года? Попробуем ограничиться тремя...

– Первое. Операция российских ВКС в Сирии, которая поставила точку «і» над многими вопросами в многолетней кровопролитной войне террористов против сирийского народа и легитимного руководства страны. Миру, и в первую очередь, западной коалиции во главе с США, хоть и с большой неохотой, но все же пришлось признать правоту России и ее союзников в лице Ирана, Ирака и Сирии, что является несомненным успехом российской дипломатии в новейшей истории страны. Таким образом, *через восемь лет после знаменитой «Мюнхенской речи» Владимира Путина, где он впервые публично заявил о неизбежности установления многополярного мира, процесс триумфального возвращения России на мировую арену в качестве великой державы, начатый с возвращением Крыма в состав РФ, подошел к логическому завершению. Оно окончательно состоялось.* Есть все основания полагать, что укрепление роли России в решении судьбоносных вопросов мирового развития и установления нового мирового порядка отныне пойдет по нарастающей.

Второе. Подписание соглашения по ядерному досье Ирана с «шестеркой» международных посредников (России, США, Великобритании, Франции, Германии и Китая), что, по признанию госсекретаря США Дж. Керри, стало возможным во многом «благодаря усилиям российской стороны». Активное участие России привело к установлению более близких партнерских отношений между Москвой и Тегераном, что имеет огромное значение для региона.

Третье. Резолюция по урегулированию конфликта в Сирии, единогласно принятая СБ ООН 18 декабря 2015 года, которая од-

нозначно может быть оценена, во-первых, как победа разума над безумием в мировой политике, во-вторых, как огромный успех России, если учесть, что данная резолюция была принята после предварительного обсуждения Дж. Керри с В. Путиным. Немаловажно, что в ней нашла отражение позиция России, согласно которой «сирийский народ определит будущее своей страны».

Я бы добавил еще и такое неприятное событие, как кризис в отношениях России с Турцией, связанный с трагедией российского фронтового бомбардировщика Су-24 в сирийском небе, которая стала возможна благодаря предательству турецкого руководства. Этот кризис только внешне касается отношений двух государств. Если быть более внимательным, выясняется, что возможные последствия напряженности в отношениях между ними могут оказать влияние не только на судьбы региона, но и на весь мир. В этом смысле мы станем свидетелями продолжения данного конфликта в новом году, и он может иметь самые неожиданные последствия.

Наконец, еще одним итогом 2015 года стало то, что мир почти забыл об Украине...

– Что можно сказать о главной тенденции уходящего года в политической сфере?

– Главную тенденцию года, несмотря на всю непредсказуемость и турбулентность происходящих событий, все-таки можно выделить. Это – продолжение хаоса в регионе Большого Ближнего Востока, что, по всей вероятности, должно привести к кардинальному переформатированию устоявшейся геополитической конструкции, в орбиту которого будут включиться все новые и новые государства, в том числе в Закавказье.

Но, вопреки ожиданиям сценаристов мирового хаоса, которые в предыдущие годы хозяйничали на всем Ближнем Востоке, главной отличительной чертой уходящего года стало то, что *им пришлось умерить свои аппетиты и признать активную, в некоторых случаях даже решающую роль России в качестве одного из основных архитекторов нового мирового порядка*. Такая роль России приведет, с одной стороны, к окончательному установлению многополярного мира, а с другой – хаос в международ-

ных делах приобретет более «управляемый» характер, а в их решении будет участвовать больше государств. Отсюда вовсе не следует делать вывод, что нам якобы по душе такой «управляемый хаос». Но, во-первых, последний намного лучше, чем неуправляемый хаос, во-вторых, сама реальность такова. Новый миропорядок всегда рождается в муках.

Далее, год хоть и начался геополитическим штормом, но, слава Всевышнему, заканчивается с определенным облегчением в душе для многих людей и народов, так как некоторый спад напряженности в целом – налицо. Но, увы, это не говорит о том, что турбулентные процессы в регионе будут полностью умиротворены и пойдут на спад. Нет, они будут иметь продолжение. Тем не менее, есть некоторые надежды, что в будущем году сроки их разрешения будут более короткими, а человеческие потери станут меньше.

– Что бы Вы назвали главным событием года на Кавказе? Как это отразится на развитии региона в будущем году?

– Кавказ, особенно Южный, как периферия региона Большого Ближнего Востока, в течение всего 2015 года находился в режиме ожидания «своего часа». Происходящие в этом регионе события, на мой взгляд, следует рассматривать именно в таком контексте.

Исходя из этого, судьбоносным для всего региона, в том числе и для Кавказа, можно считать сближение России с Ираном, кульминацией чего стал визит Владимира Путина в Тегеран. В ходе этого визита были подписаны десятки важнейших соглашений, демонстрирующие, что отношения между государствами приобрели характер стратегического партнерства. Кроме прочего, результатом такого партнерства стало то, что, вопреки ожиданиям некоторых сил в мире и регионе, *Россия отодвинула границы своей безопасности до Персидского залива. А Иран смог застраховать себя от казавшегося еще недавно неминуемым хаоса внутри страны на многие годы вперед.* Это привело к тому, что геополитика кавказского региона изменилась в корне. *Есть все основания предположить, что в обозримом будущем практически все значимые события на Кавказе произойдут с уче-*

том и участием тандема Россия-Иран, что вполне отвечает интересам проживающих в регионе народов.

На российском Северном Кавказе самым большим достижением Москвы в уходящем году стало то, что благодаря умелой упреждающей работе спецслужб властям удалось избежать крупных неприятностей, террористических вылазок и терактов. В результате власти национальных республик получили возможность заниматься мирным благоустройством, созданием новых рабочих мест.

Армения. Власти этой страны прошли серьезное испытание в плане проверки устойчивости всей государственной конструкции. В течение всего года прозападная оппозиция периодически устраивала митинги и демонстрации в столице. Но выверенные и умелые действия руководства страны в отношении митингующих практически свели к нулю вероятность превращения протестов в цветную революцию, на что, скорее всего, рассчитывали некоторые силы внутри Армении и за ее пределами.

Что касается **карабахского конфликта**, то основным итогом недавней встречи президентов Армении и АР стало то, что его «решение» было отложено на 2016 год.

Грузия. Несмотря на всю противоречивость и сложность произошедших в Грузии процессов, у меня есть некоторая уверенность, что в целом они не должны вызывать беспокойства в плане защиты интересов России в регионе.

Азербайджан. Уже в начале 2015 года стало ясно, что год для Азербайджана не предвещает ничего оптимистического. Решением правления Центробанка Азербайджана от 21 февраля 2015 года официальный курс доллара был установлен на уровне 1,05 маната, что означало девальвацию национальной валюты на треть, хотя еще накануне президент И.Алиев уверял, что девальвации не будет. Это привело к обнищанию населения, чему способствовало и то, что на фоне известных экономических трудностей в российской экономике резко уменьшились денежные переводы азербайджанцев из России. За 9 месяцев 2015 года они составили всего \$272 млн. В прошлом году мигранты перевели в Азербайджан

\$456 млн. 21 декабря 2015 г. правительство Азербайджана было вынуждено перейти к плавающему курсу валюты, в результате чего доллар и евро подорожали почти на 50%.

Отметим, что в течение всего года продолжалось снижение доходов государства от продажи энергоносителей, что составляет основную статью экспорта. За 11 месяцев 2015 г. Азербайджан экспортировал нефти всего на 8,259 миллиарда долларов. При этом за аналогичный период 2014 г. Азербайджан экспортировал ее на 20,713 миллиарда долларов. Таким образом, чистые потери от снижения цен на нефть составили 48,7%, или 10,094 миллиарда долларов.

После объявления о переходе на плавающий курс национальной валюты граждане бросились в магазины, чтобы приобрести продукты, бытовую технику и другие товары по старым ценам. Во многих торговых точках люди буквально штурмовали прилавки. Увы, это только начало. Местные эксперты прогнозируют в будущем 500% девальвацию и дальнейшее ухудшение положения на валютном рынке страны, развал банковской системы и еще большее ухудшение социально-экономического положения населения. Таким образом, наступает конец алиевским сказкам о якобы «безаналоговом развитии» Азербайджана.

В течение всех последних лет бакинские политики и СМИ были единодушны в том, что безопасность страны и государства находится в надежных руках. Напомним, что распоряжением Ильхама Алиева от 17 октября 2015 г. был освобожден от должности министр национальной безопасности Эльдар Махмудов. Не будем вдаваться в подробности увольнения министра (всего из министерства были уволены 250 сотрудников). Отметим только, что это событие и последующие аресты ряда высокопоставленных сотрудников этого и некоторых других министерств со всей очевидностью доказали, что вместо полноценной безопасности все эти годы Азербайджан имел лишь одну большую «дырку от бублика». В итоге Алиеву пришлось вообще ликвидировать МНБ – на его месте он создал Службу государственной безопасности и Службу внешней разведки. При этом из-за острой нехватки специалистов

первую службу возглавил физкультурник-полицейский, а вторую – бывший дипломат, контролировавший в Лондоне семейный бизнес Алиевых.

Параллельно с этим в стране нарастают протестные настроения. Выход из ситуации власти видят в грубом подавлении акций протеста, последним из которых стала ничем не обоснованная спецоперация в поселке Нардаран и последующие аресты шиитских активистов в Ленкоране, Гяндже и других районах страны. Показательно, что спецоперация была проведена сразу после визита Владимира Путина в Тегеран, т.е. стала своеобразным ответом Азербайджана на союз России с Ираном.

Во внешней политике основным итогом года стало то, что И. Алиев оказался нерукопожатным для многих глав государств, особенно на Западе. Логическое завершение этого процесса – то, что Хельсинкская комиссия США (CSCE) представила в Конгресс законопроект «Азербайджан – Демократический Акт 2015». Документ предусматривает введение запрета на выдачу виз некоторым официальным лицам Азербайджана в связи с «ситуацией с правами человека» в стране, что стало грозным сигналом тревоги для бакинских властей.

Что касается отношений между Россией и Азербайджаном, то инцидент с российским самолетом Су-24 стал в них моментом истины. Руководство Азербайджана заявило о намерении «навечно быть рядом с Турцией», а подконтрольные властям СМИ развернули настоящую «холодную» войну против России.

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти? Каковы возможные последствия отставания?

– «Ход событий стремительно ускоряется» – это правильный диагноз. Но, на мой взгляд, в этом, в отличие от предыдущих лет, есть нечто положительное. Такое «ускорение» происходит уже не благодаря стихийности и непредсказуемости, точнее, спонтанности многих глобальных и региональных процессов, а на основе совместных усилий и согласия ведущих государств, в первую оче-

редь, России и США. Несмотря на то, что разногласия и даже непреодолимые препятствия принципиального свойства в подходах к некоторым глобальным событиям остаются, сближение позиций этих двух государств в отношении многих глобальных проблем с каждым днем становится еще больше зримым.

Разумеется, для нас главное – чтобы власти страны успевали за ходом событий, чтобы они своевременно и эффективно реагировали на них и добивались укрепления безопасности страны и роли России на международной арене. Лично я, имея много нареканий в адрес российских властей по поводу проводимой ими внутренней политики, тем не менее, считаю вполне успешными меры, предпринятые руководством страны на внешней арене.

Реакцию российского общества, судя по результатам многочисленных соцопросов, в ходе которых подавляющее большинство граждан поддерживает действия российского руководства и лично президента Путина на международной арене, можно считать вполне адекватной. На наших глазах происходит сплочение многонационального российского народа, большинство представителей которого чувствуют гордость за свою страну.

Наконец, несколько слов **о реакции аналитического сообщества России**. Отмечу, что в 2015 г., впервые в истории России, страна побеждает в информационной войне, что особо радует и что признается во многих уголках мира. Огромная работа, которая была начата российской журналистикой во время украинского кризиса, успешно продолжена и завоевала новые рубежи в уходящем году, в первую очередь в связи с вводом российских ВКС в Сирию. В России, безусловно, много высокопрофессиональных и подготовленных аналитиков и экспертов. Не вдаваясь в подробности их работы, которую они в целом успешно выполнили, можно констатировать, что в этом году они не следовали в хвосте событий и процессов, а работали на опережение, что достойно похвалы.

Тем не менее, хочу сказать несколько слов о том, что мешает работе аналитического сообщества. Во-первых, то, что нередко одни и те же аналитики буквально в одночасье становятся специалистами по самым разным странам и регионам, не полностью вла-

дея нужными знаниями. Во-вторых, деятельность пресловутой «пятой колонны», состоящей из различных политологов, аналитиков и журналистов, которая зачастую просто предаёт интересы российского народа и государства, открыто лоббируя интересы государств-соперников России. Большое сожаление вызывает то, что в этой неблагодарной и достойной презрения работе принимают участие некоторые российские чиновники, которые занимают довольно высокие посты в государстве, не говоря уже о политиках, депутатах и общественных деятелях.

Чтобы не быть голословным, расскажу об одном свежем факте, который, на мой взгляд, является показательным. После выхода моей статьи «Азербайджанская диаспора предъявила ультиматум РФ?» на сайте Кавказского геополитического клуба, к моему удивлению, немало атак пришлось преодолеть со стороны некоторых ангажированных российских аналитиков и чиновников администрации президента РФ. При этом особую активность и даже ярость демонстрировали выселенные из Азербайджана за годы независимости русские, которые ныне занимают посты в Кремле. Нас открыто обвиняют в том, что мы якобы занимаемся очернением официального Баку в глазах Кремля! Кстати, в той статье я сознательно не указал имена конкретных российских деятелей, принимавших участие в подготовке названного «ультиматума» в адрес Москвы. Но такие люди есть, и я об этом хорошо информирован. Лично я не сомневаюсь, что без их согласия Баку вряд ли мог выставить ультиматум российским властям, пытаясь воткнуть им нож в спину.

В нынешних архисложных условиях в мире такая деятельность «пятой колонны» внутри страны в обозримом будущем может создать немалые проблемы для Кремля. Это несомненно. Поэтому одна из задач российского аналитического сообщества состоит в том, чтобы своевременно выявлять таких предателей (думаю, по-другому нельзя их назвать) и бороться против них.

Наконец, хочу сказать еще об одном. Меня радует, что наш родной Кавказский геополитический клуб и его одноименный портал, которые возникли в 2015 году, за короткий опре-

зок времени достигли колоссальных успехов в деле служения Отечеству, заняв достойное место в российском аналитическом сообществе! Пользуясь случаем, хочу от души поздравить всех членов КГК, постоянных авторов нашего портала и наших читателей с наступающим Новым годом, и пожелать всем нам покорения новых высот в этом благородном деле!

– Спасибо за добрые пожелания! Будем стараться!.. Каков же Ваш прогноз на будущий год для региона, России и мира?

– Прогнозировать сложно, но надо! Общие тенденции развития мировых и региональных событий таковы, что в будущем году можно ожидать еще большего их ускорения. Будем надеяться, что ведущие державы в новом году быстрее, чем раньше, найдут общий язык для разрешения многих из этих проблем. Ожидается, что в первые месяцы нового года российская операция в Сирии в основном достигнет своих целей, что позволит, во-первых, вплотную подойти к политическому урегулированию, и, во-вторых, снизить уровень опасности и повторяемости террористических угроз в мире. Наконец, если даже не удастся полностью покончить с исламским терроризмом, его хребет будет в основном сломан.

Далее, есть все основания предположить, что конфликт между Россией и Турцией еще большее обострится. Судя по действиям и заявлениям турецкого руководства, оно плохо понимает всю остроту проблем, стоящих перед страной, и возможные последствия дальнейшего обострения конфликта с Россией. Поэтому можно предположить, что в новом году процесс распада Турции по территориальному признаку, судя по происходящим ныне на ее территории событиям, которые все больше напоминают гражданскую войну, еще больше ускорится.

Что касается **Азербайджанской Республики**, то здесь ожидается дальнейшее обострение внутривнутриполитической ситуации и ухудшение социально-экономического положения населения, а с другой стороны, ускорение процесса изолирования страны от остального мира. Внутри Азербайджана идет активный процесс брожения протестной энергии, что вполне может привести к «бакинской весне», о чем в последнее время справедливо пишут не-

которые российские аналитики. Возможны и другие варианты развития событий. Но ни один из них не предвещает Азербайджану хорошее будущее.

Как мы уже ранее писали, в условиях цугцванга, в которой оказались власти Азербайджана, причем по большей части по собственной вине, каждый новый шаг руководства страны оказывался (и окажется) ошибочнее предыдущего. Что стремительно ведет к банкротству этого государственного образования, аналогично «братской» с ним Турции. В итоге ***распад по территориальному признаку и исчезновение их обоих являются лишь вопросом времени***. Два президента этих тюркских государств, один из которых (Алиев), по иронии судьбы, этнический курд, а другой (Эрдоган), согласно его собственному признанию – «с грузинскими корнями», в условиях геополитического цейтнота, видимо, решили пойти «ва-банк», чтобы вместе спастись и спасти свои многомиллиардные состояния, жертвуя при этом своими государствами.

Удастся ли им это, покажет время. Но руководимые ими государства уже никто не сможет спасти, это – вопрос, который не является спорным для большинства экспертов по региону. В Турции, по всей видимости, патриотическая оппозиция понимает, что Эрдоган предал Турцию, и поэтому старается хоть как-то спасти государство от распада. А в Азербайджане, увы, нет никакой другой оппозиции, кроме так называемой «карманной», и противостоять этому просто некому.

«Недальновидная политика Запада привела к расширению влияния России в мире»

Своими соображениями о главных итогах ушедшего года поделился старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Фасих Бадерхан:

– Главное событие 2015 года, которое будет иметь стратегическое значение для дальнейшего развития мира, – это военная операция России в Сирии. Так называемая борьба США против

терроризма привела только к его укреплению и распространению. В результате он стал главной опасностью для всего мира. Если бы не российская операция, не было бы декабрьской резолюции Совбеза ООН по Сирии. А она будет иметь большое значение для решения мировых проблем. Так, недавно, впервые за сто лет истории Великобритании, ее премьер-министр Кэмерон заявил, что «Братья-мусульмане» являются экстремистской организацией.

Главной тенденцией года, на первый взгляд, может показаться ***сверхобострение международных отношений, которые дошли до порога мировой войны.*** Однако при всем этом позиции России постепенно укрепились, несмотря на санкции и падение цен на нефть. Два этих фактора оказались стратегически важными для РФ. Россия как самодостаточная страна уже серьезно думает о замене импорта и освобождении от «нефтяной иглы». Кроме того, ***недальновидная политика Запада привела к расширению влияния России, расколу в евроатлантическом мире и росту количества республик, желающих стать частью РФ. Фактически в результате политики Запада по разрушению национальных государств увеличивается территория России.***

Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, то, действительно, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. И он действительно ускоряется. Дело в том, что противоречия мирового капитализма дошли до такой опасной черты, что осталось только нажать на кнопку пуска ядерных ракет. Слава богу, однако, что они, во-первых, ядерные, во-вторых, есть не только у англосаксов. Они, англосаксы, использовали бы их, не задумываясь. Вспомним, как Черчилль в 1947 году предлагал американцам уничтожить Москву ядерным оружием – «ну и что, что погибнет три миллиона русских, через несколько лет русские о них забудут, зато Россия будет нашей». Цивилизация, допускающая такие мысли, способна на все, и нет никакого сомнения, что именно она стояла за исламизмом еще с начала XX века в Египте. И стоит за ним по сегодняшний день. «Арабская весна» – тому доказательство.

Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти? Раньше не успевали, потому что никому и в голову

не приходило, что просвещенная западная элита могла заключить союз не только с исламом, но и с фашиствующими организациями исламистского происхождения. Когда это стало ясно, эксперты поняли, что мы имеем дело с «третьей мировой перестройкой», за которой стоит западная так называемая элита. Я говорю об этой «перестройке» еще со времен разрушения Югославии, и меня все время обвиняли в теории заговора. В этом была беда большого количества экспертов. Однако время все расставило по своим местам.

«Понятие политической ответственности претерпело «клиническую смерть»

О силовых векторах на Ближнем Востоке рассказывает политолог, специалист по российско-турецким отношениям **Юрий Мавашев**.

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события года.

– Если говорить о международно-политической повестке дня, одним из самых знаменательных событий уходящего года можно считать начало российской военной операции в Сирии. К сожалению, ее нельзя считать детально продуманной. Последняя пресс-конференция, на которой президент Путин признался, что не знал про туркоман, ярко это подтверждает. Кроме того, создается впечатление, что мы твердо убеждены: идет война между войсками Башара Асада и «ИГ» (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.), что, несомненно, является лишь частью реальности. Хотим мы того или нет, Россия уже принимает участие в гражданской войне на стороне Асада, против которого выступает в том числе и «ИГ». Но даже если «наверху» есть осознание этого, то своевременность российской операции в САР, даже против «ИГ», вызывает определенные вопросы. Неслучайно ряд российских арабистов полагает, что участвовать в войне надо было как минимум с 2012 года.

В этой связи возникает ощущение, что наша борьба с международным терроризмом, частным проявлением которого является «ИГ», носит спорадический характер. Отсутствие глубоко продуманного системного подхода и кризис ситуативного реагирования, которое де-факто заменяет системность, приносит негативные плоды во всех сферах внутренней и внешней политики России, заставляя усомниться в искренности нашей позиции со стороны всех международных игроков. Это в полной мере относится как к врагам, так и к друзьям России.

Феномену ситуативного реагирования находится ряд объяснений. Например, что Россия решила действовать по примеру США, не спрашивая ни у кого разрешения. Непредсказуемость внешнеполитической линии России, по мнению кремлёвских идеологов – козырь в наших руках. Но данная стратегия, помимо кратковременного позитива, имеет и ряд недостатков для нашей страны. Ведь ситуация складывается таким образом, что Россия больше не может выгодно выделяться в регионе на фоне стран Запада, коль скоро внешне перенимает их методы. Хочется надеяться, что в будущем году предпочтение будет отдаваться глубоко продуманному системному подходу, что является единственным залогом нашего успеха, в том числе и в Сирии.

Не менее значительным событием было нападение террористов «ИГ» на Париж. Любопытно, что кризис ситуативного реагирования и отсутствие системного подхода в борьбе с терроризмом становится отличительной чертой не только России, но и Франции, не вынесшей никаких уроков из расстрела редакции «Шарли Эбдо» в начале года. Свободное хождение оружия и образование фактически обособленных этноконфессиональных анклавов сыграло злую шутку со страной, являющейся одним из краеугольных камней ЕС наряду с Германией.

Возникновение целого поколения мусульман-граждан Франции, не ощущающих связи с цивилизацией, на территории которой они находятся – опасный сигнал, ставящий под сомнение всю систему европейской безопасности. Более того, активно размывается идеология ЕС, не знающая ответов на эту угрозу. Тот факт,

что террористы, совершившие несколько нападений в этом году, были гражданами Франции, вносит существенные коррективы в стратегию борьбы с террористической угрозой, для которой мер, предпринимаемых за рубежом, уже явно недостаточно.

Третьим важным событием является инцидент с Су-24 между Россией и Турцией. Полагаю, что *история с российским самолетом определит взаимоотношения двух стран на значительно более долгий период, чем сроки правления Путина и Эрдогана*. Вместе с тем, это лишь заключительный аккорд, который был неизбежен для иллюзий, возникших из многомиллиардных экономических контрактов двух сторон. Ответственность за это несут в равной степени и Турция, и Россия. Обе стороны достаточно долгий период старались игнорировать интересы друг друга, не принимая во внимание, что даже для взаимовыгодного игнорирования необходимо договариваться о правилах игры. Даже в годы Холодной войны это худо-бедно удавалось. Таким образом, можно констатировать политическую, дипломатическую и военную деградацию Турции и России, которые, несмотря на беспрецедентно высокий уровень отношений, оказались неспособны слышать и видеть друг друга в регионе.

– **Как Вы можете обозначить главную тенденцию года?**

– Наметившаяся довольно давно тенденция взаимозависимости мировых процессов (а, следовательно, и воздействия международных участников друг на друга) стала обретать конкретные очертания, когда скорость и время приняли неконтролируемый характер. Именно с этой тенденцией мир подступил к 2016 году. *Стремление избежать негативных последствий в любой сфере международной политики стало лишь усугублять проблемы, загоняя мир в тупик*. Неконтролируемый рост миграции в Европу из Африки и Азии как нельзя лучше это доказал.

На мой взгляд, *понятие политической ответственности в 2015 году претерпело «клиническую смерть»*. Почти никто из мировых лидеров даже гипотетически не готов отвечать за последствия своей политики, сваливая вину на «крайнего». *Дегradация политики и политиков стала новой реальностью, ко-*

тору уже невозможно скрыть. Но, вместе с тем, год продемонстрировал еще более опасную тенденцию: *последствия безответственности приходится нести не в отдаленной перспективе, а уже здесь и сейчас.* Этому обстоятельству мы обязаны глобализации, когда многократное ускорение исторических и политических процессов не оставляет времени хотя бы на их осмысление.

В этом, пожалуй, и заключаются основные итоги общественно-политического и международного 2015 года. К вышеупомянутым тенденциям можно присовокупить еще одну: *все международные игроки осознали, что миром правят реализм и даже неореализм, когда определяющей в политике становится сила, выражаемая как отдельными индивидами, так и политическими институтами. Разговоры о демократии на международном уровне, кажется, более никто не ведёт. Маски сброшены.*

– Что бы Вы назвали главным событием года на Ближнем Востоке? Как это отразится на его развитии в будущем году?

– На мой взгляд, катастрофа российского лайнера над Синайским полуостровом стала главным событием в регионе Ближнего Востока. И хотя многие тюркологи могли бы назвать таким событием инцидент с СУ-24, эта история стала лишь логичным продолжением отсутствия реального сотрудничества на политическом уровне между Россией и Турцией. Тогда как катастрофа российского лайнера вернула нас в период войны в Чечне, когда международный терроризм выбирал в качестве основной мишени российское население (в смысле проведения масштабных акций устрашения россиян). Историю с лайнером по психологическому воздействию можно сравнить с «Норд-Остом» и Бесланом. Несложно догадаться, что в будущем России придется продолжить противостоять международному терроризму далеко не только в Сирии. В обозримой перспективе опасность может прийти откуда угодно. В этом смысле, Синай был прозрачным посланием: экстремисты вновь объявили «сезон охоты» против россиян везде и всегда.

– Возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти? Каковы возможные последствия отставания?

– Складывается впечатление, что высшее руководство в нашей стране не уделяет должного внимания экспертным оценкам практически ни по одному из важнейших вопросов международно-политической повестки дня. Взаимодействие власти и общества в России приближается к нулевой отметке. Если в следующем году эта тенденция сохранится, то ничего, кроме негативных последствий, для России она не принесёт. Альтернатива взаимодействию, диалогу и взаимному доверию может быть только одна, и она крайне нежелательна.

ЗАКАВКАЗЬЕ-2016

«Спокойной жизни на Кавказе в наступающем году ожидать не приходится»

Об основных итогах года в Закавказье и влиянии на регион сирийских событий рассказывает политолог, главный редактор сайта Научного общества кавказоведов **Андрей Арешев**.

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события года.

– В качестве трёх основных событий (или цепи событий, связанных общей логикой) я выделил бы, во-первых, укрепление евроатлантической ориентации Грузии, вне контекста которой сложно рассматривать также укрепляющееся по различным направлениям сотрудничество между Турцией, Грузией и Азербайджаном. Недавно в Стамбуле была подписана трёхсторонняя декларация о сотрудничестве в сфере обороны. Под предлогом охраны энергетической инфраструктуры совместные воинские формирования проводят учения. До конца 2016 года намечен не-

однократно переносившийся, в частности, из-за суровых погодных условий, запуск железнодорожной линии Баку – Тбилиси – Ахалкалаки – Карс, что может создать дополнительные вызовы в сфере безопасности, ибо любой коммуникационный объект предполагает возможность его использования как в мирных, так и в военных целях.

В ближайшее время под Тбилиси открывается школа НАТО, на базе которой, как сообщается, ежегодно будут проходить теоретическую подготовку сотни грузинских военнослужащих, а также военных из других государств. Замечу, что понятие «военные из других стран» может оказаться достаточно растяжимым, включая в том числе тех, кто ищет пути выхода из Сирии. Как отмечает директор Центра исламских исследований Кавказа Шота Апахидзе, «для западных спецслужб боевики являются неоценимым подспорьем. Цели отрыва Кавказа (как Южного, так и Северного) от России никогда особо не скрывались. Декларативно Запад поддерживает так называемое этническое самоопределение народов Северного Кавказа, выступает в защиту их прав и свобод, а реально – стремится к максимальной дезинтеграции России, в том числе путем провоцирования религиозного и этнического экстремизма. Для достижения этой цели моджахедов, воюющих в рядах «ИГ», «Джебхат Ан-Нусры», «Аль-Каиды» и иных радикальных организаций, американцам необходимо эвакуировать из Сирии и Ирака, чтобы спасти от уничтожения сирийской армией и её союзниками, укрыв их в том числе на территории Грузии».

В этой связи следует обратить внимание на недавнее заявление представителя Республики Южная Осетия на переговорах по предотвращению и реагированию на инциденты Давида Санакоева, что югоосетинские правоохранительные органы располагают определенной информацией относительно боевиков в Панкисском ущелье Грузии. «В указанном ущелье наблюдается сосредоточение боевиков, принимавших активное участие в боевых действиях на стороне запрещённой в России террористической организации ИГИЛ, и теперь покинувших территорию Сирии. Боевиками планируется проведение вооруженных провокаций на югоосетинском

направлении, основными объектами которых являются российские и югоосетинские пограничники, гражданские лица, патрули Миссии наблюдателей Евросоюза и МВД Грузии. Также не исключается создание ими неблагоприятных условий для гражданского населения, то есть обстрелы и похищения», – отметил Давид Санагоев. Цели подобных действий, думается, вполне понятны.

В 2015 году существенно выросло количество публикаций о вызовах сирийского конфликта для стабильности в Грузии и Азербайджане. Однако данная угроза актуальна и для Армении, что связано не только с претензиями самозванного «халифата» на всю территорию Кавказа, но также и враждебной деятельностью спецслужб некоторых соседних государств.

Во-вторых, одобрение на референдуме 6 декабря (несмотря на протесты оппонентов, указывающих на нарушения) изменений властной системы Армении на парламентско-президентскую означает новый этап внутривнутриполитического развития этой страны, который может потребовать *уточнения форматов российско-армянского сотрудничества*. Предстоящее кардинальное реформирование законодательства под новый Основной закон, возможное размывание ответственности за принимаемые решения может создать дополнительные проблемы в реализации внешнеполитического курса страны. О «подводных камнях» новой системы управления мы достаточно подробно говорили на протяжении уходящего года, в том числе в ходе ноябрьского круглого стола Кавказского геополитического клуба и Научного общества кавказоведов «Армения и сопредельные страны: внешние вызовы и внутренние трансформации».

Среди высказываемых оценок можно услышать и предположение о том, что немаловажным (пусть и не столь заметным) движущим мотивом всей затеи с изменением конституции стало стремление внешних сил навязать кавказскому союзнику России и члену ЕАЭС не вполне эффективную форму правления. Конечно, утверждение о том, что 6 декабря в Армении состоялся первый этап «тихой революции», аналогичной грузинским, молдавским и украинским событиям, только без майданов и русофобской рито-

рики, можно считать несколько преждевременным – хотя бы в силу прагматизма и учёта армянскими политическими элитами непростых реалий окружающего мира. Однако попытки раскрутить любое резонансное событие – будь то январская трагедия в Гюмри или протесты против повышения цен на электроэнергию – будут предприниматься и впредь. И судя по спешному формированию новых прозападных колонн наподобие «Светлой Армении» и возобновившейся грантовой мобилизации армянских граждан американским посольством, период, оставшийся до парламентских выборов 2017 года, сулит немало неожиданностей.

Наконец, в-третьих, важным событием, оказавшим влияние на региональную динамику, стал турецко-российский конфликт, ставший практически неизбежным после того, как Россия начала военно-воздушную операцию в Сирии и расстроила амбициозные планы турецкого руководства в отношении этой страны. Несколько месяцев ранее между Катаром, Саудовской Аравией и Турцией была достигнута договорённость о координации действий в Сирии, что, казалось, делало падение легитимного сирийского правительства неизбежным. Однако начавшийся 30 сентября качественно новый этап борьбы реальной, а не мнимой борьбы с террористами спутал адептам «неоосманизма» все карты.

В ходе состоявшегося 2 декабря брифинга «Вооружённые Силы РФ в борьбе с международным терроризмом. Новые данные» представителями Минобороны России были представлены конкретные доказательства участия турецких властей в реализации контрабандной нефти, незаконно добываемой террористами «ИГ» в Сирии и Ираке. Развёртывание в приграничном сирийском районе зенитных ракетных систем С-400 ограничило возможности турецкой стороны, вынудив её перейти к более активным действиям на севере Ирака, что не могло не вызвать отрицательного отношения не только в Багдаде, но также в Москве и Тегеране.

Параллельно расширяется район sporadических боевых действий в Турецком Курдистане (согласно некоторым сообщениям, местные курдские силы установили фактический контроль над отдельными районами в пределах международно-признанной турец-

кой территории), что создаёт новую ситуацию, в том числе для сопредельных с Турцией государств Кавказа. Примечательно, что некоторые армянские эксперты рассматривают Нахичеванскую автономию Азербайджана как территорию с преобладающим влиянием Турции, что не может не учитываться и Россией, последовательно укрепляющей сотрудничество с Арменией в оборонной сфере. На российскую авиационную военную базу Эребуни переброшены дополнительные военные вертолёты; возможно, 102-я база в Гюмри также будет довооружена.

Недавняя встреча в Швейцарии президентов Азербайджана и Армении вряд ли в состоянии остановить эскалацию вокруг Нагорного Карабаха и на армяно-азербайджанской границы. «На фоне обострения российско-турецких отношений информация о том, что «Россия повлияет на Ереван для освобождения прилегающих к Нагорному Карабаху районов», потеряла свою актуальность», – отмечает автор одного из бакинских информационных агентств. Вышеозначенные предположения, с разной интенсивностью циркулировавшие на протяжении года, скорее всего, были частью информационно-пропагандистского давления на Ереван и Степанакерт. При этом в случае продолжения диверсионно-террористических вылазок, предполагающих адекватный ответ, возникает риск неконтролируемого развития событий. Если кто-то всерьёз рассчитывает на «быстротечную» войну как средство решения конфликта, то это очень опасно. Напомним, подобные расчёты не сработали ни в 2008 году при нападении грузинских формирований на Южную Осетию, ни в феврале 2014 года, когда киевские националисты и их союзники изготовились к эскалации в Крыму.

– Как бы Вы описали главную тенденцию 2015 года?

– Главная тенденция уходящего года – нарастающая турбулентность в регионе, которая может спровоцировать дальнейшее ухудшение социально-экономического положения большинства граждан. Это относится не только к Грузии, Армении, Азербайджану (где имеет место падение доходов от экспорта энергоресурсов) или России, о чём говорят довольно часто, но и к

той же Турции с её высокой зависимостью от импорта, снижением внутреннего спроса, растущей безработицей и падением национальной валюты. Кроме того, этой ближневосточной стране скоро предстоит потерять перспективный российский рынок.

Элементы хаоса и неразберихи, соперничество политических, клановых, этноконфессиональных и иных групп предоставляют внешним игрокам дополнительные возможности для попыток манипулирования общественно-политическими процессами в регионе (включая его религиозную составляющую). Это особенно заметно на фоне попыток разыграть крайне опасную карту суннитско-шиитского противостояния, которую пытаются задействовать с целью дискредитации российской военной операции в Сирии. Согласно данным недавнего социологического опроса, более трети дагестанцев заявили об актуальности шиитско-суннитских противоречий для российского исламского сообщества. Между тем, на неадекватный характер данного пропагандистского построения указывали участники круглого стола «Кавказ и внешние игроки: тенденции-2016» и презентации первого в России обзорного аналитического доклада «Исламское государство»: сущность и противостояние», состоявшихся 13 октября во Владикавказе. Лишь один пример: в ходе боевых действий на севере Сирии шиитские подразделения (включая ливанскую «Хизбаллу») проводят успешные совместные операции с подразделениями правительственной армии, укомплектованными суннитами из Алеппо и других провинций.

В целом мы можем говорить о росте в международной политике фактора военной силы и так называемых «гибридных войн» (что мы в полной мере наблюдаем в Сирии) как средства реализации геополитических интересов отдельных государств, транснациональных либо корпоративных структур, взаимосвязи между которыми носят сложный и запутанный характер.

– Что бы Вы назвали главным событием года на Кавказе? Как это отразится на развитии региона в будущем году?

– На мой взгляд, таким событием стали драматические события на Ближнем Востоке, прежде всего в Сирии и Ираке, связанные с экспансией террористических группировок (включая запре-

щённое в России «Исламское государство») и ударами российской авиации в рамках борьбы с международным терроризмом на «дальних подступах». Антитеррористическая операция в Сирии подкрепляется укреплением внутренней безопасности российского государства. 20 декабря в ходе заседания Национального антитеррористического комитета его председатель, директор ФСБ Александр Бортников привёл некоторые данные о работе правоохранительных органов. Так, на сегодняшний день выявлено более 2900 россиян, подозреваемых в участии в террористических организациях в Сирии и Ираке, в том числе принимавших участие в боевых действиях. Из их числа 198 уничтожены во время боевых действий за границей, 214 вернулись в Россию. Все они взяты под контроль правоохранительных органов – 80 осуждено, 41 арестован, сообщил глава ФСБ.

В отношении более чем тысячи российских граждан, подозреваемых в участии в боевых действиях за пределами России, возбуждены уголовные дела. В 2015 году удалось пресечь попытки выезда для участия в вооруженном конфликте в Сирии на стороне террористических организаций более 100 россиян, прежде всего, из регионов Северо-Кавказского, Приволжского и Южного федеральных округов, в основном молодежи. На Северном Кавказе в этом году из 26 главарей бандгрупп, присягнувших так называемому «ИГ», нейтрализованы 20. Кроме того, в России выявлено более 1600 физических и юридических лиц, подозреваемых в материальной поддержке «ИГ». В настоящее время, по словам Александра Бортникова, формируется система защиты отечественного интернет-пространства, препятствующая размещению материалов террористической и экстремистской направленности.

Конечно, сделать ещё предстоит достаточно много, в том числе в культурной, образовательной, информационной сфере. При этом, как представляется, вполне вероятное *затягивание сирийского кризиса, чем дальше, тем больше будет угрожать социально-политической стабильности как России, так и её соседей*. Скорее всего, вовсе не случайно в ряде аналитических работ западных авторов подробно рассматривается деятельность

выходцев с российского Кавказа в составе различных экстремистских группировок на территории Сирии. Помимо традиционных маршрутов, одним из каналов экспорта терроризма могут стать украинские территории.

Более того, *террористическая угроза, наряду с экономическим, дипломатическим, информационным и иным давлением, вполне возможно, будет использована в качестве элемента так называемой «гибридной войны», ведущейся по разным направлениям.* Атаки наподобие катастрофы самолёта над Синаем будут дополняться попытками расшатывания внутренней стабильности в стране. Как показала история с дальнобойщиками, актуальная и для регионов российского Кавказа (напомним, звучали призывы к перекрытию некоторых магистралей, что создало бы очевидные проблемы), принимаемые на различных уровнях решения должны быть максимально проработанными, а их смысл необходимо подробно разъяснять, чтобы исключить поводы к различного рода кривотолкам.

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти? Каковы возможные последствия отставания?

– Отвечая на Ваш вопрос, прежде всего надо заметить, что в любой стране решения принимают политики, а не эксперты (в широком смысле этого понятия – здесь и люди науки, бизнеса, культуры, представители СМИ) и тем более не общества. На этот счёт можно привести много примеров, но ограничусь лишь двумя.

Во-первых, Черногория сейчас находится на пути к НАТО и, вне всякого сомнения, будет туда принята, несмотря на то, что большинство общества вряд ли поддерживает данный шаг и уж во всяком случае, выступает за проведение общенационального референдума по столь чувствительному вопросу.

Далее, европейские санкции по отношению к России будут расширяться и углубляться, несмотря на значительный ущерб от них для бизнеса таких «локомотивов» ЕС, как Германия, Италия, Франция... В интервью Владимиру Соловьёву, которое вошло в

документальный фильм «Миропорядок» телеканала «Россия-1», глава российского государства отметил: проблема Европы состоит в том, что «она не проводит самостоятельной внешней политики вообще, она от нее, по сути, отказалась». При этом Европа, по словам Владимира Путина, передала одну из важнейших составляющих своего суверенитета в блок НАТО.

В течение последнего времени мы видели, как отношения России с некоторыми соседними государствами в течение относительно короткого времени претерпевали либо позитивную, либо резко негативную эволюцию. В этой связи экспертно-аналитическому сообществу иногда предъявляются упреки в запоздалом реагировании на динамично меняющуюся обстановку, в отсутствии должной проработки того или иного решения. На мой взгляд, к рассмотрению каждого конкретного сюжета надо подходить отдельно, чётко понимая, кто и что говорил и с какой целью он это делал. Вряд ли стоит дополнительно доказывать необходимость адекватных знаний друг о друге, особенно когда речь идёт о ближайших соседях и партнёрах по евразийским интеграционным проектам, таких, как Белоруссия, Казахстан, Армения. Так, уже ближайшее будущее покажет, насколько близкими к реальности окажутся прогнозы относительно последствий превращения Армении в парламентскую республику. Не менее важное значение имеет выстраивание диалога с Ираном, Китаем и другими торгово-экономическими партнёрами России, особенно в контексте нынешних напряжённых отношений с западными структурами и невозможности восстановления нормального диалога с Анкарой, по крайней мере, на среднесрочный период.

Кстати, в случае российско-турецких отношений многими экспертами неоднократно указывалось на многочисленные «подводные камни» излишне тесных экономических связей в отсутствие атмосферы доверия (несмотря на обилие структур с пафосными названиями) и при кардинально различающихся подходах в сирийском вопросе. Ну не может безвизовый туризм «перевешивать» террористическую угрозу со стороны боевиков, способных

перемещаться с турецкими паспортами по всем направлениям, включая российское! Не могут ориентированные на Польшу или Турцию логистические сети обеспечить продовольственную (да и иную тоже) безопасность конкретного российского региона, тем более – в условиях объявленного курса на импортозамещение. Однако в публичном дискурсе (это к вопросу о властях и обществе) доминировала, явно и неявно, иная точка зрения, хотя проблемы нарастали, и не замечать их, хотя бы в завершающемся году, было невозможно. В результате произошло то, что произошло: уничтожение российского самолёта 24 ноября лишь обозначило некий новый этап российско-турецких отношений, но само по себе не стало чем-то немыслимым (на что, кстати, справедливо указывают и некоторые американские эксперты).

Здесь мы не можем обойти вопрос об учёте позиции экспертного и научного сообщества (которое, конечно, само по себе неоднородно и подвержено влиянию самых разных, в том числе лоббистских, «ветров») в процессе подготовки и принятия политических решений. Определённое отставание здесь возможно в силу самых разных причин, включая объективные. Например, несмотря на очевидный скепсис со стороны многих профессионалов, Россия долгое время настойчиво стремилась вступить в ВТО, что было обусловлено скорее соображениями идеологического свойства. В результате, как отмечает заведующий отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ Владимир Евсеев, «Россия вступила в ВТО всего три года назад, когда эта организация стала размываться. Происходит постепенная, ползучая подмена универсальных правил международных экономических отношений региональными, которые пишутся замкнутым кругом стран».

Необходимо искать также адекватные ответы на вызовы, порождаемые новой тактикой так называемых «гибридных войн» (терминология здесь вряд ли когда-нибудь устоится). Мобильные и сплочённые неформальные структуры изначально дают фору государственным структурам с их регламентированными процедурами. Между тем, именно деятельность таких неформальных

групп гражданского общества вполне способна привести к серьёзным сдвигам в мировой политике. Сейчас уже никто особо не скрывает, что политико-правовые решения по Крыму или о начале военной операции в Сирии были приняты в тот момент, когда обстановка в этих регионах подошла к чрезвычайно опасной черте. Массовые столкновения в Симферополе грозили обернуться этноконфессиональным противостоянием с почти неизбежным открытым американским вмешательством; вполне вероятное летом 2015 года падение Дамаска означало сотни тысяч жертв и окончательный захват крупной арабской страны террористическими бандами. До этого – долгие годы ожидания «у моря погоды» и вязких дипломатических переговоров в надежде на то, что всё как-нибудь уладится и само собой рассосётся. И как не вспомнить в этой связи энергетическую блокаду Крыма со стороны нелегитимного киевского режима, подготовка к которой, как справедливо пишет Михаил Делягин, велась длительное время и практически открыто. В результате два российских региона на неделю погрузились в темноту, и частично выправить положение удалось лишь путём чрезвычайных мер и лишь под непосредственным контролем главы государства...

Наконец, не следует путать экспертно-аналитические оценки (которые в любом случае должны основываться на максимально точной и достоверной информации) с публичной дипломатической риторикой. Общие списки террористических организаций и совместные резолюции в ООН – это, конечно, хорошо, но из этого вовсе не следует, что терроризм (в его самых разнообразных формах) перестанет быть инструментом западной политики в отношении России и ряда других государств, пытающихся реализовать некоторые элементы самостоятельного внешнеполитического курса.

На мой взгляд, отсутствие иллюзий (в частности, в отношении «наших американских партнёров» относительно их истинных целей и намерений в той же Сирии, да и не только там, и на Кавказе в том числе) предполагает адекватный характер экспертных оценок.

– Прогнозировать что бы то ни было в этих условиях очень сложно, и все-таки – каков Ваш прогноз на будущий год для Кавказского региона, России и мира?

– «В Москве и те, кто формулируют политику, и особенно те, кто о ней говорят по телевидению, часто недооценивают последствия своих действий... В России нет полного понимания, насколько серьезно то, на что она подняла руку – на всю структуру мирового порядка, который с триумфом устанавливали в Вашингтоне и Брюсселе на протяжении многих лет», – предупреждает россиян вполне информированный американец Дмитрий Саймс, имея в виду сложившуюся структуру мирового порядка с американской гегемонией. Не важно, что в Москве так вовсе не считают – важно, что наши «партнёры» воспринимают ситуацию именно так. Из этого, как мне представляется, и надо исходить, в том числе при попытках давать какие-либо прогнозы, в том числе по отдельным регионам.

Пожалуй, можно сказать одно – спокойной жизни на Кавказе в наступающем году ожидать не приходится. Риски военной конфронтации очевидным образом возрастают. Новые формы ведения военных действий предполагают задействование таких инструментов, как террористические банды, информационное оружие (направленное на провоцирование в обществе панических и алармистских настроений), якобы «неконтролируемые» потоки беженцев, как это мы наблюдаем сегодня в Европе, наконец, финансово-экономическое давление. Кавказские конфликты, открытые и латентные, могут и будут использованы в качестве инструмента «сдерживания» нашей страны на южном направлении. Наиболее желательный вариант – вернуть южное пограничье современной России к «благословенным» временам 90-х годов, которые в России и на Кавказе в частности, хорошо помнят.

Однако есть веские основания надеяться на то, что общими усилиями здоровых сил негативных сценариев удастся избежать. Многое будет зависеть от хода боевых действий в Сирии: без разгрома основных террористических банд и надёжного перекрытия каналов их снабжения любые политические переговоры

окажутся фикцией. «Мы видим, как эффективно работают наши лётчики, разведчики, как эффективно они координируют свои усилия между собой, причём разнородные – армия, флот, авиация; как применяют самое современное оружие, – заявил 19 декабря, говоря о ходе сирийской операции, Владимир Путин. – Хочу отметить, что это далеко не все наши возможности. Мы далеко не всё ещё там применяем из того, что у нас уже есть. У нас есть и дополнительные средства, и если понадобится, мы и их используем».

Будем надеяться, что 2016 год станет началом качественного перелома на Ближнем Востоке в целом, что окажет несомненное позитивное влияние, в том числе на кавказский регион.

«Вступаем в режимы с обострениями»

О тенденциях развития ситуации в Закавказье рассказывают югоосетинский политолог **Коста Дзугаев (Цхинвал)** и грузинский аналитик **Георгий Векуа (Тбилиси)**.

– Каковы, на ваш взгляд, основные события и главные итоги прошлого года?

Коста Дзугаев: Первое по значимости событие 2015 года – война с «Исламским государством» (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.), начатая Россией в Сирии. На мой взгляд, это закономерное и необходимое продолжение политики державного возрождения, проводимой Владимиром Путиным. Сначала был ликвидирован конфликт внутри России – в Чечне, затем устранена угроза у границы России – спасена и защищена Южная Осетия, а сейчас государство российское приобрело способность (прежде всего, политическую волю) обеспечивать свою безопасность на дальних рубежах. При этом рост военной активности – это не выбор России, но обязательный ответ на вызовы.

Таким образом, общий итог 2015 года можно обозначить как выход России на качественно новые стратегические позиции в мире. Общеполитическую характеристику деятельности россий-

ской власти можно дать как в целом оборонительную, с элементами ответно-встречного реагирования.

Георгий Векуа: Главные события года – окончание «нефтяной эры», начало замедления китайской экономики и снятие санкций с Ирана. Общий итог 2015 года – усиление позиций США, которые, после определенного провала в нулевых годах и восстановления от кризиса 2008-2009 годов, в целом уверенно берут ситуацию под контроль. Второй срок президентства Обамы, безусловно, войдет в историю как один из самых успешных периодов для реализации американских интересов за последние десятилетия.

– Что бы вы назвали главным событием года в ваших регионах?

Коста Дзугаев: Для Южной Осетии главных событий два: подписание принципиально нового Договора о союзнчестве и интеграции между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия, и заявление президента РЮО Леонида Тибилова о готовности инициировать референдум о вхождении РЮО в состав России. Если сближение Грузии с НАТО не остановится, нет ни малейших сомнений, что вхождение состоится, если можно так выразиться, ударным темпом – приблизительно так, как это было с Крымом. К этому подталкивают также и попытки дестабилизации Южного Кавказа, попытки хаотизации региона.

Георгий Векуа: В Закавказье главным событием года стал экономический кризис и обвал национальных валют, особенно в Азербайджане и Грузии, что продемонстрировало всю слабость и ущербность государственных институтов этих стран. Закавказье остается регионом, который пока не может выйти на путь технологического и цивилизационного развития. Определенные положительные моменты наблюдались лишь в Армении, которая смогла в целом успешно сменить модель государственного управления и перейти к адаптированной парламентской модели с необходимыми защитными инструментами для избежания «подвешенного парламента» и связанного с этим политического хаоса. Если бы власти Армении так же успешно справлялись с проблемой коррупции и создания современной экономики, основанной на знани-

ях, эта страна еще больше выделялась бы на фоне остальных двух стран (Азербайджана и Грузии), которые пока демонстрируют отсталость и движение в неправильном направлении.

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти?

Коста Дзугаев: Вопрос исключительно важный. Ход событий действительно стремительно ускоряется. Общество заведомо не успевает осознать происходящие изменения. Экспертный пул, насколько я могу видеть, в политолого-конфликтологическом осмыслении происходящего в общем-то за событиями успевает, но ощутимо отстаёт в анализе метаисторического порядка; впрочем, и публичных специалистов такого уровня в России можно пересчитать по пальцам одной руки. Что касается власти, то есть признаки, что в аналитических структурах, обслуживающих интересы правящей группы, со своими профессиональными обязанностями в основном справляются. Отставание здесь недопустимо, так как означает поражение России в ужесточающейся глобальной конкуренции, со всеми вытекающими...

Георгий Векуа: Это важный вопрос. На мой взгляд, изменения настолько стремительны, что ни власти России, ни экспертное сообщество практически не успевают разобраться в сути и занимаются лишь растерянным реагированием, которое иногда носит даже истеричные формы. Все это угрожает наступлением реального системного кризиса в политической жизни России. Политическая структура России, сформированная в нулевых годах, которая справлялась с вызовами в то время, устарела и обеспечивает лишь временную консервацию ситуации, в то время как стратегические проблемы накапливаются и не решаются.

– Прогнозировать что бы то ни было в этих условиях сложно, и все-таки – каков прогноз на будущий год для Вашего региона, России и мира?

Коста Дзугаев: Хорошего мало. Последнее время я периодически привлекаю внимание коллег к тому, что по данным фунда-

ментальной науки («вертикаль Панова – Снукса» и др.) 2015 год является годом пороговым. Прогноз чрезвычайно затруднён, так как по ряду позиций мы будем иметь дело со вступлением в режимы с обострениями. Вспоминаются известные слова о том, что «в будущем развитие пойдёт более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми». Но думаю, что мы справимся.

Георгий Векуа: В будущем году, видимо, в целом будут продолжаться тенденции 2015 года. Одна из общих тенденций такова, что происходит быстрая эрозия национальных государств почти во всех регионах мира, связанная с глобализацией. Во время правления администрации Обамы процессы глобализации, по сравнению с периодом предыдущей администрации, заметно ускорились. Сказывается также все большее проникновение интернета, в том числе мобильного, который выступает носителем и проводящей сетью процесса глобализации. Как реакция на эти процессы, возникают отдельные очаги «консервативной реакции», однако, на мой взгляд, такой тип реакции, направленный на сохранение старых институтов, не может справиться и остановить идущие процессы. Нужны другие формы реагирования, «проактивные» – но это уже отдельная и далеко идущая тема.

«2015 год прошел под знаком России»

Не самые радужные перспективы Азербайджана и Закавказья в целом рисует, анализируя итоги прошлого геополитического года, талышский политолог **Рустам Искандари**.

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события ушедшего года и его общие итоги.

– Тенденции и главные события уходящего года были привязаны к двум конфликтам – сирийскому и украинскому. В большей степени, к сирийскому. Даже процесс по разрешению конфликта на юго-востоке Украины в определенной степени привязан к происходящему в Сирии: без серьезного продвижения и даже победы там будет сложно окончательно победить на Украине.

Первое из трех главных событий, если постараться их выделить – минские договоренности – нельзя назвать прямым следствием развития ситуации в Сирии. Но то, что вооруженные действия на юго-востоке Украины не возобновились в полной мере, а сам кризис перестал быть магистральной темой мировых новостей, очевидно, связано и с переломом в сирийском конфликте, связанном с началом операции российских Военно-Космических сил.

Второе событие – подписание соглашения по «ядерному до-сье» Ирана – также стало возможным и даже необходимым в связи с ситуацией на Ближнем Востоке, когда изоляция ИРИ стремительно усугубляла дисбаланс сил в этом регионе. Постепенный выход Ирана из изоляции позволил начать складываться новому, российско-иранскому союзу на Большом Ближнем Востоке, что, вероятно, будет иметь далеко идущие последствия.

Выдвижение Ирана на первый план региональной политики и его сближение с Россией имеет особое значение в связи с постепенным ослаблением позиций Турции как на международной арене, так и во внутренней политике. Амбициозные и вместе с тем опрометчивые шаги Анкары достаточно быстро свели на нет почти все успехи этой страны в отношениях с соседями. Последним поражением Турции и, в частности, президента Эрдогана стал конфликт с Россией вокруг сбитого фронтового бомбардировщика Су-24. Вопреки бурной реакции российского экспертного сообщества, считаю, что этот конфликт был неизбежен: накопилось слишком много противоречий в отношениях Турции с Россией, начиная с сирийского кризиса и вплоть до мероприятий, посвященным столетию геноцида армян.

Третье событие – операция российских ВКС в Сирии, окончательно оформившая возвращение России на вершину мировой политики. Важным также стало принятие 18 декабря 2015 г. Совбезом ООН резолюции по политическому урегулированию конфликта в Сирии. Не люблю громких утверждений, но ***мне кажется очевидным, что 2015 год прошел под знаком России. Однако это не значит, что страна может почитать на лаврах.***

Напротив, это лишь усиливает и усложняет вызовы 2016-го. Как известно, удержаться на вершине всегда сложнее.

Выходя за рамки трех пунктов, хотел бы назвать среди важнейших событий кризис с беженцами в Европе, а также влияние на международную повестку терактов в Париже и взрыва самолета «Когалымавиа». Среди тенденций стоит отметить продолжающийся рост уровня насилия в международных отношениях, в особенности, на Ближнем Востоке.

– Что бы Вы назвали главным событием года на Кавказе? Как это отразится на развитии региона в будущем году?

– Главные события для Кавказа в этом году происходили, скорее, вокруг него. В первую очередь, выделяю перераспределение баланса сил в треугольнике окружающих Кавказ государств – России, Турции и Ирана.

Турция, проводящая последнее десятилетие свою экономическую и культурную политику на Кавказе (за исключением Армении) почти без всяких препятствий, продолжила формирование союза с Грузией и Азербайджаном. Пока в России ожидали появления турецко-российского политического союза, Анкара продвигала в регионе свои и натовские интересы. Российско-турецкий конфликт поставил перед российским руководством вопрос о необходимости совершенно иной квалификации действий Анкары в этом регионе, а значит, и иного реагирования на эти действия. Ответы на этот вопрос мы, возможно, начнем видеть уже в наступающем году.

Этот отрезвляющий конфликт поставил закавказские страны (главным образом, Азербайджанскую Республику) перед выбором. Баку, приняв сразу после инцидента с фронтовым бомбардировщиком турецкого премьера Давутоглу с официальным визитом, во время которого были озвученные недвусмысленные лозунги о братстве двух стран, достаточно открыто выразил свою позицию.

Выход Ирана из изоляции также обозначил новые вехи в региональном соперничестве. Это значит, что ***Турция и Иран могут возобновить борьбу за влияние на Кавказе, которую мы наблюдали в 1990-е.*** Тогда Иран очевидно потерпел поражение. А после

открытия «ядерного досье» он ослаб на международной арене настолько, что о каком-либо серьезном противостоянии с Турцией говорить не стоило. Подобное ослабление Ирана привело, в том числе, и к усилению Израиля в регионе (особенно в Азербайджанской республике, что напрямую угрожало интересам Ирана).

Но даже после постепенного выхода из изоляции, свидетелями чего мы стали в уходящем году, *ждать моментальных успехов Ирана на Южном Кавказе я бы не стал, так как ресурсов страны для этого пока мало.* Для серьезного внешнеполитического рывка необходима социально-экономическая стабилизация внутри Ирана, для чего вопросы экономического развития должны быть наконец-то доверены технократам, а не политическим идеологам. Наряду с этим, отмечу, что *политический ресурс Ирана в регионе Большого Ближнего Востока будет расти, увеличивая его вес и влияние и на Южном Кавказе.*

Оба указанных процесса имеют самые негативные последствия, в первую очередь, для Азербайджана, к которому неизбежно подбирается волна ближневосточного хаоса. О распаде Азербайджанской Республики, о чем давно предупреждают представители талышской аналитической школы, под конец 2015 года стали уже говорить и местные эксперты (например, Зардушт Ализаде). В течение прошедшего года в Азербайджане национальная валюта была дважды девальвирована (в феврале и декабре). В результате и без того низкий уровень жизни в стране критически снижается. Пузырь дутых цифр об экономическом росте, которые все эти годы озвучивало правительство, окончательно лопнул. Происходящие в стране негативные, нередко разрушительные процессы позволяют делать вывод о том, что в новом году никаких улучшений ситуации в Азербайджане не стоит. Вместо этого, вероятность кризисов очень высока.

Олигархическо-политическая элита АР своими недалекими действиями превратила государство в целый клубок различных конфликтов. Во-первых, это открытые и скрытые этнические конфликты страны, которые постоянно дают о себе знать. Этот вопрос включает в себя, конечно, и карабахский конфликт, но не

только. Я не склонен полагать, что война в Карабахе возобновится в предстоящем году. Однако при этом не стоит исключать попыток Баку осуществить «блицкриг» или, скорее, некую молниеносную операцию с целью отвлечь население от имеющихся в стране проблем, как это особенно ярко происходило в 2014 году (когда, например, в ночь с 31 июля на 1 августа азербайджанская армия, вопреки своим планам, понесла самые значительные потери со времени объявления режима прекращения огня, или 12 ноября, когда азербайджанской армией был сбит армянский вертолет).

В любом случае, очевидна не только активизация глобальных акторов в переговорном процессе вокруг карабахского вопроса, но и постепенный рост напряженности на линии соприкосновения противников, о чем свидетельствует учащение прифронтовых инцидентов. ***В среднесрочной перспективе одна из таких «молниеносных операций», вероятно, приведет к возобновлению военных действий.*** Кроме того, на, по меньшей мере, региональный уровень уже вышли проблемы коренных народов региона, все еще проживающих на контролируемых Баку территориях, – талышей, лезгин, аваров, парсов (татов). Особенно это касается талышей, являющихся четвертым по численности и самым крупным из не имеющих государственности народов региона.

Во-вторых, это латентный конфликт населения страны не только с действующей властью как таковой, но и с возглавляемым ею ерзо-курдо-нахичеванским кланом. Еразы (общее название армянских тюрков и курдов, перебравшиеся в Азербайджан за годы Советской власти и особенно во время карабахского конфликта) вместе с некоторой частью нахичеванцев, а также курдами, значительная часть которых появилась на территории АР только после прихода к власти указанного клана, фактически установили в стране полицейско-рэкетирский режим. При дестабилизации ситуации в стране этот конфликт может стать одним из серьезных для дальнейшей судьбы государства.

В-третьих, попустительская политика властей привела к тому, что в АР сформировались новые нетрадиционные для страны религиозные общины, которые также будут претендовать на

власть. Главным образом, речь идет о салафитах, численность которых, по некоторым сообщениям, достигла уже 40 тысяч человек. Довольно много граждан АР сражается сегодня в рядах «Исламского государства» (запрещенная на территории РФ террористическая организация – прим.). Не исключена военная активизация салафитов в Азербайджане в свете их грядущего поражения в Сирии. В этом случае не избежать насильственной реакции шиитов, которые могут получить поддержку Ирана. В этом смысле показательным были нападения на верующих в Нардаране в ноябре 2015 года, демонстрирующие страхи властей.

В-четвертых, *главным проводником западных интересов в регионе ныне является не Тбилиси, а именно Баку*, что не может не беспокоить Москву и Тегеран, отношения с которыми АР довела фактически до уровня «шапочных». Поэтому *есть вероятность того, что следующее столкновение интересов мировых центров силы на постсоветском пространстве произойдет в Азербайджанской Республике.*

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти? Каковы возможные последствия отставания?

– Я солидарен с точкой зрения, что ход событий в мире ускоряется. Этот процесс идет уже очень давно и не являются особенностью только нынешнего года. Ход событий в 2010– развивается стремительнее, нежели это было в 2000-е, а в нулевых он был быстрее, нежели в 1990-е. В этом есть и эффект снежного кома: неразрешенные противоречия мировых держав, реваншистские устремления различных этнических, национальных, религиозных и прочих групп, грубые попытки отдельных сил установить свою гегемонию в том или ином регионе, растущий экономический дисбаланс различных групп и регионов лишь усиливаются и наращивают друг друга. Хаос увеличивается, утрачивается согласованность действий мировых элит. Это также ведет к тому, что периоды затишья между отдельными конфликтами уменьшаются. А значит, *новый конфликт, который будет определять даль-*

***нейшее развитие системы международных отношений, разра-
зится достаточно скоро.***

В этих условиях экспертное сообщество оказывается не всегда готовым к изменениям, происходящим в мире. Боюсь, что эксперты сегодня зачастую комментируют уже произошедшее, нежели пытаются предвидеть или предотвратить то, что еще не случилось. Кроме того, эксперты часто рассматривают ситуации в контексте каких-то политических или идеологических лекал. Этот упрощительский подход очень вреден для страны. Это было хорошо заметно в случае с российско-турецким кризисом, до начала которого подавляющее большинство экспертов рисовало чрезмерно оптимистичные картины двухстороннего сотрудничества двух стран и его политического будущего. А кризис для них оказался совершенно неожиданным.

Задача экспертов – не рисовать радужные перспективы какого-либо проекта. Их задача – оценка рисков в сравнении с этими перспективами, а также мониторинг конкретных ситуаций, и лишь на этих данных (а не по идеологическому ветру) – прогнозирование развития данных ситуаций.

– Каков Ваш прогноз на будущий год для Вашего региона, России и мира?

– О прогнозе для Азербайджанской Республики я упомянул выше. 2016 год может стать удачным для окончательного решения украинского конфликта. Относительно войны в Сирии я выскажу, вероятно, непопулярную мысль, но считаю, что никто из внешних сил, вовлеченных в конфликт, пока не заинтересован в исчезновении «ИГ». Это задача отодвинута в конец списка по завершению войны в Сирии. В течение 2016 года российско-иранский тандем при согласии нынешней американской администрации будут расчищать поле для дальнейших мирных переговоров. Стоит ожидать появления новых (или новых старых) участников переговорного процесса.

Кроме того, вероятно, усилится курдский вопрос, о котором мы уже подробно писали. В связи с этим неожиданные шаги могут быть предприняты Турцией – в частности, в Ираке и Сирии. Вопреки ожиданиям некоторых экспертов, считающих курдов

единой политической силой, думаю, что Барзани может вновь вступить в тактический союз с Эрдоганом против интересов других курдских групп в Сирии, а возможно, даже и Турции.

«Мировая политика продолжит оставаться агрессивной»

О том, чем запомнился этот год в Армении, и чего ждут в республике в будущем, рассказывает директор ереванского информационного агентства «АРКА», политический обозреватель **Константин Петросов**.

– Как бы Вы описали главную тенденцию 2015 года?

– Главная тенденция уходящего года – усиливающаяся турбулентность в международных отношениях. 2015 год, к сожалению, не снизил градус напряженности в мировой политике. Лидеры стран откровенно играют на повышение ставок, рассчитывая, вероятно, что первым дрогнет и свернет с пути противник. Очаги напряженности вспыхивают повсюду, более того, конфликты между странами становятся персонифицированными, что затрудняет их разрешение и поиск возможных компромиссов.

В результате конфликтов растет число беженцев и перемещенных лиц. Поэтому в числе главных событий уходящего года можно назвать миграционный кризис в Европе. Вследствие ближневосточного кризиса около 1,2 миллиона мигрантов из Сирии и других стран Ближнего Востока прибыли в страны Евросоюза, в основном через Турцию и Грецию. В связи с этой проблемой обострились противоречия между странами относительно важнейшего для функционирования ЕС принципа – Шенгенского законодательства о свободе перемещения граждан внутри союза. Ряд стран ЕС для противодействия потокам беженцев ввели контроль на внутренних границах «шенгена», а другие – возвели стены и временные ограждения.

В числе главных «черных» событий уходящего года можно назвать теракты в Египте и Франции. 31 октября в результате тер-

акта российский самолет потерпел крушение на севере Синайского полуострова, погибли 224 человека. Через две недели террористы организовали серию атак в Париже: были расстреляны посетители театра и нескольких парижских кафе, у стадиона «Стад де Франс» прогремели три взрыва. В крупнейшем теракте во французской истории погибли 130 человек. В обоих случаях ответственность взяли на себя радикальные исламисты из «ИГ» (запрещенная в РФ террористическая группировка – прим.).

Российско-турецкую конфронтацию, внесшую свой вклад в разрушение и без того хрупкой системы международных отношений, также можно отнести к одним из самых важных событий уходящего года. В результате турецкой провокации в отношении российского самолета СУ-24, который участвовал в военной операции в Сирии и был атакован турецкими ВВС, некогда чуть ли не стратегические отношения между Москвой и Анкарой вмиг стали недружественными. Естественно, действия официальной Анкары удостоились самых жестких заявлений со стороны российского руководства и введения экономических санкций в отношении Турции. Все это не добавляет стабильности, в том числе и в регионе Южного Кавказа.

– Что бы Вы назвали главным событием года в Армении и Закавказье в целом? Как это отразится на развитии региона в будущем году?

– Одним из самых главных политических событий уходящего года в Армении можно смело назвать прошедший в декабре общереспубликанский референдум по внесению изменений в Конституцию, которые предусматривают переход от действующей полупрезидентской формы правления к парламентской. Высшим органом исполнительной власти провозглашается правительство, которое разрабатывает и осуществляет внутреннюю и внешнюю политику на основе своей программы. На правительство возлагается также общее руководство системой государственного управления. Новый проект обязывает президента назначить премьер-министром кандидата от партии или партийного блока, победившего на парламентских выборах. Полномочия президента будут существенно урезаны.

Он избирается сроком на семь лет (вместо нынешних пяти) не общенациональным голосованием, а парламентом, причем один и тот же человек может быть избран президентом всего один раз.

Естественно, после принятия изменений в Конституцию возможны определенные трансформации на политическом поле Армении. Однако, по мнению специалистов, если не случится форс-мажорных обстоятельств, правящая Республиканская партия Армении имеет все шансы сохранить доминирующие позиции после парламентских выборов 2017 года.

Весь 2015 год прошел в Армении под знаком мероприятий, посвященных столетней годовщине Геноцида армян. На государственном уровне была выражена единая воля армянского народа в вопросе достижения всемирного признания Геноцида армян, а также устранения последствий этого злодеяния. В течение года прошли сотни мероприятий, крупные научные конференции, форумы, выставки. 24 апреля – в День памяти жертв Геноцида – в Армению прибыли президенты России, Франции, Сербии и Кипра, а также высокопоставленные делегации из десятков стран мира. За день до этого в Первопрестольном Святом Эчмиадзине прошла церемония канонизации (причисления к лику святых) жертв Геноцида. Литургия по невинным жертвам прошла также в Ватикане. Папа Римский Франциск осудил Геноцид, невзирая на острую реакцию Турции.

В уходящем году продолжился процесс международного признания: факт этого преступления против человечества признал ряд стран, в том числе Бразилия, Люксембург, Австрия. На сегодня Геноцид армян официально признали 24 государства (Бразилия, Люксембург, Австрия, Боливия, Швеция, Чили, Литва, Польша, Венесуэла, Нидерланды, Словакия, Аргентина, Швейцария, Италия, Ватикан, Греция, Франция, Бельгия, Ливан, Канада, Россия, ЕС, Кипр, Уругвай), а также авторитетнейшие международные организации, в частности Европарламент, Совет Европы, Всемирный совет церквей.

Вследствие обострения российско-турецких отношений вопрос Геноцида армян вошел в повестку российских «антитурецких

санкций». В частности, партия «Справедливая Россия» выступила с инициативой принятия закона об уголовной ответственности за отрицание Геноцида армян в Турции. Причем как в Армении, так и в России экспертные сообщества далеко не в восторге от такой реактивной политики, и не считают, что эмоции и сиюминутные интересы должны определять общую повестку дня.

– Прогнозировать что бы то ни было сейчас сложно, и все же – каков Ваш прогноз на будущий год Армении, России и мира?

– Что касается Армении, то будущий год будет напряженным в контексте международных отношений. Политика Азербайджана нацелена на эскалацию конфликта в Карабахе, где ситуация может выйти из-под контроля сопредседателей Минской группы ОБСЕ. Впервые с установления режима прекращения огня в 1994 году Азербайджан перешел к танковому и гаубичному обстрелу, что поднимает напряженность на новый и очень опасный уровень, о чем не преминул заявить президент Армении Серж Саргсян на состоявшейся в конце года в Москве сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ. Президент напомнил странам-членам ОДКБ о взаимных обязательствах и соответствующей статье в Уставе ОДКБ и призвал поучиться у стран НАТО безоговорочной поддержке на примере сбитого Турцией российского СУ-24, а не противопоставлять свои интересы и приоритеты общим интересам и обязательствам.

Экономика Армении также будет переживать далеко не лучшие времена. Мировые тенденции, в частности, медленный рост экономики в Европе, продолжающийся в России экономический спад и уровень цен на нефть, не позволяют прогнозировать высокие показатели в экономике. Слабый внутренний спрос сдерживает потребление и инвестиции, а ухудшение экономического климата в России способствует резкому сокращению денежных переводов.

Мировая политика продолжит оставаться агрессивной. По крайней мере, до новых выборов президента США политическая ситуация в мире не претерпит серьезных изменений. Можно прогнозировать продолжение противостояния в Сирии (Россия-Запад)

и активизацию террористических организаций на европейском континенте. Не будем сбрасывать со счетов также российскую обиду на Турцию, и в связи с этим не только войну санкций, но и более серьезные эксцессы, возможные в связи с проводимой рядом стран военной операцией в Сирии. Кроме того, в повестке остается тлеющий конфликт на Украине.

Поводом для осторожного оптимизма можно назвать резолюцию по политическому урегулированию конфликта в Сирии, принятую единогласно под конец года Совбезом ООН. Документ призывает срочно организовать переговоры с участием сторон сирийского конфликта и поддерживает перемирие в Сирии. И в России, и на Западе подчеркивают: если все пойдет по плану, бороться с террористами можно будет куда эффективнее. Ну а миру от этого будет более спокойно.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ, ПРИДНЕСТРОВЬЕ-2016

«Внешние угрозы произвели на нас оживляющее действие»

О событиях, оказывающих влияние на ход региональной и мировой истории, и перспективах развития российско-турецких отношений рассказывает политолог, эксперт по противодействию экстремизму и терроризму **Ислам Сайдаев** (Грозный).

– Что бы Вы назвали самыми главными событиями прошлого года? Чем они запомнились?

– Говоря о самых важных событиях года, сразу вспоминается русская пословица: «Из двух зол лучше не выбирать»! Уходящий год был ознаменован множеством событий, которые по своей сути являются знаменательными, хотя и трагичными для судеб России и мира. Несомненно, что в ряду этих событий, кардинально повлияв-

ших на наше настоящее и могущих повлиять на ближайшее будущее, надо перечислить подрыв нашего самолета над Синаем, начало операции российских ВКС в Сирии и сбитый турками СУ-24.

Пожалуй, более или менее удачным для нас в перспективе можно считать начало операции в Сирии – и не потому, что нам нравится убивать или воевать с кем бы то ни было, а потому, что ***террористы не оставили нам никакого выбора***. Постоянные атаки в Чечне и других регионах России, угрозы вторжения в РФ, не раз раздававшиеся от сирийских радикалов, вынудили Москву вступить в гражданскую войну на Ближнем Востоке, таким образом, нанеся превентивный удар в целях собственной безопасности. Ибо общеизвестно, что лучшее средство защиты – это нападение.

Я думаю, по своим последствиям именно начало операции против террористов в Сирии является для нас наиболее судьбоносным решением, которое положительно повлияет на весь ход истории и российского, и мирового общества. 2015 год войдет в историю, как некогда вошел в нее 2001, после терактов в Америке разделивший весь ход мировых событий на «до» и «после».

Одним из положительных событий года можно назвать демилитаризацию, хотя и не окончательную, ситуации в Новороссии, которая дает надежду на примирение и мирное урегулирование на приграничных с Украиной территориях. При правильном подходе это относительное затишье поможет вновь наладить добрососедские отношения с нашими соседями.

– Что стало наиболее важным для Закавказья и Кавказа в целом, в привязке с Чеченской Республикой?

– Думаю, наиболее значимым событием является создание в Чечне Комитета чечено-грузинской дружбы. Это вызвало широкий резонанс в российских и грузинских СМИ, было положительно оценено как политическим, так и чиновничьим слоями Грузии и России, а также нашло широкий отклик у общественности. Несмотря на региональный уровень этого события, оно имеет общероссийское значение, так как является неким мостом между нашими некогда братскими странами и народами, связь которых была нарушена западными геополитическими игроками.

Сегодня инициатива чеченских общественников обсуждается на уровне парламентов Чечни и Грузии. Она может стать началом налаживания отношений между грузинским и российскими народами с участием «народной дипломатии». То, что это общественная инициатива граждан России несет позитивный смысл, косвенно подтвердил на своей ежегодной пресс-конференции президент России Владимир Путин, ответивший на вопрос грузинской корреспондентки, что Россия готова снять визовый режим между Грузией и Россией.

– **С чем, исходя из всего этого, мы вошли в 2016-й год?**

– Если говорить в общем и в целом, то, конечно же, год был весьма насыщен множеством событий, которые сами по себе являются судьбоносными. Трудно выделить из них наиболее важное для будущего нашей страны. Крайне важно, что *под влиянием внешней угрозы снизился процент внутренней напряженности как в плане межнациональных и межконфессиональных отношений, так и в плане напряженности между обществом и властью*. В этой связи вспоминается еще одна русская мудрость – «нет худа без добра». Внешние угрозы, к которым можно отнести и разгул террористических банд в Сирии, и напряженность в отношениях с Турцией, произвели на нас оживляющее действие. Так что можно сказать, что «если бы террористов в Сирии не было бы, то их следовало бы выдумать!».

– **Каков Ваш прогноз на текущий год?**

– Несомненно, мы будем жить под тенью этих событий и, прежде всего, усиления напряженности в отношениях между Турцией и Россией. Хотя я лично являюсь противником этой напряженности и считаю, что она инспирирована США с целью препятствовать нам в наведении порядка в Сирии и на всем Ближнем Востоке.

– **Кстати, что Вы думаете по поводу дальнейшего развития российско-турецких отношений?**

– Окончание очень сложного для России 2015 года не оставило россиян без сюрпризов, да таких, от которых хочется «открыститься», хотя я мусульманин. Много копий было сломано нашими политологами и экспертами, призывавшими чуть ли не начать

боевые действия против Турции в связи со сбитым турками в небе Сирии российским самолетом. Слава Богу, у нашего руководства хватило политической воли и мудрости не поддаваться на призывы доморощенных «доброжелателей», равно как и на провокацию турецких военных, за которыми виднеются «уши» США и НАТО.

Нужно отметить, что не случайно президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, прежде чем делать какие-либо заявления по поводу инцидента, поехал в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе – вероятно, в надежде получить инструкции от западных союзников. Но и после этого он долго не мог сформулировать претензии к российскому экипажу. Однако, несмотря то, что до военного столкновения между Россией и Турцией дело не дошло, наши отношения с Анкарой оставляют желать много лучшего. Более того, они с каждым днем ухудшаются.

Я намеренно не называю виновником трагедии президента и политическое руководство Турции, так как считаю, что это была провокация, направленная в первую очередь против правительства Эрдогана, и, по всей вероятности, она исходила от турецких военных и США.

Почему я так думаю? После прихода к власти в Турции исламистов они произвели большую чистку в рядах военных на предмет их лояльности к новым властям. Конечно, это серьезно возмутило не только тех, кто в результате был уволен с военной службы, но и тех, кто их поддерживал. А таковых было не мало как среди бизнес-элиты, националистических движений и партий, так и среди лоббистов из числа бывших военных, ушедших в отставку и занимающихся политикой или бизнесом.

Не стоит забывать, что группа, с которой Эрдоган и его Партия справедливости и развития вступили в серьезную конфронтацию, является потомками турецких янычар, которые поколениями служили инструментом подавления инакомыслия в Османской империи, получая за это свои дивиденды. Ни о каких «справедливости и развитии» там и речи не шло, за что они и поплатились.

Так вот, с приходом к власти Эрдогана и его партии и началом осуществления их социальных проектов (что весьма напоми-

нает «исламскую социалистическую революцию»), президент Турции начал серьезно наступать на интересы капиталистического военно-националистского лобби, в том числе серьезно ослабив их экономические позиции. Что, естественно, вызывало недовольство этого лобби и их сторонников и преемников в турецкой армии. Более того, военные Турции по большей части состоят не из исламистов, а из турецких националистов, которые по идейным соображениям недолюбливают Эрдогана и его партию. *Мне по роду деятельности приходилось часто встречаться с представителями турецких «Серых волков», которые открыто высказывали претензии к нынешнему руководству страны. Более того, они еще несколько лет назад планировали свержение Эрдогана и его партии и предпринимали для этого ряд попыток, которые не увенчались успехом.*

Обратите внимание: несмотря на то, что турецкое руководство «оправдывало» уничтожение российского самолета его появлением над районом, где проживают этнические турки, известные как «туркоманы», наш СУ-24 был сбит именно тогда, когда он представлял реальную угрозу для турецких вооруженных группировок, участвовавших в сирийском конфликте под флагом «Серых волков», то есть турецких националистов, у которых, как я уже сказал, очень хорошие позиции в турецкой армии. Конечно, в такой ситуации Эрдоган не мог признаться, что не контролирует военных, и поэтому срочно помчался в штаб НАТО, подозревая, что стоит на грани военного переворота. Услышав невнятную позицию своих брюссельских союзников, он выбрал единственно верное решение – чтобы удержаться у власти, принял на себя ответственность за агрессию против России.

Почему же так случилось? Ведь как сказал президент России на своей ежегодной пресс-конференции, «не было не одного вопроса, по которому Россия не могла бы договориться с Анкарой, и лишь один Аллах знает, почему они это сделали!». Вот именно по этой причине все и произошло: Россия вошла в слишком тесные и дружественные отношения с основным партнером США и НАТО в регионе, а это не в интересах США и западной коалиции. Это была

даже не ревность, а явная угроза интересам США. Более того, не исключено, что те, кто отдал приказ об атаке российского самолета, преследовали и другие цели – а именно, дестабилизации ситуации в Турции. *При таком варианте ничто не смогло бы сдержать террористов «Исламского государства» (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.) от проникновения в Закавказье, а значит, переноса сирийского конфликта на территорию российского Северного Кавказа.* Планировался удар по России, для чего, в принципе, эта война в Сирии изначально и затевалась.

Возвращаясь к началу конфликта между Турцией и Россией, нужно сказать, что я был буквально в шоке, слушая политологов вроде Жириновского, Сатановского, Багдасарова и других наших уважаемых экспертов. С каким рвением они рассказывали про «превентивные удары», о злостных турках, оккупации Константинополя и т.д.! Как будто готовились рвануться в атаку и на белом коне возглавить «крестовый поход» против Османской Империи (забыв при этом, что ее уже давно не существует) прямо из студии в Останкино.

В этой многоголосице оголтелого патриотизма были слышны лишь слабые нотки здравомыслия в лице директора Института востоковедения, доктора исторических наук, профессора Виталия Наумкина, который в одной из передач сказал, что не надо нагнетать истерию по поводу Турции. Никто из наших экспертов и политологов даже не подумал о том, что будет после того, как в Турции рухнет власть Эрдогана. Они даже не попытались спрогнозировать дальнейший ход событий – так была приятна мысль насолить туркам и исламистам в одном лице.

На самом же деле Турция, возможно, является последним рубежом перед вторжением отрядов «ИГ» в Россию – при том, что она же стала и перевалочной базой для экстремистов, попадающих из РФ в Сирию и «Исламское государство». А вот обратно они возвращаются не через Турцию, а через Европу и дружественные нам Белоруссию и Казахстан, что значительно удлиняет и усложняет возможность прибытия экстремистов на Родину незамеченными.

Но если правительство Эрдогана рухнет, то в Турции воцарится хаос, так как он своими руками разрушил аппарат подавления масс в лице турецкой армии, которая всегда служила надежной опорой турецкой государственности. При отсутствии этого аппарата подавления любая борьба за власть в Турции обернется для нее гражданской войной. Толпы «игиловцев», воспользовавшись ситуацией, вторгнутся в Азербайджан, Армению и Грузию, и никто в регионе не будет способен им противостоять. Так что нам, скорее, следует поддерживать легитимную власть Турции, чем пытаться свалить ее с помощью курдов. При том, что такой вариант, как говорится, «дохлый номер» – это не удалось даже во времена мощной советской империи, куда уж теперь!..

«Общество ждет нового идейно-смыслового импульса»

Прогноз на год вместе с подведением итогов ушедшего дает кандидат юридических наук, автор книг о современной ситуации в Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республике, политолог **Александр Сергеев (Москва)**.

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события года.

– Главными событиями года, на мой взгляд, явились взятие донецким ополчением Дебальцево в январе, широкомасштабное празднование 70-летия Победы в мае и осенне-зимняя операция российских Вооруженных Сил в Сирии. Инцидент, связанный со сбитым российским самолетом турецкими ВВС не выделяю преднамеренно, ибо рассматриваю его как чрезвычайно важный, но все же эпизод в гигантской сирийской геополитической эпопее.

Украинская линия фронта окончательно стабилизировалась. Изменить данные границы в обозримом будущем едва ли представится возможным. Происшедшее *полностью сорвало изначальные планы наших геополитических противников по перенесению «украинского урагана» на территорию России с последующим провоцированием майдана в Москве.*

Общенародное празднование юбилея Победы показало, насколько *в России силен мощный низовой энергетический потенциал населения*. Эта энергия ждет идеи, ждет проекта мобилизации. Если вертикаль власти сможет все это задействовать – она будет способна добиться колоссальных успехов.

Сирийская военная операция и ее качественное дипломатическое сопровождение показали, что российская властная вертикаль не намерена сдаваться без боя, у нее есть инструменты прогнозирования ситуации, элементы стратегии и соответствующая политическая воля к действию.

– **Тенденция года – как ее можно обозначить?**

– Основная тенденция уходящего года – *в России начался медленный, но более-менее системно осуществляемый уход с предыдущего двадцатипятилетнего вестернизаторского пути. На Запад дороги нет, и это все отчетливее понимают люди, отвечающие за долгосрочную стратегию развития нашей страны. Однако вопрос «куда идти дальше» в средней и долгосрочной перспективе до сих пор висит в воздухе и ждет своего ответа.*

– **Можно ли подвести предварительные итоги 2015-го?**

– Основные итоги года: помимо упоминаемой выше стабилизации линии российско-украинского фронта и в значительной степени ликвидации «игиловской» угрозы, масштабные негативные тенденции экономического характера также оказались во многом локализованы: частично – действиями властной вертикали, частично – благодаря складывающейся мировой конъюнктуре.

Однако позитивные моменты ни в коей мере нельзя преувеличивать. Успокаиваться и расслабляться нельзя ни в коем случае: многолетние регрессивные процессы, идущие в обществе и государстве, не переломлены, идеологический вакуум остается, а многие негативные правительственные решения во внутренней политике (образовательной, медицинской сфере, социальном обеспечении и иных областях) лишь подливают масло в огонь общественного регресса. Очень хорошо, что наш государственный корабль находит в себе способность не налетать на рифы, но на сегодня этого уже мало – нужна масштабная реконструкция каждой

его составляющей, и *начать следует с ремонта двигателя, ротации капитанской команды и формирования ответственного штурманского подразделения.* Иных возможностей продолжить долговременный исторический путь у нас нет.

– Что бы Вы назвали главным событием года в государствах, которыми Вы давно и вдумчиво занимаетесь – Южной Осетии и ПМР? Как это отразится на их развитии в будущем году?

– Отвечая на данный вопрос, активизируем сегодняшнюю проблематику непризнанных и частично признанных государств постсоветского региона, так как заниматься ей в этом году пришлось наиболее плотно.

Для Южной Осетии главным событием стало подписание комплексного союзного договора с Россией о сотрудничестве и интеграции. Россия теперь не только де-факто, но и де-юре ответственна за судьбу Южной Осетии, и пока договор действует – никакая московская внутриэлитная трансформация республике не страшна. Однако здесь таится и очень серьезный негативный момент: договором предписано заключение системы межправительственных соглашений, реализация каждого из которых способна существенно помочь маленькому героическому народу, пережившему двадцатилетнюю войну и до сих пор существующему в условиях послевоенной разрухи.

Договор вводил шестимесячный срок для разработки и реализации данных соглашений, предусматривающих введение с республикой режима общей границы, общей таможи, систему дополнительных социальных гарантий, среднюю зарплату по масштабам Северного Кавказа и т.д. Однако ничего этого не сделано. Ничего! И в этом виноваты как все без исключения сегменты югоосетинской правящей элиты, так и подразделения российской властной вертикали, курирующие югоосетинскую проблематику и до сих пор не понимающие до конца ее стратегическую важность. Во многом вследствие подобного состояния дел в республике начинают появляться антироссийские этнические националисты. Их пока очень небольшая горстка, но еще пять лет назад

само это явление вообразить было невозможно. Что будет еще через пять лет – покажет будущее.

Теперь о приднестровской проблематике. Складывается ощущение, что наше политико-экспертное сообщество старательно закрывает глаза на происходящее в республике. А зря. Приднестровье – исключительно важная геополитическая и геостратегическая точка на российском цивилизационном организме, потеря которой может грозить России полномасштабной катастрофой. Лишь назначение в мае военного преступника Саакашвили губернатором граничащей с Приднестровьем Одесской области заставило российскую правящую элиту встрепенуться и начать как-то реагировать на происходящее в регионе. Однако и месяца не прошло, как все успокоилось, и очень мало кто обратил внимание на то обстоятельство, что ПМР до самого недавнего момента угрожала тотальная экономическая катастрофа.

Доля приднестровского экспорта из-за украинской блокады составляла в течение уходящего года всего 11%, а квоты Евророзны, куда стало направляться около 80% приднестровской продукции, заканчивали свое действие в конце 2015 года. Лишь в декабре каким-то чудом удалось достичь соглашения о продлении для ПМР европейских экономических преференций. Повторюсь еще раз: ***Приднестровье на сегодня – одна из самых болевых точек российской цивилизации.*** По ней будут продолжать бить, и если инертность на этом направлении российской властной вертикали, помноженная на безынициативность вертикали тираспольской, перекладывающей на Москву ответственность за все и вся, продолжатся, неприятности для республики будут нарастать в геометрической прогрессии.

И наконец, Абхазия. Здесь все обошлось без ярких событий, но с двумя очень важными тенденциями: стремительным ростом этнического национализма и одновременным ухудшением социально-экономического положения значительной доли населения. Республиканская элита прекрасно устроилась: фактически бесконтрольно распоряжаясь значительным объемом российских средств, она уверовала в собственную успешность и неуязвимость. Поло-

жение дел в республике может создать для России в будущем серьезные неприятности, и если не обратить на это должного внимания – проблем не избежать.

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти?

– Российского экспертного сообщества как целостности не видно. Его еще надо создать, ввести, так сказать, в определенную консенсусно-патриотическую рамку. Есть большое количество экспертных субкультур, существующих в собственных системах координат и едва друг друга терпящих. Такое положение дел следует переламывать.

Общество просыпается и ждет нового идейно-смыслового импульса, в то время как власть реагирует в основном ситуативно на уже реализующиеся угрозы. Пока что геополитический противник нас стратегически переигрывает. Будем надеяться, что в ближайшие годы в России под воздействием чего бы то ни было восторжествует воля к стратегии. Если этого не произойдет – последствия окажутся катастрофическими для всех.

– Прогнозировать в этих условиях сложно, и все-таки – каков Ваш прогноз на будущий год для Вашего региона, России и мира?

– Так называемое «Исламское государство» (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.) будет уничтожено, но встанет вопрос, что делать с «послеигиловской» Сирией? Если Россия сможет предложить собственный стратегический сценарий и реализовать его также успешно, как сейчас проводит военную операцию – она получит серьезнейшие шансы для восстановления своего геополитического статуса в будущем как подлинной Великой Державы. Стране нужна как общая стратегия, так и стратегия региональная, отвечающая на серьезнейшие вызовы современности: сирийский, турецкий и украинский. Найдём ее, успешно реализуем – укрепимся и пойдем дальше. Не справимся – получим дополнительные масштабные проблемы.

«Главное – не допустить глобальной войны»

О тенденциях на Северном Кавказе рассказывает кандидат политических наук, доцент **Елена Щербина** (Черкесск).

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события прошлого года.

– На мой взгляд, главными событиями года являются:

– 70-летие победы в Великой Отечественной войне, которое объединило российскую нацию, привело к росту патриотизма среди молодежи;

– достойное существование нашей страны и её жителей в условиях санкций. Достойное, потому что мы перешли на импортозамещение и вполне довольны отечественными производителями; достойное, потому что россияне массово не покупают конфеты фабрики «Рошен», мотивируя это тем, что её владелец – украинский олигарх, а по совместительству, президент страны, в которой процветает нацизм; достойное, потому что россияне продолжают уважать народы ближнего и дальнего зарубежья, а не любят «правителей»;

– и самое трагическое событие – теракт над Синаем, олицетворением трагедии которого стала маленькая петербурженка Даринка. Для меня долгое время терроризм ассоциировался с Кладбищем Ангелов в Беслане. Теперь к нему добавилась эта малышка. Думаю, что личностное восприятие террора каждым из нас – лучшее психологическое противоядие от него.

– Можно ли выделить главную тенденцию года?

– На мой взгляд, это возвращение приоритетов России в решении геополитических вопросов, в первую очередь, в борьбе с международным терроризмом. И это – несмотря на частичную политическую изоляцию и экономические санкции. Россия продолжает играть, и, кое в чем, первую скрипку в устройстве нового миропорядка – многополярного, многообразного, сложного.

– Общие итоги – к чему их можно свести?

Внешние: политическое устройство мира стремительно меняется, на сцену выходят новые игроки – страны Ближнего Востока, Китай, Индия.

Внутренние: россияне стали сильнее, дружнее в своем гражданском единстве. Соцопросы в 2015 году фиксируют самые высокие рейтинги президента Владимира Путина, высокий уровень межэтнической солидарности. Страна вышла на новый уровень борьбы с терроризмом, взяв на себя ответственность за успех этой борьбы.

– **Что бы Вы назвали главным событием года на Северном Кавказе?**

– Трудно выделить какие-то главные события на Северном Кавказе – все они привязаны к общероссийской ситуации, и это тоже маркер современных процессов. Можно выделить некоторые тенденции. На мой взгляд, это укрепляющееся единство регионов внутри СКФО на уровне глав субъектов РФ в округе, на парламентском уровне, на уровне бизнес-проектов и культурных мероприятий. Это сокращающееся число жертв террористов и бандформирований на территории СКФО – в последние два года борьба с ними активизировалась, и в числе погибших оказываются сами боевики, а не мирные жители. И, к сожалению, это немалое число жителей Северного Кавказа, уехавших в Сирию и воюющих на стороне «Исламского государства» (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.).

Какие-то социальные прогнозы в нашем быстро меняющемся мире – дело неблагодарное, многое зависит от ситуативных факторов. Думаю, что в будущем году единство регионов Северного Кавказа будет крепнуть, борьба с террористами еще более активизируется. И, что самое важное, всё большее число жителей нашего региона поддерживает эту борьбу, понимая, что нет ничего важнее мира и спокойствия.

– **Успевают ли за стремительно ускоряющимися событиями экспертное сообщество, общество, власти?**

– Действительно, социальное время ускоряется. События, люди, явления меняются, как в калейдоскопе и, к большому сожалению, краски в нем не всегда цветные. Власти необходимо успевать за событиями, управленческая деятельность подразумевает как ситуационный анализ, так и прогностическую работу. Приме-

ром того, как можно и нужно везде успеть является, конечно, президент страны Владимир Путин.

На мой взгляд, важнейшим условием эффективной работы органов власти в условиях стремительного хода событий является умение руководителей принимать решения и брать ответственность на себя. Общество перестраивается труднее, чем органы власти или экспертное сообщество, которое умеет, в силу профессионализма, оперативно реагировать на события. Но, думаю, что в реакции общества на то или иное событие важнейшее значение имеет оперативная деятельность журналистов. Вообще, информационная работа в условиях быстро меняющегося мира становится приоритетной. Информационное общество перестало быть проектом для большинства стран мира – оно стало реальностью.

– Прогнозировать что бы то ни было в этих условиях сложно, и все-таки – каков Ваш прогноз на будущий год для Северного Кавказа, России и мира?

– Мне кажется главный вопрос, волнующий мир, был задан Владимиром Соловьевым в фильме «Миропорядок» президенту нашей страны. И это вопрос – «Война будет?». Он волнует каждого жителя нашей страны, потому что война идет на Ближнем Востоке, в борьбу против «ИГ» вовлечены российские ВКС, жители разных регионов России. И мне кажется, главное, к чему стремится руководство нашей страны, россияне и большинство жителей мира – не допустить глобальной войны.

Думаю, что геополитическое значение России будет расти, продолжится борьба с терроризмом как внутри страны, так и на международном уровне. Будет укрепляться единство россиян, не только общегражданское, но и ценностно-идеологическое. Россияне научились жить в условиях экономических санкций, и вряд ли они в дальнейшем будут определять экономическое состояние российских семей. Думаю, что акцент в работе органов власти будет делаться на внутренние ресурсы для дальнейшего развития РФ.

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ-2016

«Сирия – это уже претензия на глобальный статус России»

Как выглядят итоги 2015 года из Крыма? Об этом рассказывает директор Института стран СНГ в Республике Крым, политолог **Андрей Никифоров** (Симферополь).

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события года.

– Все три, на мой взгляд, связаны с событиями в одном регионе. Это действия ВКС России в Сирии, «турецкий инцидент» с российским СУ-24 и принятие резолюции СБ ООН о мирном урегулировании в Сирии. Причём, следует оговориться, что *дело, конечно, не в Сирии. Она просто стала подмостками для постановки сразу нескольких параллельно разыгрываемых сценариев. Кстати, ни один из сюжетов в 2015 г. не исчерпан.* Так что нас ждёт продолжение.

Я – категорический противник трактовки происходящего как якобы капитальной перестройки мироустройства. По мне, *речь идёт о новом распределении ролей в прежней мироустроительной системе* с монопольным доминированием США, глобальной экономикой и декларативной приверженностью глобальных игроков т.н. «универсальным ценностям». Не скажу, что мне так хочется. Мне, как раз, хочется иначе. Но мировым политическим игрокам пока хочется именно так. А потому нынешняя система ещё какое-то время просуществует. На 2016-й её точно хватит. Кстати, для обывателя это, скорее, хорошая новость, поскольку настоящая геополитическая перестройка может случиться только за его счёт: за счёт его доходов, благополучия, разрушения стабильного и привычного образа жизни. Думаю, в следующем году обыватель может спать более-менее спокойно. Особенно – если вовремя уплатил налоги.

– Главная тенденция года – можно ли ее выделить? Каковы общие итоги 2015-го?

– Главная... Думаю, в *повышении градуса противостояния в борьбе за геополитический статус России*. Ну вот, смотрите: 2014-й прошёл под знаком событий на Украине. Россия отстаивала на этом поле своё право региональной державы: «мы самые крутые на постсоветском пространстве и без нашего участия здесь ничего не происходит». В 2015-м украинский кризис померк, отступил на второй-третий план. На первый вышла Сирия. Но это не просто перенос фокуса. *Сирия – это уже претензия на глобальный статус России. На мой взгляд, на глобальный статус мирового полицейского*.

Похоже, к российской политической элите, по крайней мере, к части её, приходит осознание, что мировой бензоколонки из нас не получилось (как-то подзабываться стала предложенная Чубайсом модель «великой энергетической державы»). Зато, посмотрите, какие у нас ВКС, как точно бьют наши «Калибры», какие вежливые наши вежливые люди! И ведь действительно, есть что предъявить и чем полюбоваться!.. А миру позарез нужен полицейский. До сих пор был единственный полицейский – злой. Нужен, в пару ему, добрый.

Это мы так думаем. Американцы, похоже, думают иначе. Видели в их вестернах игру в «добротного/злого» полицейского? Нет, там шериф всех побеждает своим неискоренимым гуманизмом, но, прежде всего – с помощью изобретения мистера Кольта. Нет в американских стереотипах этих европейских тонкостей. Поэтому американцев приходится убеждать, демонстрировать наглядно: миру необходима новая Антанта, этакая Антанта-3. И без России она невозможна...

– Что бы Вы назвали главным событием крымского года? Как это отразится на его развитии в будущем году?

– Регион у нас такой... Не Кавказ с Закавказьем и не Украина, не Ближний Восток и не Средняя Азия. Хотя все эти регионы нам близки. Каждый по-своему. Но вот интересно: *Крым как-то незаметно ушёл из топа мировых новостей. Какие-то мест-*

ные склоки, коррупционные скандалы... Кого это может заинтересовать? Разве что соседнюю зомби-державу, в которой многие по-детски радуются соринке в чужом глазу. Впрочем, эти де-тишки подбросили нам проблемку, которая вполне могла бы иметь немалый резонанс, если бы её не затеняли куда более масштабные и значимые события. Я – о террористической атаке с территории бывшего украинского государства, обесточившей Крымский полуостров. Именно она, а также преодоление её последствий, и стали главным событием крымского года.

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти?

– Смотря о какой части экспертного сообщества вы говорите. На память сразу приходит анекдот о диалоге двух политологов: «Ты скажи, что происходит?» – «Сейчас я тебе объясню» – «Нет, объяснить я и сам могу. Я о другом: ЧТО ПРОИСХОДИТ???». Подобного рода комментаторы по следам событий, перескакивающие с одного телеканала на другой, не всегда успевают пере-строиться. Это же надо всё время быть в курсе: с кем мы теперь дружим, с кем враждуем, почему правильно то, что сказал некто сейчас, если день назад он говорил прямо противоположное...

Но, в принципе, какая разница, что говорят и даже что думают такие эксперты? От их слов и мыслей течение политического процесса никак не меняется. Они его только сопровождают. Другие эксперты, которые, как правило, на ток-шоу не ходят, народу не известны или известны с какой-то совершенно другой стороны, – они этот ход событий проектируют. Конечно, реализуются, сталкиваются, вступают в борьбу сразу несколько разных, зачастую взаимоисключающих, проектов. Их равнодействующую мы как раз и наблюдаем на поверхности политических событий.

Да, впечатление такое, что пошло определённое ускорение и обострение конкуренции. Но это – смотря с чем сравнивать. Сравните, скажем, со второй половиной 30-х годов прошлого века. В «нулевые», вроде, процессы шли значительно медленнее. Хотя и

там было 11 сентября (9.11.2001), и 8 августа (08.08.08), свой Афганистан, свой Ирак. И своя черед «цветных революций»... В принципе, довольно похоже. Но при этом мы, Россия, стали сейчас более активно, более плотно участвовать в мировых политических процессах, они стали нам ближе, мы глядим на них с предельно малого расстояния. Вот они и мелькают...

– Каков же Ваш прогноз на будущий год для Крыма, России и мира?

– Для Крыма – всё более-менее просто: нас ждёт полноценный разворот реформирования экономики и инфраструктуры. Всё, что предусмотрено в рамках Федеральной целевой программы и шло в уходящем году со скрипом, пойдёт с ускорением. Орда, обосновавшаяся в Диком поле к северу от Перекопа, слава тебе, Господи, своими действиями ускорила процесс нашей изоляции от территории бывшего украинского государства. То есть, то, что неизбежно должны будут сделать для поддержания своей безопасности все соседи Украины, мы уже сделали. Могут, конечно, у этих скакунов энергоблоки АЭС рвануть (просто чудо, что ещё ни один не взорвался) или ещё какая-нибудь техногенная катастрофа случиться, часть последствий которой достанется и нам. Но этого предотвратить и изолироваться от этого мы не в силах.

Что касается России, она продолжит избавление от статуса сырьевого придатка Запада, будет отстаивать самостоятельную позицию по отношению к мировым делам. Короче, продолжит следовать тем же курсом, которым движется последние годы. Не думаю, что новый мироустроительный статус России будет признан уже в следующем году. Но тенденции таковы, что, если они сохранятся, через год мы будем к этому ближе, чем сегодня. Как и сегодня мы к этому заметно ближе, чем год назад.

В мире продолжится этакий восточный транзит – перенос внимания мировых политических игроков на восток, поближе к Тихому океану. Собственно, все эти «арабские вёсны», «Исламское государство» и прочие джихадистские штучки очень похожи на этакое ***рукотворное цунами***, которое пытаются обрушить на мирно пашущий за всё остальное человечество Китай. С другой стороны,

АТР станет ареной реализации, точнее – попыток реализации, масштабных интеграционно-экономических проектов. Кстати, вовсе не факт, что они закончатся более удачно, чем предыдущие масштабные интеграционно-экономические проекты в этом регионе.

И ещё. Для этого нет никаких объективных оснований, но почему-то меня не покидает ощущение, что ***решился всё, тем не менее, на Ближнем Востоке, в Причерноморье, в Центральной и Восточной Европе.*** Впрочем, как всегда именно здесь всё и решалось. Не думаю, что в 2016-м, но не исключено, что важные повороты в развитии событий мы увидим именно в этом году.

Молдавия как мост между ЕС и Россией

О политике США в Тихоокеанском регионе и итогах года в Причерноморье рассказывает доктор юридических наук, профессор, директор Института стратегических исследований Европейского университета Молдовы, президент Молдавской Ассоциации международного права, бывший Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Молдова в ФРГ, Испании, Дании **Александр Буриан**.

– Назовите, пожалуйста, главные, на Ваш взгляд, события года. Основная тенденция – можно ли ее выделить?

– Пожалуй, среди событий 2015 года можно выделить три-четыре наиболее важных, которые, на мой взгляд, оказали наибольшее влияние на ход мировых событий и на процесс перераспределения сил в мировой системе международных отношений, приближая его переход от однополярности к многополярности. К ним можно отнести вступление ВКС России в сирийскую кампанию и инцидент с российским бомбардировщиком СУ-24М, сбитый турецкими ВВС; «ядерную сделку» по Ирану; миграционный коллапс в Европе и парижские теракты, а также заключение Соглашения о Транс-Тихоокеанском Сотрудничестве (Trans-Pacific Partnership Agreement). Каждое из этих событий имеет знаковое значение, так как их влияние на ход мирового переустройства будет ощущаться в ближайшее десятилетие.

Вступление ВКС России в сирийскую кампанию затронуло несколько кардинальных вопросов нынешнего мироустройства, связанных с постоянным нарушением Устава ООН со стороны США и их союзников в попытках «продвижения демократии» во всем мире путем организации сомнительных коалиций, призванных «навести порядок» в том или ином регионе или государстве (Ирак, Ливия, Афганистан, Йемен, Сирия и т.д.). Оно произошло согласно ст. 51 Устава ООН, по просьбе сирийского правительства, и это поставило под сомнение «законность» коалиции из 63 стран во главе с США, занимающейся «управляемым хаосом» в Сирии и имитацией борьбы с ИГИЛ (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.).

Принятие Советом Безопасности ООН постановления по Сирии, в котором делается акцент на мирное решение конфликта, дает основание полагать, что этот процесс сдвинулся с мертвой точки, и сторонам конфликта удастся объединить свои усилия, хотя попытки изолировать Россию продолжаются.

Инцидент с российским бомбардировщиком СУ-24М, сбитым турецкими ВВС, демонстрирует уровень противоборства разных сил в ближневосточном регионе и раскрывает методику и средства, которые используются различными игроками с целью взятия под свой контроль нефтеносных районов Сирии и Ирака. Речь здесь и об «османском наследии» Эрдогана, и о борьбе курдов за самоопределение, и о суннитско-шиитском конфликте, и о нефтепроводах и газопроводах, планируемых из Катара, Саудовской Аравии и Израиля в Европу, и о многих других замыслах и чаяниях местных и не только местных «князьков», «султанов» и даже президентов, реализации которых сильно мешает Россия, вступившая в кампанию на стороне официального Дамаска.

«Ядерная сделка» по Ирану знаменательна тем, что подтверждает бессмысленность «санкционной политики» США, так и не добившихся своих целей в противоборстве с Ираном. Отказавшись от идеи производства ядерного оружия, Иран получает право вернуться на мировой рынок энергоресурсов и усиливает свою роль в качестве региональной державы на Ближнем Востоке, что

может повлиять на баланс сил в регионе не в пользу США и его союзников.

Парижские теракты обострили до предела миграционную ситуацию в Европе, куда хлынули сирийские беженцы, и выявили острые организационные проблемы в институциональной структуре Евросоюза, которые, вкупе с финансовыми проблемами, ставят под вопрос будущность ЕС в существующем формате.

Для того, чтобы выжить в новом, изменяющемся мире, будучи способным конкурировать на равных с мировыми акторами, Евросоюзу нужна серьезная реорганизация и глубокое реформирование – начиная от необходимости обзавестись собственной армией, отличной от НАТО, введения общего бюджета ЕС, а не только общей монеты, проведения единой внешней политики ЕС, а не 28 внешних политик каждого государства-члена ЕС в отдельности, и кончая реорганизацией «Шенгенской зоны». На наш взгляд, если ЕС не удастся провести эти реформы, то его влияние на мировые процессы уменьшится.

Подписание Соглашения о Транс-Тихоокеанском Сотрудничестве – многостороннего соглашения о свободной торговле в Азиатско-Тихоокеанском регионе с участием 12 государств: Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили, Японии – по логике США, должно стать альтернативой АСЕАН и АТЭС. Это является продолжением американской политики по сохранению контроля над Тихоокеанской зоной и созданию экономического блока для противостояния растущему влиянию Китая и России.

Одновременно с этим ведутся переговоры между США и ЕС о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (Transatlantic Trade and Investment Partnership), многостороннем соглашении о свободной торговле между Европейским союзом и США. Если США удастся подписать и это соглашение, то роль ВТО будет снижена до минимума, и «торговые правила» в мире будут диктовать США, что явно противоречит интересам остальных стран.

Если же вернуться к теме о главной тенденции года, то можно сказать, что 2015-й обозначил продвижение мира от однопо-

лярности под эгидой США к многополярности. Вместе с тем, ситуация в мире стала более взрывоопасной и менее контролируемой, в отличие от периода «холодной войны», а также периода «одинокой сверхдержавности». И итоги ушедшего в историю 2015-го, к сожалению, подтверждают это.

– Что бы Вы назвали главным событием года в регионе Черного моря?

– В Черноморском регионе, к которому относится Молдавия, в 2015 году произошли многие события, которые могут отразиться на его развитии и в будущем году. Это и отмена «Южного потока», а потом и «Турецкого потока», что выводит на первый план проблематику энергетической безопасности региона. Это и продолжающаяся гражданская война на Украине, которая оказывает негативное воздействие на весь регион. Это и вступление в строй комплекса ПРО США в Румынии – очень опасное явление для всего Черноморского региона, так как *в случае конфликта между Россией и США наша зона может стать театром военных действий с применением ядерного оружия.*

Можно отметить и тот момент, что в 2015 году вступило в силу Соглашение об Ассоциации Молдовы с ЕС (его ратифицировали все 28 стран Евросоюза), что в совокупности с отменой визового режима между Молдавией и ЕС в 2014 году стало знаменательным событием. В год обострения отношений между Востоком и Западом, между Россией и ЕС, на европейском пространстве появилось место, где эти разногласия можно преодолеть. Молдавия в 2015 году – единственная страна в Европе, которая имеет безвизовый режим как с ЕС, так и с СНГ, а также входит в зону свободной торговли как ЕС, так и СНГ.

Имея статус постоянного нейтралитета и не желая вступать в НАТО, Молдавия имеет шансы стать тем маленьким мостом между Востоком и Западом, который позволит не терять связи между ними. Для этого осталось лишь подписать Соглашение об ассоциации Молдавии с Евразийским союзом, сохраняя откорректированное Соглашение об ассоциации Молдавии с ЕС, и продвигать дальше улучшение своих отноше-

ний как с Россией и другими странами СНГ, так и со странами Евросоюза.

С точки зрения прагматизма, такой мост между Востоком и Западом в период обострения отношений крайне необходим. Во времена «холодной войны» роль моста между Востоком и Западом выполняла Финляндия, которая сейчас, став членом ЕС, больше не может играть эту роль. К сожалению, политическая обстановка в Молдавии не способствует реализации этой идеи, так как нынешний политический класс настолько коррумпирован и некомпетентен, что даже и не пытается осознать суть происходящих в мире перемен, будучи занят лишь распределением портфелей в постоянно меняющихся правительствах.

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти?

– Действительно, события 2015 года развиваются очень стремительно. Власти не всегда успевают правильно оценить происходящее – не то что принять мудрые и правильные решения. Экспертное общество также не успевает следить за всеми событиями, к тому же оно, в основном, ангажировано, и дает лишь те оценки происходящим событиям, которые нравятся работодателям.

Необходимо большее количество независимых экспертов, к которым бы обращались властные структуры, так как неправильное восприятие событий приводит к принятию ошибочных решений, что является крайне опасным явлением в ядерно-информационном XXI веке.

– Исходя из всего этого, каков Ваш прогноз на будущий год для Причерноморья, России и мира?

– Будем надеяться, что разум возьмет верх, и во всем мире, в том числе и в нашем регионе, события будут возможно предсказывать и планировать с наименьшим уроном и негативными последствиями как для мирового сообщества в целом, так и для каждой страны в отдельности.

«Присутствие России в Центральной Азии постепенно усиливается»

В уходящем году Центральная Азия не была в центре общественного внимания, однако этот огромный регион остается сосредоточением множества болевых точек. Итоги и прогнозы представляет экономист, эксперт Российского совета по международным делам **Никита Мендкович**.

– С какими итогами подходит Центральная Азия к Новому году?

– 2015 год в Центральной Азии был отмечен постепенным усилением политического присутствия России. Это связано с комплексом из трех факторов. Первый из них – активизация сотрудничества по линии ОДКБ в рамках подготовки отражения атак экстремистов с территории Афганистана. После завершения вывода войск Международных сил содействия безопасности (возглавляемый НАТО международный воинский контингент – прим.) из Афганистана в 2014 году и фактического самоустранения Североатлантического альянса от борьбы с террористами, в регионе существенно выросла угроза атак экстремистов против постсоветской Центральной Азии. В течение последних двух лет было зафиксировано множество атак приграничной зоны Таджикистана и Афганистана, включая случаи убийства и захвата пограничников.

В мае после существенного укрепления позиций экстремистов в Кундузе и Бадахшане, граничащих с Таджикистаном, данная угроза достигла пика, что обусловило рост интенсивности сотрудничества по линии ОДКБ, включая военные учения в обстановке, приближенной к боевой, технический обмен, обучение специалистов союзных государств.

На текущий момент большинство экспертов склоняются к тому, что коллективные силы ОДКБ готовы к отражению внезапных вылазок боевиков через границу Таджикистана. Также Россия

и ОДКБ пытаются наладить сотрудничество против общих угроз с Туркменистаном и Узбекистаном, покинувшим Организацию несколько лет назад из-за политических разногласий с остальными государствами. К сожалению, сотрудничество с этими странами ограничено неофициальным информационным обменом, а их фактическая готовность к отражению вылазок боевиков с афганской территории неясна.

Отдельно следует отметить амбиции Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), к которой присоединились Индия и Пакистан. Это позволяет организации стать переговорной площадкой между двумя странами, в том числе по вопросу «афганского нейтралитета». Достижение согласия по этой проблеме упростило бы ситуацию в самом Афганистане, которую дестабилизирует поддержка спецслужбами Пакистана движения «Талибан».

– Какую роль играет в укреплении позиций России в регионе деятельность Евразийского Экономического Союза, предполагающего более глубокую интеграцию, чем Таможенный Союз, и присоединение к нему Кыргызстана?

– В перспективе обсуждается возможность вступления в Союз Таджикистана, а также заключение соглашения о свободной торговле с Узбекистаном. Рамочное соглашение ЕАЭС уже подписано с Вьетнамом, а заключение подобных договоров с Индией, Израилем и рядом других стран запланировано на ближайшие годы.

Для новых членов ЕАЭС – Кыргызстана и Армении – присоединение к проекту связано с шансом на привлечение крупных инвестиций. По кыргызстанским данным, в течение первых девяти месяцев 2015 года объем иностранных инвестиций в страну вырос более чем на 40%, причем и за счет капиталов евразийских стран, и за счет дальнего зарубежья. Кроме того, есть шанс значительно увеличить сбыт продуктов питания из «новых евразийских» стран в Россию, Беларусь и Казахстан.

В политическом контексте развитие евразийской экономической интеграции означает укрепление наметившегося блока не

только за счет наличия общих внешних угроз, но также общих хозяйственных интересов, которые позволяют добиться определенного экономического роста. Следует отметить, что представители США открыто заявляли, что рассматривают ЕАЭС в качестве формирования нового регионального Союза, который может ослабить американские позиции и даже выражали готовность вести с этим интеграционным проектом борьбу.

– Влияет ли на ситуацию в регионе проведение Российской военной операции в Сирии, косвенно повышающей безопасность региональных государств?

– Сирия и Ирак стали точкой притяжения радикалов из различных регионов, включая постсоветскую Центральную Азию. По имеющимся оценкам, регион покинуло более 2000 человек, прикнувших к экстремистам по различным причинам. Часть из них имеет стремление продолжить террористическую войну на родине. В Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане уже были зафиксированы случаи создания лицами, воевавшими на стороне радикалов в Афганистане и Сирии, экстремистских организаций, которые занимались не только вербовкой для участия в вооруженных конфликтах, но и подготовкой терактов, грабежами и рэкетом с целью финансовой поддержки зарубежных единомышленников.

Одним из центров привлечения постсоветских экстремистов в Сирии стала группировка «Фронт ан-Нусра», союзник «ИГ» (обе террористические организации запрещены в России – прим.), против которой были направлены первые удары российской авиации в ходе военного конфликта. Достаточно успешное развитие военной операции и последовательное наступление войск официального Дамаска позволяют надеяться на ликвидацию боевиков и лагерей по подготовке террористов на сирийской территории. Разгром основных сил экстремистов должен привести к сокращению их возможностей готовить террористические группы для заброски на постсоветское пространство.

Недавнее уничтожение в Египте группировки «Вилаят Синай», взявшей на себя ответственность за взрыв на борту российского самолета А321, и ее лидера Абу Мусаби, которое, предпо-

ложительно, было осуществлено египетскими войсками с использованием информации российских спецслужб, позволяет надеяться на рост безопасности России и ее союзников, включая государства Центральной Азии. Этот опыт будет гарантировать месть террористам со стороны союзников по ОДКБ.

– К чему готовиться Центральной Азии в 2016-м?

– Можно ожидать сохранения существующих тенденций – укрепления позиций России и евразийского интеграционного проекта, а также усиления противодействия со стороны США и Турции. Регионами наиболее острой борьбы интеграционного и анти-интеграционного векторов станут Таджикистан и Кыргызстан, где вероятны попытки радикалов перенести борьбу в политическое или даже насильственное поле, чего нужно стремиться избежать.

В наступающем году ожидается рост угроз со стороны Северного Афганистана. Возможно увеличение числа и даже масштаба пограничных инцидентов, остро встанет вопрос пресечения контрабанды афганских опиатов.

Однако вместе с негативными факторами есть основания ожидать углубления и развития экономического сотрудничества между региональными государствами, прежде всего, в рамках ЕАЭС. Это позволит не только активизировать обмен товарами и инвестициями, решать общие проблемы импортозамещения, но также общие транспортные, монетарные и хозяйственные проблемы. Кризис перепроизводства сырья в мире сейчас неблагоприятно сказывается на экономической ситуации, однако формирование единого регионального рынка позволит легче преодолевать шоки, исходящие из дальнего зарубежья.

Так или иначе, развитие ситуации потребует от экспертного сообщества повышенного внимания, беспристрастного изучения ситуации без учета идейной догматики и, наконец, умения мыслить на перспективу, чтобы уметь оперативно реагировать на события в регионе и сопредельных государствах.

**«Предстоящий 2016 год будет
одним из самых сложных»**

Не все представители экспертного сообщества видят итоги ушедшего года исключительно в радужном свете. Пессимистичными ожиданиями делится аналитик, кандидат философских наук **Азамат Джендубаев**.

– **Что, на Ваш взгляд, можно назвать главными событиями года?**

– Важнейшими событиями года стали обвал цен на нефть, начало вооруженной борьбы России с «ИГ» (запрещенная в РФ террористическая организация – прим.) и обострение отношений с Турцией.

Самый радостный итог – День Победы 9 мая обрел новое дыхание и стал поистине народным праздником благодаря «Бессмертному полку».

Самый печальный – как выяснилось, и это очень тяжело сознавать, ***наша роль в мировой экономике оказалась почти никакой***, несмотря на то, что мы обладаем колоссальными запасами мировых запасов природных ископаемых. Наша внешняя и внутренняя политика соотносятся по принципу «бублика» – успешный внешний контур и относительная пустота внутри.

– **Тенденции года – куда они направлены и к чему приведут?**

– Обозначу три основных. Во-первых, «снятие масок» с основных западных акторов геополитических процессов – США, стран Евросоюза и НАТО. В связи с событиями в Сирии стала понятна роль, которую играют «закулисные» хозяева и реальные спонсоры «ИГ», в полной мере проявилась экспансионистская политика НАТО против России. Во-вторых, начало возвращения Россией статуса мировой военной державы, имеющей свой независимый взгляд, а главное, силу влиять на ре-

альные процессы в области геополитики. Наконец, появление опасной тенденции обострения отношений России с Турцией как фактическим лидером тюркского мира и претендентом на лидерство в исламском мире. Это напрямую затрагивает тюркоязычные народы России, создает условия потенциального конфликта интересов центра и ряда субъектов РФ, в первую очередь – Татарстана.

– Что бы Вы назвали главным событием года в масштабах всей России?

– Как россиянин, проживающий в Москве, считаю, что важнейшим событием для России стало падение цен на нефть. Очевидно, что при той колоссальной зависимости российского бюджета от продаж углеводородов, которое сохраняется в России со времен СССР, последствия будут иметь системный характер.

То есть с большой долей вероятности может встать вопрос о кардинальном пересмотре принятого бюджета в сторону сокращения статей социальной поддержки и компенсаций инфляции. Фактически это уже наблюдается на примере лишь частичной индексации пенсий, а также попыток реформирования всей пенсионной системы в интересах бюрократии.

– Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти?

– К сожалению, ни на одном из перечисленных в вопросе уровней нет адекватной реакции на быстро изменяющуюся обстановку и нарастание проблем. Создается впечатление, что власть в лице президента и правительства не заинтересована в объективном анализе происходящих событий.

Власть слышит только то, что ей «удобно» слышать. Всё это ведет к тому, что нет проактивной политики, идет реагирование на уже произошедшие события. Это относится и к тому, что касается военной операции в Сирии. С пугающим упорством, то есть абсолютно непрофессионально, реализуется однобокая политика по физическому уничтожению враждебных России экстремистов, и в то же время *практически игнорируется идеологическая работа,*

ведущаяся, в лучшем случае, на примитивном пропагандистском уровне в «шоу-формате».

– Каков Ваш прогноз на будущий год для России и мира?

– Предстоящий 2016 год будет одним из самых сложных, поскольку ни одна из ключевых проблем, возникших накануне, не решена. Это касается, в первую очередь, экономики и внутренней политики России.

Несбалансированность довольно активной и во многом успешной внешней политики с решением стратегических проблем социально-экономического развития страны создает ощущение, что потеряно понимание того, что является целью, а что средством в деятельности высшего руководства страны. Внешняя политика – лишь средство для достижения главной цели, повышения уровня материального благосостояния, культурной и духовной жизни россиян, их уверенности в завтрашнем дне.

Самым неприятным «открытием», которое принес лично мне 2015 год, стало то, насколько мало зависит от нас мировая экономика, сколь малую роль мы играем даже на рынке углеводородов. Он уже перенасыщен, и ситуация будет только усугубляться, ведь впереди выход со своей продукцией Ирана, начало экспорта нефти Соединенными Штатами, всё более широкое внедрение технологий возобновляемых источников энергии.

Во всем этом негативе есть один принципиально важный позитивный фактор. *Есть надежда, что в нашем обществе будет переосмыслено и наполнено новым содержанием системное понятие социальной справедливости,* а также будет наконец-то осознано, что в XXI веке важнейшим условием успешного развития стран становится не количество «дырок в земле», то есть действующих скважин, а ум, то есть развитие человеческих ресурсов.

А это возможно только при помощи выстраивания адекватной времени системы образования, развития науки и внедрения современных технологий. И, что еще важнее, *наличие в политике вдохновляющих её граждан и народы идей, смыслов и целей.*

«Роль религиозного фактора как политического инструмента будет все больше и больше возрастать»

Подводит итоги ушедшего года и делится прогнозами на будущее казанский политолог и исламовед, эксперт Института национальной стратегии **Раис Сулейманов**.

– Назовите, пожалуйста, три главных, на Ваш взгляд, события года. Главная тенденция года – можно ли ее выделить?

– Среди событий, которые принято считать вехами, я бы назвал сворачивание военного конфликта на Донбассе, начало войны России против «Исламского государства» («ИГ», запрещенная в РФ террористическая организация – прим.) в Сирии и «холодную войну» между Россией и Турцией.

Несмотря на то, что все эти события касаются преимущественно внешней политики России, они непосредственно влияют на ситуацию внутри страны. И если обобщить эти вехи в истории 2015 года, истоки которых берут начало в 2014 году и будут продолжаться в 2016-м, то общей тенденцией этого года я бы назвал **вовлечение России в военно-политическое переустройство Ближнего Востока**. Страна участвует в большой игре в этом регионе, причем не в качестве политического актора, который действует исключительно на дипломатическом фронте (такую позицию Россия занимала в 2012-2014 гг., помогая удержаться законному правительству Сирии от окончательного свержения), но уже в качестве боевой силы, непосредственно задействованной на войне.

Учитывая, что война в Сирии имеет явно выраженный религиозно-идеологический окрас (именно так ее представляют наши противники, и, хотим мы того или нет, этот аспект все же присутствует), идеологический фактор неизбежно доминирует и будет доминировать дальше. **И если 2014 год прошел под знаком идеи «русского мира», то к концу 2015 года от этой идеологии российские власти отказались. Мы все больше говорим об «ИГ», о суннитах и шиитах, об их отличиях, об идеологических корнях противостояния в Сирии.** Это видно и по количеству публикаций на эту тему в Интернете и прессе, тематике передач по теле-

видению. Раньше это было частью дискурса небольшого круга специалистов-востоковедов, сейчас же к обсуждению подключилась масса людей.

2015 год заканчивается полной неопределенностью, обеспокоенностью и ожиданием потрясений в следующем году. Присутствует ощущение, что мы на пороге какого-то очень большого и кровопролитного процесса, который будет длиться долго, и не факт, что мы из него выйдем с минимальными потерями. И Донбасс, и начало нашего участия в Сирии – только «цветочки» этого большого предстоящего ожидания.

– Каковы общие итоги 2015-го?

– Итоги года не столь уж утешительны: наша страна не добилась существенных прорывов и результатов. Возможно, они будут в следующем году или в следующие годы – я хочу на это надеяться. Ведь отсутствие прорывов во внешней политике усугубляется серьезным экономическим кризисом внутри страны. И ладно еще кризис: население могло бы понять, что это плата за санкции, которые наложили на нас наши противники. Но кризис сопровождается просто апофеозом откровенной коррупции («дело Елены Васильевой и Анатолия Сердюкова» – типичный пример).

Ничто так не подрывает патриотизм граждан, как беззаконие, безнаказанность и несправедливость в своей стране. Люди могут потерпеть экономическую блокаду, но ощущение вопиющей несправедливости приводит к потере доверия правительству. У людей пропадает прошлогодний оптимизм, связанный с присоединением Крыма. Иногда выход находится в каких-то победоносных успехах во внешней политике, но в 2015 году таких пока нет: противостояние с Украиной не закончилось, его лишь заморозили, отложили в сторону, война с «ИГ» в Сирии не выиграна, а тут еще и отношения с Турцией испортились.

Начав противостояние с Украиной, мы заморозили конфликт на юго-востоке, не доведя его до логического конца. Внешнеполитическая стратегия России постсоветского периода – это создание по своим границам сети непризнанных или частично признанных государств, которые появились как последствия межнациональ-

ных конфликтов периода распада СССР. Приднестровье, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Донецкая и Луганская народные республики – эти государства Россия использует для давления на своих соседей или для того, чтобы выступать в роли арбитра в этом противостоянии. *Однако, на мой взгляд, те из них, которые сами просятся в состав России (Южная Осетия, ДНР и ЛНР, Приднестровье) следовало бы принять в качестве субъектов Российской Федерации.* Это было бы и логично, и политически целесообразно, и отражало бы настроения населения в этих республиках, и прибавило бы популярности правительству внутри России. Однако этого не сделано. Сколько уже было случаев, когда Россия могла бы это сделать, но отчего-то только с Крымом наше правительство решилось на такой шаг.

– Что бы Вы назвали главным событием года в вашем регионе? Как это отразится на его развитии в будущем году?

– Таковым мне видится стремление правящей в Татарстане этнократической элиты сохранить наименование должности президента республики. Именно этой теме посвящались в течение года выпуски местных изданий и многочисленные публикации в Интернете, которые с еще большей силой актуализировались сегодня. Федеральный центр постоянно «ведется» на капризы казанского Кремля, идя на нарушение принятого им же самим федерального законодательства. Эта удивительная непоследовательность будет очень дорого стоить в будущем. Учитывая, что интрига сохраняется до сих пор, а в Казани со стороны элиты звучат уверенные заявления, по-видимому, этнократии удалось договориться о сохранении столь милого для ее тщеславия института президентства в Татарстане.

Напомню предысторию. Согласно федеральному закону «Об общих принципах организации представительных и исполнительных органов власти субъектов РФ», принятому еще в 2010 году, наименование государственной должности «президент» может быть только у главы Российской Федерации. Это означает, что во всех республиках их руководители должны изменить название своей должности с президента на любое другое. Был установлен

срок – до 1 января 2015 года. В республиках особенно мудрствовать не стали, и везде название должности стало – «глава».

Везде, кроме Татарстана. Власти Татарстана тянули с переименованием до самого конца декабря 2014 года. С помощью своих лоббистских возможностей казанскому Кремлю удалось получить отсрочку еще на один год – до 1 января 2016 года. Власти Татарстана с лихвой использовали это, чтобы максимально укрепить позиции для сохранения поста президента в республике. В сентябре 2015 года в Татарстане прошли выборы президента, результаты которых были использованы в качестве аргумента, чтобы сохранить название должности руководителя республики прежней: 94,4% избирателей проголосовали за Рустама Минниханова при явке в 84,2%. В казанском Кремле стали позиционировать это как своего рода референдум за сохранение института президента в Татарстане.

Затем стал использоваться еще один козырь – договор о разграничении полномочий между федеральными и региональными органами власти, заключенный по инициативе Татарстана и принятый в качестве федерального закона в 2007 году. Срок его действия – 10 лет, то есть заканчивается он только в 2017 году. Ну и поскольку только у Татарстана есть подобный договор с федеральным центром, то, соответственно, как минимум, до 2017 года вопрос о переименовании должности следует отложить.

На декабрьской ежегодной пресс-конференции президента России Владимира Путина журналистка татарстанской интернет-газеты «Бизнес Онлайн», близкой к казанскому Кремлю, задала вопрос о смене наименования должности президента Татарстана. «У нас ведь как говорят: хоть горшком назови, лишь бы в печьку не ставили, – сказал Владимир Путин, отвечая на вопрос казанской журналистки. – Это дело самого Татарстана. Я не думаю, что это так чувствительно, что это как-то заденет национальные чувства. Вы же знаете, как остро реагируют на свои национальные чувства народы Кавказа. Но вот Чечня сказала: «Нет. У нас в стране должен быть один президент. Мы по-другому сделаем в отношении первого лица республики». Это был выбор чеченского народа. Мы

с уважением отнесемся к любому выбору народа Татарстана. Поэтому, вы сами там решайте, ладно?».

Ответ Путина прозвучал очень двусмысленно: то президент России указывает на пример Чечни, где Рамзан Кадыров одним из первых поменял название своей должности с «президента» на «главу», то говорит, что «это дело самого Татарстана», что «вы сами там решайте». Эти слова президента России будут интерпретированы казанским Кремлем только в свою пользу. ***Похоже, что Татарстан сумел пролоббировать сохранение названия должности для Минниханова.***

Вывод, который напрашивается из всей этой истории, таков: во-первых, российских чиновников, должность которых называется «президент», по-прежнему остается двое; во-вторых, федеральные законы действуют в России не во всех ее регионах; в-третьих, юридическое неравноправие регионов позволяет считать Россию асимметричной этнофедерацией.

Возникает резонный вопрос: откуда такое упорство со стороны властей Татарстана? Почему этнократия так рьяно борется за то, что бы называть руководителя региона именно «президентом»? Ответ следующий: Татарстан хочет максимально сохранить за собой все атрибуты государства, вплоть до их названий. Ведь идея стать независимым татарским государством, идея суверенитета от России – все это осталось не только на уровне внутренних желаний элиты. Есть и реваншистский настрой. Ведь если в России случится революция, тот же «майдан», о котором столько говорят, повторение 1991 года, только теперь в виде развала России, то у Татарстана, как, видимо, кто-то считает, будут все институты полноценного государства, чтобы уйти в «свободное плавание».

– Если сравнивать итоги нынешнего года с предыдущим, возникает ощущение, что ход событий стремительно ускоряется. Успевают ли за событиями экспертное сообщество, общество, власти?

– Действительно, есть такое ощущение. Сегодня крайне сложно прогнозировать события даже на полгода вперед, потому что ситуация меняется стремительно и порой очень неожиданно.

Приведу несколько примеров. Разве кто-нибудь в декабре 2013 года мог сказать, что в первой половине 2014 года на Украине произойдет государственный переворот, ее законно избранный президент сбежит из страны, Крым будет присоединен к России, а на юго-востоке Украины появятся две самопровозглашенные республики, после чего там начнется война и в Россию переедет полмиллиона беженцев?.. Да никто такого не мог предвидеть. Ни один политолог, ни один эксперт по Украине не мог подобного спрогнозировать.

Другой пример. Мог ли кто-то еще в августе 2015 года сказать, что через месяц Россия начнет войну в Сирии против «ИГ»? Ответ: никто такого представить не мог, ни один арабист, востоковед, эксперт по международным отношениям. А мог ли кто-то из аналитиков, экспертов, туркологов 23 ноября 2015 года сказать, что со следующего дня отношения между Россией и Турцией окажутся в состоянии «холодной войны», причем никого не будет волновать, что все последние 15 лет связи между странами были самыми продуктивными за всю историю российско-турецких отношений? Опять же никто такого ни предвидеть, ни спрогнозировать не смог.

Все это я говорю к тому, что, если сейчас наши отношения с какой-нибудь из стран партнерские, это не значит, что завтра у нас не может быть конфронтации. Допустим, сейчас у нас хорошие отношения с Ираном. Но есть ли гарантия, что они не испортятся, например, в следующем году? Никто такой гарантии дать не может. Сегодня у нас взаимовыгодные отношения с Китаем, Казахстаном или Белоруссией, а завтра они запросто могут испортиться.

События, действительно, очень быстро развиваются и меняются стремительно. Эксперты, внимательно анализирующие ситуацию в той или иной области, порой оказываются в ситуации, когда не в состоянии спрогнозировать возможные изменения. Просто потому, что политика может настолько резко эволюционировать и быть столь многовекторной, что реагировать остается только ситуативно. Иначе экспертное сообщество может оказаться в ситуации, когда давался один прогноз развития событий, исходя из анализа текущей ситуации на сегодняшний момент, а завтра

при повороте политики страны этот прогноз оказывается полностью не соответствующим новой реальности.

При таком ускоренном развитии событий экспертам следует анализировать ситуацию, просчитывать сценарии ее развития, оценивать конфликтный потенциал и масштаб возможной угрозы даже там, где, казалось бы, сейчас всё хорошо. Допустим, у нас хорошие отношения с Белоруссией, но уже сейчас следует изучать возможность резкого поворота Минска против России, анализировать те группы в белорусском обществе, которые настроены против РФ. Это надо делать, чтобы быть готовыми к этому, знать расстановку политических сил, а самое главное – поддерживать тех, кто не скрывает своих симпатий в отношении России. Это ведь наша «мягкая сила». Если экспертное сообщество не будет изучать все возможные варианты развития событий, в том числе и худшие, то, во-первых, грош цена экспертам, которые предпочитают смотреть на все только в розовых очках, а, во-вторых, в случае скачкообразного развития ситуации, эксперт не успеет быстро дать анализ новой реальности.

Если год назад мы были воодушевлены идеей «Русского мира», ожиданиями собирания русских земель (население России после воссоединения Крыма надеялось, что и восток Украины присоединится, да и там тоже были пророссийские настроения), то к концу 2015 года об этом говорить уже не приходится. Проект «Новороссия», похоже, свернут, и получается, что сейчас нас должна волновать защита арабов в Алеппо, а не русских в Донецке.

К этому добавляется падение уровня жизни в России: да, пока население согласно терпеть и высокие цены в магазинах, и коммунальные расходы, и рост безработицы, и коррупцию, а также имитацию борьбы с ней, но ведь всем понятно, что это ненормально. Нам так долго говорили, что беда российской экономики в том, что она зависит от цен на нефть, что нужно развивать свою промышленность, чтобы продажа нефти не была основной строкой пополнения бюджета, но за столько лет для этого ничего не сделано, никакого наукоемкого и высокотехнологического произ-

водства мы не видим. Какой смысл от Сколково и нанотехнологий, если отдачи все нет и нет?..

– Прогнозировать, как Вы заметили, сейчас довольно сложно, и все-таки – каков Ваш прогноз на 2016 год для Вашего региона, России и мира?

– Полагаю, что война в Сирии потребует от России ввода сухопутного воинского контингента, поскольку очевидно, что только с помощью авиаударов по позициям боевиков «ИГ» освободить захваченную ими территорию невозможно. Соответственно, велика вероятность, что участие России в войне в Сирии продолжится, и не факт, что мы однозначно выйдем из нее победителями.

Проблема в том, что наша военная операция проходит на фоне российско-турецкого противостояния. Сирия – одно из мест, где конфликт Анкары и Москвы может принять открытый военный характер. Война может носить гибридный характер, т.е. без открытого объявления войны сторонами. Так мы участвовали в войне на Донбассе: официально отношения России и Украины не были разорваны, объявления войны друг другу не было, но в реальности она шла при том, что Россия официально не признавала своего участия. Точно такой же вариант вполне реален и в Сирии, где та же Турция может действовать через сирийских туркоманов или «ИГ», снабжая их оружием, деньгами через покупку нефти, добровольцами, военными инструкторами.

Война в Сирии не имеет такой популярности в России, как это было в случае войны на Донбассе и в период присоединения Крыма. 2014 год был временем геополитического реванша и успеха. Мы видели искренний подъем патриотизма. Люди приходили на митинги в поддержку воссоединения Крыма с Россией и войны в Новороссии не только по разнарядке, как это обычно практикуется, но и абсолютно искренне. Но посмотрите, от того, что мы начали войну в Сирии, такого ликования нет. До сих пор ведь нет объяснения, почему надо было неожиданно свернуть все на юго-востоке Украины и немедленно вступить в войну на Ближнем Востоке.

Обоснование дается такое: цель России в сирийском конфликте – побороть «ИГ» и помочь нашему союзнику Башару Аса-

ду восстановить суверенитет над всей территорией страны. Самое непонятное: почему нельзя было провести военную операцию против радикал-исламистов, например, в 2012-2013 гг.? Тогда «ИГ» не был такой грозной силой, какой он является сейчас, а Асад контролировал не 20% территории своей страны, как сегодня, а гораздо большую площадь. Наконец, тогда у нас не было жесткого военного противостояния с соседней Украиной, как это вышло, начиная с 2014 года.

Получается, что, заморозив в одностороннем порядке вооруженный конфликт на Донбассе (заметьте, Киев не собирается смириться с существованием ДНР и ЛНР – Украина планирует восстановить свою территориальную целостность, и сейчас накапливает оружие и силы), мы начали войну в далекой от наших рубежей стране. Очевидно, что война в Сирии будет никак не короче по времени, чем война в Чечне. Одно дело – помогать Башару Асаду поставками оружия, боевой техники, военными инструкторами, другое дело – самим ввязываться в войну. Отдельными авиаударами «халифат» не уничтожить: неизбежно будет наземная военная операция. «ИГ» нам, безусловно, враг, но он имел одну положительную особенность – туда уезжали все ваххабиты из России, готовые взять в руки оружие.

Вы задумывались, почему террористическая активность в Татарстане, нараставшая в 2010-2013 гг., резко снизилась в 2014-2015 гг.? Радикалы, настроенные воевать, уехали в Сирию, пополнив ряды «ИГ». Они мечтали жить в «халифате» и реализовали эту мечту, причем многие там и погибли. Прогнозы о том, что война в Сирии может стать для России «вторым Афганистаном», имеют под собой основания и аргументы в большей степени, чем возражения тех, кто говорит, что этого не повториться. Просто война в Афганистане длилась 10 лет, а сейчас, как Вы сами отметили, события развиваются стремительно и скоротечно, война может быть менее длительной, но и не факт, что победоносной. Хотя я все-таки надеюсь, что мы достигнем тех целей, которые ставим: уничтожения «ИГ» и восстановления суверенитета законного правительства Асада над всей территорией Сирии. Хотя последнее сейчас активно

обсуждается: на фоне российско-турецкого конфликта велика вероятность появления Курдистана, соответственно, Башару Асаду придется смириться с его появлением.

Очевидно одно: ***война в Сирии против «ИГ» будет не короткой и победоносной кампанией, а бою, что серьезной и долгой.*** Именно поэтому можно ожидать попыток организации терактов со стороны «Исламского государства» в России. В ноябре 2015 года пропагандисты «ИГ» выпустили два видеоролика, в которых одной из целей боевиков обозначен Татарстан. К слову сказать, с территории Поволжья на «джихад» в Сирию уехало, если верить данным ФСБ на сентябрь 2015 года, 200 мусульман. Некоторые из них уже начали возвращаться домой, и пока, к счастью, правоохранным органам удастся их вовремя задерживать и осуждать. Однако ***заявлять, что угрозы террористической активности в Поволжье однозначно нет, никто не станет.*** Поэтому для Поволжья 2016 год пройдет под угрозой активности «ИГ» в регионе и мерах противодействия ему. Сейчас есть понимание реальной угрозы со стороны как властей, силовиков, духовенства, так и населения.

Для России это будет временем последствий нашей политики на Украине и на Ближнем Востоке: либо мы будем пожинать успехи, либо нас ждут провалы. Причем последние вероятны при нарастании экономического кризиса в стране накануне парламентских выборов. Кстати, возможен вариант повторения «белоленточных» массовых акций протеста, как это было в 2011-2012 годах, только, вероятно, в другом формате.

А для всего мира 2016 год будет временем продолжения столкновения цивилизаций, что мы наблюдали и в текущем году. Роль религиозного фактора как политического инструмента будет все больше и больше возрастать, и именно он станет доминирующим для человечества.

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК

Научное издание

Итоги-2015: беды и победы

Ежегодник Кавказского
геополитического клуба

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ **Яна Амелина**, секретарь-координатор
Кавказского геополитического клуба

Фотография на обложке: Дмитрий Виноградов, РИА «Новости»

Дизайн, верстка: *М.А. Ясакова*

Подписано в печать 01.03.2016. Формат 60х88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,25. Уч.-изд. л. 23,12. Тираж 300 экз.

Центр стратегической конъюнктуры. **centerconjuncture@gmail.com**
141202, МО, г. Пушкино, ул. Набережная, д. 35, корп. 6. +7(906) 075-00-22

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059